

АЖИВЫЕ ЗЕРКАЛА

*Зрительница,
чтобы выжить*

Дейзи Вэнити

Annotation

Лондон, 1847 год.

Мистер Уоррен – настоящий аристократ криминального мира – подбирает на улице бездомную девочку, сиротку семи лет, которая называет себя Уинифред. Малышка оказалась смышленной, и хозяину удается обучить ее всем премудростям шпионажа.

Спустя десять лет рядом с хозяином Уинифред держит лишь страх. Она мечтает уйти от него и начать новую жизнь. Но как это сделать, если за душой лишь пригоршня монет, а люди хозяина отыщут тебя, где бы ты ни скрылась?..

Во время очередного задания Уинифред встречается Теодора Дарлинга – обаятельного молодого аристократа. Тот предлагает девушке работать на него, а взамен обещает разделаться с мистером Уорреном и освободить ее. Предложение заманчиво, вот только Дарлинг не так прост. Куда он постоянно уезжает? Почему уходит от ответа каждый раз, когда она спрашивает о его семье? Похоже, юной шпионке нужно опасаться обоих хозяев, иначе ей просто не выжить...

«Авантюрный роман, полный загадок и семейных тайн, или остросюжетный триллер в декорациях викторианской Англии? Динамичный и захватывающий симбиоз жанров с неожиданной развязкой, от которой захватывает дух». – *Ирина (@irinalitvin)*

«Лёгкий захватывающий детектив про Лондон XIX века, который погрузит вас в будни выдающейся шпионки Уинифред. Вместе с ней вы пройдёте путь от жизни в притоне до балов в богатых районах города. Прочувствуете вкус любви и предательства и встанете перед самыми сложным выбором в жизни: семья или любовь?» – *Марина (@from_neverwhere)*

«Безумная, мрачная шпионская история. История о ненависти, любви и справедливости. История, где есть место надежде и сбывающимся мечтам». – *Екатерина (@ekaterinaskvortsova_)*

«Роман заберет всё ваше внимание и окунет в загадочную атмосферу Лондона XIX века! Знатные балы аристократов столкнутся с миром бедности, а связующим звеном станет отважная юная шпионка, которая пойдет на всё ради мести! Захватывает и не отпускает до самой последней страницы!» – *Екатерина (@ktrn.books)*

«Этот роман заставит вас погрузиться в шпионские игры и гадать до последней страницы, кто на самом деле каждый из героев. А в конце вы обязательно полюбите Винни и Дарлинга – Бонни и Клайда позапрошлого столетия». – *Саша Керн (@bookimania)*

- [Дейзи Вэнити](#)
  -
  -
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Из книги «Язык цветов:](#)
  -
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

- [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
-

Дейзи Вэнити

Лживые зеркала

© Вэнити Д., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

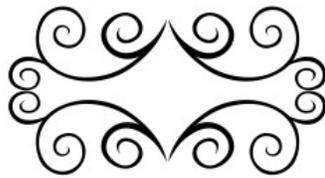

Дейзи Вэнити с самого детства мечтала стать писательницей. Приходящие на ум идеи она записывает в заметки на телефоне, и впоследствии из них складываются рассказы, очерки и романы. Найти Дейзи можно в телеграм-канале @daisyintrouble, где она рассказывает о прочитанных книгах и делится процессом написания собственных романов.

*Как, зеркало, ты, лживое стекло,
Равняться с ней позволить мне могло?*

Уильям Шекспир

«Сон в летнюю ночь»

*Зорко одно лишь сердце.
Самого главного глазами не увидишь.*

Антуан де Сент-Экзюпери

«Маленький принц»

Глава 1

Поручения и галстуки

Лондон, 1857

В лавке подержанных дамских туалетов было темно, портнихе приходилось низко склоняться над платьем, чтобы разглядеть шов. Уинифред, сидевшая у окна и от скуки пытавшаяся поймать собственное отражение в мутном, засиженном мухами стекле, начинала злиться. Нерасторопная портниха сняла с нее последние мерки еще час назад – и все никак не могла закончить.

– Долго еще? – с недовольством спросила она, постукивая по полу ножкой.

Швея взглянула на нее исподлобья и лизнула нитку.

– Почти готово, мисс. Только кружева на рукаве остались.

– Пошевеливайтесь.

Портниха еще ниже склонилась над шитьем, и Уинифред удивилась, как женщина до сих пор не выколола себе глаз.

Голубое бальное платье в ее руках наверняка попало в лавку после смерти какой-нибудь богатенькой леди. Мистер Уоррен приобрел его специально для сегодняшнего вечера, наряд ушили и отделали по последней моде. Уинифред представила, сколько хозяину могла стоить такая переделка, и ей стало не по себе.

– Готово, мисс!

Сияя, женщина поднялась и расправила платье. У Уинифред на секунду перехватило дыхание – до чего же оно было красивым! Небесно-голубой шелк под слоем газа был невесомо расшит райскими птицами, а по плечам, коротким рукавам и воланам юбки струилась белая пена кружев. Ей захотелось потрогать складки, но вместо этого она вздернула подбородок и надменно взглянула на портниху.

– Кто-нибудь в городе мог видеть его на прошлой хозяйке?

– Нет, мисс. Вернее... Я так его переделала, что никто в жизни не узнает, – извиняющимся тоном ответила она.

– Упакуйте, – равнодушно обронила Уинифред и отвернулась к окну, хотя внутри у нее все пело. Ей не терпелось поскорее примерить

это прекрасное, восхитительное платье. И пускай даже кто-то видел его – неужели это такая уж редкость, чтобы две лондонские модницы одевались у одной модистки?

Завернув наряд в папиросную бумагу, портниха водрузила сверток ей на руки.

– Этот шелк очень маркий, не запачкайте его ненароком, мисс.

– Если мне понадобится ваш совет, я обязательно вам об этом сообщу, – процедила Уинифред.

Ее вдруг взбесили и швея, и грязная дешевая лавка, и даже приятная тяжесть свертка с платьем.

– Извините, – пролепетала женщина. Ее увядшие щеки вспыхнули румянцем. – Я могу вам чем-нибудь еще помочь?

Так-то лучше. Уинифред холодно отказалась и поспешила прочь из лавки, брезгливо приподнимая юбки. Она не так давно вылезла из этой грязи, чтобы забыть, как сложно ее отстирать, напоминания ей не требовались.

От лавки до ее дома было меньше квартала. Комнатка, в которой обитала Уинифред, располагалась в «Рассвете» – публичном доме, который держал ее хозяин, мистер Уоррен. В его владении были опиумные притоны в Чайна-тауне, публичные дома в Сохо, рабочий кабинет в Сити и оружейные лавки по всему городу, но больше всего он почему-то любил именно «Рассвет» – свое первое детище, первое приобретение. Почти всегда его можно было найти здесь – в душном темном кабинете, похожем на исповедальню. Подле себя он поселил и Уинифред, свою шпионку.

Она не любила свое жилище, хоть это место было не из худших. С улицы доносилась такая вонь, что она взяла себе за привычку проветривать комнату только после дождя. Иногда по ночам прямо у нее под окнами раздавались истошные крики, как в Уайтчепеле, который она будто и не покидала. Но здесь было чисто, сухо, а самое главное – вся комната была в ее безраздельном распоряжении.

До семи лет Уинифред жила с родителями и девятью братьями и сестрами в трущобах, в крошечной комнатке без света и мебели. Когда вся семья умерла от холеры, она – крошечный, хилый ребенок – выжила, и ей ничего не оставалось, кроме как отправиться на поиски помощи. И никто не обещал, что ей понравится человек, который предложит эту помощь. Ей вообще никто ничего не обещал.

Игнорируя несмелое приветствие их вышибалы Боуди, Уинифред зашла в «Рассвет» через черный ход. У себя в комнате она бросила сверток с платьем на кровать и торопливо разделась. В последние годы ей удавалось хорошо питаться, и она больше не походила на того заморыша из трущоб. Даже звали ее теперь по-другому.

За годы работы Уинифред многому научилась, но такими умениями не хвастаются в салонах или на приемах, их не демонстрируют гордым родителям и не рассказывают о них друзьям. Зато эти навыки высоко ценятся теми, кто знает, как ими пользоваться.

Уинифред умела бесшумно дышать, незаметно красться и вскрывать замки. Она была великолепной физиономисткой и по одному только выражению лица понимала, что у человека на уме. Ей по силам было в три счета выпутаться из любого узла и с такой же легкостью завязать свой. А еще она была способна читать по губам, запоминать малейшие детали о собеседнике и в точности воспроизводить недавний разговор вплоть до интонации собеседника. Вытравив из своей речи родной кокни, лондонский диалект низов, она приобрела другой – протяжный манерный говор высшего общества.

Слава о таинственной шпионке Уинифред Бейл распространилась по всему преступному Лондону. Она подозревала, что мистер Уоррен нарочно пускал о ней слухи, чтобы припугнуть конкурентов. Лишь немногие знали, кем она была на самом деле – семнадцатилетней сироткой родом из трущоб.

Хотя она не занималась проституцией, ей перепали от хозяина кое-какие роскошные вещицы. Сейчас, например, Уинифред нашла возле двери своей комнаты новую пудреницу, веер с экраном из шелка и десяток золотых, острых, как иглы, шпилек. Она снова подумала о том, что мистер Уоррен изрядно потратился для этого вечера, и у нее закололо шрам на предплечье.

До выхода оставалось три часа, и она решила заняться прической. Единственное ее зеркало недавно разбилось, и плести приходилось вслепую. Уинифред уложила волосы на затылке в пучок из кос и обрамила локонами лицо. Золотыми шпильками она прикрепила к прическе крошечные бутончики белых роз и цветы амариллиса, которые Боуди принес сегодня утром.

Несмотря на предостережение портнихи, она собралась надеть платье, припудрив лицо. В дверь постучали. Уинифред с раздражением

опустила наряд на кровать.

– Войдите!

В комнату заглянула Марта, ее ближайшая соседка.

– Мистер Уоррен хочет тебя видеть, – без церемоний сообщила она и захлопнула дверь.

Между Уинифред и девочками «Рассвета» установились не самые теплые отношения. Они завидовали тому, что ей повезло с работой больше, а сама Уинифред не любила никого, кто бы не выказывал ей любезность.

Что еще могло понадобиться мистеру Уоррену? План был разложен по полочкам и досконально вызубрен. Уинифред научилась ходить, как леди, говорить, как леди, и падать в обморок, как леди. В хорошем платье ее нельзя было отличить от дочери герцога. А платье сейчас у нее было преотличное.

Снова натянув свой обычный креп, Уинифред поспешила вниз по лестнице.

На первом этаже «Рассвета» было теплее, чем в комнатах наверху. Горели тусклые газовые лампы, пол устлала дешевые, рыжие от дыма ковры. Но стоило подняться, и в ноздри ударял затхлый душок, какой имеет каждый старый деревянный дом в Сохо. Уинифред лишь надеялась, что новенькое платье им не провоняет.

Внизу на лестнице она столкнулась с двумя мужчинами. Мистер Хьюз следил за порядком в «Розе Востока», еще одном доме терпимости господина Уоррена, а мистер Парсон приглядывал за опиумными курильнями в квартале иммигрантов. Уинифред их ненавидела – оба были жалкими подобострастными лизоблюдами, способными лишь помыкать чужим имуществом. Она не удостоила мужчин приветствием, обогнула их, остановилась за углом и присела на корточки, чтобы потуже зашнуровать ботинок.

Вдруг один из мужчин выругался. Замерев, Уинифред прислушалась.

– Спесивая дрянь! Откуда в ней столько тщеславия?

Мистер Хьюз сплюнул, и она услышала шарканье подошвы по деревянной ступени.

– Как будто она чем-то лучше нас, – добавил мистер Парсон. – Конечно, собою она красавица, спорить не стану. Но ведь она простая посыльная, а держится среди нас, будто королева, черт подери.

– Держу пари, днем эта мерзавка разносит письма, а по вечерам подрабатывает в «Рассвете», – усмехнулся его собеседник, и оба захохотали.

Уинифред преспокойно затянула шнурок и поднялась, отряхивая платье от насевшей пыли. Слова мужчин ничуть ее не тронули – они смогли бы ранить ее достоинство, только если бы оно у нее имелось, а до ее самолюбия им было не дотянуться.

– Мистер Хьюз, – громко сказала она. – Советую вам отказаться от привычки плевать на ступени, иначе мне придется попросить мистера Парсона дочиста вылизать их за вами.

Мужчины замолчали и после краткой паузы поднялись на второй этаж, оставив Уинифред одну в коридоре.

Удовлетворенная, она постучала и, получив разрешение, вошла в кабинет мистера Уоррена. Он плотно занавешивал окна, выходившие на кирпичную кладку соседнего дома, и жег дешевые пахучие свечи из животного жира, так что в комнате всегда стояла густая неприятная полутьма. Уинифред сделала книксен и быстро выпрямилась, выжидающе глядя на хозяина.

Мистер Уоррен поднялся. В любом другом теле он показался бы грузным, но в своем он выглядел просто внушительным – плотно сложенный, высокий, с проседью в коротко остриженных волосах. Уинифред невольно затрепетала. Мистер Уоррен был хитер и опасен, как старый волк, которого рано списывать со счетов. Впрочем, никому и в голову не пришло бы этого делать.

– Здравствуй, Винни, милая.

Мужчина вышел из-за стола, присел на его край и поманил Уинифред к себе. Борясь со знакомым рвотным позывом, она послушно подошла. Мистер Уоррен обхватил ее за талию и привлек ближе, почти вжав ее в себя. Уинифред окатило тяжелым мясным запахом застарелого пота и табака – мистер Уоррен никогда не пил, но много курил. Хрустнула бумага. Уинифред задержала дыхание и задержала взгляд в одной точке – так было легче терпеть отвратительную близость.

Она отчетливо видела жилку на его шее. Не было ничего проще, чем вытащить из волос шпильку и вонзить ее туда. От одной этой мысли, которую она не сумела сдержать, ее прошиб холодный пот, поскольку Уинифред знала, что никогда не смогла бы этого сделать.

Она не произносила ни слова и ждала, пока мистер Уоррен заговорит первым. Тот опустил руку ей на бедро, очерченное складками юбки без каркаса, а затем змеиным движением поднял к декольте. Уинифред краем глаза следила за ним. Она не дышала, но не забывала делать характерные движения грудью, а то не дай бог ее хозяин подумает, будто над ним потешаются.

Мистер Уоррен взмахнул пальцами, и в его руке возник маленький конверт. Движение было стремительным, и Уинифред ничего бы не заметила, если бы ранее не услышала шорох бумаги. Теперь ее такими фокусами было уже не удивить, но она все равно округлила глаза, изобразив изумление.

Она позволила мистру Уоррену вложить конверт в свою ладонь и беззвучно вдохнула через рот. Наконец, отлепившись от нее, мужчина встал, обошел стол, бухнулся в свое кресло и взял перо. Его напускная веселость исчезла.

– Отдай это письмо одному господину на балу. На нем будет фиолетовый галстук, ты сразу его заметишь. – Он что-то написал на листе бумаги, вновь обмакнул перо в роговую чернильницу и уставился на Уинифред в упор. – Пароль прежний.

Интересно, почему он не назвал ей имени этого господина? Не хотел, чтобы она им заинтересовалась?

Уинифред изогнула губы в улыбке, которая должна была показаться смущенной, взволнованной и вместе с тем испуганной. Собственное лицо она изучила даже лучше чужих; более того, она им *владела* – каждой черточкой, каждым мускулом.

– Как прикажете, сэръ, – тихо произнесла она – верная, умелая, послушная. – Я вас не подведу.

Ответная улыбка мистера Уоррена была обманчиво теплой – в его глазах Уинифред увидела холод и сталь.

– Разумеется, Винни. И еще вот что...

* * *

К неудобствам, которые приходится ежедневно выносить великосветским леди, Уинифред принооровилась с поразительной легкостью, будто была для них рождена. Дышать быстро и мелко в

тугом корсете оказалось совсем несложно – своим дыханием, как и лицом, она овладела в совершенстве. Кринолин, намного шире того, который она обыкновенно носила, лишил ее маневренного преимущества, зато красиво расправил юбки и сделал похожей на огромное голубое пирожное. На один вечер, пожалуй, сгодится, но как носить такое всю жизнь?

С помощью кучера Уинифред изящно забралась в арендованный экипаж, продемонстрировав на ступеньке носки шелковых бальных туфель с деревянными подметками. Внутри ее ожидала мисс Гэмпстон, в тот вечер игравшая роль ее матери. Уинифред села напротив нее, расправила кринолин и, стараясь выглядеть непринужденно, стукнула костяшками по крыше экипажа. Щелкнули поводья, и он тронулся.

Мисс Гэмпстон было лет сорок. Она состояла на той же службе, что и Уинифред, – шпионила, доносила, подслушивала, играла. Обычно, чуть только девочки мистера Уоррена утрачивали первый цвет своей юности, он выставлял их вон – они становились ему не нужны. Мисс Гэмпстон была единственной, кто задержался, только теперь она торговала не телом, а секретами. Уинифред хотелось знать, что такого она сказала мистеру Уоррену, что он позволил ей остаться.

– Добрый вечер, – наконец с легкой улыбкой поприветствовала ее женщина.

Уинифред, испытав облегчение от того, что ей не придется здороваться первой, сдержанно ответила:

– Добрый вечер, мисс Гэмпстон.

Та наклонила голову. Светло-каштановые волосы были зализаны в простой низкий пучок. Она густо напудрилась, но белая пыль только подчеркнула складки на лбу и неровности кожи – признаки стремительно уходящей молодости. Бедняжка совсем не знала, как правильно прятать свой возраст. Но сегодня ей молодиться не требовалось.

– Я надеюсь, нет необходимости напоминать вам, что сегодня мое настоящее имя не должно звучать ни при каких обстоятельствах?

Уинифред презрительно сощурилась. Высокомерие этой женщины, возомнившей о себе невесть что, начинало ее раздражать. Почему она позволяет себе обращаться к Уинифред так, будто она какая-нибудь паршивая дилетантка?

– Разумеется, дорогая, будьте покойны.

Она позволила себе приторно-сладкую улыбку, коснувшуюся глаз. Не давая мисс Гэмпстон вставить и слово, она продолжила елейным тоном, который берут люди, раздраженные необходимостью разговаривать вежливо:

– Если вас это не затруднит, не пробежаться ли нам по основам? Мне бы не хотелось, чтобы на балу вы поставили себя в неловкое положение... тамап^[1].

Глаза женщины сверкнули, и Уинифред едва удержалась от торжествующей улыбки.

– Как вам будет угодно, – сухо ответила мисс Гэмпстон, стиснув веер так сильно, что Уинифред со злорадством вообразила, что он вот-вот разломится пополам. – Я – миссис Гертруда Оукс, вдова мистера Генри Оукса. Вы – его дочь Мэри-Энн. – Она говорила с неохотой, но не так сердито, как хотелось Уинифред. – В начале сезона вы были представлены ко двору. Если кто-нибудь спросит, почему раньше вас не видели, я отвечу, что болезнь на долгие недели приковала вас к постели. На балу нас представит мистер Финчи, он не знает деталей, но согласился оказать услугу господину Уоррену. Я должна помочь вам ускользнуть с бала, а затем так же незаметно вернуть на него. На этом все. Вы удовлетворены?

– Да-да, вполне.

Уинифред рассеянно улыбнулась, глядя куда-то мимо лица мисс Гэмпстон. Создалось впечатление, что она не слушала женщину вовсе. Ей захотелось съязвить насчет возраста своей спутницы, но она решила придержать колкость на тот случай, если мисс Гэмпстон не исчерпала запас своих.

– Позвольте задать вам вопрос?

Уинифред на секунду опустила ресницы и снова взглянула на собеседницу, на этот раз прямо.

– Разумеется.

– Вы еще не устали?

Помедлив с ответом, она приподняла брови, будто прекрасно уловила намек.

– Что вы имеете в виду?

– Всего лишь то, что спросила.

Мисс Гэмпстон отодвинула бархатную шторку; на ее лицо пролился свет уличных огней Челси. Она обернулась к Уинифред, и

той показалось, что в глазах женщины мелькнула насмешка.

– У вас такой тугой корсет, милочка.

– Нет нужды беспокоиться, – с холодной улыбкой заверила ее Уинифред и отвернулась, прикусив щеки.

Ей было невдомек, что старая кошелка имела в виду, и это приводило ее в бешенство. Одно было ясно наверняка: они обе принимали друг друга за совершенных идиотов.

Может, мисс Гэмпстон намекала на работу у мистера Уоррена? Нет, она бы не посмела. Тогда что же это? Неудачная шутка?

Попытавшись выбросить из головы глупое замечание, Уинифред поглядела в окошко, не боясь показаться чересчур восторженной – все-таки это и была ее роль на сегодня. Она наблюдала, как леди в роскошных туалетах и сопровождающие их джентльмены с бриллиантовыми булавками в галстуках поднимаются по мраморным ступеням особняка виконта Уилкиса. Любому наблюдателю даже издали стало бы ясно, что этой ночью здесь дают бал: высокие колонны были увиты плющом и розетками, рядом с белокаменными львами расставлены вазоны с цветами, из высоких окон лились свет, разговоры и звуки настраиваемого оркестра. Экипажи выстроились в длинную цепочку, тянущуюся аж с соседней улицы. Лошади нетерпеливо мотали головами и били копытами; возницы, скучая, покрикивали на них. Был уже поздний вечер, вот-вот должны были начаться танцы, а гости все продолжали прибывать.

Когда их экипаж наконец остановился перед входом, Уинифред быстро ощупала цветы в прическе, кивнула мисс Гэмпстон, и они выбрались на улицу. За все время ожидания они не обменялись ни словом.

Ледяной воздух опалил обнаженные руки и плечи, по ним побежали мурашки. Уинифред мельком глянула на мисс Гэмпстон, расправляющую свои черные шелковые юбки – ей как «вдове» полагалось носить траур. В ее маленькой костлявой фигурке сейчас было так мало благородного и прекрасного духа, присущего высшему свету, что Уинифред тихонько фыркнула и отвернулась.

– Предоставьте говорить мне, – посоветовала она и, расправив плечи, зашагала ко входу в особняк.

Внутри дом оказался еще прекраснее, чем снаружи. Войдя, Уинифред на секунду зажмурилась, чтобы не ослепнуть. После

темного, небогато обставленного, пахнущего табаком и индийской сладостью «Рассвета» убранство казалось ей по-королевски роскошным. Белый мрамор полов и ступеней в холле был отполирован до блеска, который не сумели скрыть даже сотни отпечатков ног. Проемы без дверей, такие широкие, что Уинифред пришлось бы развести руки в стороны, чтобы коснуться обеих сторон, были обшиты темным лакированным деревом. С изящно вылепленных белых потолков свисали тяжелые люстры из хрусталя и серебра. Обстановка кричала о богатстве и безукоризненном вкусе владельцев. Грудь Уинифред защемило от почти болезненного чувства зависти, и она опустила голову, не закончив рассматривать причудливую люстру и потолок с фресками. Она и без восхитительного убранства дома Уилкисов знала, что давать частные балы могут позволить себе очень немногие, и раздосадовалась на себя за падкость на блеск и помпезность.

Когда дворецкий объявил их имена – так громко, что почти заглушил звуки оркестра, – Уинифред приготовилась принять разом множество внимательных взглядов и даже нарочно приняла взволнованное и робкое выражение лица, которое ей очень шло. Но никто и головы не повернул. Бальный зал был таким огромным, что без труда вместил по меньшей мере три сотни гостей. На Уинифред уставились несколько человек, но и те вскоре отвели взгляд, отчего она почувствовала себя уязвленной.

Но к ним тут же порхнула хозяйка бала, леди Уилкис – полная приземистая женщина в летах, лично приветствовавшая каждого из гостей. Ее платье модного оттенка красного вина переливалось при каждом движении, а в ушах, на пальцах и на дряблой груди сверкали бриллианты и рубины. Уинифред и мисс Гэмпстон присели перед ней в книксенах.

– Добрый вечер, ваша милость, – произнесла мисс Гэмпстон, поднявшись.

Она вдруг преобразилась на глазах – в осанке появилось что-то неуловимо величественное, острый подбородок приподнялся, складки на напудренном лбу разгладились. Из падшей женщины, растерявшей с годами всю свою привлекательность, она превратилась в обыкновенную провинциальную дворянку вполне приятной

наружности, подыскивающую для своей дочки приличную партию. Столь разительная и мгновенная перемена позабавила Уинифред.

– Добрый вечер, ваша милость, – пискнула она, вторя спутнице.

Леди Уилкис улыбнулась обеим, но ее взгляд стал рассеянным. Она не узнала их, но никак не могла этого показать. Ничто так хорошо не удается высшему свету, как делать хорошую мину при плохой игре.

– Очень рада, что вы смогли прийти, – смущенно произнесла она, пожимая им руки с улыбкой столь сердечной, что никому и в голову бы не пришло, что она видит их обеих впервые в жизни. Своим радушием леди Уилкис с лихвой возместила более чем равнодушный прием гостей. – Очень, очень рада.

Не задерживая хозяйку, Уинифред и мисс Гэмпстон снова поклонились и прошли в зал – распорядитель уже объявлял следующих гостей. Они заняли удобное местечко у стены, откуда можно было великолепно обозревать все помещение. Ряд высоких столов украшали вазы с цветами и огромные подкрашенные розовым цветом глыбы льда с прожилками, напоминающими росчерки молнии. Уинифред случайно задела каркасом платья ножку стола, и лед на подставке угрожающе покачнулся.

Вот-вот должны были начаться танцы, а их так никому и не представили. Но Уинифред заметила, что на нее с интересом поглядывает молодой человек в красиво сшитом темно-синем сюртуке – и наверняка не он один. Подобные взгляды были для нее не в новинку.

Теребя кольцо веера, она вполголоса, почти не шевеля губами, спросила мисс Гэмпстон:

– Где Финчи?

– Пока не вижу его.

В воздухе витали запахи канифоли, свечного воска, человеческого пота и совсем чуть-чуть – свежих цветов. Гости Уилкисов беседовали и приветствовали знакомцев, всюду звенел смех, то и дело слышались обрывки разговоров про предстоящий званый ужин у леди Освальд, скачки, новую постановку в Королевском театре на Хеймаркете и о том, куда следует отправиться осенью – ведь, как всякому известно, оставаться в Лондоне после окончания сезона нет положительно никакого смысла.

Уинифред разглядывала толпу, то высматривая мужчину с фиолетовым галстуком, то гадая, может ли тот или иной джентльмен оказаться мистером Финчи. К столу неподалеку подошли двое мужчин, увлеченных разговором, – о чем именно они говорили, Уинифред не слышала. Одному из них, смуглому и угловатому, навскидку было лет тридцать пять; его собеседнику – высокому, невозмутимому – она бы дала около сорока. Сначала Уинифред безразлично скользнула по ним взглядом, но что-то насторожило ее в облике второго джентльмена. Сделав вид, что рассматривает уложенный кругами блестящий паркет, она склонила голову и присмотрелась.

Его воротник подвязывал фиолетовый галстук.

Сердце Уинифред екнуло. Вот он – адресат мрачного предупреждения мистера Уоррена!

Джентльмен наливал в резной хрустальный бокал воду, но вдруг его собеседник сказал нечто такое, отчего он рассмеялся и чуть не выпустил из рук графин. Улыбаясь и с напускной укоризной покачивая головой, он протянул другу запотевший бокал.

Черт бы побрал этого Финчи!

– Где же он? – сердито воскликнула Уинифред.

– Мужчина у зеркала. В темно-зеленом сюртуке.

Уинифред присмотрелась. Зеркальная стена находилась в самой глубине зала, но ей удалось разглядеть обладателя зеленого сюртука – плюгавого лысого человечка лет пятидесяти. Он был вовлечен в жаркий спор с двумя другими джентльменами и явно порывался уйти, но то и дело кто-нибудь из собеседников обращался к нему, и он оставался. Что-то говоря, Финчи повернул голову, встретился с Уинифред взглядом и осекся. Его лицо приобрело цвет спелого томата.

Она отвернулась, а через пару минут он возник рядом с ней. Вблизи Финчи оказался еще ниже... и еще лысее. Он запыхался от быстрой ходьбы, на висках выступила испарина.

– Добрый вечер, мисс Оукс, – учтиво поздоровался он, поклонившись. Мисс Гэмпстон он лишь коротко кивнул в знак приветствия. Вынув платок, Финчи быстрым жестом промокнул пот на лице. – Прошу прощения за задержку. Идемте, я представлю вас лорду Уилкису.

– Нет необходимости, сэра. – Уинифред бросила нетерпеливый взгляд на беседующих у стола мужчин. – Лучше представьте меня вон

тем джентльменам.

Финчи покосился в указанном ею направлении.

– Я их не знаю, мисс Оукс, – сказал он. – Позвольте лучше представить вас виконту.

Старый бесполезный олух. Можно было бы обойтись и без Финчи, раз он не знаком с единственным интересным ей человеком в этом зале.

– Что ж, ведите, – обронила Уинифред и поджала губы.

Их представили лорду Уилкису – тучному невысокому мужчине с усами пшеничного цвета, просто и со вкусом одетому. Он чем-то неуловимо походил на свою жену. Под тканью мокрой от пота перчатки угадывался широкий ободок обручального кольца. Его милость облизнул Уинифред руку, но зато очень мило улыбнулся. Его глаза расплылись в складках порозовевшей кожи и стали похожи на щелочки.

– Мисс Оукс, как вы находите Лондон? – поинтересовался лорд Уилкис, когда Финчи извинился и спешно откланялся, бросив на Уинифред испуганный взгляд.

– Он великолепен, сэр, – скромно восхитилась она, с усилием сосредотачивая взгляд на добродушном лице лорда Уилкиса.

Уинифред хотелось знать, ушел ли джентльмен с фиолетовым галстуком от стола? Придется ли ей теперь рыскать по всему залу в его поисках?

– Правду говорят: тот, кто не видел Лондона, не может зваться истинным англичанином!

Крякнув от удовольствия, виконт погладил ус – как и любой житель столицы, похвалу городу он всегда принимал на свой счет.

– Да-да, совершенно точно... Отлично сказано... – Он помолчал, явно подыскивая тему для беседы. – Вы, случаем, не из кентерберийских Оуксов?

– Из глостерширских, сэр, – ответила ему мисс Гэмпстон. – Мой покойный муж состоял в родстве с графом Беркли.

Виконт перевел взгляд с Уинифред на мисс Гэмпстон. Лицо его приобрело несколько кислое выражение, точно он удивился, как у *такой* матери вышла *такая* красавица-дочка.

– Да, разумеется... – Он вдруг распахнул светло-голубые глаза – такие яркие, какие бывают только у стариков. – Беркли! А вы, случаем,

не знаете, как нынче самочувствие леди Беркли?

Улыбка мисс Гэмпстон стала натянутой.

– Насколько мне известно, она чувствует себя гораздо лучше, чем в прошлом году, сэр.

– Неужели? – вскричал лорд Уилкис. – И это в девяносто с лишним лет! Как замечательно, миссис Оукс!

Воспользовавшись тем, что мисс Гэмпстон заняла хозяина бала беседой, Уинифред бросила взгляд на двух джентльменов. Они все еще беседовали у стола и, на ее счастье, явно не собирались покидать свое место. Угловатый молодой человек пылко жестикулировал, чем вызывал снисходительную улыбку своего собеседника. Тот глотнул воды из бокала и слегка ослабил галстук.

Уинифред обернулась к лорду Уилкису с обворожительной улыбкой. С ее губ уже была готова сорваться просьба представить ее тем двум гостям, но он ее опередил:

– Миссис Оукс, мисс Оукс! Позвольте представить вам моего доброго друга – юного Теодора Дарлинга! Мистер Дарлинг, это миссис Гертруда Оукс и мисс Мэри-Энн Оукс, наше новейшее открытие! Совершенно очаровательное создание, вы не находите?

Уинифред подняла глаза на гостя лорда Уилкиса. Молодой человек был высок и хорош собой, одет дорого, но аляповато – в сочетании с ярко-голубым жилетом и синим сюртуком его галстук *фиолетового цвета* выглядел образчиком дурного вкуса.

Мистер Дарлинг поклонился и взволнованно улыбнулся Уинифред.

– В самом деле, мисс Оукс, вы сущий ангел. Надеюсь, вы подарите мне счастье любоваться вами в первом вальсе?

Глава 2

Послания и пароли

– С удовольствием, сэср! – пролепетала Уинифред и сделала книксен, протягивая мистеру Дарлингу руку.

С ее запястья свисала бальная книжка на шнурке. Юноша подхватил ее и раскрыл, удерживая большим пальцем страничку. Она улыбалась, но настороженно следила за тем, как он вписывает свое имя на первую строку.

Наконец он выпустил книжку, позволив ей качнуться на изящно изогнутом запястье Уинифред. Свернутые треугольниками записки, вклеенные в обложку, держались крепко, и мистер Дарлинг их не заметил.

И что его, франта несчастного, дернуло нацепить фиолетовый галстук? Не может же быть, что это ему адресовано послание господина Уоррена? На вид он глуповат. И чересчур молод – ему было не больше двадцати лет. Уинифред почувствовала, что начинает сомневаться, и от злости впиалась ногтем большого пальца в указательный, чтобы болью прояснить голову.

Мистер Дарлинг не отрывал от нее взгляд, и Уинифред тоже присмотрелась к нему повнимательнее. На длинном узком лице с высокими скулами и впалыми щеками выделялись черные, густые, как смола, глаза. Изогнутые брови и робкий прямой рот придавали ему несколько жалобное выражение, будто он вечно чему-то удивлялся.

Несмотря на жирно блестящие от бриллиантина волосы и нелепый наряд, Уинифред была вынуждена признать, что мистер Дарлинг очень и очень красив. Что-то было искреннее и притягательное в его облике, отчего хотелось заглянуть ему в лицо, поймать на себе взгляд его невидимых в темноте радужки зрачков. Эта магнетическая сила образа мистера Дарлинга, захватившая ее на мгновение, привела Уинифред в ярость. Вонзив ноготь глубже в палец, она притворилась смущенной и отвела взгляд.

Заметив, что юноша взирает на Уинифред с нескрываемым восторгом, лорд Уилкис добродушно рассмеялся, и она, стараясь не выказывать раздражение, расправила плечи. Обычно столь явное

восхищение льстило ей, но только не сегодня – не хватало еще, чтобы этот дурачок волочился за ней весь вечер.

– Мистер Дарлинг, ваши друзья не почтут нас присутствием? Они ведь получили наши приглашения? – спросил его лорд Уилкис.

Мистер Дарлинг с усилием оторвал от нее взгляд и смущенно улыбнулся виконту. Улыбка у него была совершенно мальчишеская.

– К сожалению, не сегодня, сэр. Мистер Акли просил передать свои извинения.

С деланным неудовольствием лорд Уилкис покачал головой.

– Прискорбно, прискорбно... А что насчет мисс Саттон?

Он хитро прищурился и посмотрел на Уинифред, мол, сами видите – мистер Дарлинг среди лондонской молодежи нарасхват! Она сделала вид, что не заметила, а юноша заметно смутился и даже покраснел – на его бледной коже отчетливо проступил румянец.

– Я... я не знаю, сэр, – выдавил он. – Вероятно, она занята подготовкой к собственному приему.

– Да, возможно, возможно... – Лорд Уилкис заложил руки за спину и бросил сначала взгляд на оркестр, наконец-то закончивший свои приготовления, а потом заговорщически поглядел на мистера Дарлинга. – Кажется, скоро начнется вальс! Прошу прощения, мне нужно найти мою супругу. Леди... Мистер Дарлинг...

Они распрощались кивками и книксенами, и молодой джентльмен повернулся к Уинифред:

– Разрешите?

Бросив взгляд на мисс Гэмпстон, она приняла его руку и позволила вывести себя на середину танцевальной залы, где уже встали другие пары. Вздвинувшись улыбаясь, мистер Дарлинг встал напротив Уинифред. Она тоже улыбнулась ему, а потом, изображая смущение, опустила ресницы.

Как бы не перестараться с флиртом, а то к концу вечера он сделает ей предложение!

Когда заиграли первые такты вальса, мистер Дарлинг шагнул ближе и несмело положил ей руку на талию. Они придвинулись друг к другу, и Уинифред в нос ударил острый сладкий запах гардении – судя по всему, юноша вылил на себя не меньше половины флакона духов. Ей до смерти захотелось чихнуть. Чтобы сдержать позыв, она прикусила язык и задержала дыхание. Она едва успела положить руку,

в которой сжимала бальную книжку, на плечо мистера Дарлинга, и танец начался.

Движения ее кавалера были отточены и изящны; казалось, он даже не задумывается над тем, куда какую ногу поставить и как не столкнуться с другой парой. Уинифред пришлось хорошенько сосредоточиться, чтобы не сбиться или не отдалить мистеру Дарлингу ногу. Считая такты, она ждала, когда он заговорит, вдыхая оглушительно резкий аромат его одеколора.

– Как вы находите бал, мисс Оукс? – наконец спросил он.

Уинифред уже начала раздражаться эта его глупая смущенная улыбка. Из-за путаницы с галстуками каждая мелочь злила ее сильнее обычного. Она на мгновение задержала дыхание, чтобы нагнать румянца на лицо.

– Он просто превосходен, мистер Дарлинг, благодарю.

– Я счастлив... – Он сбился и опустил голову. – Я счастлив, что был удостоен чести первым танцевать сегодня с вами, мисс Оукс.

Бог мой, да он почти влюблен в нее! Больше польщенная, нежели раздосадованная, Уинифред подавила улыбку и, чтобы не встретить ненароком взгляд юноши, принялась рассматривать белую розочку в его петлице.

– Вы очень добры, мистер Дарлинг, – ответила она с легким придыханием в голосе.

Теперь ей хотелось потакать восхищению молодого человека, пускай он и был всего лишь получателем некоего послания. Если вообще им был.

Она поудобнее перехватила его плечо во время очередной фигуры и небрежно добавила:

– Признаюсь, я не ожидала, что бал так быстро меня изнурит. «Ночь скучная, меня ты утомила! Ночь длинная, убавь свои часы!»

– «О, заблести скорее на востоке, отрадный день»^[2], – с легким недоумением продолжил мистер Дарлинг.

Его пальцы крепче сжали ее талию, и она чуть не рассмеялась. Боже, какой образованный мальчик – без заминки оттабанил ей Шекспира! Ну, просто прелесть! Уинифред ненавидела ошибаться и особенно рада была сейчас тому, что не обманулась насчет мистера Дарлинга.

Пальцами руки, лежащей на плече кавалера, она выудила из бальной книжки крошечный конверт из кремовой бумаги. Когда танец закончился, Уинифред будто нечаянно провела ладонью по его груди, опустив послание в вырез сюртука.

– Прочтите, когда останетесь в одиночестве, – выразительно прошептала она.

Мистер Дарлинг не скрывал радостной улыбки. Снова предложив Уинифред руку, юноша проводил ее обратно к мисс Гэмпстон, поклонился и на прощание легко прикоснулся губами к затянутым в перчатку пальцам. В его движениях и выражении лица появилась почти детская нетерпеливость.

– Благодарю вас за танец, мисс Оукс, – поблагодарил он и скрылся в толпе.

Уинифред приосанилась и проводила его насмешливым взглядом.

Возле столов после танца собралось много людей, но господин в фиолетовом галстуке и его собеседник по-прежнему держались обособленно. Их позы, обращенные друг к другу, подчеркнуто препятствовали началу какого-либо разговора с посторонними.

Раздосадованная, Уинифред отвернулась от них – как раз вовремя, чтобы увидеть, как виконт, наклонившись к своей жене, что-то ей говорит. Леди Уилкис поискала глазами по зале и безошибочно остановила свой взгляд на Уинифред. Мисс Гэмпстон тоже заметила это и шепнула:

– Лорд Уилкис просит жену заняться вами. Думаю, вы ему приглянулись.

– И без вас вижу, – чопорно отозвалась Уинифред, тайно млея от удовольствия.

И в самом деле – вскоре леди Уилкис подошла к ним, будто невзначай назвала обеих по имени и предложила представить их группе джентльменов у столика. Казалось, что симпатия лорда Уилкиса передалась и ей – теперь женщина смотрела на Уинифред почти с материнской лаской.

Ее представили в том числе и двум интересовавшим ее джентльменам. Угловатого звали мистер Уоттс, а высокого, с галстуком – мистер Дейли. Ни один из них не обратил на Уинифред ни малейшего внимания. Холодно представившись, они продолжили свой

разговор, даже не подумав пригласить ее на танец или поддержать светскую беседу.

С другими джентльменами Уинифред станцевала сначала кадрили, затем менуэт. Каждый раз, возвращаясь к столу после танца, она ловила на себе удивленный взгляд мисс Гэмпстон, и понемногу ее охватывало отчаяние. Рассчитывать на вежливость мистера Дейли явно не приходилось.

Когда после менуэта ее пригласили на польку, она жалобно протянула:

– Ах, мне, наверное, придется пропустить следующий танец, сэр! Что-то мне дурно... Здесь так душно!

Кто-то тотчас же притащил стул, и Уинифред усадили рядом с глыбой льда, недалеко от мистера Уоттса и мистера Дейли. Мисс Гэмпстон, изображая заботливую мать, даже подала ей воды.

Джентльмены разбрелись кто куда. Рядом с ней, заложив руки за спину, топтался только один молодой человек, с красным носом и блестящими голубыми глазами. Он явно намеревался караулить Уинифред до того момента, пока она в достаточной мере не придет в чувство для того, чтобы принять приглашение на танец. Но ее такая преданность нисколько не тронула.

– Ах, тапан, будет полька! – В порыве чувств «Мэри-Энн» сжала костлявую руку «матери», и та опешила. – Как жаль, что вы не танцуете! Вы ведь так любите польку!

– Это правда, дорогая, – мрачно согласилась мисс Гэмпстон.

Она догадалась, на что намекала Уинифред, и явно была не в восторге. Как и ее поклонник. Юноша вздохнул, самоотверженно принимая свой долг.

– Могу я доставить вам удовольствие, пригласив вас на польку, миссис Оукс? – предложил он, с тоской посматривая на Уинифред.

Мисс Гэмпстон вяло согласилась, и они ушли. У стола осталась одна Уинифред, а в паре шагов от нее – мистер Уоттс и мистер Дейли. Обмахиваясь веером, она прислушалась к их разговору.

– Вздор! – с жаром заметил мистер Уоттс – более молодой джентльмен. – Тебя послушать – так никто ничего не смыслит в политике!

– Неправда, – насмешливо возразил ему мистер Дейли. – Я смыслю.

Его собеседник рассмеялся – коротко и резко, но совершенно искренне.

– Будет тебе, Том! Ты рассуждаешь так, будто судьба Ост-Индии уже решена!

Теперь Уинифред чуть не обмирала от нетерпеливого интереса. Совпадение ли, что тема разговора затронула второе задание, данное ей мистером Уорреном?

Мистер Дейли помолчал, а потом сухо произнес:

– О судьбе Ост-Индии ты можешь судить не хуже меня. Кому не очевидно, что птица не желает жить в клетке, а человек – на цепи? Вполне резонно, что Индия хочет независимости. И рано или поздно она ее получит.

– Рано или поздно! – подхватил Уоттс. – В том-то и загвоздка! Это письмо...

– Чарли, это письмо – выдумка для тех, кто не знает, продавать им свои бумажки или спешно скупать новые. Хватит об этом.

Мистер Дейли покосился на Уинифред. Мистер Уоттс взглянул на нее, будто впервые ее заметил, и презрительно вздернул губу. Его несимпатичное лицо от кислого выражения стало совсем некрасивым.

– Сомневаюсь, что мисс Оукс заинтересована в политике, Том, – с нарочитой отчетливостью произнес он, язвительно улыбнувшись Уинифред, отчего она закипела. – Но, разумеется, я могу ошибаться. Скажите, мисс Оукс, каково ваше мнение относительно колониальной политики Британии?

– *Чарли!* – укоризненно одернул его мистер Дейли, но тот только отмахнулся.

Уинифред задумчиво свела к переносице светлые брови и опустила бокал на стол.

– По правде говоря, я совершенно ничего в этом не смыслю, сэр. – Она глупо хихикнула и потупилась. – Разве что могу сказать про нашу королеву Викторию. Знаете, когда меня представляли ко двору, она была в таком замечательном бархатном зеленом платье, ну просто прелестном!

Мистер Дейли помрачнел, не сводя с нее пронизательного взгляда. Уоттс расхохотался, и Уинифред, продолжая прикидываться дуручкой, тоже засмеялась. Про королеву ей было известно не слишком многое. Только то, что по ее примеру все британские

девушки взяли за моду венчаться в белом, ее супруга Альберта вот-вот титулуют принцем-консортом, а новорожденная принцесса Беатрис – просто ангел. Уинифред уже приготовилась было вывалить на Уоттса ворох своих беспорядочных знаний, но тот ехидно заключил:

– Не будьте так уж строги к себе, мисс Оукс! Ваши познания в политике и впрямь достойны всяческих похвал.

Уинифред просияла. Уоттс, удовлетворив собственное самолюбие, отвернулся, вновь позабыв о ее существовании. Мистер Дейли помедлил, но тоже отвел взгляд.

Демонстрируя отсутствие всяческого интереса к их разговору, она принялась тихонько напевать танцевальную мелодию себе под нос.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что письмо – выдумка? – все-таки понизив голос, продолжил Уоттс. – Я уверен, что оно действительно существует. Более того – я слышал, что его получил виконт.

– Лорд Уилкис? – насмешливо уточнил мистер Дейли.

– Да, он. Я верю, что в его руках – будущее страны.

Сердце Уинифред заколотилось так сильно, что она почувствовала, как теплеют от возбуждения щеки. Уоттс, сам того не ведая, сообщил все, что ей нужно было услышать. Она хотела расцеловать этого напыщенного дурака в обе щеки, хотя этот жест не принес бы ему ни малейшего удовлетворения.

Для Уинифред все сложилось великолепно. Нужно мистеру Уоррену письмо действительно существовало и, более того, находилось в распоряжении лорда Уилкиса. Вместе с личной печатью виконта она сможет выкрасть его. А значит...

Возможно, господин Уоррен согласится пересмотреть условия ее контракта.

– Не преувеличивай, – мягко осадил друга мистер Дейли.

Уинифред заставляла себя глазеть на танцующие пары, изображая живое восхищение. Полька заканчивалась.

– Будущее страны не зависит от того, набьют ли себе карманы золотом дельцы из Сити. Никому доподлинно не известно, о чем говорится в этом письме. Одни будут трубить, что Ост-Индия наконец-то идет ко дну, как ей и предсказывали после битвы при Плесси, а другие во весь голос заявят, что наступает золотое время для компании.

– И что же делать?

– Нам? Ничего.

Уинифред боковым зрением заметила, что мистер Дейли оглядел бальный зал. Танец закончился, и кавалеры провожали дам на свои места.

– Оставь слухи в покое, Чарли. Если ты веришь, что письмо существует, верь и тому, что виконт распорядится им лучше любого из нас.

Придержав что-то в кармане жилета, мистер Дейли вынул часы, и Уоттс поджал губы.

– Том, – с мягкой укоризной произнес он. – С ней все в порядке.

Мистер Дейли щелкнул золотой крышкой и вернул часы на место.

– Ты этого не знаешь, – процедил он.

Они замолчали. По их встревоженным лицам Уинифред видела, что каждый думает о своем. Краткая пауза в их беседе дала ей возможность вклиниться в разговор.

– Чудесный вечер, не правда ли, мистер Дейли?

Джентльмен вскинул голову и несколько секунд равнодушно смотрел на Уинифред, будто пытаясь понять, к кому она обращается. Уоттс тоже поглядел на нее с удивлением, которое быстро сменилось раздражением. Он закатил глаза и принялся играть льдинкой на дне своего бокала.

– Совершенно с вами согласен, мисс Оукс, – наконец вымолвил мистер Дейли, сумев даже изобразить подобие улыбки.

– Ах, неужели следующим опять будет вальс?

– Полагаю, что именно так, мисс Оукс.

Уинифред кокетливо взмахнула ресницами, и Уоттс побелел от злости.

– Обожаю этот танец!

Мистер Дейли галантно поклонился:

– Как и я, мисс Оукс. Позвольте пригласить вас?

Она позволила, сделав вид, что не заметила Уоттса, глядящего на нее, словно на драную уличную кошку. Юноша с красным носом, желавший танцевать с ней, грустно наблюдал, как мистер Дейли заносит в ее книжку свое имя. Потоптавшись на месте и отчего-то бросив исполненный неприязни взгляд на мисс Гэмпстон, он ушел.

Что такого мог прятать мистер Дейли в своем кармане? Тайную записку? Остужая зуд в пальцах, Уинифред прикоснулась к ледяному

бокалу.

Подождав, пока позади нее к столу начнет протискиваться какой-то джентльмен, Уинифред ахнула, взметнула руки и налетела на мистера Дейли. Тот покачнулся, но не отпрянул. Он успел схватить ее за талию, а она его – за лацканы. Пока безвинный джентльмен рассыпался в извинениях, а мистер Дейли помогал обрести равновесие, Уинифред оттянула правый лацкан. Заглядывая распахнутыми глазами ему в лицо, она естественным жестом сунула два пальца левой руки в его нагрудный карман и спрятала в ладони нечто твердое и маленькое, со скругленными краями. Должно быть, портрет.

– Благодарю вас... извините, – пролепетала Уинифред, прикладывая руку к груди и опуская плоский предмет в вырез платья.

Лицо ее покраснелось от волнения, губы стыдливо дрожали. Она отлично помнила, чему ее учил господин Уоррен: «Всегда держи в уме, что за тобой кто-то наблюдает. Даже если это не так».

– Что вы! Это я должен просить у вас прощения! – с жаром возразил джентльмен. Похоже, он сам уже поверил, что толкнул Уинифред.

– Вы в порядке, мисс Оукс? – сдержанно поинтересовался мистер Дейли, одергивая сюртук.

Когда Уинифред уронила робкое «да», Уоттс сверкнул глазами на незнакомца и угрюмо заметил:

– Будьте аккуратнее, сэр.

В ожидании вальса Уинифред смущенно щебетала с окружившими ее джентльменами о всякой ерунде, а в ответ на просьбы о танце отвечала, что уже ангажирована, – с такой робкой и виноватой улыбкой, что никто не сомневался, что ей действительно очень жаль. Когда наконец пары начали собираться, мистер Дейли предложил ей руку с таким безразличным видом, что это почти задело Уинифред. Можно подумать, она стала бы с ним танцевать, не касайся дело поручения мистера Уоррена!

Ее нынешний кавалер танцевал почти так же хорошо, как мистер Дарлинг, но с гораздо меньшей грацией. Его уверенные, четкие движения производились скорее механически. Впрочем, он ни разу не дал им столкнуться с другой парой и один раз даже ловко увел Уинифред в сторону, когда ее едва не сбил какой-то изрядно

подвыпивший джентльмен. Но этим его обходительность исчерпывалась. Он не желал заводить с ней светскую беседу, и Уинифред снова пришлось взять все в свои руки.

– Ах, разве здесь не жарко, сэр? По-моему, просто умопомрачительно жарко!

В зале и правда было на редкость душно. Несмотря на распахнутые окна и подтаявшие глыбы льда на столиках, Уинифред почувствовала, как по спине меж лопаток у нее стекает струйка пота.

Мистер Дейли был невозмутим, как скала.

– Пожалуй, что так, – согласился он.

По его внешнему виду нельзя было заключить, что ему хватило совести взмокнуть или хотя бы испытать какие-либо неудобства.

– Признаться, эдакая жара просто изнурительна, – доверительно сообщила она своему кавалеру, придвинувшись чуть ближе. – «Ночь скучная, меня ты утомила! Ночь длинная, убавь свои часы!»

В глазах мистера Дейли промелькнуло искреннее удивление.

– Ведь рассветные птицы краше стократно других, – закончил он.

Уинифред верно выгадала момент – танец закончился, и все заплодировали. Она сделала быстрый книксен, а когда выпрямилась, конверт уже перекочевал в карман мистера Дейли. Он хотел что-то сказать, но колебался. Выражение лица было мрачным.

– Благодарю вас за танец, мисс Оукс, – наконец сдержанно поблагодарил он и предложил руку.

В его обхождении, и прежде довольно сносно, теперь появилась вялая, неохотная учтивость, продиктованная, как догадывалась Уинифред, некоторой опаской.

Проводив ее, мистер Дейли склонился к хмурому Уоттсу и что-то ему прошептал. Тот молча вскинул голову. Не посмотрев на Уинифред, оба покинули зал, и мисс Гэмпстон настороженно проводила их взглядом.

– Теперь, надеюсь, вы закончили? – с ноткой неудовольствия спросила она.

– Не ваше дело, – отрезала Уинифред. – Ждите.

Лавируя меж гостей, она направилась на другую половину зала, к леди Уилкис. Несмотря на взмокший лоб и красные пятна на шее и лице, виконтесса сияла довольной улыбкой. Уинифред позволила ей себя заметить. Замерла на месте, в притворной растерянности

оглядываясь по сторонам, и встретила с леди Уилкис взглядом. Та прервала беседу с немолодой женщиной в дорогом до безвкусицы платье и приветливо протянула к Уинифред руки.

– Мисс Оукс! – Виконтесса мягко пожала ее ладони и, смутившись, почти сразу же их выпустила. – Надеюсь, наш бал пришелся вам по душе, дорогая?

– О, он просто превосходен, миледи! Благодарю вас за оказанную честь! – Она наклонилась к женщине и чуть тише поинтересовалась: – Пожалуйста, подскажите, куда я могу отлучиться припудрить носик?

Леди Уилкис зарделась гордым румянцем.

– Ах, благодарю вас! Впрочем, моей заслуги тут вовсе нет – это все наш бальный распорядитель, настоящий мастер своего дела! – Она понизила голос: – Комната для дам на втором этаже, первая слева от лестницы, дорогая.

Уинифред поблагодарила виконтессу и, протиснувшись через толпу, пошла прочь из бального зала. Оставалось надеяться, что наверху она не наткнется на чересчур деятельную прислугу.

В фойе первого этажа было пусто, и Уинифред остановилась, чтобы наконец рассмотреть украденный у мистера Дейли предмет. Им оказалась овальная миниатюра на пластине из слоновой кости. На портрете была изображена юная девушка, почти девочка, с изящным округлым лицом, которое обрамляли прямые каштановые волосы. Художник явно пытался скрыть ее страх, но тот все равно отпечатался в каждой ее акварельной черте: вымученная улыбка с опущенными уголками губ, напряженные брови. Интереснее всего были глаза: огромные, блестящие, затравленные и дикие одновременно. Чем-то незнакомка походила на мистера Дейли – не отдельными чертами, а общей гармоничностью лица, – и, пожалуй, могла быть его сестрой. Не ее ли имел в виду Уоттс, говоря «с ней все в порядке»?

Оглядевшись по сторонам, Уинифред вышвырнула миниатюру у входа в бальный зал и поспешила наверх. На втором этаже газовые рожки на стенах были притушены, а доносившаяся из зала музыка скрадывала звуки шагов. В конце коридора она заметила дверь с царапинами на замочной скважине – ее часто запирали. Скорее всего, это и был кабинет лорда Уилкиса.

Уинифред вынула из прически одну из шпилек и нажала на ручку, но та неожиданно с легкостью поддалась – дверь была не заперта.

Испугавшись, что виконт может оказаться внутри, она низким измененным голосом позвала:

– Милорд?

Никто не ответил, и она заглянула внутрь. Пусто. Видимо, лорд Уилкис зря понадеялся на бдительную прислугу и порядочность гостей. А может, сам недавно был здесь. Испытав облегчение от того, что не наткнулась на хозяина, Уинифред юркнула в комнату – так быстро, насколько ей позволяло платье на кринолине. Она бесшумно закрыла дверь и обернулась.

И точно – это был кабинет. Уинифред не стала зажигать свет, чтобы не выдать себя, так что комнату освещали только луна и уличные фонари. На письменном столе стояла фарфоровая китайская ваза со свежими белыми гибискусами. Вдоль оклеенных шелковыми обоями стен были расставлены массивные шкафы темного дерева, а напротив стола глухо щелкали старые напольные часы. Справа от входа была еще одна дверь – скорее всего, она вела в личную уборную. Уинифред провела пальцем по спинке кресла, обитого золотистой тканью. Чисто. Похоже, прислуга бывает здесь часто.

Времени у нее было в обрез – раз дверь оставили открытой, кто-нибудь мог войти в любую минуту. Сразу решив обыскать письменный стол, Уинифред нашла на нем печать виконта с головкой из лакированного дерева и сунула ее в вырез платья. Грязное, вымазанное в сургуче основание печати больно впилося ей в стянутую корсетом грудь.

В поисках письма об Ост-Индии Уинифред без особой надежды перебрала послания в лотке с корреспонденцией. Нужного там не оказалось.

Тогда она дернула за ящичек письменного стола, но он не поддался. Подавив смутное радостное предчувствие, Уинифред еще раз дернула за ручку и, убедившись, что ящик заперт, опустилась перед столом на колени, стараясь не сломать кринолин. Она хотела воспользоваться собственными шпильками, но поразмыслила и стащила со стола пару железных скрепок. В конце концов, шпильки могли быть сделаны из чистого золота.

Проворно согнув металлические скобы, она вскрыла замочек и нетерпеливо выдвинула ящик. Внутри обнаружили две чистые печати (Уинифред заменила ту, что была обляпана сургучом, на

новую), маленькие серебряные ножницы, чистый носовой платок с инициалами и несколько конвертов. Перебрав их, она быстро нашла тот, который искала – кипенно-белый, плотный, с крестом Ост-Индской компании на сургучном оттиске.

В висках возбужденно застучала кровь. Уинифред вытащила из конверта лист бумаги и пробежалась по нему глазами. Убедившись, что это именно то, что нужно мистеру Уоррену, она торопливо свернула письмо и сунула его туда же, куда и печать, а в конверт положила исписанный какими-то цифрами лист бумаги со стола.

Убедившись, что все лежит так же, как и раньше, Уинифред заперла ящичек, встала и отряхнула юбки. Оглядев себя и убедившись, что печать не выпирает, она поспешила к двери.

Однако когда она взялась за ручку, кто-то провернул ее с другой стороны.

Черт побери! Лорд Уилкис все-таки вернулся!

Времени искать надежное укрытие не было. Уинифред нырнула за ближайший шкаф, вжалась в стену и затаила дыхание. Тело расслабилось само собой. Она была уверена: если ее не заметят, она сможет неподвижно простоять хоть час, хоть всю ночь.

Кто-то вошел в кабинет и тихо, как Уинифред, закрыл за собой дверь, прокрутив ручку до конца, чтобы та не щелкнула. Значит, это не лорд Уилкис. Прислуга? Но что ей делать здесь в такой час, да еще и во время бала?

Уинифред хотелось узнать, кто зашел в кабинет, но незнакомец замер у двери. Впрочем, какая, к черту, разница, кто это? Свое дело она уже сделала. Но если ее все-таки увидят... можно будет попроситься с работой. Возможно, и с жизнью тоже, но об этом Уинифред предпочитала не думать.

Из-за шкафа ей открывался превосходный обзор на письменный стол. Вошедший к нему не спешил. Уинифред услышала легкие шаги, затем – скрип открываемой створки, совсем рядом. Цепеня, она втянула голову в плечи. Но ночной гость даже не стал заглядывать в бумаги – он тут же закрыл шкаф и направился к столу. Уинифред увидела спину незнакомца и тут же узнала его узкие плечи и синий сюртук.

Мистер Теодор Дарлинг.

Теперь, когда Уинифред знала, кто вместе с ней обыскивает кабинет виконта, ей стало тревожнее. Возможно, мистер Дарлинг не опасен, но он достаточно глуп, чтобы подорвать ее прикрытие.

К ее удивлению, юношу не заинтересовали ни настенные шкафы, ни бумаги на письменном столе. Он обошел его, оперся рукой на деревянную поверхность... и заглянул под него.

Уинифред машинально впиалась ногтями в мякоть ладони. Очевидно, мистер Дарлинг знал, что она здесь. Более того – он искал ее. Значит, он уже прочел письмо и хотел потребовать от нее ответа. Тень шкафа была настолько плохим укрытием, что не заметить ее было попросту невозможно. Не шевелясь, Уинифред с колотящимся сердцем ждала.

Юноша выпрямился, и тут напольные часы пробили полночь. Мистер Дарлинг обернулся. Мгновение его взгляд блуждал по стене, а затем остановился точно на лице Уинифред.

Он не удивился, разве что едва заметно вздрогнул от неожиданности. Уинифред решила предпринять последнюю отчаянную попытку выпутаться. Она шагнула вперед.

– Мистер Дарлинг! – произнесла она таким тоном, будто сгорала от стыда. – Это дамская комната!

Юноша ошеломленно распахнул глаза.

– Дамская... комната? – тупо переспросил мистер Дарлинг.

Уинифред даже показалось, что он покраснел. Впрочем, в таком неверном свете она не могла сказать наверняка.

Уинифред состроила смущенное личико и указала на дверь в стене справа.

– Да, сэр, она здесь, смежная с этой комнатой. Пятая справа от лестницы, дамская... Ах, прошу, не заставляйте меня повторять! Я сейчас просто сгорю от стыда!

Она прикрыла лицо руками и сквозь пальцы с удовлетворением заметила, что мистер Дарлинг, споткнувшись, шагнул к ней из-за стола. Невероятно, но этот идиот, похоже, действительно клюнул.

– Я и понятия не имел, что здесь находится... – он поперхнулся, – дамская комната. Приношу свои извинения.

Уинифред медленно отняла ладони. Выражение лица мистера Дарлинга было странным. Казалось, что-то в ее словах сбивало его с толку и вместе с тем забавляло.

Пока он не вспомнил про письмо, она торопливо попрощалась:

– Доброй ночи, сэр!

Едва не переходя на бег, Уинифред прошла к выходу. Сердце колотилось как бешеное, она чувствовала, как пламенеют щеки. Она выкрутилась! Этот идиот...

Уинифред повернула ручку, но дверь не поддалась. Холодея от ужаса, она дернула еще раз, но дверь была заперта. Повернувшись, она встретила взгляд мистера Дарлинга. Он почти смущенно улыбнулся, и Уинифред заметила блеснувший у него в руке ключик.

– Не расскажете ли, чем я хуже того господина, раз вы подсунули мне фальшивое письмо?

Глава 3

Адресаты и предложения

Уинифред быстро взвесила варианты, стараясь не обращать внимания на гудящую в голове кровь. Дело теперь складывалось из рук вон плохо, но нужно было хотя бы попытаться исправить ситуацию.

– М-мистер Дарлинг? – переспросила она, заставив свой голос дрожать. – Что это значит? П-почему дверь закрыта?

Юноша прислонился спиной к столу. Он пытался казаться невозмутимым, но ему это плохо удавалось. Больше было похоже на то, что его смертельно клонит в сон.

– Прошу вас, перестаньте. – Мистер Дарлинг рассеянно почесал голову, испортив свою жуткую прическу – темные локоны сбились на затылке в колтун. – Я ведь прекрасно знаю, кто вы такая. Право, мне даже неловко как-то...

В груди Уинифред поднялась горячая волна гнева, такого дикого, что ей на мгновение заволокло глаза. Этот идиот запер ее, да еще смеет допрашивать?! Воображает, что все о ней знает?!

К счастью, ей было присуще удивительное качество – никогда не терять головы. Демонстрируя ледяное безразличие, Уинифред скрестила руки на груди. Локтем она почувствовала под корсетом печать, больно вдавившуюся в кожу.

– Надо же, вы меня раскусили. Восхитительно. Собираетесь держать в кабинете, пока не придет хозяин дома?

Мистер Дарлинг жестом указал ей на ближайшее кресло и пододвинул к нему другое. Уинифред, подобрав юбки, присела на краешек, он сел напротив. В темноте она не могла как следует рассмотреть его лицо, но по позе было ясно, что юноша очень взволнован – он почти вжался в кресло.

– Что вы делали здесь? Ловко же вы меня обманули, признаться, я почти вам поверил!

Его глупость развеселила Уинифред. Она рассеянно улыбнулась и подалась вперед.

– Не такая уж хорошая я лгунья, раз вы поняли это уже сейчас, – заметила она, наслаждаясь его растерянным выражением.

Ее все еще разбирал смех, но она до боли прикусила щеки и заставила себя молчать.

В темноте Уинифред видела лицо юноши будто через полупрозрачную вуаль, но заметила, как его глаза едва заметно расширились. Мистер Дарлинг боялся. И что самое замечательное – он боялся ее. Но чего именно? Того, что сам сболтнул лишнего, или того, что она могла наплести ему с три короба? Или просто он наконец-то понял, что недооценил ее?

Несколько секунд они сидели молча, потом мистер Дарлинг снова заговорил:

– Почему вы отдали письмо не мне? Я ведь назвал вам пароль.

Вместо ответа Уинифред принялась играть своим веером, щелкая костяными пластинками и рассматривая узоры на экране. На ее губах появилась наглая язвительная усмешка, и она не стала ее прогонять. Мистер Дарлинг стиснул руками подлокотники, оглянулся на дверь и торопливо произнес:

– Послушайте, мне сейчас еще беспокойнее, чем вам! Не лучше ли нам просто ответить на вопросы друг друга, мисс Бейл?

Уинифред застыла. Она понадеялась, что ослышалась, но глаза молодого человека искрились восторгом – он явно остался доволен произведенным эффектом. Откуда ему известно ее имя?

– Удивлены? – спросил он. – Скажите, а имя у вас настоящее? Впрочем, чего я спрашиваю – конечно, настоящее. Никто в здравом уме не стал бы себя называть Уинифред.

Она поперхнулась от возмущения.

Пускай сейчас он посмеивался над ней, Уинифред понимала, что попала в крупные неприятности. Первое ее впечатление о мистере Дарлинге оказалось обманчиво. Она-то полагала, что он просто смазливый юнец, чья-то подсадная утка. Это было настолько очевидно, что Уинифред задумалась, не мистер Уоррен ли его подослал. Но теперь она видела совершенно другого человека. Он ссутулил плечи и опустил подбородок. Теперь Уинифред увидела, что он еще младше, чем ей показалось – лет девятнадцать, не больше. Мистера Дарлинга послали не просто перехватить письмо, предназначавшееся мистеру Дейли, – он явно был замешан в чем-то более серьезном. Сейчас в его

руках неведомым образом оказалась самая главная ценность Уинифред: тайна ее личности. Если он исполнит свою невысказанную угрозу – ей конец.

Конечно, она могла бы его убить. Но даже если ей удастся незаметно вытащить труп из дома лорда Уилкиса, вряд ли она сумеет поймать кеб, который согласится везти покойника. А если она оставит мертвого мистера Дарлинга здесь, ее исчезновение кто-нибудь обязательно свяжет с убийством. На секунду Уинифред поверила в то, что сможет убить Дарлинга и преспокойно вернуться на бал. Никто и не подумает на хрупкую юную девушку – тем более в голубом она выглядит, как сущий ангел. Но потом ей пришлось напомнить себе, что она ни разу в жизни не убивала и вряд ли это так уж легко.

Нет. Необходимо, чтобы юноша сам ее отсюда выпустил и впредь молчал о том, что знает. Уинифред оставалось согласиться на его условия и рассказать как можно меньше, выпытав как можно больше.

Нервноничая, мистер Дарлинг встал с кресла и стиснул руки за спиной. Помедлив, она произнесла:

– Я не буду отвечать на ваши вопросы, пока вы не дадите ответы на мои.

Явно испытывая облегчение, мистер Дарлинг торопливо сел обратно.

– Прекрасно. Ваш ответ – на мой ответ. Звучит справедливо. Только дайте слово, что будете отвечать честно.

Он задорно улыбнулся, точно это презабавнейшая игра. Уинифред положила веер на кресло и сцепила в замок пальцы.

– Как вы узнали о письме? – сухо осведомилась она.

Юноша фыркнул.

– Думаю, вы и сами догадываетесь. Наши люди есть даже подле вашего хозяина. Нам сообщили, что вы должны передать некое письмо человеку в фиолетовом галстуке.

Он вытянул вперед длинные ноги, и Уинифред поджала свои.

– Как же вам пришло в голову сделать копию? Эту ужасную, ужасную шутку, которую вы всучили мне взамен письма? – Мистер Дарлинг потянулся ко внутреннему карману сюртука и вынул маленький кремовый конверт. Нарочито медленно развернув письмецо, он принялся зачитывать его вслух подрагивающим от смеха голосом: – *«Фиолетовый – цвет роскоши, крепчайшей на свете*

дружбы, торжества и величия. Ваш галстук как нельзя кстати подчеркивает ваши достоинства. Носите его с гордостью и честью». – Юноша сложил записку обратно в карман и с улыбкой уставился на нее. – Очень забавно.

Уинифред надменно приподняла брови. Меньше всего ее сейчас интересовало мнение мистера Дарлинга о фальшивке. Но все-таки кое-что в его словах показалось ей интересным.

– Вот как? И кто же ваш доносчик?

– Нет уж, моя очередь. – Мистер Дарлинг склонился вперед, опершись локтями на колени. – Будьте добры, удовлетворите мое любопытство: как вы догадались, что меня послали перехватить письмо?

– Вы не назвали пароль.

– Но вы же... – Его лицо удивленно вытянулось. – Вы ведь цитировали Шекспира... «Сон в летнюю ночь». Разве это не пароль?

– Нет, разумеется, – подчеркнуто презрительным тоном отрезала Уинифред. – «Сон в летнюю ночь» может знать любой. А вот нужные слова знает только владелец фиолетового галстука. «Ведь рассветные птицы краше стократно других».

– Рассветные птицы... Ну, конечно! «Рассвет»! Заведение вашего хозяина, мистера Уоррена! Что ж, это впечатляет, мисс Бейл!

Уинифред нахмурилась. Ей совершенно не нравилось, что мистер Дарлинг располагает такими подробностями ее жизни.

– Кто он – ваш человек у мистера Уоррена?

– Этого я сказать не могу. Я, конечно, сглупил, но не совсем идиот. – Снова приходя в волнение, мистер Дарлинг неловко выпрямился в кресле и добавил: – Впрочем... мой хозяин мог бы...

Закончить он не успел – в коридоре послышались шаги. Ручка дернулась и затряслась.

– Что за чертовщина! – явственно послышалось с той стороны – Уинифред узнала голос лорда Уилкиса.

– Заперто? – поинтересовался кто-то другой.

Уинифред вскочила с кресла почти одновременно с мистером Дарлингом. Он знаком показал ей на уборную лорда, и она кивнула.

– Да... Право, очень странно, – ответил виконт.

Через секунду ключ царапнул по замку и с тихим лязгом вошел в замочную скважину.

– Я наказывал прислуге не запираить двери.

Мистер Дарлинг ринулся в уборную, Уинифред – за ним. Она прыгнула следом, задев лицом что-то мягкое, и закрыла дверь ровно в тот момент, когда открылся кабинет.

Тут же Уинифред с леденящей ясностью осознала две вещи. Первая: это вовсе не уборная, а маленький гардероб в стене. Вторая: ее веер остался на кресле.

От ужаса она на секунду подавилась воздухом, и только теснота помешала ей согнуться пополам. Никогда раньше она не позволяла себе таких оплошностей. Не позволяла себя заболтать, отвлечь, забыть о простейших принципах своего дела. Чтоб его! Мало того что она застряла в гардеробе с этим идиотом Дарлингом, так их еще могут обнаружить в любой момент! А все из-за дурацкого веера, черт бы его побрал!

Дверь в кабинет захлопнулась с громким щелчком.

– Право, милорд, я вас совсем не понимаю, – донеслось до Уинифред. Говорил второй человек, зашедший вместе с лордом Уилкисом. – Это письмо – всего лишь первое из многих. Зачем так за него держаться?

Речь снова шла о компании. Уинифред почти почувствовала гладкость бумаги, спрятанной под ее корсажем.

Лорд Уилкис молчал. В щелку между дверью и косяком пробился желтый свет – он зажег свечи.

В гардеробе слегка пахло лавандой и сильно – резкими духами мистера Дарлинга. Юноша стоял рядом неподвижно и бесшумно, но Уинифред ощущала его присутствие так же явственно, как прикосновение меховых шуб к обнаженной спине. Она запустила руку в карман одной из них и беззвучно разломилла сухую веточку лаванды, которую положили в спрятанную на лето одежду.

Хорошо, что она не леди, а мистер Дарлинг – не джентльмен.

Послышался тонкий гудящий звон стекла – в кабинете разливали что-то по стаканам.

– Я не ввязывался в политику, – наконец устало проговорил виконт. – Мне нет дела до Ост-Индской компании и денег, которые все так жаждут с нее получить. Я честный джентльмен и уже жалею о том, что вообще прочел это несчастное письмо. Хотите знать, что я думаю? Быть дельцом или, как вы это называете, «человеком бизнеса» в наше

время – дело недостойное и глупое. Именно по этой, и ни по какой иной, причине я не отдам письмо ни вам, ни кому-либо другому.

Собеседник лорда Уилкиса молчал. Уинифред давно заметила, что молчание может сказать о человеке не меньше, чем речь. Сейчас ей показалось, что гость виконта уязвлен отказом.

Она опустила голову, покосившись на мистера Дарлинга. Он стоял у нее за спиной – не слишком близко, их разделял ее кринолин, – но Уинифред чувствовала на своей шее его дыхание.

– Вы рассуждаете, как пэр. Впрочем, это ваше право, безусловно, – вкрадчиво парировал гость. Он начинал раздражаться, но не выпускал из голоса медоточивость. – Но что же делать простым людям, единственный доход которых состоит в заключении сделок?

– Я не мешаю никому заключать сделки.

– Я прекрасно вас понимаю, милорд. Но ваше письмо... Поверьте, в нужных руках оно может принести славу и честь Англии!

– Нет, вижу, вы меня совсем не понимаете, – резко возразил лорд Уилкис. Уинифред и не подозревала, что в этом мягком, добродушном человеке таится такая сила воли. – Я не вижу чести в порабощении. Как я уже сказал, письма вы не получите. – Послышался звук отпирания ящика, и у Уинифред по спине побежал холод. – И никто не получит.

Ей не нужно было видеть, чтобы догадаться, что происходит. Собеседник Уилкиса вскочил с кресла, чуть не перевернув его, задние ножки с глухим стуком опустились на ковер. Через дверную щель потянуло гарью.

Что-то щекотало Уинифред плечо, и она недовольно дернула им. По коже на краткое мгновение скользнула рука в перчатке и тут же отдернулась. *Он что, играл с ее волосами?*

– Милорд, вы... – В голосе незнакомца был слышен плохо скрываемый гнев. – Что вы наделали?! Вы уничтожили бесценное...

– Прошу вас, передайте остальным «людям бизнеса», что письма больше не существует, – прохладно ответил лорд Уилкис. Уинифред отметила, что он ни разу не назвал своего собеседника по имени. – Ровно так же, как вы сообщили всем, что оно находится в моем распоряжении. Думали, я не узнаю об этом? Я удивлен, что у вас хватило наглости прийти сюда.

– Не смею вас больше задерживать, милорд, – угрюмо сказал незнакомец. Вся его благожелательность испарилась – теперь, когда конверт был уничтожен.

– Я провожу вас, – с прохладной учтивостью отозвался лорд Уилкис.

Они вышли из кабинета, не заперев его. Уинифред выждала несколько минут, отсчитывая вдохи, затем аккуратно повернула ручку и выскользнула на свободу. Воздух в кабинете, слегка отдававший гарью, после душного гардероба казался ей таким свежим и холодным, что у нее закружилась голова.

Уинифред мельком осмотрела кресло. Ни на нем, ни под ним веера не было. Ее сердце кольнуло. Пусть их самих и не обнаружили, но кто бы ни забрал веер – лорд Уилкис или его гость, – радости ей это не сулило. Сегодня она оставила за собой длинный след из хлебных крошек.

Мистер Дарлинг тоже вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь гардероба. Щеки юноши заливала краска – теперь, в свете свечей на столе, Уинифред могла хорошенько его разглядеть.

– Ох, ну и ночка! – восторженно выдохнул он. – Танцевал с прекраснейшей девушкой на балу, был ею дважды... нет, трижды обманут, а затем заперся с ней в шкафу! И все это – еще до помолвки!

Уинифред развернулась на пятках и яростным взором встретила веселые глаза Дарлинга. Будучи раздраженной из-за пропавшего веера, она больше не собиралась прятать свой гнев.

– Помолчите! – прошипела она. – Это не повод для шуток!

– А что же тогда повод? – простодушно осведомился он. – Поверьте, я могу шутить обо всем, о чем вам будет угодно. К примеру, о том письме, которое вы спрятали у себя в декольте. Невероятно удобная штука – эти ваши корсеты! Носи я такой, то пользовался бы им на полную катушку! Таскал бы пряники с обеденного стола, жульничал бы в вист... Ах, постойте, у меня для этого есть кое-что поудобнее. – С довольным видом он похлопал себя по груди. – Карманы!

Остолбенев, Уинифред слушала его нелепую речь. Откуда он знает, что письмо... Нет, он не может знать. Это просто дикая догадка, которую он хочет подтвердить ее реакцией.

Она изобразила легкое злое недоумение – такое, чтобы он понял, что она не играет.

– У меня нет письма. Вы что, не слышали, что виконт его сжег? Здесь до сих пор витает запах.

Она обернулась и указала на кучку пепла с оплавленной печатью на серебряном подносе. Рядом стояли два резных стакана с нетронутым напитком.

Дарлинг нахмурился и от этого еще больше стал напоминать грустного щенка.

– Зачем вы врете? – спросил он с таким искренним недоумением, что Уинифред даже не сразу нашлась с ответом.

– Что ж, вижу, мне вас не переубедить.

– Как и мне вас.

Дарлинг подошел к столу и поворошил кучку пепла пальцем. Поразительная глупость – вот так запросто портить перчатки! Уинифред незаметно скользнула рукой в прическу и зажала в пальцах острую шпильку.

– Я полагаю, наши совместные дела на этом закончены? – осведомилась она, делая вид, что расправляет юбки.

Дарлинг быстро поднял голову.

– Не совсем. – Он вытер руку о ткань сюртука, так что на нем остались длинные серые пятна, и шагнул на свет. – У меня есть к вам предложение, мисс Бейл... Делового характера.

Уинифред насторожилась, крепче стиснув в пальцах свое крошечное золотое оружие. Ей не нравилось, когда мужчины делали ей предложения, в особенности *делового характера*. Обычно это заканчивалось вовсе не тем, чего она ожидала.

– Как я уже упоминал, я знаю, на кого вы работаете, – начал Дарлинг. – Насколько я знаю, мистер Уоррен не слишком... хороший человек. Если вы хотите... я могу сделать так, что ваш контракт с ним уже к завтрашнему вечеру окажется у меня на столе. – Он бросил взгляд на старомодные напольные часы из красного дерева, с которыми у Уинифред были свои счета, и торопливо исправился: – Точнее, уже к сегодняшнему вечеру. Я предлагаю вам сделку. Настоящую сделку, а не рабскую договоренность, которую вы подписали со своим хозяином.

Дарлинг неловко улыбнулся, и Уинифред с удивлением отметила, что он не лжет. На секунду она задумалась, каково было бы не зависеть от мистера Уоррена, но тут же отмела эту мысль. Если она не будет зависеть от мистера Уоррена, тогда она просто будет зависеть от кого-то другого.

– Что за сделка? – наконец спросила она, с привычным высокомерием вздернув подбородок и спрятав руки за спину. – И почему я должна вам верить?

Не размыкая сцепленных рук, Дарлинг оперся плечом о книжный шкаф.

– Сделка такова: я получаю ваш контракт с мистером Уорреном и рву его в клочья, а вы... – Он замешкался и опустил взгляд на серебряный поднос с кучкой пепла. – А вы передаете мне письмо лорда Уилкиса об Ост-Индской компании. И я подпишу с вами новый контракт, разумеется. Всего на год. Поработаете на меня до следующего лета, и идите куда глаза глядят.

Уинифред моргнула.

– Поработаю... *на вас*? – скептически переспросила она.

Дарлинг с секунду тупо смотрел на нее, а затем зажмурился.

– Проклятье! Прошу прощения. Я идиот. Ну да, на меня. – Он нервно засмеялся. – Когда я говорил про своего хозяина, я имел в виду... себя. Это я. В смысле, я и есть мой хозяин.

Уинифред с недоумением слушала его сбивчивую болтовню. Этот лопочущий недоумок умудрился сколотить организацию, по осведомленности составляющую конкуренцию самому мистеру Уоррену? Более того: он сумел переманить на свою сторону кого-то из приближенных ее хозяина? Нет, это попросту невозможно.

– Позвольте-ка прояснить. Вы хотели забрать письмо, а когда не вышло, решили, что к письму вам в придачу нужна еще и я сама?

Дарлинг смущенно почесал голову.

– Мне показалось, что это хорошая идея... Разве нет?

– Вы и правда идиот, – резко оборвала его Уинифред. – С чего вы взяли, что я стану работать на вас? Почему бы мне сейчас же не рассказать мистеру Уоррену все, что я о вас узнала?

Она узнала не так уж и много, но пускай он думает, что сболтнул лишнего.

У Дарлинга сделалось такое лицо, будто он с трудом пытается рассчитать что-то в уме. Скорее всего, так дело и обстояло.

– Разумеется, вы можете, – тщательно взвешивая каждое слово, произнес он. В голосе его слышалось недоумение. – Но какой в этом смысл? Ваш контракт с мистером Уорреном – бессрочный. Я же предлагаю вам договор на год. Всего год!

Он отлепился от шкафа и сделал шаг к Уинифред. Она не двинулась с места.

Это ловушка. Точно ловушка. Должно быть, мистер Уоррен проверяет ее, вот и подослал к ней Дарлинга.

Одна только мысль о том, что мистер Уоррен мог узнать о ее сомнениях, привела Уинифред в ужас. На предплечье закололо шрам, скрытый длинной бальной перчаткой.

– Мисс Бейл, вы прекрасный специалист в своем деле, – продолжал юноша. – Не скрою, я был бы счастлив заполучить вас. О вас слышали многие. А вот о том, что вы – это именно *вы*, знают единицы. Включая меня. У вас нет причин отказывать мне. Но если вы все-таки донесете на меня, я верну любезность. – Дарлинг виновато улыбнулся и добавил, будто подумав, что до нее не дошел смысл его слов: – То есть я расскажу всем, что вы и есть та самая Уинифред Бейл.

– Довольно! – выпалила Уинифред.

Она подскочила к Дарлингу, и в ее пальцах сверкнула золотая шпилька. Момент – и острие оказалось в опасной близости от его шеи.

Злость бурлила внутри нее, шипела. Она так долго сдерживала ее, что это чувство казалось ей теперь незнакомым... и восхитительным. Уинифред прошиб ледяной пот, хотя в кабинете было жарко. Он угрожает разоблачить ее? Идиот, идиот, идиот!.. Она убьет его прямо сейчас!

Возможно, ей просто не хотелось признавать, что он ее обставил? Что ее мечты о том, что мистер Уоррен наконец отпустит ее на свободу, так и останутся мечтами? Что боится она не разоблачения, а собственного хозяина?

Ее рука не дрожала. Она вообще не могла заставить себя ею пошевелить.

Выражение лица у Дарлинга было спокойное и простодушное.

– Как грубо, – прокомментировал он, скосив глаза на шпильку у своей шеи. – Вы знаете, я не планировал сегодня умирать, мисс Бейл.

Уинифред едва сдерживалась, чтобы не закричать от досады. Ее раздражали его тупые шутки, его бахвальство, странная осведомленность, невинный шантаж. Больше всего ей сейчас хотелось вспороть Дарлингу шею и насладиться кратким выражением удивления на его лице. Но это было бессмысленно. Она видела, что юноша не лжет. А раз так, значит он предлагает ей хорошую сделку. Отказываться глупо, а Уинифред не способна на глупости.

Помедлив, она отвела руку от шеи Дарлинга и демонстративно вонзила шпильку обратно в прическу. Ей в голову пришла мысль: каково было бы почувствовать чью-то теплую липкую кровь на руках? Испытывала бы она отвращение или восторг? Смогла бы вот так запросто вернуть в прическу испачканное кровью Дарлинга украшение?

Этот идиот не сможет ее обмануть. А если и обманет, она поймет это и сама обведет его вокруг пальца.

Мистер Уоррен ничего не узнает. А если и узнает, она сбежит прежде, чем он убьет ее.

– Хорошо, – наконец произнесла она. – Я согласна на ваши условия. Вы уничтожаете мой контракт с мистером Уорреном. А я подписываю с вами новый, на год, и отдаю вам письмо.

Дарлинг снова расплылся в своей идиотской восторженной улыбке.

– Восхитительно! – вырвалось у него, и он тут же смутился. – Я... очень рад нашему сотрудничеству, мисс Бейл.

Он протянул ей руку, и Уинифред осторожно ее пожала. Ладонь Дарлинга оказалась очень теплой, почти горячей.

– Можно просто Теодор, – со смущенной улыбкой предложил он. – Вы меня очень обяжете.

Уинифред резко отняла руку.

– Не стоит. Я предпочитаю сохранять дистанцию в деловых отношениях, мистер Дарлинг.

Он нахмурился, но тут же снова просиял.

– Что ж... Я ценю вашу рабочую этику, Уинифред. Я ведь могу звать вас Уинифред?

– Нет, – снова отрезала она. – Где я могу встретиться с вами, чтобы узаконить нашу сделку?

Дарлинг похлопал себя по карманам и выудил из нагрудного клочок бумаги. Замявшись, он долго расправлял его пальцами и наконец протянул Уинифред.

– Приезжайте вечером в мой офис. Адрес вот тут.

Уинифред развернула помятую бумажку. Это оказалась визитная карточка – недавно напечатанная, но замусоленная до такой степени, что едва можно разобрать буквы. Дарлинг нагнулся, тоже рассматривая ровные полустертые строчки. Уинифред захотелось изо всех сил боднуть его головой, чтобы у него посыпались искры из глаз.

Она сложила визитку, демонстративно сунула ее под корсаж и задрала подбородок, чтобы поглядеть Дарлингу прямо в лицо.

– Я буду в семь. Не заставляйте меня пожалеть, что доверилась вам, – хладнокровно произнесла она.

Юноша был выше ее на добрую голову, но Уинифред с легкостью удавалось разговаривать с ним свысока.

Дарлинг поклонился. Его глаза смеялись.

– Что вы, мисс Бейл! Я бы не посмел.

Глава 4

Тряпки и шпильки

Уинифред вернулась с бала глубокой ночью. Наемный экипаж по ошибке высадил их с мисс Гэмпстон у соседнего дома, а они слишком устали, чтобы заметить это сразу.

Ночь была светлая и холодная. Недавно прошедший дождь посеребрил листву деревьев, рассеял смог и прибил к земле пыль. От воды потемнели старые стены домов, крыши и брусчатка.

Тихо взбежав к себе в комнату, Уинифред закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Слишком много всего произошло за этот вечер. Она все еще размышляла, не слишком ли много.

Прежде чем покинуть особняк лорда Уилкиса, Уинифред пришлось вернуться на бал и даже два раза танцевать, чтобы не привлекать к себе внимания. Она была удивительно рассеяна, мысли ее витали далеко, и даже мисс Гэмпстон, хоть и не задавала вопросов, с оттенком беспокойства в голосе заметила, что Уинифред очень бледна. Дарлинг в бальном зале больше не появлялся, хотя чудился ей в каждой черной макушке.

Мысли в голове Уинифред и сейчас путались и терялись в странном, тугом тумане. Почти автоматически она разделась, вспомнив про печать только тогда, когда она, выпав из-под расшнурованного корсета, глухо стукнулась о деревянный пол. Следом, легко скользнув по ноге, спланировал сложенный пополам лист бумаги.

Скользнув в ночную сорочку, Уинифред повела плечами от холода и присела на колени перед окном. Это было маленькое мутное окошко с хлипкой деревянной рамой, которую Уинифред подтыкала на зиму тряпьем, чтобы не замерзнуть насмерть. Она в него редко выглядывала – вид из него был только на тупик.

Беззвучно расшатав подгнившую половую доску у самой стены, Уинифред вынула ее и скользнула рукой в образовавшееся углубление. Там, завернутый в старый платок, лежал мешочек с монетами – все ее сбережения. Туда же она пристроила печать.

Вставив на место доску, Уинифред по привычке огляделась – будто кто-то мог следить за ней в ее же комнате. Она развернула

письмо. С улицы лился слабый голубой свет, но его хватало, чтобы разобрать строчки:

«Мирут, 16 апреля 1857

Дорогой друг,

Ты был прав – бесконечно прав, как и всегда. Нет места войне там, где есть место вере; и воцарится хаос там, где восторжествует насилие.

Я больше не верю в то, что дело наше – правое. Я не верю в то, что эти бедные люди должны идти против своих убеждений по нашей воле. Да и как я могу? Неужели человек может быть настолько тщеславен, чтобы возомнить, будто его вера лучше чьей-либо еще? Будто его Бог – единственный достоин любви и уважения? Нет, отнюдь. Даже миссионеры, прибывающие в самые отдаленные уголки мира со своей благородной миссией, приводят к Творцу неверующих священными текстами, а не винтовками; словами любви, а не ненависти к ближнему.

Я уверен, что компания никогда уже не будет прежней. Начинаются беспорядки, и хотя силы сипаев несравнимы с нашими, сама возможность бунта указывает на конец всего. Впрочем, я надеюсь вскоре вернуться в Англию. Тот день станет счастливейшим в моей жизни.

Уповаю на скорую встречу с тобой, мой добрый друг.

Капитан Дж. Томпсон»

Уинифред аккуратно сложила письмо и уставилась в пол.

Значит, из-за угрозы восстания компании приходил конец, а она держала у себя в руках ключ к десяткам тысяч фунтов, которые дельцы могли приобрести или потерять. Теперь она понимала, почему мистер Уоррен так желает заполучить письмо – оно могло бы озолотить его, вознести на ранее недостижимые вершины. Но сейчас оно оказалось в руках Уинифред, и именно ей решать, как им распорядиться. Впрочем, эта власть делала ее бессильной.

Можно ли верить Дарлингу? Пускай он вел себя как совершенный идиот, за его хорошенькой мордашкой прячутся странная пронизательность и цели, о которых она не знает ничего. Уинифред

практически исключила вероятность, что его послал мистер Уоррен – тогда она вряд ли пережила бы ночь.

Если Дарлинг и впрямь уничтожит ее контракт, у мистера Уоррена не останется легальных рычагов давления на нее. Возможно, она сумеет скрываться от него какое-то время; возможно, и Дарлинг сумеет как-то оградить ее. Смог же он внедрить к мистеру Уоррену своего человека.

На секунду Уинифред всерьез захотелось принять его предложение. Ей хотелось свободы, которую он сулил, хоть она и понимала, что из клетки с железными прутьями ее пересаживают в такую же, только с золотыми.

Но мистер Уоррен страшил ее гораздо больше, чем влекла невесомая надежда на свободу. На что бы он пошел, чтобы добраться до нее? Могла ли она продолжать работать на мистера Уоррена в относительной безопасности, в относительном спокойствии, рассказав ему все, что успела узнать? Нет, об этом не могло быть и речи. Дарлинг тут же выдаст ее, и она станет бесполезной для всех. Возможно, мистер Уоррен отправит ее работать в «Рассвет» – туда, где она еще сможет принести ему денег. Об этом Уинифред подумала с содроганием.

Как ни посмотри, она в тупике. И все из-за этого чертова письма! Лучше бы она просто выполняла свою работу и не пыталась прыгнуть выше головы. Ее хозяин – не тот человек, перед кем можно выслужиться.

В тайнике хранить письмо она не станет – он надежен только тогда, когда его не ищут всерьез. Если у мистера Уоррена появится повод сомневаться в ее честности, он обыщет все. Кроме, пожалуй...

Уинифред сложила лист еще вдвое и сунула его под подвязку на бедре – после бала она не сняла чулки. Убедившись, что письмо не выпадет, Уинифред рухнула в постель. Матрас тихо и жалобно всхлипнул, когда она повернулась, чтобы накрыться тонким шерстяным одеялом.

О том, что делать, у нее было время подумать – до самого утра.

Лондон, 1847

Спотыкаясь, Мэри шла за мужчиной, который волочил ее за собой, держа за руку. Она плакала, но боялась кричать, и слезы просто стекали горячими грязными ручейками у нее по лицу и капали с подбородка.

На улицах было ужасно. Мэри провела в Ист-Эндском глухом проулке всего три ночи, но этого было достаточно, чтобы понять: лучше смерть, чем такая жизнь. За мужчиной, который вдруг схватил ее и поволок за собой, она следовала, практически не сопротивляясь. У него была грубая, но чистая и полная рука. Мэри лишь надеялась, что ее накормят.

Мужчина привел ее в странное здание – темное и душное, с плотно занавешенными окнами. Пахло чем-то горьковато-сладким, чему Мэри дать название не могла, запах душил ее и щекотал нос. А еще здесь было много женщин – красивых и плохо одетых. Платья странно на них сидели и чересчур открывали тела. Мэри пожалела бедняжек.

Ее повели дальше. Одни женщины не обращали на нее внимания, другие смотрели грустно и качали головами. Мэри не знала, что это за место, но ей здесь ужасно не понравилось. Она хотела потянуть за руку человека, который ее вел, попросить воды, но мужчина вдруг остановился и, постучавшись, открыл дверь.

Мэри шагнула было внутрь, но мужчина так сильно оттолкнул ее назад, что она едва не взвизгнула от боли. Сам он тоже остался в коридоре. За столом в комнате сидел человек чуть старше ее отца и намного крупнее, жилистый и высокий. Подняв голову и окинув взглядом Мэри, он с раздражением бросил мужчине, который привел ее:

– Бога ради, Гиббс! Слишком маленькая! Не отвлекай!

Он вновь опустил глаза. Мужчина непроизвольно сжал руку Мэри. Она хотела ойкнуть, но ей было слишком страшно.

– Господин Уоррен, она... Она очень смышленная. Я видел, как она выживает на улицах – эта девочка очень далеко пойдет. Возможно, она подойдет для другого вашего...

Это была ложь. Мэри с удивлением посмотрела на мужчину, и тот поспешно выпустил ее руку. Зачем он солгал? Он никогда не видел ее

раньше. Да и что такого смышленного она могла делать на улицах? Свернуться калачиком на сырой тряпке в подворотне, тихо скуля от голода и холода?

Но на человека за столом его слова произвели эффект. Он отложил перо и в упор уставился на Мэри. В комнате были зашторены окна, и свет давали только тусклые жировые свечи, извивающиеся черными язычками огня. Лицо мужчины показалось Мэри очень, очень жестоким.

– Как тебя зовут, девочка?

Мэри опешила. Зачем этому человеку ее имя?

Ей не хотелось называть ему свое настоящее имя. Оно было скучным и простым, а ей хотелось иметь особенное. Ей хотелось, чтобы этот человек не разочаровался в том, что обратил на нее внимание. Поэтому она выпалила первое, что пришло ей на ум, – имя прекрасной принцессы из сказки, которую ей с сестрами рассказывала мать:

– Уинифред.

Человек за столом не улыбнулся.

– Первое: ты должна относиться ко мне с уважением. Тебе надлежит обращаться ко мне «сэр». «Уинифред, сэр». Поняла?

Уинифред кивнула и тут же исправилась.

– Да, сэр.

Он удовлетворенно прищурился.

– Второе: ты соврала. Знаешь, как я это понял? Лгуны не смотрят собеседнику в лицо. Их глаза бегают, потому что в них можно прочесть правду. Теперь соври мне так, чтобы я поверил. Как тебя зовут?

– Уинифред, сэр, – твердо произнесла она, не отрывая взгляда от водянисто-серых глаз господина.

Тот растянул губы в подобии улыбки. Она скорее назвала бы это оскалом.

– Прилично. Подойди ближе.

Уинифред подошла. Господин вытащил из ящика стола лист бумаги и окунул перо в чернила. Он долго что-то писал, а она не смела даже шевельнуться. У нее было чувство, что этот человек не любит, когда его дергают.

Наконец он закончил, вновь обмакнул перо в грязную чернильницу, а затем протянул его Уинифред. Она взяла перо, стараясь не испачкать руку господина своей – по выражению его лица она догадалась, что ему были бы неприятны ее прикосновения. Она крепко зажала перо в кулаке и стала ждать его указаний.

– Моя фамилия Уоррен. Я могу научить тебя лгать. Это очень полезно, ты и сама теперь это знаешь. – Господин усмехнулся. – Я могу научить тебя и многому другому. Я также дам тебе еду, крышу над головой, а потом даже стану платить небольшое жалованье. Ты хочешь этого?

Она подумала о воде, и у нее пересохло во рту. Сейчас за стакан воды она бы сделала все что угодно.

– Да, сэр, – хрипло ответила она.

– Тебе придется выполнять кое-какую работу для меня. – Мистер Уоррен подвинул к Уинифред лист бумаги. – Распишись здесь, если хочешь этого.

О, она хотела, и даже очень! Она может получить кров и пищу, всего лишь поставив закорючку на какой-то бумажке?

Она знала, как пишется ее имя, но теперь у нее было другое. Поэтому она, поудобнее перехватив перо в кулаке, просто поставила на листе кривую черточку в том месте, на которое указал ей господин. Робей, Уинифред положила перо на лист с подсыхающими чернилами и сделала шаг назад.

Мистер Уоррен удовлетворенно осмотрел лист и спрятал его в ящик стола.

– Ты благоразумная девочка, Уинифред... Винни. – Он прокатил ее новое имя на языке, и ей стало не по себе. – Уверяю тебя, ты будешь мне благодарна.

Благодарность – так мистер Уоррен назвал ее рабство, в которое она отдала себя по доброй воле.

* * *

Лондон, 1857

Уинифред оделась с первыми лучами солнца.

Всю ночь она не спала, а урывками дремала. Когда она вынырнула из очередного сна, содержание которого не могла вспомнить, решение пришло само собой: чтобы выжить, ей придется лгать обоим.

Грубая выстиранная ткань ощущалась на коже совсем не так, как вчерашние шелк и газ. Уинифред аккуратно сложила бальное платье, с сожалением проведя пальцами по вышивке и мягким кружевам. Боуди вернет его в лавку. Мистер Уоррен никогда в жизни не потратится на выходной туалет, если его можно одолжить.

Он никогда и нигде не упускал возможности выгадать лишний шиллинг. Не упустит и сейчас. Именно поэтому Уинифред расскажет ему обо всем, что произошло, кроме того, что письмо у нее. Узнай мистер Уоррен об этом, он непременно пожелает им воспользоваться. А его внезапное обогащение может натолкнуть Дарлинга на кое-какие мысли.

Зато она будет предельно откровенна в остальном. Ее хозяин узнает о предателе в своих рядах, о Дарлинге и о его предложении. Уинифред хорошо знала мистера Уоррена и не сомневалась: он захочет, чтобы она вошла к юноше в доверие, выведала, кто он такой и что ему нужно. Этот идиот непременно ей доверится, если она отдаст ему письмо и найдет нужный подход. Уинифред заметила, как юноша смотрел на нее прошлой ночью. Влюбить его в себя будет проще простого. А потом она предоставит мистеру Уоррену разбираться с соперником единолично. Жестоко, но что поделать – только так она сохранит и работу, и жизнь.

Письмо, как и вчера, плотно прилегало к бедру. Ноги ныли и кровоточили от новых туфель, стиснув зубы, Уинифред перевязала натертые пальцы тряпкой. Сбрызнув лицо ледяной водой, она забрала из тайника печать и сунула ее в карман легкой накидки – лето в этом году запаздывало. Ей предстояла долгая прогулка.

Лондон пробудился ото сна. Выглянули прачки, вывешивая свежее белье; высыпали на улицы торговки, кухарки, посыльные. Потом по мостовым загрохотали экипажи, и любезные утренние приветствия сменились крикливой руганью. Не успела Уинифред дойти до границы лондонского Сити, как разошлись церковные колокола и заводские свистки.

Здание офиса мистера Уоррена на Грешам-стрит выглядело так же, как и остальные дома в этом районе: высокое и строгое, с

большими стеклянными окнами, отражающими тусклое солнце. Отличие этого места от грязного темного кабинета в «Рассвете» было до смешного очевидным. Там собирались самые низкие, самые порочные торговцы телом, опиумом, оружием и информацией. А здесь курили дорогой табак и спорили о политике и покупке акций.

Коротко кивнув швейцару и не волнуясь, узнал он ее или нет, Уинифред прошла прямо к кабинету на первом этаже и постучалась. Дождавшись приглашения, она вошла.

Внутри было чисто и светло. Шкафы из красного дерева аккуратно заставлены папками и коробками, сиденья стульев обиты зеленой тканью, стол чисто вымыт и почти пуст. Дешевые свечи и плотно занавешенные окна не подошли бы этому месту, поэтому мистер Уоррен предпочитал обходиться здесь без них. На Грешам-стрит он приходил каждый четверг, чтобы разгрести дела, письма, новости и документы, скопившиеся за неделю.

Закрыв дверь, Уинифред присела в книксене. Мистер Уоррен даже не взглянул на нее. Он подписывал бумаги с пугающей скоростью, откладывал листы один за другим, не давая даже просохнуть чернилам. Кончики его пальцев были густо измазаны, он оставлял на бумагах черные отпечатки.

– Я очень занят, Винни, – глухо произнес он, откладывая очередной лист. – Давай печать.

Уинифред торопливо выложила перед ним на стол печать лорда Уилкиса. Краем глаза она глянула на бумаги. Похоже, мистер Уоррен собирался приобрести кое-какую недвижимость в Сохо. Наверняка открывает очередной публичный дом.

Если он назовет его «Закат», она бросится в Темзу вниз головой.

Мистер Уоррен ни знаком, ни словом не дал понять, что увидел печать. Но она знала, что он ее увидел, поэтому быстро произнесла:

– Письмо, которое вам необходимо, находится в распоряжении лорда Уилкиса. Однако на балу прошел слух, что оно уничтожено, сэр.

Уинифред долго раздумывала, стоит ли говорить мистеру Уоррену, что виконт сжег письмо. Если она солжет, то уже не сможет выкрутиться. И все же она решила рискнуть – так, по крайней мере, она проявит себя осведомленной шпионкой. Гость лорда Уилкиса непременно пустит об этом слух. Лучше он узнает сейчас от нее, чем

потом от кого-то другого. Да и чем меньше людей думает, что письмо еще можно достать, тем лучше.

Это заинтересовало мистера Уоррена. Он не поднял головы, но застыл и перестал писать.

– Уничтожено? Кем?

– Лордом Уилкисом, сэр. Говорят, он сжег его у себя в кабинете. Впрочем, пока это просто слухи.

– Проклятье!

Мистер Уоррен никогда не стеснял себя в выражениях. Уинифред, подобравшись, ждала. Она хорошо знала своего хозяина – когда что-нибудь шло не по плану, ему лучше было не попадаться под горячую руку. Она выучила это трудным путем – ценой шрама на внутренней стороне предплечья, там, где он прижег ее кожу раскаленной кочергой. От воспоминания шрам кольнуло, и Уинифред подавила желание дотронуться до него.

– От кого ты это слышала? – наконец спросил мистер Уоррен.

– От какого-то юного джентльмена, сэр, – соврала она. – Меня ему не представили. Похоже, он хороший друг мистера Дейли, сэр.

Мужчина едва заметно сощурился и наклонил голову, демонстрируя безразличие.

– Отдала послание?

– Да, сэр.

– Умница. Вот и дело с концом, – пробормотал мистер Уоррен и еле слышно добавил: – Будь проклят его длинный нос!

Неужели мистер Дейли шантажировал ее хозяина? Возвращать долг за услугу мистер Уоррен не стал бы – честь его не заботила. Значит, этот великосветский джентльмен с фиолетовым галстуком имел на ее хозяина нечто настолько весомое, что он посчитал нужным отправить ему предупреждение. Настолько весомое, что он не хотел, чтобы об этом знала Уинифред, поэтому и не назвал ей имени мистера Дейли.

Стареющее лицо мистера Уоррена покраснелось от гнева, но больше ничто не выражало его внутреннюю ярость. Он глубоко выдохнул и снова обмакнул перо.

– Как вчера вела себя эта кошелка, Эмили?

Прежде мистер Уоррен не обсуждал с ней другую свою шпионку – не хотел подстегивать конкуренцию между ними. Но теперь он будто

нарочно возвышал Уинифред, подначивая ее сказать что-нибудь про мисс Гэмпстон.

– Без нареканий, сэр, – осторожно отозвалась она.

– Вот как? – Мужчина откинулся в кресле, вертя в пальцах перо. – Подумывал было избавиться от нее. Пользы от нее – на грош. Кроме тебя, мне никто не нужен, Винни.

Уинифред польщенно улыбнулась и склонила голову, пряча ужас в глазах. Мистер Уоррен так легко говорил об убийстве собственной шпионки, словно речь шла о счете от прачки.

Может, через пару лет он скажет так про нее саму.

С пронзительной ясностью Уинифред поняла, что ошиблась. Она поставила не на того. Самонадеянно было полагать, что она всегда будет ему нужна, а инцидент с Дарлингом только подпортит ей репутацию в глазах хозяина. Она думала, что ей не выстоять против мистера Уоррена? А кто сказал, что она выстоит *вместе с ним*?

Но Уинифред пока ни в чем не стала признаваться мистеру Уоррену. Еще не поздно все переиграть. Если ей предлагают золотую клетку взамен железной, Уинифред остается только поудобнее устроиться на жердочке и ждать, когда дверца распахнет.

– Благодарю вас, сэр, – смиренно произнесла она, подпустив в голос самодовольства. – Но думаю, мисс Гэмпстон еще может вам пригодиться.

– Ты так считаешь? – Мистер Уоррен поудобнее уселся и вновь подтянул к себе бумаги. – Что ж, пожалуй, избавиться от нее мы всегда успеем, так ведь? Ну, иди. Послезавтра у тебя будет небольшое задание. Жду тебя в четыре.

– Хорошо, сэр. – Уинифред остановилась на пороге и сжала дверную ручку. – Сэр? Что мне делать с золотыми шпильками? Тоже отдать Боуди?

Мистер Уоррен с раздражением махнул рукой.

– Ради бога, Винни, оставь себе. Они все равно фальшивые.

Сглотнув горечь во рту, Уинифред изобразила легкую улыбку.

– Благодарю, сэр.

Глава 5

Чаепития и неустойки

Платье из дешевой ткани уступало изысканным туалетам светских леди, зато было отлично подогнано по фигуре, выгодно оттеняло белокурые волосы и подчеркивало синеву глаз. Огибая лужи по дороге до района Мейфэр, Уинифред прилежнее обычного поднимала подол, чтобы ненароком его не замочить – может, на улице на нее никто и не обратил бы внимания, а вот в офисе Дарлинга – еще как.

Адрес на визитной карточке привел ее на красивую улицу. Такую изысканно тихую, что не оставалось никаких сомнений – такую тишину могут себе позволить только очень богатые люди. Перейдя через дорогу, Уинифред наклонила голову, чтобы поправить шляпку и разгладить юбку, а когда подняла глаза, ей едва удалось подавить удивленный вздох.

Небольшой, но чистый и с безупречным вкусом отделанный двухэтажный дом на Керзон-стрит был совсем не похож на офисное здание. Белые мраморные ступени были чисто вымыты, несмотря на недавно прошедший дождь. По парапетам змеилась белая кружевная резьба, потемневшая от времени, но все еще прекрасная. Возле входа зеленели кусты самшита идеальной прямоугольной формы, в маленьких клумбах стрелами неслись ввысь туберозы на изящных ухоженных стеблях. Рядом с ними покачивалась на ветру одна-единственная розовая головка китайской астры. Это явно был дом состоятельного человека.

У Уинифред появился тонкий металлический привкус во рту, будто она до крови прикусила язык или положила на него чистенький пенни. Неужели мистер Дарлинг настолько богат, что ему по карману держать офис в столь уважаемом районе? Или настолько туп, что дал ей свой настоящий адрес?

Не торопясь, Уинифред поднялась по ступеням, выпрямив спину и задрав подбородок. Ей нравилось думать, что в этот момент кто-то смотрит на нее, входящую в роскошный дом, и что она выглядит так, будто имеет на это право. Но она ни разу не обернулась посмотреть, поймала ли ее фигурка в темно-синем платье чей-нибудь взгляд.

Оставив на ступенях грязные следы, она остановилась у входа и дважды с силой опустила дверной молоток в виде львиной головы. Ее ждали – почти сразу же дверь распахнулась, и на пороге показался немолодой дворецкий с приветливым, но отстраненным лицом. Уинифред стиснула губы, когда его взгляд быстро скользнул по ее одежде. Обычный человек ничего бы не заметил, но у нее глаз был наметан на подобные мелочи. И ей не понравилось, что какой-то слуга рассматривает ее, как побирающуюся нищенку.

– Добрый день, мисс. Чем могу быть вам полезен? – учтиво поинтересовался старик.

Он оставил дверь открытой и сложил за спиной руки в ослепительно-белых перчатках.

– Добрый день. У меня назначена встреча с мистером Дарлингом, – холодно ответила Уинифред.

За оценивающий взгляд она определила дворецкого в перечень людей, напрасно подвергающих сомнению ее компетентность. Этот старый черт ведь отлично знает, кто она и к кому пришла.

– Мисс Бейл, я полагаю? – уточнил он, слегка приподняв брови. – Прошу вас, прохо...

– Уинифред, это вы?

Дарлинг потеснил своего дворецкого. Юноша был без сюртука, в сорочке без воротничка и в светло-розовом, полностью расстегнутом жилете. Глаза его сияли. Он даже больший идиот, чем его старикашка дворецкий. Уинифред уже порядком надоело стоять на пороге. Ей захотелось демонстративно растолкать обоих локтями и протиснуться в дом.

– Мистер Дарлинг, – чопорно поздоровалась она.

Дворецкий кашлянул. По тому, как он покосился на Дарлинга, Уинифред поняла, что ему неловко.

– Прошу вас, проходите, мисс Бейл, – пригласил он.

Дарлинг порозовел и подвинулся, давая Уинифред войти. Дворецкий молча запер дверь, повернулся и выжидательно поглядел на своего хозяина.

Внутри дом был так же красив, как и снаружи, обжит и дорого, со вкусом обставлен. Пол в широкой прихожей устилали красно-коричневые ковры, белые балюстрады на лестницах уводили высоко

вверх, а в окна были вставлены причудливые, светлые и изящные витражи.

Уинифред ни единым движением не выдала, что красота дома произвела впечатление на нее. Она чинно сложила руки и принялась ждать, когда кто-нибудь – хозяин или дворецкий – заговорит.

– У нас неотложные дела, мисс Бейл! – произнес Дарлинг таким торжественным тоном, будто собрался взять ее не на работу, а в жены, и разве что не приплясывал от радости. – Миллард, пожалуйста, попросите Габи подать чай в Малый кабинет... Или нет, лучше попросите Лауру, если она не занята. Ох, или не чай?.. Мисс Бейл, что вы предпочитаете?

Уинифред хотела попросить горячий шоколад, которого не пила уже целую вечность, но вместо этого уронила:

– Чай подойдет, благодарю.

Дарлинг повел ее в левое крыло дома. Он был по-домашнему небрежно одет и взъерошен: черные локоны свободно спадали на лоб, а закатанные рукава сорочки обнажали изящные худые запястья. Уинифред отвела от него взгляд.

По короткому светлому коридору они прошли к кабинету. Дарлинг пригласил ее войти, и Уинифред, шагнув через порог, уловила исходящий от его одежды запах полевой травы и совсем чуть-чуть – вчерашней гардении. Юноша закрыл за ними дверь, и она огляделась.

Малый кабинет оправдывал свое название – он действительно был небольшим. Шкафы со стеклянными дверцами были заставлены книгами. На столе, придвинутом к окну с гардинами из органзы, громоздились кипы документов. Какие-то были рассортированы по ящикам и конвертам, какие-то – разбросаны в беспорядке. На столе и на комодке у входа стояли лампы с абажурами из плотной ткани в цветочек и крошечные вазочки с кореопсисами, белыми фиалками и алой геранью. На стенах, оклеенных старыми голубыми обоями, там, где бумага не выгорела, виднелись яркие прямоугольные пятна – похоже, недавно со стен сняли картины.

Дарлинг придвинул к ней кресло. На деревянном столике с отпечатками кругов от кружек рядом с надкушенным тминным кексом и чашкой чая лежала книга. Уинифред без интереса скользнула взглядом по обложке, присела и чуть не утонула в мягких подушках.

Сам юноша сел напротив, как той ночью, в доме лорда Уилкиса. Заметив, куда она смотрит, Дарлинг смущенно кашлянул.

– Вам по душе мой офис?

– Выглядит очень обжитым, – сухо заметила Уинифред. – Никогда не видела, чтобы в офисе держали дворецкого.

– Так я ведь... ведь я же здесь живу, – пробормотал Дарлинг. – Потому и... дворецкий...

– Выходит, это ваш дом, а не офис? – безжалостно поинтересовалась она.

– Да, но...

– Стало быть, любой знакомый мистера Дарлинга может наведаться в ваш замечательный домик на Керзон-стрит и обнаружить здесь *меня*?

Дарлинг залился краской, стискивая пальцы. Кажется, он пожалел, что вообще решил задать этот вопрос.

– Я решу эту проблему, – робко пообещал он. – Уинифред... мисс Бейл, вы... вы ведь согласны выполнить свою часть сделки?

Пальцы Уинифред крепче стиснули ридикюль, куда она заблаговременно переложила письмо.

– Я не собираюсь ничего подписывать, пока мой контракт с мистером Уорреном не превратится в клочья, – отрезала она.

Дарлинг подскочил и сцапал со стола желтый лист бумаги. Когда он протянул его Уинифред, у нее екнуло сердце. Одной рукой стиснув ридикюль, другой она выхватила у юноши собственный контракт. Это точно был он. Бумага, пожелтевшая от времени, была плотной и жесткой. Черные скошенные буквы, принадлежавшие перу мистера Уоррена, складывались в ровные строчки условий договора. Уинифред, не удержавшись, пробежалась по ним глазами. *«Беспрекословное подчинение приказам...», «...в срок достижения обоюдного согласия расторжения данного договора...»*

Ее замутило.

Взгляд Уинифред скользнул к собственной подписи – к кривой линии. Без сомнения, это была ее рука.

Она подняла взгляд на Дарлинга.

– Как вы его достали? – глухо спросила она и подняла руку с зажатым в ней договором.

Дарлинг вытянул ноги и без тени бахвальства произнес:

– Мой человек его выкрал. Он знает, где мистер Уоррен хранит самые важные документы, и выкрал оттуда несколько любопытных экземпляров. Уверяю, ваша бумажка – самая ценная.

Он кивнул подбородком на стопку бумаг на столе. Уинифред, округлив глаза, уставилась на Дарлингга.

– Вы выкрали их? Все эти документы?

От удивления она даже забыла спросить, кто именно предал мистера Уоррена.

В этот раз Дарлинг, должно быть, подумал, что Уинифред удивлена его сноровкой. Сложив руки за головой, он хвастливо подтвердил:

– Все до единого. Обчистил дочиста.

– Идиот! – вырвалось у Уинифред, и Дарлинг удивленно захлопнул рот. – О, какой же вы идиот! Вы думаете, мистер Уоррен не заметит пропажи полусотни документов, в том числе и моего контракта? Да он поднимет на уши весь Лондон!

Лицо Дарлингга вытянулось.

– И что с того, что он узнает? – тупо переспросил он.

– Он откроет охоту на меня! – завопила Уинифред, не сдерживая злости. Она вскочила с кресла и теперь возвышалась над Дарлинггом на добрых два фута. – Вы же понимаете, что я не смогу на вас работать, если буду *мертва*? Будьте уверены, мой труп найдут в Темзе вечером того же дня, когда мистер Уоррен обнаружит, что кто-то обчистил его архив!

На последних словах она даже топнула ногой. Молодой человек открыл рот и снова его захлопнул, не решившись ничего сказать. Все еще кипя от гнева, Уинифред снова села. Ее душило предчувствие погони, страшное, мерзкое ощущение. Он не должен узнать о пропаже. Этот идиот все испортил. Что же делать? Что же, что же...

– Так я просто подменю все документы на копии, – выпалил он.

Уинифред застыла, и Дарлинг приободрился.

– Да, просто заменю все на копии. Это будут хорошие копии, будьте покойны, до нужного времени он ничего не заметит... Ах, какая же прекрасная мысль, Уинифред! Идею с копиями я у вас почерпнул. Вы просто гений, честное слово.

Он что, издевается?

– Копии? – процедила Уинифред. – И как же вы намерены это осуществить, мистер Дарлинг?

Она очень постаралась, чтобы «мистер Дарлинг» из ее уст прозвучало как «пустоголовый идиот».

Дарлинг окончательно оправился. Из его позы ушло напряжение, складки на лбу разгладились. Он был так поглощен новыми планами, что, казалось, вовсе забыл про Уинифред.

– Завтра же подложу копии вместо оригинальных бумаг... А знаете, что, Уинифред? Вы их и подложите. Это будет ваше первое задание.

Она нахмурилась, невольно сминая край своего договора в кулаке.

– Хватит с меня и того, что мне придется притворяться, что я все еще работаю на него, – отрезала она. – Пошлите кого-нибудь другого, раз уж вы вхожи в святая святых господина Уоррена!

Внутренне она сжалась. Пробуя границы дозволенного с Дарлингом, Уинифред прекрасно понимала, что уже зашла слишком далеко. Она ожидала, что сейчас он рявкнет на нее, поставит на место, но юноша всего лишь отвернулся и негромко попросил:

– Лучше вас никого нет. Я бы хотел, чтобы это сделали вы.

Уинифред расправила плечи, почувствовав неловкость. Ей бы торжествовать, что этот идиот у нее под каблуком, но ощущение было скорее такое, будто она пнула котенка.

– Я предпочла бы свести к минимуму эти визиты, – призналась она, скрывая смятение.

Дарлинг кивнул и поднялся. На его лице больше не блуждала идиотская улыбка. У него вообще сейчас было непривычно серьезное выражение лица. Юноша прошел к письменному столу, заваленному бумагами, и, приглашая ее, выдвинул кресло. Уинифред пересела, не разгибая спины. Ее разбирало любопытство: почему он вдруг стал так молчалив? Сам Дарлинг сел за стол – на миленькое кресло около окна.

Вся мебель в этом кабинете была старомодной, но баснословно дорогой – Уинифред никогда не видела, чтобы простые кресла в кабинете украшала золотая вышивка с купидонами. Ей захотелось спросить, кто обустроивал кабинет, но она побоялась показаться чересчур заинтересованной. Она украдкой ковырнула ногтем лакированное дерево.

Дарлинг выдвинул ящик и достал оттуда лист бумаги, очень похожий на ее прошлый договор. Уинифред почувствовала ком в груди и сделала глубокий вдох. Один год. До тех пор, пока она не накопит денег, чтобы покинуть Лондон и больше никогда не слышать *его* имени. Или пока Дарлинг со своей юной империей не свергнет нынешнего короля.

Он молча протянул ей лист, и Уинифред, положив на колени свой ридикюль и старый контракт, взяла в руки новый. Он был составлен очень аккуратно, совсем не так, как тот, который она подписала десять лет назад. И читать она теперь тоже умела.

Уинифред внимательно изучила написанное, подвоха в формулировках не нашла. Дарлинг обещал ей практически полную свободу действий при условии, что она беспрекословно выполнит любой его приказ. Предусматривалось и расторжение договора в одностороннем порядке – конечно, при условии выплаты чудовищной неустойки. Уинифред не стала задерживаться на этом пункте и просто пробежалась по нему взглядом.

У нее перехватило дыхание, когда она увидела назначенное себе ежемесячное жалование. Почти в два раза больше того, что она получала за год у мистера Уоррена!

Уинифред взглянула на Дарлинга, ожидая увидеть насмешливую или торжествующую улыбку, но выражение его лица было пустым. А когда на лице Дарлинга не отражалась каждая его эмоция и мысль, оно казалось потемневшим и словно замутненным.

Помедлив, она взялась за перо и поставила подпись. Подсыхающие чернила были синие, а строчки договора – черные. Не понимая, что ею руководит, Уинифред вдруг протянула Дарлингу руку через стол. Он удивленно моргнул, но принял ее ладонь и мягко пожал. На его лицо вернулась смущенная улыбка, и Уинифред почувствовала неясное облегчение.

– Я очень рад, что вы согласились со мной сотрудничать, Уинифред.

Она не ответила и опустила руку. Дарлинг неловко уставился на договор, лежащий перед ней, явно не понимая, оставить его или забрать у нее из-под носа.

В дверь постучали, и они оба вскинулись, как две молодые лани. Уинифред окончательно смяла в ладони лист, а молодой человек

вскочил и стал неловко переминаясь с ноги на ногу. Глупо, но она почувствовала, будто кто-то прервал интимный момент. И кто бы это ни был, она была ему благодарна.

– Войдите! – разрешил Дарлинг.

Уинифред повернулась к двери. В кабинет вошла девочка лет четырнадцати. У нее было уставшее, даже изможденное худое лицо со впалыми щеками и острым носиком. Горничная была худенькая и невысокая, длинные темные волосы заплетены в косу, раскосые карие глаза с залегшими под ними тенями глядели на Уинифред с настороженной робостью. На подносе она несла крошечный белый чайник и такие же чашки. Не решаясь пройти дальше, она застыла на пороге.

– Заходи! – рассмеялся Дарлинг.

Горничная несмело прошла в кабинет, поставила медный поднос на стол и принялась разливать чай.

– Спасибо, Лаура, – поблагодарил ее юноша и ослепительно улыбнулся. – Чай пахнет просто восхитительно!

Уинифред принялась к тонкой струйке ароматного пара, бегущего из носика чайника. Это оказался травяной сбор из лемонграсса, чабреца и мяты. Похожий аромат исходил от одежды Дарлинга. Она бросила на него короткий взгляд, но промолчала.

Дарлинг снова сел, и Лаура обеими руками подала чай сначала ему, потом Уинифред. Она приняла из рук горничной обжигающую чашечку и незаметно размяла пальцы, чтобы остудить их.

Лаура присела в книксене и хотела было уйти, но Дарлинг остановил ее:

– Постой. Мисс Бейл, позвольте вам представить Лауру, мою экономку и незаменимую помощницу.

Он проговорил это с легким недоумением, будто задавал вопрос, и Уинифред стало смешно. Она протянула девочке свою узкую ладонь, и та, присев, коротко пожала ее.

– Лаура, это мисс Бейл. Ты наверняка про нее слышала. Теперь она будет работать с нами.

– Это честь, – прошептала Лаура.

Уинифред почувствовала прилив гордости и за эту гордость прониклась к девочке благосклонностью. Она повернулась к Дарлингу и задрала подбородок.

– Очаровательно. Лаура, чем ты занимаешься? – спросила она у девочки, не отводя взгляд от юноши – почему он назвал ее экономкой, если девочка разносит чай?

Как она и ожидала, за нее ответил Дарлинг:

– Лаура знает все секреты Лондона. Вы не представляете себе, Уини... мисс Бейл... Вы не представляете себе, мисс Бейл, сколько прислуга знает о своих хозяевах! И сколько они могут рассказать Лауре!

– Это разумно, – неохотно признала Уинифред и поставила нетронутую чашку на стол, стараясь не пролить ни капли на разбросанные повсюду бумаги. – Слуги и правда зачастую знают о хозяевах больше их самих.

Лаура смущенно потупилась, и Дарлинг улыбнулся ей теплой мальчишеской улыбкой, удивительно шедшей его идиотской физиономии.

– Спасибо за чай, Лаура. Можешь идти. Зайди, пожалуйста, со своим набором после ухода мисс Бейл.

Лаура, снова коротко присев, выскочила за дверь. У нее были рваные, стремительные движения, как у петляющего зайца. Девочка была не так проста, как казалось.

Уинифред осенило. Она провела ногтем по краю чашки, и фарфор запел.

– Ваш человек у мистера Уоррена – это кто-то из прислуги?

– Нет... Точнее... да, прислуга тоже.

– Тогда это мисс Гэмпстон.

Дарлинг удивленно вскинул брови.

– Верно. Как вы поняли?

Значит, она. Уинифред не почувствовала ни досады, ни облегчения от того, что мисс Гэмпстон находилась в таком же положении, как и она. Но то, что догадка оказалась верной, принесло ей удовлетворение.

– Раз не прислуга, значит, она. – Уинифред снова тронула пальцами горячую чашку – в кабинете становилось прохладно для ее крепового платья. – Она знала про фиолетовый галстук и бал, но не знала пароля – это была наша с мистером Уорреном предосторожность. Впрочем, про галстук мог подслушать кто-нибудь из прислуги – мистер Уоррен скуп, и вам не составило бы труда

переманить любого из них на свою сторону. Но раз не прислуга, значит, мисс Гэмпстон, смелости хватило бы лишь у нее. Любопытно.

Уинифред подняла голову и встретила восхищенный взгляд Дарлинга. Ей стало неловко. Юноша открыл рот, чтобы что-то сказать, но она торопливо перебила его:

– Вы хотите получить ваше письмо, мистер Дарлинг?

Он моргнул, и восхищенное выражение смазлось.

– Да... конечно. Конечно, мисс Бейл, – пробормотал он.

Уинифред раскрыла ридикюль. Отыскать письмо было нетрудно – помимо него, там лежали только набор отмычек и пузырек спирта для обработки ран. Не совсем стандартный набор для юной леди, но эти вещицы выручали ее гораздо чаще, чем платки и нюхательные соли.

Она протянула Дарлингу письмо, но он не стал его читать, а просто положил лист к кипе других. Уинифред окаменела и до боли стиснула пальцы. И вот из-за этого клочка бумаги она рисковала своей жизнью!

– Я сейчас же займусь копиями, – пообещал Дарлинг, грудью навалившись на стол. – Буду ждать вас завтра с утра. В одиннадцать. Вы же сможете?.. То есть... Приходите в одиннадцать, пожалуйста.

Прощание вышло скомканным. Кажется, юноша тут же принялся строчить кому-то письмо. Уинифред, оглядев стопку документов, украденных у мистера Уоррена, мысленно поблагодарила Бога за то, что Дарлинг не заставил ее копировать их самостоятельно.

Разорвав старый договор на четыре части, Уинифред оставила обрывки на чайном столике. Дарлингу придется повозиться с копией.

Чтобы вернуться в «Рассвет», он предложил ей взять кучера. Ожидая, пока запрягут лошадей, она осматривала холл. Мраморный пол был выскоблен до блеска; Уинифред представила, как скользили бы по такому полу туфли во время танца, и ей нестерпимо захотелось на бал. На настоящий бал. Не ради задания, а ради развлечения. В своем платье, а не в чужом, пусть и прекрасном.

Развернувшись на пятках в имитации бальной фигуры, Уинифред оказалась лицом к лестнице и встретила взглядом с Лаурой. Девочка двигалась так бесшумно, что если бы Уинифред не повернулась, то даже не заметила бы ее. Лаура широко раскрыла глаза. Она только что спустилась. В руках вместо маленького медного подноса она держала несколько склянок разноцветных чернил, деревянную лакированную

палитру и стопку желтоватых листов веленовой бумаги. Похоже, она займется копированием вместе с Дарлингом. Уинифред заметила, что Лаура сняла чепец и распустила жесткие густые волосы, и теперь они смоляным водопадом струились у нее по спине.

– Мисс Бейл, – присела девочка, и Уинифред благосклонно ей улыбнулась.

– Лаура. Спасибо за чай, он был просто превосходен, – соврала она, ведь не сделала и глотка.

Ей хотелось расположить к себе девочку – она могла оказаться незаменимым источником информации.

Лаура зарделась и поудобнее перехватила бумаги тонкими, как у фарфоровой куклы, ручками.

– Благодарю вас, мисс. Травы для него собирались близ поместья мистера Дарлинга в Хартфордшире.

Хартфордшир, значит. Вот почему Уинифред слышала о Дарлингах, но никогда – о Теодоре. Должно быть, он приехал в Лондон не так давно.

– Вот как? – Уинифред улыбнулась и симитировала интерес легким наклоном головы. – Я, кажется, почувствовала запах чабреца.

Лаура часто-часто закивала. Румянец на ее лице из смущенного превратился в восторженный. Когда на желтоватом, изможденном лице этой девочки появлялась краска, оно становилось даже... симпатичным. Уинифред стало любопытно, отчего Лаура выглядит так болезненно. Она перенесла хворь или голодала до недавних пор? Ей было сложно поверить, что Дарлинг стал бы морить голодом собственную прислугу.

– И чабрец, и мелисса, и вереск, мисс. Нам все травы привезли из Хэзервуд-хауса^[3].

– Вот как? – небрежно переспросила Уинифред. – Мистер Дарлинг сам привез, когда приехал в Лондон?

– Да, мисс, пару месяцев назад, – кивнула Лаура. – Простите, мне... нужно идти. Извините, мисс Бейл. До встречи.

– До встречи, Лаура, – попрощалась Уинифред.

Ткань светло-коричневого платья девочки была хуже, чем у нее самой, и ей стало горько.

Хэзервуд-хаус... Дарлинг приехал в Лондон всего два месяца назад. Или вернулся? Дом явно принадлежал ему или его семье. Зачем

он уезжал в Хартфордшир? Зачем приехал в Лондон? Где остальные Дарлинги?

По ее спине пробежал холодок. Уинифред почти ничего не знала о том, кто ее нанял. *Опять*. Но хуже то, что сам Дарлинг, кажется, знал о ней все.

Глава 6

Дети и их родители

Едва касаясь ногами деревянных ступеней шаткой наружной лестницы «Рассвета», Уинифред сбежала вниз. Ступеньки держались на честном слове, долго задерживаться на них было опасно. У черного хода никого не было, и она позволила себе отдышаться.

Прислонившись к балясине, она отряхнула платье. Уинифред надела вчерашнее – свое лучшее. Вчера вечером она с отчаянием убедилась, что весь ее немногочисленный гардероб усеян пятнами, прожженными каминным огнем дырками или просто следами износа. Одно из поношенных платьев она попыталась починить, но только напрасно исколола себе пальцы иглой и окончательно испортила ткань, которая от ее стежков пошла складками.

Переведя дух, Уинифред завернула за угол и застыла: у обочины стоял запряженный двойкой экипаж Дарлинга. Заметив ее, кучер заулыбался, точно Уинифред была ему доброй подругой. Дарлинг послал за ней? Это было неожиданно... и глупо с его стороны. Но она не могла не признать, что также это было приятно – мистер Уоррен никогда не выделял ей дополнительных денег на поездки, что уж говорить о личных экипажах.

Она приблизилась к карете, и кучер, имени которого она не помнила, отвесил поклон.

– Доброе утро, мисс Бейл! – жизнерадостно приветствовал он Уинифред, подсаживая ее. – Хорошая сегодня погода!

– В следующий раз не ставьте экипаж так близко к «Рассвету», – сварливо отозвалась она.

Когда карета тронулась, Уинифред села поудобнее, не заботясь о том, ровная ли у нее спина, и задумалась.

Дарлинг идиот. Но, должно быть, что-то он делает правильно, иначе мистер Уоррен давно бы его вычислил. Юноше хватило сообразительности переманить слуг и близких шпионов на свою сторону – Уинифред была уверена, что, как и с ней, к каждому Дарлинг нашел подход. А о ней он, разумеется, все узнал от мисс Гэмпстон. Идиот он или нет, но у него должны быть свои цели, а о них

Уинифред пока не знает ничего. Она с раздражением откинула завитую голову на бархатную подушку сиденья. Хватило же ума у этого франта выйти в свет под собственным именем! Теперь вокруг него и его дома-офиса будут ошиваться безумные мамы с дочерьми на выданье. Так он зарекомендует себя разве что как завидный жених, а не соперник мистера Уоррена. Но что же ему нужно? Он старый враг ее хозяина? Нет, для этого он слишком юн. К тому же что им делить? Самоуверенный богатый юнец, пытающийся свергнуть короля – уже больше похоже на правду. И звучит глупо, очень в его духе.

Уинифред застонала и несколько раз легонько стукнула головой о подушку. Ее раздражало, что деньги запросто достаются таким идиотам, как Дарлинг, а ведь они даже не умеют ими распоряжаться! Сидят на золотых слитках, как собаки на сене, или тратят их направо и налево. Ей самой деньги приходится зарабатывать тяжелым трудом – не самая ужасная участь, если учитывать, что в работе у нее недостатка нет. Но как было бы приятно родиться в богатой семье и никогда не задумываться о деньгах!

Об этом Уинифред размышляла с тянущей, жадной тоской, рассматривая особняк Дарлинга через окошко экипажа. Она со злостью задернула бархатную шторку и распахнула дверцу.

Подав руку, кучер помог ей выбраться. На этот раз она хорошенько его рассмотрела. Это был высокий, крепко сложенный мужчина лет тридцати, с широкими плечами и массивным подбородком. Несмотря на квадратную челюсть и маленькие, глубоко посаженные глазки, выражение лица у него было дружелюбное и простодушное.

Наверняка он думает, что она любовница хозяина. От этой мысли Уинифред захотелось расхохотаться. Если бы Дарлинг каким-то чудом забрел в публичный дом, уже через пять минут проститутки выпроводили бы его, понятия не имея, что с ним делать.

Все еще пребывая в раздражении, Уинифред брезгливо забрала ладонь и не кивнула в благодарность улыбающемуся кучеру. Все слуги Дарлинга были блаженными, как их хозяин.

Встретив Уинифред, Миллард сразу провел ее в Малый кабинет. Сегодня он был гораздо любезнее – принял ее плащ и даже попытался завязать беседу по пути, – но Уинифред не собиралась топить лед с этим мелочным дотошным старикашкой. На все вопросы она отвечала

односложно и с подчеркнутой неприязнью, и вскоре Миллард оставил ее в покое. Постучав в дверь Малого кабинета, он поклонился и оставил Уинифред одну. Не дождавшись ответа, она толкнула дверь и вошла.

Дарлинг полулежал в низком кресле, вытянув длинные ноги. К груди он прижимал картонную папку, полную бумаг с разноцветными нитями вместо ярлыков. Его глаза были закрыты, а губы чуть разомкнуты. Он спал. Словно замороженная, Уинифред бесшумно закрыла дверь и подкралась поближе. Она никогда не видела спящих мужчин, кроме своего отца и братьев, и не подозревала, что во сне они выглядят так незащитно. Тяжелые кудри Дарлинга растрепались и торчали во все стороны. Это вкупе с приоткрытым ртом и расслабленным выражением лица делало его еще более уязвимым, чем обычно.

Уинифред устыдилась того, что подглядывает, и быстро выпрямилась, подавив глупое желание убрать прядь волос со лба юноши. Вместо этого она вернулась к двери, открыла ее и громко захлопнула. Дарлинг подскочил, чуть не опрокинув ногой столик. Уинифред повернулась к нему, чинно сложив руки.

– Доброе утро, мистер Дарлинг.

Юноша, сонно моргнув, тупо пялился на нее несколько секунд, а затем вскочил. Его нога снова задела столик, и пустая чашка на нем со звоном перевернулась. Рядом с подносом лежала новая книга, Уинифред разглядела тисненное золотом название «Лирические баллады».

– Уинифред! Доброе утро. – Прищурившись, он бросил взгляд на часы, моргнул и снова уставился на нее. – Извините, я немного... не выспался. У мистера Уоррена чертовски... простите, *очень* много бумажек. Полагаю, он должен быть благодарен мне за избавление от них.

– Несомненно, – сухо согласилась Уинифред и добавила: – «Мисс Бейл», будьте добры.

Она заметила, что Дарлинг ругается очень неловко, будто не привык к этому. Зачем же он это делает? Пытается произвести на нее впечатление?

Обогнув старое кофейное пятно на ковре, Уинифред без приглашения села напротив юноши и взяла в руки первую

попавшуюся подделку. Она оказалась хороша, нелегко было отличить эту копию от оригинала, не имея его. Уинифред неохотно признала:

– Отличная копия. Лаура вам помогала?

Дарлинг криво ухмыльнулся.

– Если под «помогала» вы имеете в виду «сделала всю работу за меня», то да, так и есть.

Где же Лаура выучилась так искусно копировать? У Уинифред на то, чтобы проделать такую работу, ушло бы несколько дней. А Лаура и Дарлинг управились за одну ночь.

Она положила подделку поверх остальных бумаг и деловито заметила:

– Чтобы пронести их в офис мистера Уоррена незаметно, мне придется их упаковать.

Дарлинг протер глаза, встал и лениво потянулся. Уинифред подумала, что сейчас он бросится упаковывать бумаги, но юноша рассеянно произнес, пальцами расчесывая спутанные локоны:

– Возьмите бумагу и бечевку в шкафу. Я скоро вернусь.

Юноша вышел из кабинета, и Уинифред ошеломленно посмотрела ему вслед. На секунду она забыла, что это он ее наниматель, а не наоборот. С мистером Уорреном у нее никогда не было проблем с подчинением и субординацией. Почему же с Дарлингом ей постоянно приходится напоминать себе, что она находится на услужении?

Скрипя зубами, Уинифред осмотрела шкафы и нашла рулон мягкой коричневой бумаги, в которой кухарки носят хлеб и сыр. Придирчиво изучив бумаги и разложив их на поддельные и подлинные, она завернула копии.

Она услышала, как Дарлинг вернулся, когда уже завязывала бечевкой аккуратный узел.

– Все упаковано, – произнесла Уинифред, поднялась с низкого кресла и обернулась. – Когда мне...

Дарлинг сменил одежду. Накрахмаленная белая сорочка подчеркивала глубину темно-сиреневого оттенка шелкового жилета. В кармане сюртука поблескивала золотая цепочка часов. Напомаженные волосы больше не падали на лоб, а были уложены в аккуратную прическу, спрятанную под цилиндром. Уинифред не могла сказать, что она ему не идет, но...

Словом, спящим Дарлинг нравился ей куда больше.
Юноша взволнованно улыбнулся. Его густо-черные глаза сияли.
– Превосходно! Но прежде нам нужно кое-куда заскочить...

* * *

Слабое солнце подсветило облака и рассеяло мягкую золотую взвесь в воздухе. На Бонд-стрит сияли чистые стеклянные витрины и вывески модных ателье. Туда-сюда сновали улыбчивые молодые леди, прижимающие к груди шляпные картонки и свертки с новыми индийскими шальями.

Выйдя из кареты, Уинифред взволнованно разгладила платье. Она старалась не подавать вида, но сердце трепетало так, будто собиралось вот-вот вырваться из груди.

Привыкший к сдержанной роскоши модных улиц, а потому ничуть ею не тронутый, Дарлинг с нежной улыбкой поглаживал белый нос своего жеребца в упряжи. Когда они садились в экипаж, юноша с присущей ему жизнерадостностью сообщил, что лошадей зовут Гелла и Фрикс.

– Вы разве не знаете, что мужское платье лучше заказывать на Сэвил-Роу? – спросила Уинифред Дарлинга.

Она прекрасно поняла, зачем он привез ее сюда, но все еще не могла в это поверить. Позволить себе обновку из ателье на Бонд-стрит она могла разве что в самых безумных и прекрасных мечтах.

Юноша с удивлением покосился на Уинифред.

– Зачем вам мужское платье?

Она не нашлась с ответом и многозначительно хмыкнула. Дарлинг предложил ей руку, и вместе они зашли в модный салон, рядом с вывеской которого красовалась гордая табличка «Только по записи».

В ателье было тихо и светло. Уинифред незаметно для себя выпустила локоть юноши, заглядевшись на прекрасные образцы тканей – бархат, тафта, шелк, батист, муслин, муар, – и опомнилась только тогда, когда заметила направленный на нее насмешливо-нежный взгляд Дарлинга. Она быстро отвернулась и приняла скучающий вид. Ей никогда еще не приходилось бывать в подобном месте. Все ее платья покупались в лавках дважды, а то и трижды

подержанного туалета и кое-как перешивались прислугой. Но и это случалось редко. Лишь раз в год мистер Уоррен, скрипя зубами, опускал ей в руку несколько шиллингов. Это место было совершенно иным. Здесь *рождалась мода*. Здесь ловкие руки мастериц оборачивали вокруг девичьих тел ярды дорогих тканей, создавали платья самых невероятных фасонов, цветов и отделок. Отсюда даже самая невзрачная девица выходила настоящей красавицей. А уж она-то...

Дарлинг тронул ее за плечо, и она обернулась. В проходе стояла портниха, хозяйка этого удивительного места, создающая искусство ловкими движениями собственных пальцев. Маленькая женщина с простой прической и немолодым, но красивым лицом. Ее плечи обвивала измерительная лента. Уинифред невольно оробела перед ней, хотя они еще не обменялись и словом. Дарлинг встал рядом с Уинифред, и, хотя он не коснулся ее, она почувствовала тепло его тела даже сквозь плотную ткань сюртука.

– Добрый день! – поздоровалась портниха.

Уинифред не владела языками, но умела различать акценты. Эта женщина была француженкой.

– Вы, должно быть, мистер Дарлинг?

– Добрый день, мадам Бертран. Моя супруга пожелала обновить гардероб, а кроме вас, ей никто не сможет угодить. Правда, дорогая?^[4]
– Он похлопал Уинифред по руке и тут же покраснел. – Можем ли мы рассчитывать на вашу помощь?

Мадам Бертран окинула их внимательным взглядом. У нее были цепкие, колкие глаза, и Уинифред порадовалась, что она в перчатках, иначе вопроса об обручальном кольце было бы не избежать. Боже, какой же он идиот!

– Oui, ça me plairait^[5]. Я рада, что вы решили обратиться ко мне, мистер Дарлинг. Полагаю, это и есть ваша...

– Позвольте представить вам миссис Дарлинг.

Уинифред подавила желание стукнуть юношу чем-нибудь тяжелым по голове и жеманно улыбнулась портнихе. Мадам Бертран раскинула руки и улыбнулась ей в ответ.

– Enchantée, madame!^[6] Прошу, пройдите сюда.

Модистка сняла с нее мерки и вручила образцы материи и вырезки из журналов мод. Если она и заметила разительный контраст

между ее дешевым платьем и дорогим, с иголки костюмом Дарлинга, то ничего не сказала. Уинифред пришлось выбирать ткани по цветам – она не могла снять перчатки, пощупать образцы и при этом показать швее палец без кольца. В итоге она остановилась на светло-бежевом атласе с набивным узором из мелких цветочков и ярко-розовом бархате. Французские модные выкройки ей очень понравились, и она выбрала несколько фасонов дневных платьев с самой изящной кружевной отделкой.

Договорившись о счете, они попрощались с мадам Бертран и вышли на улицу. Бонд-стрит стала гораздо оживленнее, чем была час назад, – мимо сновали газетные мальчики, прогуливались со вкусом одетые леди и джентльмены. Торговки, сидевшие на обочинах, продавали букеты гвоздик, усаженные в ведра ледяной воды.

Уинифред было неловко благодарить Дарлинга за платья, поэтому она быстро спросила:

– Миссис Дарлинг? Очень изобретательно. Вы совсем не боитесь, что по городу поползут слухи?

Он весело сверкнул глазами и увернулся от мальчугана, который попытался всучить ему свежую «Морнинг пост».

– Честно говоря, не очень... Могу я купить вам шляпку в том салоне?

– Можете, – тут же смилостивилась Уинифред.

Они остановились у дороги, ожидая, пока проедет цепочка экипажей.

– Роль женатой пары нам идет, правда, дорогая?

– Не называйте меня дорогой, – фыркнула она.

Несмотря на то что ее раздражали дурачества Дарлинга, сегодня она была готова простить их ему. В конце концов, он только что заказал ей два платья у лучшей модистки Лондона.

– Сэр, купите газету! – снова вклинился мальчишка. – Только самые свежие новости!

– Какие же они свежие, если уже за полдень перевалило? – осадила его Уинифред и отвернулась. – Пойдемте, мистер Дарлинг.

Мальчик испуганно выпучился на нее, и Дарлинг торопливо запустил руки в карманы:

– Ничего, я куплю. Сколько?

Газетный мальчик содрал с него пять пенсов и убежал. Дарлинг повертел в руках газету, свернул ее и сунул под мышку.

– Вообще-то, я не читаю газет, – признался он.

Унифред почти улыбнулась.

– Так зачем же вы, черт возьми, ее купили? Еще и за такие деньги. Сейчас ведь уже не утро, он должен был взять втрое меньше.

– А, пустяки... Так чем вам не нравится моя фамилия?

– Она слащавая и двусмысленная.

– Что ж, привыкайте, Унифред, – улыбнулся Дарлинг, ничуть не задетый. – Вам же с ней...

Он не договорил и схватил Унифред за руку. Лицо его вытянулось. Унифред опустила голову и, не задавая вопросов, позволила ему увлечь себя в переулок. Дарлинг прижался спиной к влажной кирпичной кладке, и она ощутила острую досаду из-за его испорченного костюма.

– Кто там? – шепнула она, нырнув в тень вслед за ним, но не коснувшись сырой грязной стены.

Юноша был бледнее обычного, его пальцы лихорадочно сжимались и разжимались. Он молчал, и его паника понемногу начала передаваться Унифред. Кто же это мог быть? Мистер Уоррен? Чертова королева Виктория?

Похоже, никакой шляпки ей не будет.

– У нас... небольшая проблема, – наконец выдавил он.

– Где?

– Слева, за черным экипажем, запряженным двойкой. Только выглядывайте аккуратно, умоляю вас!

Унифред нахмурилась и перегнулась через Дарлинга, чтобы выглянуть на улицу. Вокруг мельтешило столько людей, что она не сразу заметила карету, про которую он говорил. За ней стояла незнакомая Унифред юная леди в светло-зеленом платье. Тень от ажурного парасоля закрывала ее лицо, но Унифред сумела разглядеть завитые темно-рыжие локоны. Она посторонилась, и из-за экипажа вышла другая леди – седая и крючконосая, в старомодном капоре. Должно быть, компаньонка или гувернантка.

Унифред обернулась к Дарлингу, изогнув бровь.

– Та, что в зеленом? Вы знакомы с ней?

Его лицо исказилось в страдальческой гримасе.

– Это... вроде как моя невеста... Умоляю, она не должна меня увидеть!

Уинифред широко раскрыла глаза. Когда, бога ради, он успел обзавестись чертовой *невестой*? Чем лучше она узнавала Дарлинга, тем больше удивлялась, как он вообще сумел прожить так долго.

– Чувствую, за этим скрывается невероятная история, – прошипела она, – и вы мне обязательно ее расскажете, как только мы уберемся отсюда.

Молодой человек с энтузиазмом закивал.

– Отличная идея! Как же мы это сделаем?

– Помолчите минуту, мистер Дарлинг.

Уинифред плотно прижала пальцы к вискам. Похоже, теперь ее работа включала обязанности няньки при этом недоумке.

Наконец в ее голове составилась более-менее складный план. Она аккуратно выглянула за угол и убедилась, что обе женщины все еще на месте.

– Слушайте внимательно. Я отвлеку их. Когда вы поймете, что находитесь вне их обзора, садитесь в экипаж и немедленно уезжайте. Подберете меня на углу через пять минут. И *все* мне расскажете!

Должно быть, она выглядела очень рассерженной, потому что Дарлинг нервно сглотнул и кивнул, не произнеся ни слова. Уинифред удовлетворенно склонила подбородок.

Леди со своей компаньонкой стояла за экипажем, не сходя с места. Кучер посматривал на нее и успокаивал лошадей, беспокойно мотающих головами. Уинифред вытащила булавку, которой крепились шляпка к голове, и позволила ей, удерживаемой только лентами, упасть себе на спину. Растрепав прическу, она выпустила несколько светлых прядок у лица и немного ссутулилась. Так она легко сошла за пятнадцатилетнюю. Затем она быстро обернулась и, убедившись, что Дарлинг надежно скрыт в тени проулка, выскользнула на улицу и направилась к девушке. Пришла пора проверить, не растеряла ли она свои актерские таланты.

– Прошу прощения! – обратилась она дрожащим голосом к компаньонке рыжеволосой леди.

Обе женщины обернулись – молодая с удивлением, старшая – с раздражением.

– Я... я потеряла свою маменьку! Мы прогуливались по Пикадилли, а потом она зашла в магазин за лентами, а я отвернулась на секундочку, а ее уже и след простыл... – Она коротко всхлипнула и по-детски, кулаком, утерла нос. – Я не могу ее найти!

Компаньонка глядела на нее все с той же холодной брезгливостью, но выражение лица рыжеволосой леди смягчилось. У нее было красивое, но неинтересное лицо сердечком, кожа сливочного оттенка, маленький изящный рот и ореховые глаза – большие и глубокие, как лесные озера. Она протянула к Уинифред руки, и та с готовностью вложила в них свои.

– Не в-волнуйтесь, мисс, – произнесла леди с легким заиканием, с нежностью глядя в раскрасневшееся от фальшивых всхлипываний лицо Уинифред. – Где вы видели ее в п-последний раз, милая?

Она вытащила из пухлой ладони леди свою дрожащую руку и указала в направлении, противоположном месту, где прятался Дарлинг, на небольшой магазинчик шляп и шалей. Обе женщины посмотрели туда.

Лишь бы этому идиоту хватило ума убраться прямо сейчас!

– Маменька заходила туда за лентами, мисс. Она сказала, что я несносный ребенок, что все мои ленты в ужасном состоянии и нам придется купить новые. Она зашла туда, а я увидела птичку на карете – о-о-очень красивую, с желтой грудкой и с синим хохолком, такую красивую, мисс! Я отвернулась, чтобы посмотреть на нее, а когда она улетела, маменьки уже не было в магазине! – Уинифред снова надрывно всхлипнула и, освободив вторую руку, спрятала лицо в ладонях.

– Ну-ну, не п-плачь, – полным сострадания голосом произнесла девушка. Уинифред почувствовала, как ее рука осторожно поглаживает ее плечо.

Старая компаньонка фыркнула.

– Девочка, иди своей дорогой! Хватит докучать мисс своими глупыми рассказами.

Леди послала своей спутнице сердитый взгляд.

– Как в-вам не совестно, мисс Хаббард! Мы не можем оставить б-бедняжку на улице совсем одну. Мы п-подождем моего отца и разберемся вместе. Как тебя зовут, милая?

Девушка подарила Уинифред еще один взгляд, полный сострадания и нежности, и ей стало дурно. Дело плохо, хуже некуда! Так вот почему они стоят на улице – ждут отца!

Уинифред не могла удостовериться, что Дарлинг уехал, поэтому резко вскинула голову и воскликнула:

– О, я вижу ее! Маменька!

Она замахала в толпу. Народу было столько, что никто не обратил внимания. Обратив горящий взгляд на рыжеволосую леди, она горячо поблагодарила:

– Спасибо вам, мисс! Никогда не забуду вашей доброты!

Уинифред присела в быстром книксене и, подобрав юбки, побежала, не дождавшись ответа.

О, он оплатит за это! Впервые на лучшей улице Лондона – и бежит, словно какая-нибудь дикарка!

Завернув за угол, она увидела карету и чуть не упала от облегчения. Дарлинг, с опаской выглядывавший из-за бархатной шторки, распахнул дверь и помог ей забраться. Тяжело дыша, она села напротив него. Экипаж тут же тронулся – видимо, юноша заранее дал кучеру необходимые указания.

– А теперь, – процедила Уинифред, – расскажите, чего *еще* я не знаю о своем работодателе.

Дарлинг сглотнул и невольно выпрямился под ее пронзительным взглядом.

– Что... именно вы хотите знать? – осторожно спросил он.

О, у нее накопилась масса вопросов! Но начать она решила с насущных.

– Как вы умудрились обручиться, мистер Дарлинг? – прямо спросила Уинифред, поправляя на голове шляпку и убирая выбившиеся прядки. – Вы пробыли в Лондоне всего ничего.

Юноша, с огромным интересом разглядывавший носки собственных туфель, удивленно вскинул голову.

– Откуда вы знаете?..

– Это неважно. Вы собираетесь отвечать?

Он устало потер лоб и наконец произнес:

– Я сглупил немного, но... Мы не обручены. Во всяком случае, в газетах о моей помолвке не было ни слова.

Уинифред едва не расхохоталась, когда поняла, что Дарлинг не шутит.

– Когда я только приехал сюда, мне... Словом, я был почти один. Родители Эвелин были добрыми друзьями моих родителей. Я говорю «были», потому что сейчас они мертвы. – Его глаза сузились. – Пусть упокоятся с миром.

О своих родителях Дарлинг говорил с непривычной злобой, он почти выплюнул последние слова. Лицо его исказилось, превратилось в некрасивую гримасу. Все живое, мальчишеское, ушло из него.

– Эвелин – это рыжая леди? – уточнила Уинифред.

Вопрос был глупым. Только задав его, она поняла, что просто хотела отвлечь юношу от тяжелых мыслей, о чем бы они ни были. Но лицо Дарлинга немного прояснилось, и он кивнул.

– Да. Мисс Эвелин Саттон. Ее отец, мистер Саттон, фактически приютил меня после моего переезда в Лондон. Я не сразу... – он нервным движением стиснул пальцы, – переехал в фамильный особняк. Разумеется, мне много раз довелось сопровождать Эвелин на прогулках, и возможно... она могла попасть под впечатление...

– Вы делали ей предложение?

– Разумеется, нет!

Ей показалось, что Дарлинг подпрыгнул на сиденье, хотя дорога была ровной.

– Эвелин – замечательная девушка, но...

– Тогда почему вы назвали ее своей невестой? – поинтересовалась Уинифред.

Она испытала искреннее облегчение, когда Дарлинг сказал, что не делал мисс Саттон предложение. По крайней мере, это точно не настоящая помолвка. Одной проблемой меньше.

Он повесил голову.

– У нас с ней состоялся разговор, и мы друг друга... не совсем верно поняли. Эвелин с чего-то пришло в голову, что я признаюсь ей в пылких чувствах, и она на радостях потащила меня к отцу. А тот возьми и дай благословение. Ну и что я должен был делать, скажите на милость?

Уинифред не выдержала и рассмеялась. Воображение нарисовало ей картину: Дарлинг, встав на колени с помолвочным кольцом в руке,

понятия не имеет, что предлагает девушке руку и сердце. Бедняжка мисс Саттон!

Звук собственного смеха вдруг показался ей странным и неестественным, и она замолчала.

Дарлинг глядел на нее с восторженным изумлением. Уинифред почувствовала неловкость, и улыбка сползла с ее губ.

– «О, с чем сравню сиянье этих глаз? Хрусталь нечист»^[7], – с чувством произнес он, не отрывая взгляда от Уинифред.

Она моргнула.

– Что?

Дарлинг удивленно опустил уголки губ.

– Это из «Сна в летнюю ночь». Я думал, вы любите эту комедию...

У него был почти обиженный тон, словно она забыла о назначенном свидании или разбила фарфоровую статуэтку. Уинифред с раздражением отрезала:

– Никогда не читала. Лучше расскажите, что вы такого сделали, что мисс Саттон до сих пор пребывает в заблуждении, что ее жених сбежал после помолвки?

Дарлинг вытянулся и запустил руку в прилизанные волосы. Уинифред видела, что он чувствует неловкость, и ей даже стало немного жаль юношу. Он флиртовал просто ужасно.

– Я был благодарен ее семье за гостеприимство, и... я сказал что-то вроде «почту за честь однажды принять вас в своем доме»... И, полагаю, что-то про то, что в моем доме давно не было хозяйки...

Уинифред не сдержалась и рассмеялась снова. На лице Дарлинга тоже расплылась улыбка, и он лукаво склонил голову набок.

– Это нельзя считать предложением! – добавил он, явно раззадоренный. – Я вообще ничего не понимал до того, как мистер Саттон начал скалиться, как ненормальный, и пожимать мне руку!

От смеха у нее выступили слезы и закололо в животе. Пытаясь успокоиться, Уинифред стянула с рук перчатки и принялась ими обмахиваться, время от времени выпуская очередные короткие смешки. Давно она так не смеялась. Дарлинг был очаровательным пройдохой, но совершенным дураком. Как можно сделать девушке предложение и даже не заметить этого!

Переведя дух, она снова бросила взгляд на юношу. Он разглядывал ее с легкой, почти незаметной улыбкой, от которой ей снова захотелось рассмеяться.

– «Таких веселых слез еще вовеки смех не проливал»^[8], – негромко проговорил он, отводя взгляд и поворачивая лицо к окошку.

У него был прекрасный точеный профиль: нос с крошечной горбинкой, темные изогнутые брови, выразительные скулы. Такие профили надо чеканить на монетах. Уинифред почувствовала внезапную неловкость и тоже отвела взгляд, уставившись в другое окно. Мимо мелькали дома, повозки, лошади, люди, а она почему-то смотрела на отражение темноволосого юноши в стекле.

– Разве мисс Саттон не приезжала к вам домой? – наконец спросила она, не отрываясь от окошка и больше почувствовав, нежели увидев, как Дарлинг скривился.

– О, приезжала, и не раз. Я попросил Милларда говорить, что меня нет дома. Впрочем, сейчас она приезжает совсем редко. Но все равно я ума не приложу, что мне делать.

– В таких случаях рекомендуют поупражняться в искусстве владения родным языком, – съязвила Уинифред и встретила его сокрушенный взгляд.

Надо же. Должно быть, ему и правда стыдно перед мисс Саттон. Но невеста Дарлинга – очаровательная юная леди. Почему же он ее избегает?

Лошади остановились. Дарлинг выскочил из кареты и помог спуститься Уинифред. Коснувшись земли, она выпустила его руку и машинально огляделась.

И спиной почувствовала, как Дарлинг остолбенел.

На них в упор смотрела мисс Эвелин Саттон. Она застыла на подножке своего экипажа, в изумлении распахнув глаза.

Дарлинг за спиной Уинифред неловко выругался.

Глава 7

Вакансии и коридоры

Оттолкнув руку кучера, Эвелин спрыгнула вниз. Потрясая кружевным зонтиком и, видимо, решая, кого из них заколоть в первую очередь, она промаршировала к Уинифред и Дарлингу.

– Теодор! – рявкнула она. – Гадкий м-мальчишка! Словами не передать, как я на тебя зла!

Уинифред невольно попятилась, но этим лишь навлекла на себя еще больший гнев мисс Саттон.

– А вы! Обманщица! – набросилась она. – Зачем вы ему помогаете? Неужели вам ничуть не с-стыдно?

– Эви, вот так встреча! – пролепетал юноша.

Эвелин уперла кончик парасоли в землю на манер трости и подперла кулаком талию. Поза вышла угрожающей.

– Не поверишь, но я как раз собирался...

– Не п-поверю! – взвизгнула девушка.

Уинифред покосилась на ее карету. Поливать Дарлинга проклятиями было сподручнее в его собственной гостиной, нежели посреди оживленной улицы.

– *За д-две недели* не соизволил встретиться! Отец с ума меня с-свел!

– Поверьте, я более чем разделяю ваше негодование, – примирительно произнесла Уинифред, – но предлагаю продолжить разговор в более обособленной обстановке.

Выражение Эвелин несколько смягчилось, но ответить она не успела – дверца экипажа Саттонов распахнулась, и показалась женская голова в чепце. Похолодев, Уинифред повернулась к карете спиной и прошипела юноше:

– Уведите нас отсюда. Сейчас же, мистер Дарлинг.

Даже ему не пришлось объяснять, что ситуация выходила плачевной. Если гувернантка узнает Уинифред и к тому же свяжет ее с Дарлингом – им конец. С самой мисс Саттон, возможно, получится договориться, но насчет сварливой компаньонки она сомневалась.

Дарлинг растерянно посмотрел на Эвелин.

– Мисс Хаббард! – после нескольких мучительных мгновений громко произнесла она. – Поезжайте с отцом д-домой. Я останусь на обед с мистером Д-дарлингом и его кузиной... Маргарет.

– Маргарет? Что за Маргарет? – с подозрением спросила компаньонка.

Скрипнула подножка, и Уинифред скривилась. Старым девам на каждом шагу чудятся бесчинства.

– Его кузина, мисс Хаббард! – нетерпеливо огрызнулась Эвелин. – *Родственница* мистера Дарлинга. Лорд Конфилд тоже п-приглашен отобедать, если вам так уж хочется знать.

– Лорд Конфилд? – протянула старуха.

Уинифред уловила плохо скрываемое удовлетворение в ее голосе. Дверца захлопнулась.

– Очень хорошо. Я пришлю за вами через час.

– П-премного благодарна! – отозвалась мисс Саттон и сердито прошептала им двоим: – А в-вы мне по гроб задолжали!

Нисколько не смущаясь, Эвелин поднялась на крыльцо дома Дарлинга, ласково поздоровалась с открывшим ей дворецким («Д-добрый день, Миллард. Сто лет в-вас не видела! Как ваша с-спина?») и вошла. Уинифред с юношей переглянулись и поспешили за ней.

На их счастье, мисс Саттон оказалась вполне изобретательной лгуньей. Чем крепче родительские тиски, тем искуснее дети из них выскальзывают. Эвелин знала, что ее компаньонка, строгая блюстительница ее чести, ни за что не оставит ее с Дарлингом наедине. И тут как нельзя кстати пришлась «кузина Маргарет». Видимо, и некоего лорда Конфилда она помянула не случайно.

В Малом кабинете Эвелин уселась в низкое кресло у чайного столика, всем своим видом демонстрируя, что с места ее не сдвинуть. Смущенный Дарлинг пропустил Уинифред, зашел следом и закрыл дверь. Он избегал встречаться с Эвелин взглядом.

– Может, ты хотела бы ч...

– Ну что, т-ты достаточно себя п-повеселил? – звенящим от гнева голосом перебила его мисс Саттон. Деревянный кончик ее зонтика мелко-мелко постукивал по ковру. – Это ведь Стеллан тебя п-подбил, верно? Чтобы отомстить мне?

– Нет! Эви, клянусь, я не...

– Т-твое счастье, что отец спал, иначе нас обвенчали бы п-прямо на улице! – Она оглядела Уинифред. – Ну, а вы? Кто вы т-такая?

Безупречная изящность Эвелин действовала Уинифред на нервы. Она вдруг начала сомневаться и в аккуратности собственной прически, и в чистоте перчаток, и в безупречности осанки. Элегантность мисс Саттон, казалось, была отточена самой природой, ей не приходилось даже задумываться о том, чему Уинифред училась долгие годы.

Да, Эвелин была самой настоящей леди – с серебряной ложкой во рту, серебряным звонким голоском, серебряным ночным горшком и прочими аристократическими атрибутами. Никто не знал, что на самом деле у нее на уме. И то, что Дарлинг отзывался о подруге с теплотой, еще ничего не значило – он и придорожный булыжник обласкал бы, дай ему волю.

Значит, нужно сыграть на чувствах Эвелин к Дарлингу и поскорее отвести от себя внимание.

– Я его невеста, – резко произнесла Уинифред и как бы случайно тронула себя за пальцы левой руки.

Взгляд Эвелин метнулся к ее среднему пальцу, надежно скрытому перчаткой.

– Позвольте спросить, кто *вы* такая, раз позволяете себе столь бесцеремонно врывать в дом моего жениха?

– Вы д-действительно считаете, что я поверю в это п-после того представления, которое вы устроили на Бонд-стрит? – мрачно поинтересовалась мисс Саттон. – Вы прекрасно знаете, к-кто я такая. Сию же минуту говорите правду, иначе я п-позову констебля!

Вот черт. Она совсем неглупа – и, кажется, действительно влюблена в Дарлинга.

Пока Уинифред лихорадочно размышляла над новой, более убедительной ложью, юноша вдруг выпалил:

– Она на меня работает!

В кабинете повисла тишина, прекратилось даже методичное постукивание зонтиком. Уинифред свирепо поглядела на Дарлинга, и он ответил ей умоляющим взглядом.

– Она бы позвала констебля!

– Разумеется, не позвала бы! – прошипела она. – Почему вы такой *наивный*, черт вас подери?

– К-как это – работает? – пробормотала Эвелин. Недоверие в ее голосе смешалось с интересом.

Цепкая, настырная опека компаньонки наверняка приносила мисс Саттон одно раздражение. Раз заставить ее ревновать не удалось, может, удастся вызвать зависть?

– Что же в этом такого? – возразила Уинифред. – Неужели вам представляется удивительным, что женщина может работать? Нет, разумеется, девушке *вашего* положения...

Она попала в самую точку – почти испугавшись собственных слов, мисс Саттон побледнела и стиснула ручку парасоля.

– Нет, ч-что вы! Я в-вовсе не это имела в виду, мисс...

– Оукс.

– Мисс Оукс. Это вовсе не удивительно. Разумеется, женщина может работать! Вы, д-должно быть, его учительница? Я говорила Теодору, что он зря б-бросил занятия музыкой!

– Нет. Я личный секретарь мистера Дарлинга, – соврала Уинифред.

– Секретарь? Его секретарь? – Будто решив, что Уинифред не догадалась, о ком идет речь, Эвелин указала на Дарлинга: – Т-теодора?

Юноша беспокойно зашевелился в кресле.

– Мне по карману нанять себе секретаря, если ты об этом.

Мисс Саттон пришла в неопиcуемый восторг. Она даже немного привстала с кресла, словно возбужденный ребенок.

– Мисс Оукс, это же п-просто замечательно!

– Прошу прощения?

– Можно считать, это исторический п-прецедент! Вы хоть п-представляете себе, что это означает для прав женщин Англии? Да что там – *для п-прав женщин всего мира!*

Что, черт побери, она несет?

– Разумеется, – подтвердила Уинифред и натянуто улыбнулась. – Права женщин... важны.

– Еще бы, – с важным видом вставил юноша. – Если вы спросите меня, они просто необходимы.

– Я и п-подумать не могла! Теперь ясно, почему вы так скрывались! П-первая женщина-секретарь – это кошмарный с-скандал! «Забава для д-джентльмена – смерть для леди», – любит повторять мой

отец. – Мисс Саттон мечтательно вздохнула. – Надеюсь, Теодор хорошо вам платит?

– Достаточно, чтобы ни от кого не зависеть, – уклончиво ответила Уинифред.

Это произвело на Эвелин впечатление. Она замолчала, нервно стиснула ручку парасоля, а потом вдруг выпалила:

– Теодор! Как ты думаешь, у т-тебя не найдется должности и д-для меня?

Уинифред остолбенела, а Дарлинг, не уловив отчаяния в ее голосе, прыснул со смеху. Быстро сообразив, что Уинифред и Эвелин даже не улыбнулись, юноша подобрался и стер с лица веселье. Глаза его заплясали между девушками.

– Прошу прощения... Значит, это была не шутка? – уточнил он и неловко почесал затылок. – Ох... Сожалею, но сейчас вакансий нет.

– Может, п-подберешь мне какое-нибудь п-пустячное занятие? – не сдавалась Эвелин. – Я многое умею! К-конечно, может, не уборка и не с-стирка, но...

Дарлинг покосился на Уинифред. Та едва заметно покачала головой.

– Я... сожалею, – повторил он.

Девушка поникла, но вместо жалости Уинифред почувствовала в ее отношении острую, жгучую зависть. Эвелин росла как цветок в парнике, у нее благородное имя, любящие родители, достаток, неземная красота – чего еще можно желать?

Простодушный Дарлинг вслух задал вопрос, повисший в воздухе:

– Эви, зачем тебе работа?

Девушка подняла голову. На нижних ресницах у нее повисли крошечные слезинки. Кончик носа чуть покраснел, но от этого она выглядела только очаровательнее. Услужливый юноша тут же потянулся в нагрудный карман и вынул носовой платок. Уинифред презрительно фыркнула, отведя взгляд. Неужели у нее нет собственного платка?

– Я т-тоже хочу независимости, – прошептала Эвелин. – Тоже хочу п-принадлежать самой себе.

Приняв от Дарлинга платок, мисс Саттон изящно поднесла его к лицу и промокнула глаза. Светло-рыжие ресницы опустились на щеки и снова порхнули вверх.

– В таком случае не выходите замуж, – едко посоветовала Уинифред. – Разве вы имеете недостаток в деньгах?

– Нет-нет! Вот т-только... Мой отец спит и видит меня в подвенечном платье, – с горечью пояснила она. – Как-то он наткнулся на слово «старородящая» в газете, и с т-тех пор я навожу на него ужас одним лишь отсутствием обручального кольца. Вечно подсовывает мне к-книжки наподобие «Жены Англии» или «Этикет любви, ухаживаний и б-брака». На пальцах не пересчитать, сколько раз за п-последний год он чуть не обручил меня с кем-нибудь из своих д-друзей! А п-прошлой зимой он запретил мне ехать в Италию, потому что я п-пропустила бы Лондонский сезон.

– Я и не представлял, что мистер Саттон так серьезно настроен... – пробормотал Дарлинг. – Тебе же всего двадцать три.

Эвелин зловеще рассмеялась.

– Ты и п-представить себе не можешь. Когда ты гостил у нас, я избегала оставаться с тобой один на один, а не то мой п-папочка непременно использовал бы это как предлог д-для помолвки.

– Надо же! А я-то думал, что просто не нравлюсь тебе.

– Да нет! Нравишься, п-просто...

– Разве вы сами не хотели выйти за него? – громко вклинилась Уинифред. Еще немного, и Дарлинг точно сделал бы Эвелин предложение. – Что-то не похоже, что вам так уж претит идея замужества.

– Честно говоря, мне совсем не х-хочется замуж, мисс Оукс. П-понимаете... – Эвелин взглянула на Дарлинга в поисках поддержки. – Я д-думала, Т-теодор – это мой единственный выход. Выйдя за него, я обрела бы п-практически полную свободу... Ну, п-потому что...

– Им было бы легко управлять, – безжалостно закончила за нее Уинифред.

Дарлинг выглядел скорее озадаченным, нежели расстроенным, но у Эвелин снова увлажнились глаза.

– Так вы полагали, мисс Саттон?

– Ну-ну, Эви... – пробормотал юноша с виноватой улыбкой. – Пожалуйста, не плачь. Это... разумное предположение. Не будем делать секрет из того, что я полное ничтожество.

– Нет, в-вовсе нет!

Эвелин с состраданием посмотрела на Дарлинга. Так смотрят не на человека, в которого влюблены, а на котенка с перебитым хвостом. Отчего-то эта мысль принесла Уинифред огромное облегчение.

– Т-ты замечательный, в-вот что я имела в виду. Я избавилась бы от к-контроля своего отца. И от п-противной, назойливой мисс Хаббард! Вечно следует за мной п-повсюду! Т-ты избавил бы меня от необходимости в-выходить замуж... ну, за ненавистного мне человека.

Уинифред не могла не признать, что расчет Эвелин был хорош. Как умно – затащить Дарлинга под венец, зная, что она сможет держать его под каблуком и распорядиться собой как душе угодно, фактически будучи замужем!

Эвелин могла оказаться весьма полезной, если направить ее энтузиазм и рассудительность в нужное русло. Ей нужна работа, а им – надежный человек, знающий, по каким правилам играет высший свет.

– Мисс Саттон, я думаю, у мистера Дарлинга все-таки есть что вам предложить, – поколебавшись, произнесла Уинифред.

Девушка вскинула голову, и круто завитые кудряшки у ее шеи подпрыгнули.

– П-правда?

– Правда? – переспросил Дарлинг. – Признаться, я уже запутался.

– Нам пригодился бы человек, имеющий связи в обществе и знающий, как ими разумно распорядиться. Конечно, если этот человек сумеет держать рот на замке.

– Я сумею! – выдохнула Эвелин. – К-конечно, сумею!

– Я не преувеличиваю, мисс Саттон. Вы будете обязаны молчать обо всем, что знаете. Даже если наши мотивы покажутся вам сомнительными.

– Сомнительными? – эхом откликнулась она. – Я думала, вы п-помогаете Теодору распорядиться финансами.

Немыслимо! У нее хватает наглости задавать вопросы!

– Что-то вы чересчур разборчивы для женщины, которой позарез нужна работа, – сердито заметила Уинифред.

– Мотив вовсе не сомнительный! – поспешно добавил Дарлинг. – Мы просто хотим расстроить планы одного *очень плохого человека*.

Слова юноши явно не прибавили Эвелин уверенности, и тогда Уинифред как бы невзначай обронила:

– Разумеется, в случае достижения договоренности мы могли бы пойти на уступки. К примеру, вашему отцу пока что не обязательно знать, что ухаживания мистера Дарлинга – не более чем фикция.

– Я доверяю Теодору, – медленно проговорила Эвелин. – Он никогда не стал бы толкать меня на п-поступки, угрожающие моей репутации и чести.

– Ни за что на свете, – серьезно подтвердил юноша, и девушка повернулась к нему:

– Тогда я согласна. Если будешь д-делать вид, что собираешься сделать мне п-предложение до того времени, как я п-подыщу себе жениха, т-то я буду хранить в-ваши секреты, словно свои собственные. И помогу вам всем, чем только смогу. Даю слово.

Последние слова она произнесла с необычайной твердостью, ни разу не заикнувшись.

– Нам не помешает лишняя пара рук, – послушно согласился Дарлинг. – Особенно таких прекрасных, как твои. Подпишем контракт? Уинифред, не позовете ли вы Лауру?

Уинифред невольно бросила взгляд на ладони мисс Саттон. У нее были мягкие полные руки, не знающие труда и не привыкшие держать в руках ничего тяжелее иголки. Такая ли невеста нужна Дарлингу – дерзкая, но изнеженная? Беспомощная, но готовая бороться за свои права?

Не в силах больше глядеть на сияющую от счастья Эвелин, она резко встала. Каждый раз, когда Дарлинг с мисс Саттон обменивались взглядами, в Уинифред поднималась горячая, бессмысленная, нелепая злость. Как она ни старалась подобрать ей причину или рациональное объяснение, их не находилось.

– Уинифред? К-красивое имя, – кротко улыбнулась Эвелин.

Дарлинг осознал свой промах. Порозовев, он опустил голову. Уинифред холодно представилась:

– Мисс Уинифред Бейл. Очень рассчитываю на то, что вы окажетесь менее разговорчивой, чем наш наниматель.

И, не дожидаясь ответа, она вылетела из кабинета, постаравшись хлопнуть дверью как можно сильнее.

В коридоре Уинифред задумалась. Она не желала делать одолжение самомнению Милларда, справляясь у него о местонахождении Лауры. К тому же ей, похоже, представилась

восхитительная возможность исследовать дом под вполне благовидным предлогом. Она отправилась на поиски маленькой экономки.

Дом Дарлинга внутри оказался больше, чем выглядел снаружи. Помимо довольно просторного холла, он вмещал целых два крыла. Но коридоры были слишком узкими (должно быть, из-за ошибок в планировке) – в них едва ли разошлись бы две дамы в кринолинах. Зато они были хорошо освещены – к стенам, прямо над дубовыми панелями высотой в пять футов, крепились маленькие газовые светильники. Уинифред провела по одному из них пальцем, и абажур из зеленого стекла тонко зазвенел.

Коридор в правом крыле дома привел ее в небольшую гостиную с распахнутыми двустворчатыми дверьми. Через широкие окна в комнату проникало много тусклого городского света, в воздухе плясали золотистые пылинки. На бумажных обоях змеились цветы, в вазе стояли засушенные болиголовы. Вся мебель, кроме комода с овальным зеркалом, была накрыта белой тканью. Под ней угадывались очертания кресел, шкафов, столиков, комодов и даже фортепиано, стоящего у окна. Где-то чехлов не хватило, и на мебель просто накинули белую простыню или скатерть.

Зачем Дарлингу хоронить дом, если он не планирует уезжать?

Уинифред выдвинула первый ящичек незачехленного комода. Ручка была вырезана в форме розы. Внутри она нашла несколько конвертов со сломанными печатями, нож для писем и сушеные лепестки цветов. Конверты, пожелтевшие от времени и хрустящие, были адресованы мистеру Генри Дарлингу – скорее всего, отцу Теодора. Она не стала их читать и задвинула ящичек, заставив покачнуться вазу на комод.

Во втором отделении тоже обнаружили письма, целая стопка, перевязанная черной шелковой нитью. Послания были всех цветов и мастей: голубые и белые, надушенные и измятые, тонкие и плотные. Уинифред пальцами пересчитала конверты – не меньше двадцати. Все были адресованы мистеру Теодору Дарлингу. Она по привычке огляделась и потянула за нить. Отправителями выступали лучшие представители лондонского света. Были и титулованные особы, и просто уважаемые фамилии, но ни один из конвертов не был вскрыт.

Уинифред вынула из верхнего ящика нож и распечатала одно из посланий – голубой квадратный конверт от лорда Мертлока. В письме тот горячо сочувствовал смерти родителей Дарлинга и выражал надежду на то, что юноша не падет духом. Прочитав послание, она невольно похолодела.

Торопливо спрятав лист обратно в конверт, она вскрыла следующий. Это тоже оказалось соболезнование. Чтобы удостовериться наверняка, Уинифред выбрала случайный маленький конвертик из середины стопки и прочла и его.

Это было странно. Почему Дарлинг хранит целую гору нераспечатанных посланий с соболезнованиями? Неужели его неприязнь к родителям столь велика? Или, может, велико его горе?

Перевязав стопку писем нитью и положив ее на место, Уинифред заметила на дне ящика маленький бронзовый ключик. К нему была привязана зеленая шерстяная нить, оборванная с одного конца – должно быть, кто-то, торопясь, содрал ключ со связки. Поколебавшись, она сунула его в рукав и вышла в коридор.

Дверь гостиной напротив была заперта, и Уинифред потянулась было к рукаву за недавней находкой, как вдруг услышала шаги. Она поспешно попятилась от двери и сделала вид, будто заглядывает в гостиную.

– Мисс Бейл?

Уинифред обернулась со скучающим видом. К ней спешил Миллард. Старый проныра!

– Да?

– Эта часть дома закрыта, мисс Бейл. Позвольте проводить вас в Малый кабинет.

Ну уж нет! Возвращаться к милующимся Дарлингу и мисс Саттон она не собиралась.

– Я ищу Лауру.

Дворецкий закрыл двери, ведущие в гостиную, и вежливо улыбнулся Уинифред. В коридоре стало совсем темно, она едва различала очертания его лица.

– Должно быть, она на кухне, мисс Бейл. Я вас провожу.

Миллард с обходительной настойчивостью вывел ее из правого крыла, чем только укрепил ее решимость побывать в запертой комнате. Должно быть, это Большой кабинет, существование которого Дарлинг

предпочитает игнорировать, довольствуясь Малым. Может, комната принадлежала его ныне покойному отцу?

– Кухня, мисс Бейл.

Старик указал ей на центральную лестницу в холле. Уинифред коротко поблагодарила назойливого дворецкого и, не оборачиваясь, нырнула под лестницу и толкнула дверь.

В нос ей ударил аромат вареного мяса и петрушки. Здесь было темно, шумно, жарко и влажно, Уинифред почувствовала, как у нее начинают завиваться короткие волоски на затылке. Под потолком были развешаны связки трав, должно быть, тех самых, которые привез Дарлинг.

У плиты орудовала кухарка – старая полная женщина в чепце. Не заметив Уинифред, она продолжала рубить зелень огромным ножом для разделки мяса, что-то напевая себе под нос. Рядом кипела огромная кастрюля без ручек, похожая на ведьмин котел.

Зато ее заметила Лаура. Девочка сидела на деревянной скамье, прислонившись к стене и подобрала под себя ноги. Встретившись взглядом с Уинифред, она поспешно вскочила, спрятала за спину кисточку и попыталась заслонить собой лист бумаги, над которым работала. Это был чей-то портрет.

Как же она раньше не догадалась! Лаура художница! Поэтому она с такой легкостью скопировала документы мистера Уоррена. И поэтому теперь Дарлинг позвал ее, чтобы помочь ему составить контракт для Эвелин. А сейчас она писала портрет. Уинифред не разглядела лицо на рисунке, но ей бросились в глаза желтые и синие краски. А вдруг Лаура решила нарисовать ее саму?

– Добрый день, Лаура, – поздоровалась Уинифред, с необычной для себя теплотой улыбнувшись девочке. Ей очень польстила собственная догадка.

Экономка быстро присела в книксене.

– Добрый день, мисс Бейл, – пролепетала она. – Что вы делаете... на кухне?

Кухарка наконец заметила Уинифред и нахмурила густые брови.

– Доброго денечка вам, мисс, – пробасила она. У нее оказался тяжелый диалект кокни. – Забирайте бедняжку Лауру – ей вредно бывать в темноте – и давайте-ка из моей кухни. Отсюда то есть.

Лаура начала поспешно собирать свои пожитки, и кухарка снова припечатала:

– Давайте-ка, мисс.

Имя Лауры она произнесла как «Лавра». Уинифред не удостоила наглуую повариху словом, гордо задрала подбородок и покинула кухню.

Девочка засеменила за ней. Одной рукой она прижимала к себе коробку с красками, а в другой аккуратно несла портрет, стараясь завести его за спину. На нем, очевидно, еще не просохли краски. Сгорая от любопытства, Уинифред попросила:

– Можно мне взглянуть на твою работу?

Лаура смутилась и вскинула на нее свои раскосые глаза с густыми прямыми ресницами.

– Мисс Бейл, это...

Помедлив, девочка все-таки протянула ей лист плотной бумаги. Уинифред бережно подхватила его, не давая краскам растечься.

На акварельном портрете и правда оказалась изображена сама Уинифред. Она узнала свою позавчерашнюю прическу – светлое золото волос заплетено в косу, уложенную наподобие короны. Узнала она и капризный, вечно презрительный изгиб губ, который придавал ее лицу очаровательное недовольное выражение, а еще прямой нос, широкие брови и большие синие глаза. Портрет был точной копией оригинала, Лаура по памяти запечатлела даже маленькую родинку на ее скуле.

– Лаура, это просто потрясающе!

Девочка смущенно потупилась и принялась разглядывать носок своей коричневой туфли. Ее длинные распущенные волосы закрыли лицо.

– Вы не злитесь на меня, мисс? За то, что я нарисовала вас без разрешения?

Она спросила об этом с такой робостью, что у Уинифред защемило сердце. Она положила руку Лауре на плечо, и та едва заметно вздрогнула. Тогда Уинифред поспешно отдернула ладонь и протянула портрет обратно.

– Разумеется, нет. Ты очень талантлива. Уверена, мистер Дарлинг высоко ценит твои способности. К слову говоря... он звал тебя. В Малый кабинет.

Лаура подняла голову. На ее изможденном личике блеснула короткая, ясная улыбка, собравшая неловкие складки на щеках.

– Пожалуйста, возьмите портрет себе, если хотите, мисс. И... я надеюсь, что вы правы.

– Спасибо, – поблагодарила Уинифред, стараясь не выказывать удивления последними словами девочки.

Что она имеет в виду? Неужели сомневается в том, что Дарлинг ее ценит?

Лаура снова смущенно улыбнулась, присела и исчезла в левом коридоре.

Уинифред взглянула на свой портрет. С него на нее глядела такая же Уинифред – красивая и надменная. И до сих пор не разгадавшая ни единой загадки.

Она выругалась себе под нос, огляделась и положила портрет на софу у стены, чтобы поправить волосы. Уинифред плела тугие сложные прически по последней моде, но так и не купила новое зеркало, поэтому волосы вечно выбивались и пушились.

Поправив упрямые прядки, она наклонилась, чтобы забрать портрет, и обнаружила, что от края бархатной софы его сдуло к спинке. Краски не потекли, но...

Сквозняка в доме ведь не было.

Уинифред оставила портрет на месте, стянула перчатку и приложила ладонь к щели между деревянными панелями. Сначала она ничего не почувствовала, но потом вдруг руку обдало холодом – точно на месте стыка. Ее осенило. Слишком узкие коридоры, холодные стены, сквозняк...

Уинифред обошла софу. Зацепившись ногтями за особо широкую щель, она поддела одну из панелей. Доска поддалась и провалилась внутрь стены, открыв затхлую темную дыру.

Глава 8

Портреты и паучьи сети

Уинифред не слишком удивилась тому, что в доме Дарлинга есть коридор для прислуги. Он может обнаружиться в любом другом достаточно старом и большом английском доме. Интересно то, что проход явно заброшен. Знает ли о нем сам Дарлинг?

Она помедлила, но все же протянула руку вперед, опуская ее в проем и ожидая чего-то, сама не зная чего. Возможно, ее рука сейчас наткнется на сетку паутины, или ее вдруг укусит за палец примостившаяся за стеной летучая мышь... Но ничего не происходило. Внутри было пусто. Из коридора веяло затхлостью и холодом голых стен. Уинифред вынула руку и оглянулась, проверяя, не замерла ли у нее за спиной бесшумно подкрававшаяся Лаура.

Может, если получится раскатать еще одну панель, она сумеет протиснуться внутрь?

Она приставила выпавшую доску к стене и принялась за следующую, справа от образовавшегося проема. Крепко схватив панель сверху и снизу, она начала ее раскачивать. Сначала та совсем не двигалась, хотя Уинифред даже покраснела от натуги, но потом снизу что-то хрустнуло. Похоже, в отличие от первой, эта часть стены была надежно закреплена и не предназначалась для вынимания.

Она отпустила упрямую панель и выпрямилась, выдыхая через рот. На висках выступила влага – Уинифред не привыкла к физическим нагрузкам. Она предпочитала марафты руки иначе.

Промокнув пот тыльными сторонами ладоней в перчатках, она ухватилась за доску с другой стороны.

И вдруг услышала голоса.

В доме были толстые стены, которые не пропускали ни тепло, ни звук. Если Уинифред услышала чей-то голос, значит, Дарлинг и Эвелин вышли из кабинета. А она стоит в холле около дыры в стене, которую сама только что сделала.

Она могла только догадываться, знает ли юноша о коридоре для прислуги. Спрашивать его об этом при Эвелин она уж точно не собиралась, а наедине... Если в коридоре что-то и было, Уинифред не

смогла бы осмотреть его в одиночку – Дарлинг непременно увязался бы за ней. Или – что еще хуже! – запретил бы ей туда ходить. Вот еще! Пусть не думает, что может ею командовать только потому, что это его дом!

Решение пришло мгновенно. Уинифред вцепилась в доску слева и с силой толкнула ее, с ужасом ощущая, как натягиваются на пальцах ее лучшие перчатки. Но она не встретила почти никакого сопротивления – панель провалилась внутрь, и от неожиданности Уинифред едва не потеряла равновесие.

Голоса приближались. Точнее, голос – высокий, раздражающий и громкий. Ей хотелось разобрать слова, понять, о чем именно говорят Дарлинг и Эвелин, но она тут же отмахнулась от этой мысли. Сейчас это неважно. Если она не успеет спрятаться, то навсегда опозорит себя.

Прижав доску к груди, Уинифред сунулась в дыру. Ее плечи свободно вошли в отверстие, но вот кринолин никак не пролезал – слишком узким был проем. У нее отхлынула кровь от лица. Уинифред обернулась через плечо и дернулась вперед. Времени вытаскивать еще одну панель у нее точно не было.

– Я знаю! Можешь себе представить? – звонко воскликнул Дарлинг.

Уинифред теперь могла различить каждое его слово, словно он стоял прямо у нее за спиной, и от этого ей стало плохо. Она прислонила доску к стене коридора и приподняла край юбки, чтобы кольца кринолина перевернулись, а потом резко, с силой потянула. Медленно, со скрипом, кринолин поддался.

– Ума не приложу, зачем тебе п-понадобилось заниматься подобной чушью. Но, конечно, я п-помогу тебе всем, чем смогу. Т-только не забудь о нашем уговоре.

Уинифред подобрала доску, вставила ее на место и выгнулась так, что у циркачей глаза бы на лоб полезли. А затем потянула на себя вторую панель и закрыла отверстие, оставив небольшой паз. Если она не станет прижиматься к стене вплотную, ее никто не заметит.

– Конечно. Мне *очень* с тобой повезло, Эви, – умиленно проговорил Дарлинг.

Мгновением позже он вышел из коридора, ведя за собой мисс Саттон. Он остановился у входа и со смущенной улыбкой пожал

подруге руку. Не обращая на Дарлинга внимания, Эвелин вертела головой по сторонам, будто что-то выискивая.

– Где же мисс... Бейл? Она не п-проводит меня? – спросила она.

Уинифред закатила глаза. Дарлинг ухмыльнулся.

– Боюсь, что нет. – Он похлопал Эвелин по руке. – Должно быть, мой секретарь очень занята... ну, вы знаете. Секретными делами.

Девушка просияла, и Уинифред догадалась, о чем та думает. Теперь и у нее есть работа. Интересно, Дарлинг будет платить ей столько же, сколько и Уинифред?

– Да-да! Я п-понимаю. Что ж, Теодор... – Она аккуратно вынула ладонь из руки Дарлинга. – Мне п-пора. Не стоит вынуждать мисс Хаббард наносить т-тебе визит. Не утруждайся, – добавила она, заметив, что Дарлинг тоже сделал движение по направлению к двери.

Эвелин ушла, и юноша остался в коридоре один. Уинифред и сама не знала, чего ожидала от него теперь, когда на него никто не смотрит. Да пожалуй, и задумываться об этом не хотела. Однако он не начал прыгать, словно кролик, не сбросил туфли, даже не запел, и она почувствовала непонятное разочарование. Неужели, оставаясь наедине с самим собой, он становится совершенно обыкновенным?

Дарлинг запрокинул голову, осматривая второй этаж, но потом повернул к правому крылу. Должно быть, он наконец-то принялся искать ее и догадался, что если она не ушла, то осматривает другую часть дома. Уинифред почувствовала мстительное удовлетворение от того, что там он ее не найдет.

Но вдруг он остановился и обернулся. На миг Уинифред показалось, что Дарлинг смотрит прямо на нее, что он как-то сумел разглядеть ее через крошечную щель в панельном массиве. Но Дарлинг лишь скользнул по стене взглядом и остановился на чем-то перед ней.

Портрет, который она оставила на софе.

Уинифред задохнулась и закрыла рот рукой. Бесшумно изменив положение, она передвинулась влево. Теперь она могла разглядеть край софы и лицо Дарлинга.

Он подошел к стене и взял в руки портрет. Дыши Уинифред чуть громче, он бы непременно ее услышал; но, поскольку физическая сила являлась ее слабой стороной, скрытность должна была стать сильной.

Она выучилась дышать так тихо, что не запотело бы и зеркальце у нее под носом.

Дарлинг долго рассматривал портрет. И чем дольше он смотрел, тем шире на его лице расплзалась идиотская улыбка. Уинифред заметила, что когда он улыбается – вот так, как сейчас, по-настоящему, – его темные глаза превращаются в узкие щелочки.

Спохватившись, она отвела от Дарлинга взгляд. Наверное, ей должно быть неприятно от того, что какой-то молодой человек разглядывает ее портрет, да еще и с такой жуткой улыбкой. Почему же ей это не неприятно?

Наконец Дарлинг кашлянул, повертел головой по сторонам и... сунул лист бумаги под жилет. Уинифред едва подавила гневный вскрик. Вот нахал! Как он смеет красть ее собственность?!

Запахнувшись, юноша как ни в чем не бывало зашагал в левое крыло, унося с собой портрет.

Главное, чтобы этот идиот случайно его не помял.

В коридоре было очень темно. Уинифред едва могла разглядеть собственные руки, а единственным источником света были тонкие щели между деревянными панелями. С другой стороны была холодная каменная стена, она один раз случайно задела ее локтем и тут же брезгливо отдернулась, не желая испачкаться в пыли и паутине.

Сначала Уинифред показалось, что здесь просто пахнет затхлостью, но потом она различила пряный аромат свежеприготовленной еды. Должно быть, этот коридор и кухня имеют общую систему вентиляции.

Не желая касаться стен, Уинифред прижала скрещенные руки к груди и осторожно начала пробираться влево, держась на расстоянии от подсвеченных панелей. Коридор был узкий, но высокий, она могла идти, не сгибаясь. Когда Уинифред слишком сильно склонялась в сторону, край кринолина шуршал. Тогда она прикусывала язык, останавливалась, молча чертыхалась и продолжала идти.

Вскоре она поняла, что коридор завел ее в тупик. Но впереди была не стена, а маленькая дверца. За ней раздавался уже знакомый ей шум – стук ножа по разделочной доске, шипение пара, низкий голос что-то напевающей поварихи. Должно быть, раньше по этому коридору прислуга разносила блюда, не попадаясь на глаза хозяевам и гостям.

Подойдя ближе, Уинифред вслепую пробежалась по двери кончиками пальцев и наконец нашла, что искала, – небольшую вертикальную выемку. Вынув из рукава ключик, она вставила его в скважину. Тот вошел без малейшей помехи.

Значит, это служебный ключ, а не от Большого кабинета. Интересно, приведет ли ее туда коридор?

Уинифред беззвучно вынула ключ и начала двигаться в другую сторону. На повороте ход вдруг расширился и превратился в маленькую глухую комнатку. По ее подсчетам, она должна была находиться как раз где-то рядом с Большим кабинетом.

Выдохнув, Уинифред расправила юбки и огляделась. Здесь панелей уже не было, со всех четырех сторон комната была отделана камнем. Свет падал только из коридора, но его было недостаточно, чтобы осмотреть помещение.

Она наугад стала пробираться вперед и через три шага наткнулась на стол. На нем угадывались очертания керосиновой лампы. Пошарив руками, Уинифред обнаружила рядом и коробок спичек. Управиться с такой лампой она могла даже во сне. Через минуту комната осветилась так ярко, что она заморгала и отвела взгляд.

Помещение оказалось столовой для прислуги. На крепко слаженном, но грубо отесанном столе красовались глубокие полосы от ножа, пятна разлитого керосина и соскобленного свечного воска. На спинке одного из двух простых деревянных стульев висел испачканный, плохо пахнувший фартук, к которому Уинифред не прикоснулась бы и за сотню фунтов. Стены были покрыты дешевой свинцовой краской. Кто-то чисто вымел пол, потому что слой пыли был ровным, хотя и толстым.

Уинифред передернуло от отвращения. Подхватив лампу, она обошла все углы. Кроме ее собственных следов, на пыльном полу не было ничьих отпечатков.

Отчаявшись, она в последний раз огляделась, и тут взгляд ее упал на темный прямоугольник в стене, отделяющий комнату от Большого кабинета.

Лампа осветила дверь – примерно такого же размера, как та, что вела на кухню. Уинифред подергала за ручку, но проход оказался заперт. Тогда она поставила керосиновую горелку на пыльный пол и

отперла дверцу ключом. Ее обдало волной холода. Оставив ключик в скважине, она наклонилась и нырнула внутрь.

В комнате было темно, почти так же, как в кабинете мистера Уоррена. Окно закрывали широкие деревянные ставни, в щелки между ними пробивались золотистые нити робкого полуденного солнца. И все же их было недостаточно, чтобы осветить такую комнату – большую, холодную и мрачную.

Уинифред поежилась. Камин здесь, похоже, не разжигали с самой зимы. Иначе она не могла объяснить, почему отсюда несло таким обжигающим холодом.

К ее сожалению, ничего примечательного в кабинете не оказалось. В отличие от Малого кабинета, здесь не было ни статуэток, ни цветов, ни ковров – словом, ничего, что создавало бы уют. Высокие полки уставлены бумажными папками и бухгалтерскими книгами. Письменный стол пуст. Пустовали ящики комодов и даже коробка для мусора, обложенная изнутри коричневой бумагой. Уинифред задвинула ее на место.

И тут свет лампы вдруг зацепил кое-что еще.

К дальней стенке стола были прислонены несколько картин – все в пыли и паутине. Уинифред поднесла свет ближе и брезгливо, двумя пальцами, выдвинула крайнюю. Деревянная рама была тяжелой, картина с треском упала на пол лицом вверх. Обойдя ее, Уинифред присела.

Это оказался довольно старый портрет мужчины средних лет – масло потрескалось и потеряло первоначальный цвет. У мужчины было грубое, жесткое лицо с широкими скулами, губы сурово поджаты. Он был немолод, но темные волосы еще не тронуло серебро. Черные непроницаемые глаза глядели на художника с настороженным презрением, а у рта были проложены глубокие морщины, какие появляются, если человек на своем веку больше хмурился, чем улыбался. На обратной стороне портрета ничего не было – ни имени, ни даты.

Заинтригованная, Уинифред отодвинула следующий портрет. На нем была изображена женщина – тоже немолодая, но привлекательная неуловимой, изящной красотой аристократизма. У нее были усталые серые глаза с густыми ресницами и прямой рот. Узкое бледное лицо обрамляли каштановые кудри.

В чертах мужчины и женщины Уинифред видела что-то знакомое. Приподняв портрет женщины, она взгляделась в первый. Глаза мужчины напомнили ей смоляные глаза Дарлинга – густые, бездонные, такие черные, что она не различала, где заканчивается зрачок и начинается радужка. Но у мужчины на портрете они были пустыми, безжизненными. В них не было блеска и света, какой временами появлялся у Дарлинга, когда он смеялся, улыбался своей идиотской улыбкой или смотрел на нее.

Должно быть, это его родители.

Теперь она стала четче различать фамильное сходство – тонкое изящное лицо и ровно вылепленный нос женщины, черные как смоль глаза и волосы мужчины. Уинифред провела по раме рукой. Эти картины успели покрыться пылью, но не так сильно, как остальные. Портреты родителей Дарлинга поставили сюда совсем недавно.

Она отложила эти портреты и потянулась за третьим, стараясь не уронить лампу и в то же время опасаясь ставить ее на пол. Третья картина была вся покрыта паутиной и липкой пылью, отчего Уинифред затошнило от одного прикосновения к ней, даже в перчатке. Она прижала ладонь к животу, стянутому корсетом, пытаясь подавить отвратительное чувство. Резко дернув раму, она пролила на картину немного желтого мягкого света.

Этот портрет, несмотря на всю грязь, сохранился куда лучше первых двух – масляная краска почти не потрескалась и сохранила глубину цвета. На портрете был изображен мальчик – пухлый, розовощекий, с добрым и рассеянным взглядом черных глаз. Сперва Уинифред подумала, что это маленький Теодор, но, приглядевшись, поняла, что мальчик на него не похож. У него по-детски широкое, скуластое лицо, а волосы каштановые, как у женщины на втором портрете. Кто же этот мальчик? Его брат? Но Дарлинг никогда не говорил о брате... Впрочем, он вообще мало что говорит по делу.

Вспыхнув от внезапной волны смущения, Уинифред отодвинула последний, четвертый портрет. Его будто никогда не доставали отсюда, она с досадой подумала, что вряд ли теперь сумеет отстирать перчатки. Деревянная рама сохранила красный оттенок, краска нигде не потрескалась, но сама картина была покрыта тонким слоем грязи.

На портрете была изображена юная миловидная девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Она точно была родственницей – возможно,

дочерью – тех мужчины и женщины. У нее было узкое бледное лицо и черные глаза – совсем как у Дарлинга. На плечах лежали удивительно густые и блестящие черные кудри. Выражение лица незнакомки было мягким, даже смиренным, этим портрет напомнил Уинифред икону. Девушка смотрела чуть исподлобья, будто опасаясь лишней раз встретаться с художником взглядом.

Сложив портреты в стопку, она прислонила их обратно к стенке стола, встала и отряхнула ладони.

Почему картины, очевидно написанные в одно и то же время, относили сюда словно по очереди – сначала здесь оказался портрет юной девушки, потом мальчика, а самыми последними – мужчины и женщины? И почему здесь нет портрета самого Дарлинга?

Потушив фитиль, Уинифред оставила лампу в служебной столовой и выбралась обратно в коридор, уже не брезгуя касаться стен. Казалось бы, после своей находки она должна была испытать облегчение, ведь Дарлинг не соврал ей про родителей, а про брата и сестру просто умолчал. Сначала умерла его сестра, затем брат, а после и родители. Ему было слишком невыносимо смотреть на лица покойной семьи, и он приказал убрать картины. Но что-то не увязывалось в этой истории, и без того странной, и оттого Уинифред было неприятно и тревожно. Неспроста Дарлинг, рассказывая про родителей, ни словом не упомянул брата и сестру, а ведь обычно из него слова тащить не приходится. И потом, зачем относить картины сюда, в запертый кабинет? И если Дарлинг вернулся в Лондон совсем недавно, кто приказал спрятать первые два портрета? Либо его брат и сестра умерли уже давно, еще до его отъезда, либо приказ отдал кто-то другой. Скорее всего, портреты снимал один и тот же человек. Нужно выведать у Дарлинга, кому он отдавал приказ. Вряд ли Лауре – портреты слишком старые. Тогда, должно быть, Милларду?

Ее пробрал холод меж лопаток, и она резко обернулась. Сзади никого не оказалось.

Убедившись, что в холле пусто, Уинифред осторожно раскочевала доски и выбралась из укрытия. Это оказалось проще, чем в прошлый раз, – панели проваливались внутрь хода, извлекать их было гораздо удобнее. Отряхнув ладони и молча проклиная себя за испорченные перчатки, она вышла к главной лестнице.

Пока дворецкого нет поблизости, будет полезно осмотреть второй этаж. Наверняка в своей спальне Дарлинг хранит переписку или какую-нибудь еще информацию о своей семье. Она подобрала юбки...

– Уинифред!

Почувствовав, как забилося сердце в горле, она развернулась и встретила удивленно-радостный взгляд хозяина дома, поблагодарив судьбу за то, что не успела подняться по лестнице. Спohватившись, она небрежным жестом спрятала руки за спиной.

– Мистер Дарлинг, – чопорно отозвалась она.

Он расплылся в улыбке и шагнул к ней. Уинифред заметила, что он вышел из правого крыла, а не из левого, куда ушел ранее. Значит, он все-таки искал ее. Скосив глаза на грудь юноши, она убедилась, что ее портрета у него под жилетом нет, и с раздражением заставила себя снова посмотреть ему в лицо.

– Я думал, вы ушли, – все так же улыбаясь, сказал Дарлинг таким тоном, будто задавал вопрос.

Уинифред вскинула брови.

– Моя накидка у вас в кабинете.

– О... О, точно! – поспешно согласился он, почесал затылок и скопировал ее позу – выпрямился и спрятал руки за спину. – Я... не догадался посмотреть.

Уинифред подавила улыбку и спросила:

– Мистер Дарлинг, вы, случаем, не видели мой портрет? – Она не стала задумчиво сдвигать брови, зная, что на ее лице это выражение выглядит неестественно, и просто выжидающе уставилась на молодого человека. – Лаура написала его для меня, но он пропал. Будет очень стыдно, если она найдет его случайно брошенным где-нибудь.

Дарлингу хватило совести покраснеть. В отличие от Уинифред, у которой щеки едва розовели, он от смущения заливался лихорадочным румянцем. Ее это рассмешило бы, не будь она так зла на него за кражу.

Она помнила, что Дарлинг тоже неплохо читает людей, и заставила себя нацепить скучающий вид.

– Нет... Нет, не находил. – Все еще пунцовея, он выдавил улыбку. – Я... дам вам знать, если увижу его.

Сочтя лицемерие его унижения достаточно удовлетворительным, Уинифред склонила голову и промолчала. Взгляд юноши устремился

куда-то выше ее лба. Он вытащил из-за спины руку, будто желая коснуться ее головы, но тут же передумал и сжал ладонь в кулак.

– Позвольте... у вас паутина в волосах?

Уинифред вся сжалась на мгновение, старый шрам закололо. Черт подери!

С озадаченным видом она коснулась волос. Так и не сумев нащупать паутину, она сдвинула ладонь левее.

– Должно быть, прицепилась в вашей гостиной. Там почему-то очень грязно, – соврала она, все еще пытаюсь нащупать паутину в прическе.

Дарлинг, даже если понял, что Уинифред солгала, не подал вида. Он не отводил взгляда от ее волос.

– Могу я?.. – нерешительно попросил он.

На мгновение заколебавшись, она отвела свою ладонь и наклонила голову. Рука Дарлинга легко, словно перышко, прошла по косам и прикоснулась к волосам на макушке. Уинифред захотелось посмотреть ему в лицо, но она ждала, пока он отнимет руку.

Дарлинг молчал. Ей до ужаса не хотелось разрушать неловкое, но трогательное молчание, повисшее между ними. Но все же, не решаясь поднять голову, она тихо спросила:

– Вы... убрали?

Юноша молча отнял ладонь, снова скользнув по косам, но так ничего и не сказал. Уинифред подняла голову и поразились серьезности выражения его лица. В глазах Дарлинга не было улыбки, зато было что-то новое.

– Убрал, – хрипло произнес он.

Несмотря на их голоса, тишина все еще висела между ними – пронзительная, звонкая. Уинифред испугалась ее и того, что она могла означать. Отведя взгляд от его лица, она тихонько кашлянула.

– Гостиная... очень красивая, – с усилием проговорила она. – Я заметила, что она обустроена почти в том же стиле, что и ваш кабинет. Только картин нет.

Мельком взглянув на Дарлинга, Уинифред поймала его расстроенное выражение лица. Должно быть, он поразился, как она сейчас с такой легкостью может болтать о мебели.

– А следы от них есть. На обоях. Вы их сняли?

Она понимала, что говорит слишком уж в лоб, и человек посмекалистее давно бы сообразил, к чему она ведет. Но это был Дарлинг – очаровательный, глупый мальчишка. Уинифред даже показалось, что он не сразу понял, что она обращается к нему.

– Картины?.. А. Да, – ответил он отрывисто. – Там висели какие-то пейзажи. Мне показалось, они не слишком подходят... тематике кабинета.

– Вы лжете, – ласково возразила Уинифред, чувствуя злость на юношу за то, что он ей соврал. И ей было все равно, что думать так – сущее лицемерие. – Пятна на обоях вертикальные. Что это были за картины, мистер Дарлинг?

Он стушевался и снова покраснел.

– Видите ли... Я попросил Милларда их убрать. Мои родители...

– Милларда?

– Мисс Бейл!

Уинифред обернулась. Из правого крыла к ним спешил дворецкий. На одну его руку был накинут ее плащ, в другой он держал кипу бумаг, перевязанную бечевкой. Мельком взглянув на Дарлинга, она смерила Милларда ледяным взглядом.

– Да?

Старик вместо ответа приподнял кипу.

– Боюсь, вам пора ехать, мисс Бейл. Только что доложили, что мистер Уоррен уехал в Сити, и неизвестно, сколько он там пробудет. Вам нужно спешить.

Этот старый черт знает о портретах. Знает, что она их видела. Он не хочет, чтобы Дарлинг рассказал ей правду!

– Непременно. Подайте мне накидку, – холодно ответила она и не сдвинулась с места.

Пусть он выиграл эту битву, но таких битв будет еще много.

Миллард не выказал признаков раздражения. Он поставил пачку бумаг на пол и помог ей одеться. Дарлинг стоял молча, не вмешиваясь. Уинифред заметила, что он все еще сжимает в кулаке клочок паутины из ее волос.

– До свидания, мистер Дарлинг. Я дам вам знать, как только дело будет сделано, – сухо попрощалась она.

Юноша уныло кивнул ей, но не произнес ни слова.

– Миллард, отнесите бумаги в карету, – приказала она.

Вдвоем они вышли на улицу. Дворецкий вел себя безукоризненно вежливо, придержал ей дверь, помог сесть в экипаж и даже лично сообщил кучеру, куда нужно ехать, но Уинифред все равно не терпелось отделаться от мерзкого старикашки.

Когда он хотел захлопнуть дверцу экипажа, она придержала ее рукой. Взгляд Милларда – подчеркнуто учтивый – скользнул по ее перчатке и остановился на лице.

– Да, мисс Бейл?

Она наклонилась вперед.

– Не мешайте мне выполнять мою работу, Миллард.

Старик поклонился.

– Конечно, мисс. Делайте вашу работу. А я буду делать свою.

Загадочно улыбнувшись, будто зная то, о чем она не ведала, он захлопнул дверцу и стукнул по крыше, давая знак кучеру трогаться.

Уинифред прикусила язык до металлического привкуса во рту.

Глава 9

Двери и наказания

Чтобы занять чем-нибудь руки, дрожавшие от едва сдерживаемой злости, Уинифред крепко стиснула пальцами узелок бечевки. Ей хотелось схватить кипу бумаг обеими руками и вышвырнуть ее в окно.

Миллард, гнусный старик, что-то скрывает. Неспроста он вылез из своей норы точно в тот момент, когда Дарлинг почти что развязал язык. Еще и упомянул его имя.

Уинифред откинулась на спинку кресла и попыталась перевести дыхание, но воздух мерзким сухим комом застревал у нее в горле. Она все испортила своими резкими вопросами. Она должна была работать на Дарлинга, стать его правой рукой... А не копать под него.

Что-то очень похожее на стыд кольнуло Уинифред. Разумеется, как всякий хороший шпион, она должна была узнать хоть что-нибудь о своем нанимателе. Но разве того, что рассказал ей Дарлинг, недостаточно?

Дарлинги были богаты и вращались в высшем свете. Теодор – единственный наследник, который провел добрую часть жизни в хартфордширском захолустье. Пусть он и не раскрывает своих истинных намерений и причину, по которой хочет сжить мистера Уоррена со света, – разве это так уж важно, если она желает точно того же?

Уинифред настолько привыкла к тому, что с Дарлингом можно не притворяться, что стоило ей соврать, как все пошло прахом. А то, что он тоже ей солгал, окончательно вывело ее из себя. Теперь она не была уверена ни в чем, что говорил ей Дарлинг, – если он обманул насчет портрета, то мог солгать и обо всем остальном. Сейчас они доверяли друг другу еще меньше, чем вначале, и это было виной Уинифред.

Вместо печали она почувствовала злость на саму себя. Пусть Дарлинг и пустоголовый идиот, но раз он ей доверился, обращается с ней как с равной, то она сделает все, чтобы принести ему голову Уоррена на блюдечке.

Подтянув к себе поближе бумаги, Уинифред выглянула в окно. Они уже въехали в Сохо. «Рассвет» находился за поворотом возле

кирпично-красного дома. Она торопливо постучала по крыше экипажа. Если кто-нибудь из людей Уоррена увидит, как она выбирается из роскошной кареты Дарлинга, беды точно не миновать.

Кучер помог ей спуститься, и Уинифред обогнула дом, прижимая к груди кипу подделок. «Рассвет» был ничем не примечателен: аляповатая темно-зеленая дверь с декоративной ручкой посередине, кирпичные стены, маленькие окна с деревянными рамами. В Сохо все здания походили друг на друга, так что она совсем не исключала, что какой-нибудь гость может однажды забрести в их публичный дом по ошибке, наивно полагая, что стучится в дверь гостиницы, кабака или местного театра.

Уинифред, как и другие люди Уоррена, обычно заходила в «Рассвет» с черного хода. Едва успев увернуться от чуть не сбившего ее кеба, из которого доносился оглушительный хохот, она обогнула дом, поднялась по боковой лестнице и толкнула дверь. Обычно под ступеньками курили местные пьяницы и слуги Уоррена, с отвратительным смехом заглядывающие проституткам под юбки, но сегодня Уинифред повезло – было пусто.

На входе она столкнулась с Розой, работницей «Рассвета». Внешне они с Уинифред были похожи: обе белокурые, среднего роста, с одинакового оттенка синими глазами. Но лицо у Розы было шире, брови уже, а цвет лица светлее и болезненнее. К тому же Уоррен запрещал ей открывать рот и улыбаться клиентам, потому что почти все нижние зубы у нее почернели и сгнили. Роза недружелюбно сверкнула на Уинифред глазами и, не обратив внимания на бумаги в ее руках, буркнула под нос приветствие. Как и другие девочки «Рассвета», она недолюбливала Уинифред, но Роза казалась ей самой приятной из всех. Хотя, конечно, не настолько, чтобы водить с ней дружбу.

Уинифред знала, что кабинет Уоррена закрыт, а отмычками его замок не вскрыть. Но, к счастью, у нее был запасной ключ. Мистер Уоррен доверял ей и часто давал поручение забрать или принести что-нибудь, пока его нет в «Рассвете». Уинифред быстро поднялась за ключом в свою комнату, отперла дверь кабинета и вошла, никем не замеченная.

Ее окутала привычная тихая темнота. Свечи были потушены, а единственная лампа стояла на нижней полке в шкафу – Уоррен почти

никогда ею не пользовался. Заперев дверь на ключ и поставив пачку бумаг на пол, она на ощупь нашла на столе свечу и коробок спичек, прищурилась и зажгла свет. Когда зрение приспособилось к тусклому освещению, она зажгла еще одну свечу и водрузила бумаги на стол. Жалобно звякнула коробочка с набивным табаком.

Дальше дело оставалось за малым. Все договоры, контракты и ценные бумаги хранились в шкафу, на полке, под замком. Уоррен никогда не рассказывал ей об этом, но это было единственное хранилище в его кабинете, запертое на ключ.

Как-то раз, когда он был в отъезде, Уинифред забралась в кабинет и подобрала отмычку, а найдя бумаги, испугалась и тут же сунула их обратно, будто ничего и не было. Она могла забрать свой контракт в тот же вечер, разорвать его в клочки и сбежать, но струсилась. Она была много младше, много глупее и много больше нуждалась в чьей-либо защите, пусть даже это была защита Уоррена.

Уинифред распаковала подделки, вскрыла ящик и по памяти уложила их аккуратными стопками. Помедлив, она нашла четвертый снизу лист и приоткрыла его. На подделке красовалась ее подпись, безусловно скопированная Лаурой.

Выровняв пальцами корешки, она заперла шкаф и выдохнула, опершись о него спиной. От нервов и от того, что в полутьме приходилось напрягать зрение, у Уинифред разболелась голова. Тупой, смутной болью, не расчищающей мысли, а путающей их.

Теперь путей к отступлению у нее нет. Дарлинг не понимает, как важен договор, лишь потому, что никогда не чувствовал подобного бремени на себе. Уинифред жива, потому что полезна. Потому что верна мистеру Уоррену. Ее подпись, детская чернильная черточка, несла в себе страшную силу закона, который ее хозяин попирает тогда, когда он ему неугоден, и к которому обращается, когда это необходимо. Честно купленный «Рассвет» он держит тайно, а официально нанятые люди выполняют для него незаконную, низкую работу. Если Уоррен узнает о предательстве, он с легкостью убьет ее – когда дело касается его власти, закон не имеет для него значения. Все права, которые у нее есть, ей дал мистер Уоррен. Все, что она собирается у него отнять, он будет защищать до смерти, как голодный волк. И Уинифред все еще ничего не смогла сделать против него.

Голова была пустой и тяжелой, как котел. Оттолкнувшись от шкафа, она, движимая странным отчаянием, напоследок осмотрела стол, ящики и полки. Все письма были бесполезны. Одну их половину она доставила, а другую украла. В них не было ничего важного, ничего такого, что могло бы скомпрометировать его.

Ничего такого не было.

Уинифред выпрямилась и медленно задвинула потайной ящичек стола. Да, здесь ничего важного нет. Она сомневалась, что Уоррен стал бы хранить что-то подобное и в своем кабинете в Сити. Он умный человек. Уинифред была почти уверена, что все важные письма он сразу же уничтожает, и знать о них может лишь...

Их отправитель.

Какую именно услугу оказал Уоррену мистер Дейли? Какой важной информацией может он располагать, если ее хозяин почувствовал себя обязанным вернуть долг? Несомненно, это что-то весьма значимое. И если она узнает, что именно, то сможет понять его слабости, худое место в его внешне идеальной обороне.

Мысли закрутились в лихорадочном вихре. Она чувствовала, что вот-вот поймет, что делать, но никак не могла ухватиться за идею. Как всегда, в гневе и боли ей думалось лучше. Уинифред стянула с левой руки растерзанную перчатку и вонзила ногти в собственную ладонь. Та с готовностью отозвалась знакомой отрезвляющей болью.

Мистера Дейли нет в городе. Это плохо. Уоррен предупредил его о готовящейся облаве – ему и самому было выгодно, чтобы Дейли убрался подальше. Искать его сейчас – все равно что иголку в стоге сена. Но есть человек, который может знать о его делах – его друг, с которым он был на балу. Тот самый, который посчитал ее за круглую дуру и выболтал все, что ей нужно было услышать. Уоттс знает о компании и близок с Дейли. Возможно, именно у него ей удастся выяснить, что мистер Уоррен задолжал мистеру Дейли.

Оттого что ей наконец удалось поставить перед собой первую реальную, достижимую цель, Уинифред захлестнула волна облегчения. Она не считала себя дальновидным стратегом. Уоррен подставлял ей лестницу, а Уинифред сама себе добавляла ступеньки. Без него она держала в руках дощечки и тупо смотрела вверх, понятия не имея, что с ними делать. До этого самого момента.

Уинифред задула свечи, голыми пальцами остудила фитили и свернула бумагу, в которую были завернуты подделки. Если кто-нибудь заметит, как она выходит из кабинета мистера Уоррена с рулоном, он ничего не заподозрит.

Сунув сверток под мышку, она провернула ключ в двери кабинета и замерла, услышав шаги. В этом коридоре, в отличие от первого этажа, редко кто ходил. К тому же поступь была слишком тяжела для девушки. В конце коридора была только мужская уборная. Уинифред понадеялась, что человек направляется туда, но на всякий случай потянула ручку двери на себя.

Шаги прозвучали мимо кабинета, скрипнула дверь в конце коридора. Выждав немного, Уинифред осторожно открыла дверь, стараясь не щелкнуть замком, и выскользнула в коридор. Торопливо запирая кабинет, она невольно косилась на уборную.

Сжимая ключ в руке, Уинифред начала подниматься на второй этаж и уже на лестнице услышала, как снова хлопнула дверь. Заинтригованная, она поднялась на лестничный пролет и перегнулась через перила.

Мужчина вышел в коридор и на секунду задержался у кабинета мистера Уоррена. Уинифред узнала его по густым светлым волосам и блеснувшим на переносице очках. Это был секретарь Уоррена, мистер Холбрук. Они с Уинифред пересекались редко, а когда встречались, он всегда угрюмо кивал ей в приветствие. Впрочем, он, наверное, не совсем бесполезен, раз Уоррен уже целых два года держит его при себе.

Секретарь зашагал дальше, но вдруг остановился под лестницей, запрокинул голову и посмотрел Уинифред прямо в лицо. Она заморгала, но от неожиданности и из упрямства взгляд не отвела. У мистера Холбрука было странное лицо. Сколько бы она в него ни вглядывалась, ей не удавалось выделить в нем никаких примечательных черт. Это было плоское, блеклое, пустое лицо. Лицо очень полезное.

Глаза мистера Холбрука слегка сузились под стеклами очков. Он опустил голову в легком поклоне, отвел взгляд и ушел, будто пригвоздив Уинифред к перилам, от которых она почему-то не могла оторвать ладоней.

Лондон, 1854

Уинифред задержалась у двери, не решаясь войти. Дверь была из нелакированного, грубо отесанного дерева, с темно-коричневыми кругами – она досконально ее изучила, просто чтобы оправдать себя за то, что не может открыть ее. Ей никак не удавалось сделать глубокий полный вдох – то ли из-за платья, которое стало слишком мало, то ли из-за удушающего страха.

Уинифред никогда еще не было так страшно.

За дверью послышалось глухое покашливание, скрипнуло кресло. Ей вдруг стало еще страшнее от мысли, что будет, если мистер Уоррен узнает, что она топчется и мнется у входа, словно трусливая идиотка.

Не позволяя себе больше колебаться, она нажала на ручку и вошла.

Кабинет мистера Уоррена всегда напоминал ей маленькую уайтчепельскую церквушку – здесь пахло густым ладаном, кислым мужским потом, было душно и темно. Уинифред ненавидела эту комнату и то, что каждый раз она заходила сюда, как в исповедальню.

Мистер Уоррен вскинул на нее глаза из-под темных бровей, что-то дописал на листке и аккуратно отодвинул его в сторону, чтобы не смазать чернила. Уинифред сложила руки перед собой и потупилась, избегая смотреть своему хозяину в глаза. Она ждала и ужасалась момента, когда он что-нибудь скажет.

– Добрый вечер, Винни, милая, – прошелестел он, и она вздрогнула.

Его голос не звучал сердито, мистер Уоррен ничем не показывал, что зол на нее. Если он скрывает ярость – у нее огромные проблемы.

Не поднимая головы, она тихо, но отчетливо произнесла:

– Добрый вечер, господин Уо...

– Уинифред. Винни, Винни, – перебил он и сложил пальцы. Она постаралась не съежиться. – Моя Винни. Расскажи мне, что произошло. Где письмо, милая?

Сердце так сильно забилося в горле, что Уинифред показалось, будто мистер Уоррен его видит. Он ведь все знает. Он знает, что произошло.

Она сглотнула и незаметно впила ногтями одной руки в другую.

– Мне не удалось перехватить письмо, сэр, – выдавила она, задыхаясь. Ее трясло от страха, от его вкрадчивого спокойного тона, от осознания собственной никчемности. – Они встретились слишком рано, я не смогла... Я не успела...

– Что не успела?

– Забрать его, сэр. – Уинифред снова сглотнула, чувствуя, как начинают слезиться глаза от отвратительного запаха в кабинете. – Я должна была выкрасть его, но господ встретились раньше, чем было запланировано, и...

– Выходит, ты опоздала, – сказал он и мягко улыбнулся. – Знаешь, что было в том письме? Очень важная для меня информация, Винни. О ценных бумагах, о которых я уже не узнаю и которые не приобрету. В том конверте было очень-очень много денег, милая.

Уинифред била крупная дрожь, она боялась, что не сможет выговорить ни слова. Но она склонила голову и тонким незнакомым голосом произнесла:

– Извините меня, сэр. Я... Такого больше не повторится, сэр, даю вам слово. Я больше не допущу подобной ошибки.

Мистер Уоррен усмехнулся, и Уинифред осмелилась взглянуть ему в лицо. Он поджал губы, но его глаза улыбались, и от их уголков разбегались тонкие морщинки.

– Я верю тебе, Винни, – просто сказал он и откинулся в кресле, машинально проворачивая на указательном пальце толстое серебряное кольцо. – Я прощаю тебя. Можешь идти.

Уинифред распахнула рот, не решаясь вдохнуть. Неужели... неужели он и правда прощает ей этот промах? Неужели он лучше, чем она думала?

Она присела в торопливом книксене, словно опасаясь, что мистер Уоррен передумает, поклонись она недостаточно быстро.

– Благодарю, сэр. Я вас больше не подведу.

Она повернулась, чтобы уйти, но голос мистера Уоррена ударил ей в затылок:

– Постой. Помешай дрова в камине, милая.

Уинифред очень хотелось поскорее уйти, но теперь ей как никогда нужно было услужить своему хозяину. Она с улыбкой поклонилась ему, нагнулась над камином, отодвинула кочергой в сторону истлевшие

угольки и подвинула ближе свежие поленья. Одно из них щелкнуло, и огонь занялся с новой силой.

Удовлетворенная, она отставила кочергу, разогнулась и увидела, что мистер Уоррен стоит и внимательно, без улыбки наблюдает за ней. Уинифред невнятно пробормотала слова прощания, снова поклонилась и повернулась, чтобы наконец-то уйти.

Неожиданно мистер Уоррен впечатал ее в стол так сильно, что из нее вышибло воздух. Край столешницы больно ударил ребра, Уинифред показалось, что каждая косточка в ее теле разломилась пополам. Рука мистера Уоррена сжала распущенные волосы на ее затылке и с силой вбила лицо в поверхность стола. Хрустнул нос, хлынула горячая кровь. Уинифред задохнулась от волны накатившей боли, но из горла вместо крика вырвался лишь тонкий пронзительный всхлип. Она попыталась оторвать голову от стола, но та будто налилась чугуном.

Мистер Уоррен выпустил ее голову и крепко обхватил ее руку выше локтя. Уинифред туго соображала и лишь беспомощно пыталась выдернуть руку из хватки хозяина. Мистер Уоррен поднял с каминной подставки раскаленную докрасна кочергу, поудобнее перехватил ее и прижал к правому предплечью Уинифред. Уши заложило. Она завопила от боли и ужаса и забилась в его руках. Он так сильно вжался в нее, что своим онемевшим теперь телом она ощущала рядом с собой его могучее, кисло пахнущее туловище.

Через пару чудовищных мгновений, которые показались Уинифред настоящей пыткой, мистер Уоррен отнял кочергу и, не глядя, отбросил ее к каминной решетке. Лицом он прижался в место между ее затылком и шеей, стал шептать какие-то ласковые слова в ее волосы, пока она извивалась и кричала от острой, обжигающей, *невыносимой* боли. Ей хотелось сунуть руку под холодную воду, перевязать мокрой тряпкой, сделать *хоть что-нибудь*. Слезы из глаз брызнули только тогда, когда Уинифред почуяла запах – отвратительный, тошнотворный запах прожженного горячим металлом ковра.

– Винни, Винни, милая моя девочка, – шептал мистер Уоррен, баюкая ее в объятиях.

Уинифред казалось, что кочерга прожгла ее руку насквозь. Она уже не кричала, а просто тихо скулила, чувствуя, как сведенный рот понемногу заполняется рвотой.

– Моя милая, что же ты наделала? Конечно же, я тебя прощаю. Ты же меня больше не подведешь, верно? Больше не подведешь?

* * *

Лондон, 1857

– Уже почти пробило четыре, мисс, – хмуро буркнула Роза.

Она положила часики на табуретку у кровати, служившую ей столиком, и снова затянулась. Уинифред выругалась, протянула курительную трубку девушке и прыгнула на пол. Она старалась курить нечасто, поскольку слышала, что от табака желтеют зубы и гноятся десны, но порой не могла отказать себе в удовольствии. Роза хоть и неохотно, но всегда пускала ее к себе, когда была свободна, и угощала своей трубкой, набитой дешевым, горько пахнущим табаком.

– Спасибо, – скупно поблагодарила ее Уинифред и толкнула дверь, не попрощавшись.

Если бы не новое задание от мистера Уоррена, она давно бы уже съездила к Лауре и дала бы ей несколько поручений, но нельзя было заставлять бывшего хозяина сомневаться в ней.

Удивительно, что дверь кабинета Уоррена не являлась Уинифред во снах. С ней связаны почти все ее самые важные, болезненные и страшные воспоминания. За этой дверью не принимают ошибок, слабостей и чувств. За ней она перестает быть собой и становится мягкой, податливой куклой – стоит подергать за ниточки, и она сделает все что угодно. Теперь нити разорваны, но кукловод пока этого не заметил.

Нацепив на лицо безразличное, спокойное выражение, Уинифред, не колеблясь, вошла.

Уоррен зашел в кабинет немногим раньше ее и еще не успел снять сюртук. На улице, похоже, шел дождь – его короткие седеющие волосы потемнели от влаги. Уинифред невольно взглянула на шкаф, который вскрывала всего несколько часов назад, и тут же отвела взгляд.

– Винни, здравствуй.

Он тяжело бухнулся в кресло и принялся расстегивать пуговицы сюртука. Его покрасневшее сморщенное лицо внушало Уинифред

яростную, почти неконтролируемую ненависть. Так было всегда. Почему она поняла это только сейчас?

– Добрый день, сэр. Вы сказали, у меня будет задание?

Она переступила с ноги на ногу, изображая недоумение.

– Да, совсем небольшое. – Он мельком оглядел ее, не взглянув на лицо, пододвинул по столу какой-то конверт и отвернулся. – Доставь это письмо господину Мэшвуду. Пока он болтает, незаметно выведай, когда будет его следующая поставка. Если он не успевает до июля, цены в притонах нужно поднимать уже сейчас.

Уинифред коротко присела и взяла со стола конверт, внутренне содрогнувшись. Господин Мэшвуд – самый отвратительный из всех партнеров мистера Уоррена. Он ввозит в страну бенгальский опиум, а Уоррен и другие владельцы продают его в грязных притонах Чайна-тауна. С мистером Мэшвудом Уинифред встречалась не единожды, и всегда в качестве посыльной. Эту роль ей придумал хозяин: она слишком часто выходит из «Рассвета», чтобы ее никто не заметил, а личная посыльная мистера Уоррена – должность достаточно очевидная и невинная, чтобы оставаться на виду у одних и в слепой зоне у других.

– Я должна быть...

– Да.

– В лавке...

– Все верно, Уинифред.

Уоррен снова был не в настроении – должно быть, сорвалась сделка или договоренность. Уинифред не имела желания разговаривать с ним дольше необходимого, поэтому поторопилась уйти. Но бывший хозяин вдруг остановил ее на пороге:

– Винни, скоро у тебя расчет, помнишь? – Он ухмыльнулся и откинулся в кресле, вертя в крепких узловатых пальцах перо. – Ты хорошо поработала в этом году, милая. Не думай, что я оставлю это без внимания... Ну все, иди.

– Благодарю вас, сэр, – пролепетала она и выскочила за дверь.

Уинифред помнила, как мистер Уоррен вложил ей в ладонь ее первый заработок – такие крохи, что любая горничная подняла бы ее на смех. Но в тот момент она почувствовала чистый, незамутненный восторг. А еще силу, власть и всемогущество. Она была готова почти

на все, чтобы получить еще столько же. Уоррен давал ей свободу, и она привыкла к ее дозам, как бедняги из Чайна-тауна привыкают к опиуму.

Чтобы каждый раз не назначать для встречи новое место, Уинифред и мистер Мэшвуд условились встречаться в Челси, в галантерейной лавке на углу. Ей повезло – это место располагалось рядом с домом Дарлинга. Она должна была дать указания Лауре и Эвелин касаясь своего нового плана, но через посыльных Уоррена сделать этого, конечно, не могла. Две записки лежали у нее во внутреннем кармане накидки. Уинифред хотела написать третью, но так и не решилась. Пусть этот идиот не думает, что может вот так запросто лгать ей в лицо.

Над дверью в лавку висел колокольчик. Уинифред кивнула владелице, которая тут же юркнула в подсобное помещение.

Мистер Мэшвуд стоял у прилавка, заложив руки за спину, и с неподдельным интересом разглядывал женские перчатки. Увидев Уинифред, он просиял и торопливо, будто опасаясь упустить краткий момент приветствия, с чувством поцеловал ей руку.

– Добрый день, Нэнси, дорогая!

Он рассеянно улыбнулся ей и облокотился на прилавок. Ростом он был примерно с Уинифред. Одутловатое лицо с широко расставленными глазами вечно украшала добрая очаровательная улыбка невинного старика. Но она знала, кто он на самом деле – человек без морали и чести, который продал бы наркотики и младенцу, если бы ему заплатили.

– Добрый день, сэръ. Меня попросили передать вам...

Изображая волнение, Уинифред дрожащими руками вытащила из кармана письмо. Мистер Мэшвуд сцапал его и торопливо разорвал конверт, как она и надеялась. Полчаса назад она аккуратно вскрыла его, чтобы прочесть содержимое, и привести конверт в первоначальное состояние не совсем получилось. Старый дурак, на ее счастье, все делал поспешно, будто стараясь не упустить ни мгновения из остатка своей презренной жизни.

Пробежав взглядом по строчкам, он покраснелся и заулыбался, на круглых щеках появились ямочки. Еще бы – Уоррен на целую четверть увеличивает закупки белой отравы. Дочитав, Мэшвуд спрятал письмо в карман и перевел сияющий взгляд на Уинифред. Она смущенно потупилась.

– Все на побегушках у господина Уоррена, дорогая? – Мистер Мэшвуд покровительственно похлопал ее по плечу. – Ты хорошая девочка. Жаль, что он держит тебя в посыльных. Вот, держи.

Мистер Мэшвуд протянул ей новенький двухпенсовик, и она, краснея, приняла монетку. Пусть думает, что это от удовольствия.

– Благодарю вас, сэр, – пискнула она.

Мистер Мэшвуд довольно крикнул, и Уинифред решилась спросить, наивно выкатывая глаза:

– Сэр, прошу прощения... Мне интересно, но я не знаю, у кого, кроме вас, можно о таком узнать... Скажите, а возможно ли доплыть до Индии без корабля?

Старик захохотал, схватившись за живот обеими руками. Уинифред заметила, что он располнел с прошлой весны. Его сюртук явно расшивали по бокам, свежая ткань темнела по швам.

– Скажешь тоже! Нэнси, ты такая глупышка! Индия очень далеко! – Он приосанился и рукой пригладил жидкую седину на почти лысом черепе. – Знаешь, сколько туда плыть? Полтора месяца!

Уинифред восхищенно приоткрыла рот, краснея от осознания того, как глупо выглядит.

– Правда? Ваши корабли так долго плывут?

Мистер Мэшвуд снова крикнул, на этот раз недовольно, и упер руки в бока.

– Это совсем недолго, – возразил он. – Напротив, очень даже быстро. Конечно, тебе, девчужке, этого не понять, но суда в наше время очень... очень даже быстрые. Простой мой корабль дошел... – он кашлянул и взглянул на часы, будто ища там подсказку, – за пять недель, дорогая. С другого конца мира – и всего за пять недель!

– Как быстро! – послушно восхитилась Уинифред. – Должно быть, другие судовладельцы вам жутко завидуют, сэр. Мистер Олдман говорил мне, что отсек бы себе правую руку за вашу «Флорентину».

Услышав о своем фрегате, мистер Мэшвуд раздулся от гордости.

– Все так, девочка моя, – снисходительно подтвердил он.

– А еще он сказал, что теперь нет смысла об этом говорить, потому что ваша «Флорентина» уже давно потонула, – изображая задумчивость, добавила Уинифред. – И что теперь его «Глория»...

– Потонула?! – чуть не взвизгнул мистер Мэшвуд.

Его круглое лицо покраснелось, и Уинифред с опаской подумала, что с ним вот-вот случится удар.

– Будто его дрянная шлюпка «Глория» никогда не опаздывала в порт!

– Я тоже так ему сказала, – поспешила она успокоить старика. – Я сказала, что он просто завидует, поэтому так и говорит, сэр. Он ведь просто завидует вашей «Флорентине», сэр.

Мистер Мэшвуд тут же сменил гнев на милость и удовлетворенно потрепал ее по щеке.

– То-то же. Не то что его дрянная лодчонка, верно? – Старик снова рассмеялся, и все ее внутренности скрутило от отвращения. – Ну, беги, Нэнси. Приноси мне от своего хозяина больше хороших новостей.

Присев в поклоне, Уинифред выскочила из галантерейной лавки и направилась к дому Дарлинга настолько быстро, насколько ей это позволяли приличия. Теплая двухпенсовая монетка прожигала ладонь.

Глава 10

Друзья и незнакомцы

Дарлинг захлопнул книгу (сегодня это была «Последняя роза лета» Томаса Мура), часто заморгал и откинулся в кресле в недоумении, которое, казалось, приклеивалось к его лицу в присутствии Уинифред.

– Я ничего не понял. Зачем нам мистер Дейли?

Уинифред цокнула языком и раздраженно отвела взгляд. Юноша виновато потупился. С утра она не успела ни позавтракать, ни даже выпить чаю, а сразу поехала к Дарлингу, поэтому настроение у нее было хуже некуда.

– Не мистер Дейли, а его друг. – Она протянула руку к Лауре в просительном жесте. – Как там его?..

Девочка сидела на краешке кресла, сложив руки на коленях, будто боясь поверить, что господа усадили ее рядом и разговаривают с ней на равных. Услышав, что Уинифред обращается к ней, Лаура вскинула на нее испуганные карие глаза.

– Мистер Уоттс, мисс. Слуги в доме мистера Дейли мне сказали, что он частый гость у него в Лондоне вот уже на протяжении трех лет.

Уинифред удовлетворенно кивнула. Дарлинг же все еще ничего не понимал, но при этом безуспешно сделал вид, что тоже все понял.

– Уоттс точно знает о сестре мистера Дейли – он сам о ней упомянул. Наверняка они разделяют между собой и другие секреты. К примеру, об услуге, которую Дейли оказал Уоррену. Но с Дейли связи нет – он вместе с сестрой уехал из города по моей наводке и вряд ли вернется в ближайшее время. А вот Уоттс...

Она попыталась отчетливо вспомнить этого раздражительного угловатого молодого человека с кислым выражением лица.

Эвелин потянулась вперед и оперлась руками на ручки кресла. Она с упоением следила за Уинифред и, когда та закончила говорить, тут же вклинилась:

– Я все узнала, как вы п-просили, мисс Бейл!

Дарлинг поглядел на Уинифред и одними губами произнес: «Что?!» Но она его проигнорировала.

– Он обещал б-быть на сегодняшнем п-приеме у нас! – продолжала Эвелин.

Желание услужить было в ней настолько велико, что ее ореховые глаза сияли. Тщательно завитые рыжие локоны, по-девичьи распущенные, спадали на покатые белые плечи. Выглядела она точно принцесса из сказки. Уинифред поджала губы.

– Обычно без мистера Д-дейли его нигде не увидишь, но к моему п-папеньке он приезжает исправно.

План был отличным. Обе девушки великолепно справились со своими ролями: Лаура с помощью прислуги раздобыла секрет мистера Дейли, которым его можно прижать к ногтю, а Эвелин убедилась, что разговор с ним состоится. Оставалась одна крохотная неувязка, которая могла все испортить.

– Все это замечательно, но есть одна проблема. Ваша гувернантка. – На ум пришли цепкие глаза и орлиный нос мисс Хаббард, и Уинифред передернуло. – Она видела меня вчера на улице и непременно узнает мое лицо.

Мягкая улыбка Эвелин погасла.

– Что ж... В самом д-деле...

– Нам придется обойтись без Уинифред? – жалобно спросил Дарлинг, и она застыла.

Она придумала план, все организовала, а теперь ее хотят оставить за бортом?

– Разумеется, нет, – отрезала она, не показывая, как ей страшно, что сегодня она окажется бесполезной. – Без меня вы не справитесь. Сомневаюсь, что вы, мистер Дарлинг... – Уинифред стрельнула в него взглядом, – или вы, мисс Саттон, сможете оказать на Уотса достаточное давление.

Дарлинг пригладил волосы. За всю встречу Уинифред ни разу не посмотрела ему в глаза, и он начинал нервничать.

– Мисс Бейл права. Без нее ничего не выйдет, – робко вклинилась Лаура.

Уинифред подбодрила ее взглядом, от которого девочка почему-то еще больше ступевалась.

– Значит, я б-буду отвлекать мисс Хаббард, – вызвалась Эвелин.

Уинифред почувствовала некоторое расслабление, но до полного спокойствия еще было далеко.

– П-прием будет большим. Никто и не заметит вас, мисс Бейл.

– Мисс Саттон, вы уверены...

– П-прошу вас, просто Эвелин, – перебила та.

Уинифред не была совсем непроходимой тупицей, чтобы поверить, будто мисс Саттон любезна с ней без причины. Чего она добивается своим показным дружелюбием?

– И просто Теодор! – добавил Дарлинг с сияющей улыбкой.

Уинифред бросила на него презрительный взгляд, и молодой человек сжался в кресле.

– Эвелин, вы уверены, что сможете отвлекать ее весь вечер? – с нажимом спросила она, и та кивнула.

Перегнувшись через ручку кресла, Эвелин передала Уинифред большой сверток. Принимая его, она мельком глянула на Дарлинга. Тот сидел в кресле, сгорбившись и не поднимая головы.

– Это п-платье, одно из моих старых, – пояснила она. – Мы с вами п-примерно одного роста, но его нужно будет ушить.

– Благодарю вас, – рассеянно отозвалась Уинифред, теребя пальцами бечевку. Ее занимала одна-единственная мысль, но она не могла позволить себе отвлечься. – Лаура, успеешь к вечеру?

Девочка кивнула и с готовностью приняла сверток. Эвелин с упоением наблюдала, как та разворачивает бумагу и достает платье из сиреневой атласной ткани. Лаура деловито разгладила ткань и заметила:

– Мне нужно снять с вас мерки, мисс Бейл.

Дарлинг вскочил. Уинифред посмотрела на него с изумлением, но тот тоже как будто начал избегать ее взгляда.

– В таком случае мне... пора.

Он снова пригладил волосы и коротко поклонился, не останавливая взгляд ни на одной из девушек. Эвелин поджала губы и опустила взгляд, а Лаура тихо возразила:

– Вовсе не обязательно, сэр. Я буду снимать мерки прямо по одежде, вы можете остаться.

Покачав головой, Дарлинг попятился к выходу. Уинифред с тревогой отметила, что за последние несколько минут он ни разу не улыбнулся, и подавила желание вскочить следом.

– Нет, что вы. Прошу меня простить.

Он вышел, и Лаура страдальчески вздохнула. Выудив из нагрудного кармана фартука измерительную ленту, она попросила:

– Можете встать, мисс?

Уинифред подчинилась и протянула Лауре запястья. Та ловко измерила сначала их, потом плечи, талию, не записывая ни единой мерки и только бормоча себе что-то под нос.

Пока девочка вертелась вокруг Уинифред, Эвелин не отрывала от нее серьезного пронизательного взгляда.

– Ну что? – наконец не выдержала Уинифред. Вопрос вышел резким и грубым.

Эвелин выпрямилась и сложила руки на коленях. Вся ее поза говорила о глубоком внутреннем спокойствии. Как будто у Уинифред недостаточно причин ей завидовать.

– Мисс Б-бейл. Я, конечно, вмешиваюсь не в свое дело...

Долгие вступления Уинифред тоже недолюбливала.

– О чем вы?

– Я п-понимаю, что Теодор вам неприятен, но...

– Неприятен? – с изумлением переспросила Уинифред и покачала головой.

Ей стало обидно за такие слова. Неужели ее верности недостаточно, чтобы дать понять, что она ценит Дарлингга?

– Напротив. Он... внушает мне симпатию.

Повисла неловкая пауза, и Эвелин смахнула за спину упавший на плечо локон.

– Все считают иначе. В особенности сам Т-теодор.

Уинифред обернулась на Лауру, но та решительно отвела взгляд.

– Ты тоже так думаешь? – с недоверием спросила она у девочки.

Из-за сухого воздуха в комнате глаза начали слезиться.

Лаура смотала ленту и посмотрела на Уинифред.

– Признаться, я тоже полагала... что вы недолюбливаете мистера Дарлингга, – наконец произнесла она.

Уинифред видела, что Лаура не лукавит, и ей стало не по себе.

– Но главное, что вы сама думаете, мисс Бейл.

Значит, Дарлингг думает, что она его ненавидит? Но это ведь бред. Любой невооруженным глазом увидит, что...

Уинифред прикусила язык. Все всегда видят только то, что она хочет показать, а ведь внешне она не проявляет к своему нанимателю и

толику симпатии. Она думала, что Дарлинг достаточно хорошо угадывает чувства других людей, чтобы понять, что вовсе не ненавистен ей, но, видимо, она ошибалась...

– Вот как. Что ж... – Подобрал юбки, она снова села в кресло с бесстрастным выражением лица. – Очень жаль. Но у меня нет ни времени, ни сил развенчивать заблуждения мистера Дарлинга.

Эвелин с непонятной холодностью, которую Уинифред не привыкла испытывать на себе, приподняла тонкие брови.

– Да, я п-предполагала, что подобное вас несколько не заботит.

– Более того – это не входит в мои рабочие обязанности, мисс Саттон.

Девушка опустила голову, пряча хмурый взгляд. Что ж. Мисс Саттон не приходится ей ни матерью, ни подругой, поэтому осуждать ее она не имеет никакого права. Пускай хмурится, сколько ей угодно. Уинифред не побежит утешать Дарлинга только потому, что ему что-то взбрело в голову.

И тем не менее Уинифред почему-то никак не удавалось прогнать из груди сосущее, вязкое, тяжелое чувство пустоты. Откуда и почему оно взялось, ей было невдомек.

* * *

Дом Саттонов не понравился Уинифред. Он был чересчур, несуразно большим – намного больше, чем дом Дарлинга. У Саттонов нашлось место и для дорогого, но аляповато отделанной бальной залы, и для широкой приемной, в которой постелили ковры, будто не беспокоясь о капающей с гостей влаги и грязи. В целом весь особняк производил впечатление огромной мраморной коробки, рядом с которой жилище Дарлинга казалось пряничным домиком.

Юноша не разговаривал с ней всю дорогу. Он посадил ее в экипаж, но не промолвил при этом ни слова. Промолчал он и тогда, когда Уинифред совершенно случайно зарядила ему веером по плечу. Такое поведение было несвойственно ему и начинало порядком раздражать Уинифред. Она ни в чем перед ним не провинилась и не обязана потакать его бесхарактерным прихотям; почему же он продолжает так по-ребячески ее игнорировать? К злости

примешивалось еще и неуютное, мерзкое чувство страха. Неужели этот идиот так и будет теперь себя вести? Что, если раньше он только притворялся глуповатым шутком и это и есть настоящий Дарлинг? Уинифред одернула себя и расправила плечи, разглядывая потолок с хрустальными люстрами и позолоченными галтелями. Раньше ей не приходилось ловить себя на подобных глупостях.

Перешитое бальное платье Эвелин – нежно-сиреневое, с изящным геометрическим узором и сборчатыми рукавами-буффами – шло холодной светлой красоте Уинифред гораздо больше, чем его рыжеволосой владелице. Оно немного вышло из моды, но удивительно шло Уинифред, поэтому она осталась довольна. Веер и украшения она тоже позаимствовала у Эвелин, а волосы Лаура собрала ей в высокую прическу, скрепив гребнями и шпильками – от распущенных локонов Уинифред отказалась.

Дарлинг шел рядом с ней, заложив руки за спину и опустив голову. На прием к Саттонам они приехали вместе. Родословная мисс Мэри-Энн Оукс обрастала новыми подробностями, и теперь на материнской ветви родства возник кузен, Теодор Дарлинг. Выступать в роли родственницы Дарлинга было неуютно и странно, но Уинифред старалась надолго не задерживаться на этой мысли.

На входе она заметила двух человек, встречающих гостей на лестнице, – рыжеволосую статную женщину и полного мужчину с красным, но приятным лицом. Дамы приседали в книксенах, джентльмены пожимали руки и раскланивались. Должно быть, это родители Эвелин. Уинифред повернулась спиной к ним и лицом к Дарлингу и прошипела ему:

– Нужно обойти их. Нельзя привлекать внимание ко мне.

Это было первое, что она сказала ему за целый вечер. Уинифред почувствовала смущение, наконец прервав их молчаливую перепалку, и постаралась спрятать это за ледяным бесстрашием.

Дарлинг посмотрел на нее с грустным удивлением, но кивнул. Даже если он ничего не понял, все равно сделает так, как она сказала.

– Можем пройти по боковой лестнице, – негромко ответил он.

Отвернувшись от Уинифред, он ослабил голубой галстук, подчеркивавший фиалки в петлице. Сегодня он вырядился на удивление сдержанно и строго, и это шло ему еще меньше, чем

печальное выражение лица. Ей захотелось схватить его за плечи и встряхнуть.

Уинифред кивнула и встала чуть позади Дарлинга, давая понять, чтобы тот шел вперед. Незаметно они откололись от потока гостей, шедших на поклон к хозяевам бала.

Служебный коридор, ведущий к боковой лестнице, был уставлен цветами. Прислуга перевязывала букеты, переставляла вазы, срезала листья. Между ними сновали слуги с подносами, которые через кухню несли в зал прохладительные напитки и закуски. Уинифред показалось, будто она ворвалась в какое-то тайное неведомое царство, в котором ей нет места.

Увидев Дарлинга и Уинифред, прислуга опешила. Одна из горничных с подносом споткнулась на ровном месте и чуть не опрокинула кувшин.

– М-мистер Дарлинг? – пролепетала она, благоговейно глядя на молодого человека. Ну и ничтожество. – Что вы... Я могу вам помочь, сэр?

Дарлинг неловко улыбнулся и зачем-то оглянулся на Уинифред. Та округлила глаза в ответ.

– Добрый вечер, Энни. Моей кухне нужно припудрить носик, и мы решили пройти коротким путем. Не возражаешь?

То, что Дарлинг по именам знает прислугу в доме Эвелин, почему-то совсем не удивило Уинифред.

Энни выпучила глаза, как полоумная, и попятилась.

– К-конечно, сэр. Проводить вас?

– О, не стоит. Я еще не все здесь забыл.

Дарлинг подмигнул горничной, и она залилась краской. Уинифред почувствовала раздражение: на что этот идиот тратит драгоценное время?

Энни присела, посторонилась, и они с Дарлингом прошли к лестнице. Прислуга вокруг шепталась и косилась на них, но Уинифред не одарила никого и взглядом. Неужели они так быстро забыли, какой чудаковатый ухажер у их хозяйки? Эта мысль ее еще пуще взбесила, и она прикусила щеки.

На лестнице Дарлинг пропустил ее вперед и теперь шел сзади, отставая на пару ступеней. Он снова замолчал, и Уинифред не сдержалась:

– Обязательно флиртовать с прислугой? Не забывайте, зачем мы здесь, мистер Дарлинг.

Она не видела его лица, но затылком чувствовала недоумевающий взгляд.

– Я не флиртовал... Просто был вежлив, – наконец ответил Дарлинг, когда они поднялись до первого пролета.

Уинифред избегала смотреть на него и снова начала подниматься, стараясь ступать на носки, чтобы туфли не цокали слишком громко.

– Да неужели? – фыркнула она в ответ. – Вы то же самое говорили и о мисс Саттон.

– Вы бы предпочли, чтобы я молчал, мисс Бейл? – с каплей раздражения спросил Дарлинг.

Эти новые интонации в его голосе не нравились Уинифред. Она еще не знала Дарлинга, который не лебезил перед ней.

Уинифред оступилась, и Дарлинг едва успел ее подхватить. Она почувствовала его горячие руки на своих ребрах и теплое дыхание на шее. Секунду она боялась пошевелиться, и юноша неловко кашлянул, приподнял ее и поставил обратно на ступеньку. От Дарлинга исходил сладкий, отчетливый аромат цветов, а еще полевых трав, чистого белья, мыла и дождя. У Уинифред закружилась голова, и она на всякий случай крепко ухватилась за перила.

Почему он назвал ее мисс Бейл?

– Спасибо, – сдержанно поблагодарила она, но он промолчал.

Неужто этот идиот настолько буквально воспринимает каждое ее слово и намерен притворяться немым весь вечер?

У Уинифред во рту появился горький привкус.

В бальном зале собирались гости. Чтобы не привлекать к себе внимание, Уинифред и Дарлинг отошли к одному из столов у стены, на которых стояли прозрачные вазы с букетами желтых роз. Уинифред раскрыла веер и начала обмахиваться им, изображая усталость и пытаясь согнать невесть откуда взявшийся жар в щеках. Среди гостей в зале она не видела ни Эвелин, ни мисс Хаббард, ни мистера Уоттса. Один за другим начали зажигаться газовые рожки на стенах, хотя на улице еще не стемнело и Уинифред могла разглядеть подсвеченные закатным солнцем фиолетовые контуры туч.

Дарлинг продолжал молча стоять рядом с ней, вертя в руке пустой бокал. От него не пахло алкоголем, и Уинифред решила, что там была

обычная вода.

– Дайте мне тоже, – ровным голосом попросила она.

Он потянулся к другому запотевшему хрустальному бокалу и протянул ей. Уинифред взяла его за резную ножку и с раздражением спросила:

– Вы действительно собираетесь молчать весь вечер?

Дарлинг поджал губы.

– Вы сами меня об этом попросили.

– Я об этом не просила! – вспыхнула Уинифред и со стуком опустила на стол нетронутый бокал. – Вы в своем уме? Я всего лишь посоветовала вам воздержаться от неуместного флирта, когда мы...

– Тедди!

Лицо Дарлинга вдруг вытянулось от удивления, и он отвернулся. Уинифред осеклась и вспыхнула от унижения. Как он смеет прерывать разговор с ней? И что это за наглец, который считает ее за пустое место?! Она быстро нацепила нейтрально-доброжелательное выражение лица, которое очень шло мисс Оукс и которое ненавидела Уинифред. На балах не принято хмуриться и метать глазами лед.

Обернувшись следом, Уинифред увидела, что Дарлинга хлопает по плечу какой-то молодой человек, на вид ненамного старше его. Он был без жилета, в сорочке без галстука и в сюртуке, будто наспех наброшенном на плечи. Весь его облик кричал о небрежности, но Уинифред видела, что она напускная: белоснежная сорочка тщательно выглажена, воротник накрахмален, а волосы уложены в искусном подобии беспорядка. Длинные каштановые пряди обрамляли его грубое, но красивое лицо с выступающей квадратной челюстью и холодными серыми глазами. Судя по плохо выбритой верхней губе, он явно имел намерение отрастить себе усы. Юноша не отрывал взгляд от Дарлинга и широко улыбался.

– Тедди! А я уж думал, куда ты пропал. – Игнорируя присутствие Уинифред, он прищурился и сжал плечо Дарлинга. – Какими судьбами у Саттонов? Я думал, ты избегаешь Эвелин.

И тут Дарлинг улыбнулся. По-настоящему. Той самой своей искренней мальчишеской улыбкой, от которой его глаза превращаются в темные щелки, а лицо будто загорается изнутри.

– Стеллан, тебе не говорили, что невежливо прерывать чужие разговоры, особенно с дамами? – насмешливо спросил он. – Мне

отчитать тебя на глазах у всех?

Друг Дарлинга, не прекращая криво улыбаться, перевел взгляд на Уинифред, будто он впервые ее заметил. Она высокомерно вскинула брови, встречая взгляд нахала.

– В самом деле, прошу меня простить. Надеюсь, я не помешал ничему важному, – насмешливо произнес Стеллан. – Кто же твоя очаровательная спутница, Тедди?

Дарлинг глядел на обоих с неясным смущением.

– Стеллан, это моя кузина, мисс Мэри-Энн Оукс, – торопливо представил он Уинифред, будто желая, чтобы их знакомство было как можно более коротким. – Мэри-Энн, это мой добрый друг Стеллан Акли.

Какой же он добрый друг, если Дарлинг пробыл в Лондоне всего ничего!

Улыбнувшись, Уинифред протянула мистеру Акли ладонь. Тот принял ее, неожиданно сильно сжав, и оставил поцелуй, не отрывая от лица Уинифред внимательных глаз.

– Enchantée, – пробормотал он, выпуская ее руку.

Дарлинг переступил с ноги на ногу. Его лицо выражало ровно ту же степень неудовольствия, которую ощущала Уинифред. Ей хотелось поскорее исчезнуть из поля зрения Стеллана Акли.

– Теодор, нам нужно найти Эвелин! – капризно обратилась она к Дарлингу. Имя «Теодор» звучало непривычно из ее уст, но было бы странно, если бы кузина вдруг назвала его по фамилии. – Пойдемте скорее!

У Дарлинга запунцовели уши и нос. Он машинально предложил Уинифред локоть и виновато взглянул на Стеллана.

– Désolé, mon vieux^[9]. Встретимся позже?

Друг Дарлинга выпрямился и поглядел на них уже без всякой насмешки. В изгибе низко посаженных густых бровей, тонких губах, сжатой челюсти легко угадывалось высокомерное, претенциозное выражение светского льва, которое могла замаскировать лишь искренняя радость от встречи с другом. Он улыбнулся, и на этот раз улыбка не коснулась глаз и надменно изогнутых бровей.

– Разумеется, Тедди. Могу я украсть твою спутницу на первый вальс?

– Спроси у нее сам, – предложил Дарлинг.

Уинифред понравилось, как он ответил. Хотя в его позе почувствовалось напряжение, на лице продолжала блуждать спокойная усмешка.

Стеллан поклонился Уинифред, и она поняла, что насторожило ее в друге Дарлинга. У него был хищный, почти животный взгляд. Если Дарлинг ради своих целей может пренебречь нормами этики и морали – Стеллан на них попросту плюет. Дарлинг руководствуется сердцем, а его друг – острым, стальным умом. Стеллан напоминал ей Уоррена и этим пугал ее до чертиков.

– Ну, разумеется, – промурлыкал он. – Уже вторая оплошность! Похоже, я и впрямь неисправим, как говорит мне Тедди.

– Учиться никогда не поздно, – заметил Дарлинг.

– Учиться – значит признавать, что я не знаю всего, а такого удара мое самолюбие не вынесет, – весело парировал Стеллан. – Впрочем, я могу попытаться, ведь так? Я буду счастлив лицезреть вас в первом вальсе, если вы мне позволите, мисс Оукс.

В ней все еще было сильно инстинктивное желание нравиться, поэтому Уинифред прикинулась очарованной, ощущая, как от неприятного предчувствия холодеют кончики пальцев. Дарлинг мог бы спасти ее от первого танца, но предпочел взвалить ответственность на нее. Что ж, она сама этого хотела.

– С удовольствием, мистер Акли.

Стеллан криво улыбнулся и ушел, не поклонившись.

Дарлинг повел ее в другой конец залы, к огромному окну, занавешенному тяжелыми бархатными шторами. Здесь гостей было значительно больше, а значит, вероятность, что их подслушают, – меньше.

– Кто это? – тихо спросила она.

Дарлинг неловко почесал напыженную голову, и Уинифред заметила, что у него до сих пор розовеют уши.

– Мой друг, – глупо повторил он. – Стеллан Акли.

Уинифред не отказала себе в удовольствии фыркнуть.

– Об этом я и без вас догадалась, представьте себе! Я имею в виду, откуда вы знакомы? Что именно он о вас знает?

– Довольно многое, – признал Дарлинг с ноткой удовольствия в голосе. – Стеллан может показаться... порочным, но он действительно неплохой человек. Когда я только приехал в Лондон, он спас меня от

стольких публичных оплошностей, что всех и не припомнить. Вы же знаете, что я могу быть несколько... неловким.

– Как много он знает? – настойчиво повторила Уинифред.

– Он знает, что я приехал в столицу после смерти родителей и что Эвелин пыталась женить меня на себе. – Он помолчал. – А также немного знает о вас и о моих планах касательно вашего бывшего хозяина. Он неглуп и в случае чего легко поймет, что к чему.

Уинифред лихорадочно размышляла. Нужно скорее убираться отсюда. Если Стеллан сложит два и два, он принесет ей много проблем. Где же пропадает этот чертов Уоттс?

Сияя, к ним порхнула Эвелин. Она выглядела совершенно восхитительно в новеньком, с иголки светло-зеленом платье с рукавами-фонариками. Глубокий вырез подчеркивал ее покатые плечи и полные белые руки, а глаза блестели ярче обыкновенного.

– Т-теодор! Мисс Оукс! – прошептала она. Ее высокие изящные скулы покрывал легкий, как напыление у фарфоровой куклы, румянец. Она понизила голос. – Я ненадолго, п-пока мисс Хаббард с моими родителями. Мистер Уоттс еще не п-приехал. Вижу, вы уже встретились со Стелланом?

Его имя Эвелин произнесла с досадой, и Уинифред порадовалась, что не ей одной мистер Акли внушает неприязнь.

– Эви, пожалуйста, не нужно так про него, – жалобно попросил Дарлинг. – Он же... – Юноша мельком посмотрел за спину Эвелин и округлил глаза. – Он здесь.

– И что? – с раздражением поинтересовалась Уинифред. – Он же нас не слышит.

– Да нет же!

Уинифред поняла, о ком он, и оглянулась через плечо. В зал вошел невысокий человек в темно-синем сюртуке в красную полоску. Она сразу узнала его по кислому выражению лица. Всем своим видом он демонстрировал, что находится здесь у него нет никакого желания.

Уинифред дернулась в его сторону, но Дарлинг придержал ее за предплечье и тут же, будто обжегшись, отдернул руку.

– Нельзя. Вы обещали первый танец Стеллану, – напомнил он.

Эвелин широко распахнула глаза.

– И что? – недовольно передернула плечами Уинифред, но остановилась. – Переживет.

– Он п-прав, – вмешалась Эвелин, сочувственно склонив завитую головку к плечу. – Если вы п-пропустите обещанный мистеру Акли танец, вы только п-привлечете к себе больше ненужного внимания.

Она метнула сердитый взгляд на Дарлинга, и тот глуповато ей улыбнулся.

– Мне п-пора. Нужно найти мисс Хаббард.

Эвелин ушла, и Уинифред с раздражением выдохнула. Глупый этикет. Почему Дарлинг сразу не сказал Стеллану, что первый танец за ним? Она хотела упрекнуть его, но вспомнила их разговор на лестнице и прикусила язык.

Она снова обернулась и нашла глазами мистера Уоттса – тот угрюмо баюкал в сложенных лодочкой ладонях бокал шампанского. Молодой человек все время оглядывался через плечо, точно забывал, что пришел один.

Уинифред отвела от него взгляд и случайно увидела мистера Акли. Тот сидел на голубом атласном диванчике у стены, расположившись почти развязно – расстегнутый ворот рубашки, закинутае на спинку руки. Он внимательно, с любопытством рассматривал Уинифред, не обращая внимания на вьющихся вокруг барышень и молодых людей.

Она резко повернулась к Дарлингу, болезненно ощущая, как колотится сердце в груди. Юноша прилежно изучал свои лакированные ботинки.

– Задержите Уоттса. Мне нужно, чтобы он пригласил меня на второй танец, – быстро проговорила она.

Музыканты заканчивали настраивать инструменты. Бал вот-вот должен был начаться.

– Вторым танцем будет мазурка, – возразил Дарлинг и ковырнул носком ботинка паркет. – Лучше на третий. Третьим снова будет вальс.

Уинифред оторопела. Неужто Дарлингу только что пришла в голову дельная мысль?

– Вы правы, – с неохотой выдавила она. – Тогда второй я танцую с вами.

Глаза Дарлинга нервно забегали, и он снова покраснел. Он хотел было ответить, но Уинифред услышала, что кто-то приближается к ней со спины, и еле заметным жестом дала юноше знак молчать.

– Прошу меня простить. Мисс Оукс, вы готовы? – произнес голос рядом с ней.

Уинифред обернулась и сладко улыбнулась Стеллану Акли.

– Разумеется.

Уинифред бросила последний предупредительный взгляд Дарлингу, лицо которого приняло несчастное выражение, и позволила Стеллану увлечь себя на середину зала. Она лишь надеялась, что Эвелин удалось завладеть вниманием мисс Хаббард.

В ожидании первых нот приветственного вальса Стеллан заложил руки за спину. Ростом он был ниже Дарлинга на пару-тройку дюймов, но Уинифред все равно приходилось смотреть на него снизу вверх. Пока танец не начнется, Стеллан должен развлекать ее беседой. Чтобы он не успел задать ей неудобный вопрос, Уинифред быстро спросила первой:

– Давно вы знакомы с моим кузеном, мистер Акли?

Если он не глуп, то на мелкой лжи не попадетсЯ.

Стеллан склонил голову набок.

– Совсем нет. Но я успел его довольно хорошо узнать. Тедди готов преподнести собственное сердце на блюдечке первому же встречному.

– Не говорите так, – укоризненно возразила Уинифред, стараясь скрыть, как сильно ее взволновали его слова. – Как будто это плохо.

Стеллан прищурился, и Уинифред поняла, что сказала что-то не то. Он явно насторожился. Шагнув ближе, он обхватил ее за талию и крепко сжал ладонь. Уинифред неуверенно положила ему руку на плечо, и музыка заиграла.

– Вовсе нет, – шепнул ей в ответ молодой человек.

У нее закружилась голова. Жесткая, отточенная манера танца Стеллана не оставляла пространства для маневров, и Уинифред показалось, что она не смогла бы допустить ошибку, даже если бы захотела, поэтому перестала считать такты.

– Тедди не может оторвать от нас глаз, – заговорщически произнес Стеллан и подмигнул. Он совершенно не запыхался. – Неужели так беспокоится о своей кухне?

Уинифред легкомысленно пожала плечами.

– А у него есть для этого повод?

Молодой человек ухмыльнулся и прижался к ней ближе, чем того позволяли приличия. Она уловила в его дыхании пары шампанского.

Уинифред передернуло, и она позволила себе стереть улыбку с лица.

– Предостаточно, – заверил ее Стеллан. – Но только не у вас, мисс Бейл.

Уинифред споткнулась и упала бы, если бы партнер не держал ее так крепко. В этот момент на нее разом навалилось все: голова закружилась, стало душно, туго зашнурованный корсет и пропитанное алкоголем дыхание Стеллана не давали вздохнуть. Ей показалось, что она сейчас упадет в обморок, но из последних сил изобразила недоуменную улыбку.

– Что, простите?

Она не могла поверить самой себе. Ситуация с прошлого бала повторялась, только Дарлинг по сравнению со Стелланом – невинный голубок.

– Он ведь тоже знает, правда? – Молодой человек выгнул бровь, и Уинифред, словно через дымку, заволокшую ее сознание, поняла, что он имеет в виду Дарлинга. – Конечно. Он ведь искал вас. И я рад, что нашел.

– Я... я понятия не имею, о чем вы, – в последней попытке выкрутиться пролепетала она, но Стеллан только шире улыбнулся.

Теперь он практически волочил ее за собой по залу, точно тряпичную куклу.

– Хотите знать, как я догадался? – не обращая внимания на ее слова, спросил он. – Вы, наверное, подумали о том же, о чем поначалу и я – у Тедди нет кузин. Ну, всякое бывает, сказал я себе, объявилась какая-то бедная родственница. А потом я увидел, как он смотрит на вас. Тедди ведь просто отвратительный лжец. Невооруженным взглядом видно, что никакая вы ему не кузина. Но вы... На вас я смотрел – и не видел ничего. Превосходная сдержанность, непроницаемый фасад. Смотрю вам в глаза – а там *пусто*. – Последнее слово он произнес с придыханием. – Не бывает у людей такого пустого взгляда. Только если они... – он развернул ее, не давая шевельнуться, – не опустошают его по своей воле.

Уинифред молчала. Хотела открыть рот и возразить, но Стеллан приводил ее в ужас. Она была права – он опасен. Только ей невдомек насколько.

Видя смятение на ее лице, Стеллан ухмыльнулся. От улыбки его массивная челюсть становилась еще шире, а на щеках появлялись

ямочки, казавшиеся на лице лишними.

– Не волнуйтесь, ваша тайна в безопасности, – заверил он, но Уинифред почему-то ему не поверила. Что он попросит за молчание? – Друг Тедди – мой друг.

Вальс закончился. Холодная, как лед, ладонь Уинифред соскользнула с плеча Стеллана. Другую он продолжал крепко сжимать.

– Скажите что-нибудь, – насмешливо предложил он. Его цепкие глаза сверкали презрительным весельем.

Уинифред резко выдернула свою ладонь из его хватки и задрала подбородок.

– Понятия не имею, о чем вы говорите. Вы сумасшедший, – отрезала она.

Взгляд Стеллана опустился ниже ее лица и тут же поднялся.

– Вовсе нет, – загадочно возразил он и опустил руку, в которой только что стискивал ладонь Уинифред. – Просто поймите, что вам лучше обрести в моем лице союзника, нежели врага.

Он поклонился и, когда поднял голову, уже не улыбался. Оставив ее посреди зала, Стеллан ушел, и Уинифред почувствовала, что у нее подкашиваются ноги.

Глава 11

Симпатии и клавиши

Неловко двигаясь, Уинифред подтащила себя к Дарлингу. Ей хотелось похлопать себя по щекам, чтобы прийти в чувство. Должно быть, вид у нее действительно был не лучшим, потому что Дарлинг оставил разговор и поглядел на нее с нескрываемым беспокойством.

– Что такое, Мэри-Энн? Тебе нехорошо?

Уинифред охватило раздражение. Оно немного прочистило мысли, которые словно завернули в вату, как рождественские игрушки. Она наконец заметила, что Дарлинг не один. Уоттс выглядывал из-за его спины, глядя на Уинифред с презрительным любопытством.

– Пустяки, я просто запыхалась, – небрежно обронила она и раскрыла веер, стараясь незаметно нащупать стол, чтобы опереться.

Уоттс фыркнул и отвернулся, но Дарлинг, жалобно сведя брови к переносице, не отводил от Уинифред взгляд. Если он до сих пор ничего не понял, то наверняка что-то почувствовал.

– Что ж... Мистер Уоттс, позвольте представить вам мою кузину, мисс Мэри-Энн Оукс.

Уинифред обворожительно улыбнулась и опустила веер, чтобы Уоттс смог лицезреть ее радость, но тот и бровью не повел. Безразлично сцапав ее ладонь, молодой человек оставил на тыльной стороне короткий поцелуй, и лицо у него при этом было такое, будто Дарлинг заставил его съесть ведро жаб. С трудом сохраняя на лице остатки вежливой улыбки, Уинифред обратилась к нему:

– О, мне кажется, мы с вами уже знакомы, мистер Уоттс! Вы ведь были на балу у лорда Уилкиса во вторник?

– Да, я был там. – Взгляд молодого человека без интереса скользнул по ее лицу и платью, а потом он язвительно ухмыльнулся. – Кажется, я тоже вас помню. Мы с вами немного поболтали о политике, верно?

Дарлинг, благоразумно воздержавшийся от участия в разговоре, поглядел на Уоттса с недоумением.

– Верно! Вы сказали, я замечательно в ней разбираюсь! – прощепетала Уинифред. – А где же ваш друг, мистер Дейли? Он

потанцует сегодня со мной?

Едкая усмешка Уоттса тут же завяла. Он поджал губы и уставился в бокал в своей руке, будто задаваясь вопросом, что он здесь забыл.

– Нет, его сегодня... не будет, – сквозь зубы выдавил он.

Его глаза бегали по полу. Уинифред видела, что ему нестерпимо хочется уйти, но в то же время он прекрасно понимал, что другие будут донимать его расспросами куда больше, чем глуповатый Дарлинг и его еще более глупая кузина.

Пока Уоттс не видит, Уинифред локтем пихнула юношу, и тот удивленно охнул.

– Я... то есть... Мистер Уоттс, вы сегодня не танцуете? – спросил он с такой неловкостью, что хуже было бы, только если бы он еще и почесал голову.

– Отчего же? – Его лицо потемнело. – Мисс Оукс, могу я иметь честь украсть вас у вашего кузена на следующий танец?

Уинифред надула губки и покачала головой.

– Я обещала второй Теодору. Но следующий... – Она начала торопливо листать свою бальную книжку, будто ей самой или Уоттсу в самом деле было дело до танцев. – Следующий у меня свободен!

– Восхитительно. – Уоттс метнул мрачный взгляд на Дарлинга и отхлебнул из бокала. – Как видите, я танцую.

Пока Дарлинг бормотал что-то невразумительное, Уинифред снова начала строить глазки – без надежды на успех, а скорее для приличия. Пусть расслабится немного и думает, что Мэри-Энн подыскивает себе жениха.

– Вы из Лондона, мистер Уоттс?

– Нет, но живу здесь уже довольно давно, – скучающим тоном ответил молодой человек.

Его нарочито неприветливое выражение лица начинало действовать Уинифред на нервы.

– Вот как? Полагаю, вы даете балы?

– Нет. Мой дом слишком мал для приемов.

Дарлинг незаметно тронул ее за руку. Она знала, что это всего лишь знак, что пора заканчивать разговор, но все равно вздрогнула от неожиданного прикосновения и со щелчком сложила веер.

Начинался второй танец. Нужно заставить его нервничать, но не слишком. Чтобы он ничего пока не заподозрил, но в то же время

потерял бдительность.

– А что насчет вашего друга, мистера Дейли? В его доме находится место гостям? – Как бы невзначай Уинифред обернулась. – Прошу меня простить, кажется, танец начинается! Теодор, пойдете!

Уходя, Уинифред затылком почувствовала обескураженный взгляд Уоттса и мысленно похвалила себя за удачно закинутую наживку. Сейчас он испытает мимолетное облегчение от того, что ему не пришлось отвечать на неудобный вопрос. В следующую секунду его охватит страх, вдруг она что-то знает? Потом злость: ничего она не знает, зачем пристает с идиотскими вопросами? Затем, наконец, в его мысли придут штиль и ощущение собственного превосходства: она всего лишь глупая девица. Поэтому когда она ударит, его добьют его собственные удивление и страх.

Погруженная в мысли, Уинифред очнулась только с первыми нотами. Дарлинг и не подумал одернуть ее – стоял рядом, как истукан, не решаясь вымолвить и слово. Идиот.

– Мистер Дарлинг, скажите, мне отрезать вам язык? Похоже, он вам ни к чему, – прошипела она, лихорадочно выуживая из памяти следующее танцевальное движение.

Мазурка была быстрой, но не слишком громкой, по крайней мере, она могла быть уверена, что Дарлинг слышал ее.

– Что не так? – с беспокойством спросил он.

Будь у него хребет, Дарлинг показался хотя бы оскорбленным ее обвинением, во многом беспочвенным. Его же лицо выражало искреннюю тревогу, и это лишь больше привело Уинифред в бешенство.

– Вам Стеллан что-то сказал?

Схватив его руку, она нырнула в образовавшуюся между ними петлю и тут же выпустила ладонь.

– Сказал, – злобно подтвердила она.

Дарлинг сглотнул.

– Вы, похоже, успели обсудить с половиной Лондона, что хотите заполучить меня к себе на работу! Мистеру Уоррену, надеюсь, тоже сообщили, чтобы он не волновался?

– Ох, я... сожалею, что так скомпрометировал вас, – пробормотал Дарлинг, опустив голову.

Уинифред пропустила движение в танце, но он ловко выкрутился, и со стороны никто не заметил конфуза.

– Я поговорю со Стелланом. Он будет молчать, если я попрошу. Я ведь потому с ним и поделился – он ведь мой друг.

– Ваша проблема, мистер Дарлинг, в том, что вы не можете держать рот на замке тогда, когда это нужно, – сурово отрезала Уинифред. Она начинала уставать, и гнев только сильнее ее выматывал. – Не дай боже, еще хоть одна живая душа узнает...

– Этого не повторится, – торопливо закивал Дарлинг. – Никто больше не знает. Я клянусь.

Уинифред хмыкнула и вдруг задумалась, почему именно злится – из-за того, что он кому-то проболтался, или потому, что не способен дать ей отпор?

Остаток мазурки они танцевали молча. В завершающей фигуре танца, когда они стояли друг к другу боком, Дарлинг вдруг опустил к ней голову и горячо прошептал:

– Простите меня, мисс Бейл. Я не хотел вам мешать.

Уинифред снова споткнулась, но перенесла вес на другую ногу и тут же выпрямилась. На смену волне злости, поднявшейся из ниоткуда и туда же ушедшей, пришло неясное смущение. Отчего она смутилась?

– Поговорите... – Она сглотнула, прогоняя из голоса тонкие нотки. – Поговорите с мистером Акли. Убедитесь, что он не станет нам досаждать.

Дарлинг неловко улыбнулся, но было видно, что он испытывает облегчение.

Вместе они вернулись к столу с напитками, где Уоттс опустошал уже третий по счету бокал шампанского, но, кажется, все еще не был пьян. Оно и к лучшему – с трезвым ей будет куда легче договориться. Но больше пить ему явно не стоит.

Улыбаясь, Уинифред порхнула к Уоттсу, и тот смерил ее усталым надменным взглядом. Как она и предполагала, он расслабился и больше не ждет сюрпризов.

– Мистер Уоттс, вы любите вальс? – любопытствовала она, прислушиваясь к неуверенным шагам Дарлинга у себя за спиной – кажется, он уходит.

– Нисколько. – Молодой человек одним глотком осушил бокал и поморщился. – Я вообще танцую только в случае крайней

необходимости.

Мэри-Энн не уловила намека и надула губки.

– Вот как... Очень жаль. А я вот обожаю вальс! – Уинифред сменила грустное выражение лица на восторженное и возвела глаза к украшенному лепниной потолку. – Целыми днями только и делала бы, что танцевала!

С уходом Дарлинга – а возможно, после третьего бокала спиртного – Уоттс окончательно осмелел и теперь в открытую передразнивал ее улыбку.

– *Как чудесно!* – Скалясь, он схватил четвертый бокал и тут же пригубил. – Как же вам повезло, что вы танцуете со мной!

Уинифред с детской непосредственностью заглянула в его бокал и рассеянно закивала. Если он и дальше продолжит пить, ничего не выйдет.

– Да-да... А что это у вас? Это шампанское?

Уоттс фыркнул и сунул ей бокал под нос.

– Да. Хотите?

– Нет, благодарю вас. Маменька говорит, что пьяницы попадают в ад! – доверительно прошептала она.

Молодой человек хмыкнул и повертел бокал в руках. Внезапно его веселость сменилась хмуростью, и он отставил шампанское, не поднимая на Уинифред глаз.

– Если я и попаду в ад, то уж точно не за пьянство. Пойдемте. – И Уоттс подал ей руку.

Танцевал он просто ужасно. Если Дейли уверенно лавировал в толпе гостей, то его друг словно оказался на балу в первый раз. Уинифред дважды отдала ему ногу, и благодаря ей же они все-таки не столкнулись с другой парой. Уоттс даже не извинился за свой промах, и всякие остатки жалости к нему, которые у нее еще могли оставаться, испарились без следа.

– Мистер Уоттс, – негромким, спокойным голосом начала Уинифред, – вы так и не ответили на мой вопрос. Мистер Дейли тоже не дает приемов?

– Не дает, – неохотно признался он.

Его руки оставались расслаблены. Он все еще не сомневался в собственном превосходстве, хотя необычные для мисс Оукс деловитые нотки должны были его насторожить.

– Отлично понимаю, почему, – сочувственно согласилась она. – За три года на одном месте человеку наскучивает положительно все. Даже балы, сколь бы увлекательна ни была публика. Наверняка у вас и мистера Дейли совершенно нет желания посещать приемы, и еще меньше – давать их. Я права?

– Так и есть, – хрипло подтвердил он и потупился, но рука вдруг сильнее сжала ее талию. – Мисс Оукс?

– Да?

– Я не говорил вам, что живу в Лондоне три года.

– Не говорили, – подтвердила Уинифред.

Уоттс вскинул голову и впервые по-настоящему *посмотрел* на нее. В его язвительных глазах теперь плескался страх.

– Кто вы? – спросил он.

Его нижняя челюсть мелко задрожала, и Уинифред охватило предвкушение выигрыша в игре, правила которой знает только она.

– Это совершенно неважно. Немой призрак в доме вашего приятеля гораздо интереснее меня.

Уоттс хотел было отпихнуть ее, но Уинифред крепко вцепилась пальцами в ткань его сюртука и резким движением притянула молодого человека ближе. Она только сейчас заметила, что сюртук с чужого плеча и немного велик Уоттсу.

– Отпустите меня немедленно, – прошептал он и снова взбрыкнул, но уже без прежней решимости. – Отпустите.

– Мне нужно кое-что у вас узнать, – сладким голосом, словно не заметив его слов, произнесла Уинифред. Выпустив из пальцев ткань, она бережно разгладила ее на плече Уоттса, чувствуя, как у него дрожат плечи. – Кое-что, о чем знает Томас Дейли, а теперь и вы.

– Мне-то откуда знать? Пустите меня немедленно!

– Я уверена, что вы знаете, – возразила она. – За одним разделенным секретом неизбежно следуют другие.

– Даже если и так, с чего бы мне передавать вам его слова?

Уоттс продолжал храбриться, но глаза у него покраснели, Уинифред ощущала, как он дрожит всем телом. Он прекрасно понял, что его загнали в угол.

– С того, что я тоже о вас кое-что знаю.

– Молчите! Замолчите, умоляю!

– Вы спросили, с чего бы вам говорить? Это отличный вопрос, мистер Уоттс, просто превосходный. – Наклонившись, Уинифред прошептала: – Потому что я знаю, что в дальней комнате дома, который мистер Дейли снимал последние три года, он скрывал свою душевнобольную сестру. Любопытно, какое заключение врачи дали девушке, которая спит исключительно днем, не разговаривает, расцарапывает собственное горло до крови и приходит в панику при виде острых предметов? Ах, погодите... врачи не знают о ней, не так ли?

Уоттс дернулся от нее как от прокаженной. Он обмяк, и теперь Уинифред практически сама вела его в вальсе.

– Она... за ней наблюдают доктора, – пробормотал он. – Ее осматривал френолог^[10]. Ей регулярно делают кровопускание.

– Почему это делают частные доктора, а не специалисты психиатрических лечебниц? – безжалостно надавила Уинифред. – Я прекрасно знаю, что вы с мистером Дейли ходите по дому на цыпочках – лишь бы ее не тревожить. Я знаю, что он отпирает дверь в ее комнату лишь дважды в день. Я знаю, что слуги убрали из ее комнаты все тяжелые предметы и сняли люстру. Мистер Уоттс, вы действительно считаете, что поступали правильно, помогая своему другу держать на привязи душевнобольную женщину?

Уоттс съеживался после каждого слова Уинифред, но последняя фраза привела его в ярость. Он вскинулся, раздувая тонкие ноздри.

– Том знает, как ей лучше! – выплюнул он. – Грейс не опасна – нет нужды держать ее в лечебнице! Она больше никому не навредит. Ей нечего бояться.

– Больше никому не навредит? – медленно повторила Уинифред.

Когда Уоттс зажмурился, в ее голове вспыхнуло понимание.

– Вот, значит, в чем дело. А я-то гадала, почему мистер Уоррен позаботился о том, чтобы передать вашему другу предупреждение. Грейс Дейли кого-то убила.

– Не убила! – взвился Уоттс, и Уинифред сжала пальцы на его плечах, заставляя понизить голос. – Она никого не убивала.

– Значит, покалечила. В любом случае, она опасна для общества.

– Грейс не опасна.

– Объяснитесь, наконец, и позвольте мне об этом судить.

Шумно выдохнув, Уоттс отвел от нее блестящие глаза. В них притаилось странное выражение, похожее на отчаяние, и Уинифред впервые пришло в голову, что Уоттс, возможно, не меньше самого Дейли хочет защитить его сестру.

– У Грейс... хрупкий рассудок, – выдавил он. – Она нуждается в защите... Естественно, она боится.

– Что произошло, мистер Уоттс? – спокойно спросила Уинифред.

– Она напала на свою мать. Свою и Тома. Это случилось больше двадцати лет назад. Грейс очень впечатлительна. Она долгое время страдала от истерии. А потом увидела нож в руке матери... Клянусь, Грейс не хотела ее ранить. Она просто испугалась.

– Ваш друг двадцать лет прячет женщину, навредившую собственной матери? – с отвращением переспросила Уинифред.

– Грейс не вынесет жизни в клинике, – простонал Уоттс. – Громкие звуки... она их не выносит. Она не сможет выжить в месте, полном криков и страха.

– Вы не разжалобите меня, мистер Уоттс. Она должна быть изолирована.

– Что вы хотите? – прошелестел он наконец так тихо, что она едва расслышала. – Что вы хотите за молчание?

Уинифред вдруг поняла, что не находит ответа. Разоблачение чужих секретов раньше было ее любимой игрой. Она обожала копаться в чужом белье и извлекать на свет тайны, от которых зависела жизнь людей. Зная эти тайны, она могла вертеть ими, как ей вздумается. Почему же сейчас она не чувствует привычного азарта? Уоттс и Дейли всеми силами старались не допустить заключения Грейс в психиатрическую клинику – пускай такое решение и могло принести ее изможденному рассудку больше вреда, чем пользы. Прямо сейчас этот надменный язвительный грубиян готов упасть перед ней на колени, лишь бы Уинифред сохранила их с Дейли секрет.

Слова были готовы, вертелись на языке, но когда Уинифред их выдавила, они прозвучали странно:

– Мистер Дейли оказал услугу мистеру Уоррену, из-за которой тот оказался в долгу. Мне нужно знать, в чем она заключалась.

Уоттс поднял на нее покрасневшие глаза, глядевшие теперь без всякого сарказма. Это были глаза человека, борющегося за

безопасность дорогой ему женщины, и Уинифред не в чем было его упрекнуть.

– Всего-то? Вы, беспринципная жестокая девушка, могли бы выменять наш секрет на что-нибудь более серьезное. – Он помолчал и сквозь зубы произнес: – Томас хранит его тайну. Мистер Уоррен не всегда имел столько власти, сколько имеет сейчас, понимаете? Хотя... – Уоттс усмехнулся, и его лицо некрасиво исказилось. – Судя по всему, кто-то пытается ему мешать. Зачем-то.

– Какое это имеет отношение к делу? – нетерпеливо воскликнула она.

Ее злило, что даже сейчас, когда молодой человек готов все рассказать, приходится тянуть из него каждое слово. Как будто она настолько глупа и не догадывается, что Уоррен не всегда держал в кулаке весь преступный Лондон!

Уоттс поднял на Уинифред злые глаза.

– Вы, наверное, думаете, что господин Уоррен выбился из грязи в князи? Оказался удачливым уличным отбросом? – ядовито осведомился он, и она невольно вздрогнула, будто получив пощечину. – Вовсе нет. Он выходец из довольно состоятельного британского семейства. Фамилии я, увольте, не припомню, но ему, чтобы жить припеваючи, работать было вовсе не обязательно. – Уоттс скривился. – Но он сбежал из дома, сменил фамилию. Почему – не спрашивайте, я понятия не имею. Но, судя по всему, мистер Уоррен очень желает сохранить эту страницу собственной биографии в секрете.

У Уинифред на мгновение перехватило дыхание. Наводка хороша, но ведь она может оказаться ложной.

– Откуда мне знать, что вы меня не обманываете?

– Зачем мне лгать? Вы, судя по всему, умны. – Его голос дрогнул. – Узнаете, что я сказал вам неправду, и тогда Грейс уже ничто не спасет. – С последним звуком танца он коротко поклонился ей, не глядя в глаза, но в выражении и позе читалась не ненависть, а глубокая усталость. – Я уеду следом за ними. Довольно с нас Лондона. Надеюсь, мы больше с вами никогда не увидимся, мисс Оукс.

– Я тоже, – искренне заверила Уинифред, но Уоттс уже развернулся и ушел.

Ей в самом деле не хотелось идти на столь безнравственный и беспощадный шаг, но что оставалось делать? Его секрет ложился на карту против ее.

Что ж, по крайней мере, бал увенчался успехом. Уинифред удалось выяснить, что именно скрывает Уоррен, и пусть этот секрет лишь малая толика в багаже его тайн, это уже кое-что.

Дарлинга не было на прежнем месте. Уинифред оглядела зал: Уоттс спешно прощался с хозяевами бала, Эвелин старательно отвлекала на себя внимание гувернантки, изображая немощь, но вот подставного кузена нигде не было видно.

Наконец она разглядела его черную голову на голубом диванчике и торопливо протиснулась в его сторону. Уинифред не терпелось поделиться с ним хорошей новостью, но улыбка сама собой сползла с ее лица, когда гости наконец пропустили ее.

Дарлинг был пьян. Некогда гладко причесанные волосы были всклокочены и торчали буйными кудрями. Он покраснелся, а его глаза влажно блестели. Увидев Уинифред, он дернулся было, чтобы встать, но чья-то рука схватила его за жилет и пригвоздила обратно к диванчику.

Стеллан глядел на нее с вызывающей насмешкой – мол, что ты сделаешь теперь? Он полусидел на диване, широко расставив ноги. В его позе небрежность сочеталась с опасностью, но сейчас Уинифред не испытывала перед ним страха. Она чувствовала только дикую ярость. Убрав руку с груди Дарлинга, Стеллан вручил ему очередной бокал, и тот с благодарностью ухватился за него, глядя, как бегут к поверхности пузырьки.

Уинифред до ужаса захотелось убить Стеллана. Вонзить столовый нож ему в грудь, перерезать горло шпилькой, выбросить из окна! Даже отравление сгодится! Как этот нахал посмел напоить Дарлинга у нее на глазах?!

– Мисс Оукс! А мы тут развлекаемся! – Стеллан одарил ее широкой акульей улыбкой. – Тедди немного перебрал, но, думаю, вы не расстроитесь. Так он еще более податлив.

Дарлинг наконец отвел взгляд от искрящегося напитка и снова увидел Уинифред. Его осоловевшие от спиртного глаза вдруг зажглись. Поставив нетронутый бокал на пол, он оттолкнулся от диванчика и встал, немного пошатываясь. Уинифред шагнула вперед и подхватила

его под руку, с ненавистью глядя на Стеллана. Тот наблюдал за ними с насмешливым интересом, словно за ручными капуцинами.

– Тедди, дружок, ты как? – с притворным беспокойством спросил он, не отводя смеющегося взгляда от Уинифред.

Стеллан, гад, все понимал. Он нарочно напоил Дарлинга, только чтобы досадить ей. Показал когти, отыгравшись на человеке, который ему доверяет. Если бы в этот момент пьяный Дарлинг на нее не опирался, она бы выцарапала Стеллану глаза.

– Душа моя, – заплетающимся языком выговорил молодой человек, проигнорировав вопрос своего так называемого друга. Он, сам того не осознавая, оперся о Уинифред, и теперь она едва не сгибалась под тяжестью его обманчиво стройного тела. – Вы пришли. Уни... Уинифред...

Она шикнула и поудобнее перехватила его руку. На них начинали коситься гости. Дарлинга нужно было поскорее увести.

– Позвольте мне помочь.

Гибким, грациозным движением Стеллан поднялся с дивана и, не дожидаясь ответа, закинул себе на плечо правую руку Дарлинга. Лево́й тот вцепился в кружева на платье Уинифред.

– Не стоит, – бросила она и дернула юношу на себя. – Пойдемте, мистер Дарлинг.

– Я забыл, зачем мы пришли, – пробормотал он. Его язык заплетался, будто спотыкаясь о зубы. – Уинифред, вы п-потанцуете со мной?

– Помолчите вы уже, – прошипела она и потащила Дарлинга к выходу, делая вид, что не замечает, что сзади его поддерживает весело ухмыляющийся мистер Акли.

– Вам все не нравится, – пробормотал Дарлинг и тяжелее навалился на ее плечо. Когда он успел так опьянеть? Он не успел бы выпить слишком много! – Я молчу – вы недовольны. Я говорю – вам тоже не нравится. Что же мне делать? – Он остановился и приковал к ней умоляющий взгляд. – Скажите, что же мне делать, ч-чтобы вам п-п-п...

Уинифред ощутила, как у нее горят щеки, и еще раз несильно встряхнула юношу, чтобы он пришел в чувство.

– Пойдемте скорее, – перебила она, не желая, чтобы Дарлинг изливал ей душу в присутствии своего друга. – Вот. Мы почти пришли,

смотрите.

Вместе со Стелланом они выволокли юношу на боковую лестницу. В зале Дарлинг привлек внимание достаточного количества гостей, зато в коридоре было пусто. Если повезет, все быстро забудут о пьяном чуде.

– Возвращайтесь на бал. Вы достаточно натворили дел, – бросила Стеллану Уинифред, заставив Дарлинга опереться на лестничные перила.

Тот медленно, осторожно перебирая руками и ногами, точно годовалый младенец, начал спускаться.

Стеллан встал на ступеньку выше Уинифред, заложив за спину руки и разглядывая ее порозовевшее от натуги лицо с нескрываемым наслаждением.

– Что такого, что мы выпили со старым другом? – невинно спросил он. – Не моя вина, что его так пробрало от трех бокалов!

Дарлинг сзади чуть не споткнулся, неловко чертыхнулся, и Уинифред подавила желание зажмуриться. Ну конечно! Он наверняка ведь и не пил раньше!

– Вы прекрасно знали, что делаете, – сурово отрезала она.

Стеллан внушал ей глубокое отвращение. Как он может так обращаться с собственным другом? Это равносильно топленю щенков. Она была уверена, что Стеллан и таким не гнушается.

– Впредь, будьте любезны, не попадайтесь нам на глаза, мистер Акли.

Уинифред повернулась и начала спускаться, но Стеллан крепко поймал ее за руку.

– Вы мне нравитесь. С ног до головы нравитесь, – вдруг признался он.

Хищно улыбаясь, он оглядел Уинифред и поцеловал пальцы ее руки.

– Меня это несколько не волнует, – грубо отрезала Уинифред и выдернула ладонь из его хватки.

Подобрав юбки, она торопливо спустилась на пролет и подхватила Дарлинга под руку. Тот с благодарностью оперся на нее, что-то мурлыча себе под нос, и Уинифред по спине пробрал жар. От него сладко пахло шампанским и совсем немного уже знакомыми ей духами.

Уже когда они спустились вниз, Стеллан крикнул ей, сложив ладони перед лицом:

– Доброй ночи, мисс Оукс!

Она ничего не ответила и только крепче перехватила руку Дарлинга, который наконец замолчал и только лишь тихонько икал, всякий раз вскидывая лохматую голову. Уинифред испытывала к нему бесконечную жалость – и такую же бесконечную ненависть к Стеллану.

Настанет время, когда она поквитается с ним за его отвратительную выходку.

* * *

Лаура помогла ей снять платье Эвелин и предложила гостевую комнату на ночь, но Уинифред с сожалением отказалась. Все-таки лучше подстраховаться и почаще бывать у всех на глазах в «Рассвете», чтобы ни у кого не возникало вопросов, где она проводит все дни напролет. Переодеваясь в свое обычное платье, Уинифред рассказала Лауре о выведенном секрете Уоттса, и девочка удовлетворенно кивнула. Несмотря на позднее время и темные круги под глазами, Лаура не выглядела уставшей.

– Что вы планируете предпринять, мисс Бейл? – спросила она.

Хороший вопрос. Что можно сделать, зная, что Уоррен – выходец из дворянской семьи? Есть ли в этом какое-то двойное дно? Почему Уоррен так высоко оценил свой секрет, в котором, в общем-то, нет ничего необычного? Да, он сбежал. Но она не знает ни его фамилии, ни причины – словом, ровным счетом ничего.

– Пока не знаю, – честно призналась Уинифред, массируя веки. – Но обязательно придумаю.

– Мистер Дарлинг уже об этом знает?

– А он протрезвел? – фыркнула Уинифред.

Когда кучер внес еле перебиравшего ногами Дарлинга в дом, Лаура тут же взяла на себя все хлопоты о нем. Откуда-то в мгновение ока возникли ромашковый чай, примочки, компрессы и ведро ледяной воды. Уинифред считала, что вся эта блажь ни к чему и молодому

человеку всего лишь надо хорошенько проспаться, но маленькая экономка была непреклонна.

– Почти полностью, – кивнула девочка, сворачивая платье Эвелин.

Уинифред как раз сняла туфлю, чтобы помассировать затекшую ступню, но, услышав слова Лауры, тут же надела ее обратно.

– Наверное, алкоголь сильно ударил ему в голову с непривычки, но сейчас с ним все в порядке.

Уинифред торопливо встала. Лаура вытащила из ее растрепанной прически ленту, и густые белокурые пряди упали ей на плечи. Ощущать их было непривычно.

– Что ж. В таком случае нужно сообщить ему как можно скорее.

Девочка кивнула. Ее обычно серьезные глаза смеялись. Ну и все равно, что бы она там себе ни напридумывала.

Уинифред отправилась к Дарлингу, чтобы рассказать об удачном исходе дела – было бы неправильно так долго держать своего нанимателя в неведении. Она нашла его в гостиной. Здесь было все так же светло и тихо: мебель покрыта чехлами, шторы задернуты, но кто-то зажег лампы и заменил сухие болиголовы в вазе на свежесрезанные белые пионы, нарциссы и гортензии. Дарлинг сидел за роялем, сбросив покрывавшую его пыльную ткань на пол. Его левая рука безвольно висела вдоль тела, а длинные изящные пальцы правой бегали по клавишам. Увидев вошедшую Уинифред, он неловко вскочил с банкетки и сунул большие пальцы за пояс брюк.

– Мисс Бейл, – удивленно произнес он. Ей показалось, что он рассматривает ее волосы – раньше она не распускала их перед ним. – Что вы тут делаете?

– Ищу вас, разумеется, – ответила Уинифред, маскируя свое смущение под раздражение. – Вы были *так заняты*, что я не успела изложить вам, чем закончилось наше дело.

Дарлинг невесело усмехнулся и тронул черную клавишу, отводя от Уинифред взгляд.

– Это ни к чему. Я все равно ничего не пойму и все разболтаю. К тому же, похоже, мне недостаточно быть вашим работодателем для того, чтобы вы сочли нужным посвящать меня в свои планы.

Это было даже хуже, чем если бы он вдруг наорал на нее или дал пощечину – сама она ровно так бы и поступила. Но смиренная, почти

рабская покорность Дарлинга жгла ей внутренности и оставляла вместо них пустое место. Паникуя, она безотчетно шагнула к нему.

– Нет, я все расскажу. Прошу, не думайте, что я... не доверяю вам.

Дарлинг поднял на нее влажный взгляд. Кончик его носа покраснел, губы печально изогнулись. Поза оставалась неуверенной – он ссутулился, как старик, а пальцы продолжали гладить клавиши рояля.

– Вы играете? – вдруг спросила Уинифред, неожиданно даже для самой себя.

Дарлинг посмотрел на нее с недоверчивой надеждой – точь-в-точь щенок, которого мальчишки забросали камнями, а теперь ласково подзывают к себе. Только вот в этот раз она не держала камень за спиной. Но у Дарлинга все равно были все основания не доверять ей.

– Немного. – Он машинально улыбнулся и сел за рояль, но не стал играть. – Меня учили, но таланта нет.

– Вас учила мать? – поинтересовалась Уинифред.

Дарлинг резко вскинул подбородок, но, встретившись с ней взглядом, покачал головой.

– Нет, двоюродная бабушка. А вы играете?

Уинифред с грустной улыбкой тронула крайнюю клавишу, и та издала низкий утробный звук.

– Нет. Мистер Уоррен не тратится на такие бесполезные вещи, как музыкальные инструменты. Гостей «Рассвета» развлекает иная музыка.

– Хотите, я вас научу? – предложил Дарлинг.

Он с надеждой поглядел на нее снизу вверх, и Уинифред почувствовала что-то очень похожее на сожаление.

– Нет. В сущности, это ведь действительно совершенно бесполезный навык.

Дарлинг отвернулся и с досадой опустил крышку рояля. На его лицо вновь вернулось унылое выражение, которое ему ужасно не шло.

– Необязательно делать что-то для... работы, – тихо заметил он. – Или для кого-то. Можно делать это для себя.

Уинифред моргнула и плотно сжала губы. Для себя? Что можно делать для себя, если ты сам себе не принадлежишь?

– Не все могут позволить себе размышлять таким образом, – мягко возразила она, не желая еще больше обидеть Дарлинга,

заблуждающегося в своей глупости. Рояль был забыт, сейчас она сама не понимала, что имеет в виду. – Я не могу думать о том, чего мне хочется. Я до семи лет не знала букв. Читать книги и цитировать Шекспира для меня – непозволительная роскошь, на которую я не имею права. Понимаете?

– Даже посвятив себя делу, можно продолжать жить, Уинифред! – горячо возразил Дарлинг, опершись локтем о крышку инструмента. – Даже когда идеи и мысли бьются на задворках разума, можно их заглушить – книгами, музыкой, танцами. – Он помолчал и робко добавил: – Друзьями.

Впервые она не нашлась с ответом. Подтащив стул к роялю, Уинифред села рядом с Дарлингом и погладила дорогую лакированную крышку. Дарлинг, кажется, понимал ее лучше, когда она молчала. Он закатал рукава, обнажив запястья, и вновь откинул крышку. Уинифред ткнула пальцем в клавишу, и та зазвенела.

– Я знаю, что вы мне не доверяете, Уинифред, – вдруг сказал Дарлинг. В его тоне не было ни осуждения, ни обиды. На губах заиграла слабая, но искренняя улыбка. – И понимаю это. Действительно понимаю. И сделаю все, чтобы заслужить ваше доверие.

У нее пересохло в горле, и она кашлянула, отведя глаза от изящных рук Дарлинга. Знает ли он, как отчаянно она желала услышать эти слова? Знает ли, как она хочет ему доверять?

Уинифред расправила плечи и бесцветно произнесла, надеясь, что щеки не порозовели:

– Вот как... Покажите мне, как надо играть.

Дарлинг рассмеялся и положил на клавиатуру руки. Уинифред отчего-то осознавала, что он смеется не над ней, а просто так.

– Поставьте пальцы вот так.

Он убрал руки, а когда она сымитировала его движение, покачал головой и мягким прикосновением сдвинул ее кисть. От места, где Дарлинг прикоснулся к ней, по локтям и щиколоткам побежал табун мурашек.

– Нет, левее... Так. А теперь...

Дарлинг научил ее простенькой мелодии («Он расстроен, надеюсь, вы не против», – будто извиняясь, добавил он), и Уинифред удалось повторить ее со второго раза, неловко и медленно перебирая

пальцами. Сама игра на рояле представлялась ей глупой и бесполезной, но у Дарлинга горели глаза, и ей хотелось понять, что именно так привлекает его в этом инструменте.

Когда она закончила играть, Дарлинг с упоением стиснул перед собой ладони и улыбнулся.

– Вы прирожденный талант, Уинифред! Как прелестно!

– Глупости, – фыркнула она, втайне довольная, и снова склонилась над клавишами, желая закрепить успех. – Таковую нелепицу каждый сыграет.

Уинифред попробовала повторить мелодию еще раз, уже быстрее и чище, но прервалась, когда Дарлинг хмыкнул, и подняла на него недовольный взгляд.

– Что? – с напускным раздражением спросила она.

Дарлинг не отводил взгляда от ее губ, и Уинифред подавила удовлетворенную улыбку. Похоже, он все еще у нее под каблуком. Он моргнул и быстро встретился с ней взглядом, смущенно улыбаясь. Уинифред больше ничего не сказала, и тогда он произнес:

– Когда вы размышляете, у вас забавно раздуваются ноздри. Это очень мило, – торопливо добавил он.

– Чуть! – чересчур громко возразила Уинифред, почувствовав себя уязвленной.

Она не могла понять, что взбесило ее больше: то, что Дарлинг утверждает, что у нее якобы раздуваются ноздри, или то, что он глядит вовсе не на ее губы.

– Это правда! – воскликнул он и шмыгнул носом. – Вот так, только сильнее. Не верите? Хотите, принесу вам зеркало?

Уинифред теперь распирало от смеха. Приняв оскорбленный вид, она повторила ломким от веселья голосом:

– Вот еще! Вы такой нахал, мистер Дарлинг!

Он захохотал, высоко запрокинув подбородок. Черные глаза от улыбки превратились в узкие щелки.

– Вы прямо как моя бабушка. И прошу, называйте меня Теодор. – Дарлинг вмиг посерьезнел, будто на лицо набежала туча. – Какой из меня мистер, сами посудите!

Он напустил на себя насмешливую браваду, но Уинифред видела, что по какой-то причине для него это важно. Поэтому она медленно кивнула.

– Хорошо. Но только когда мы не на людях – я ведь все-таки ваша подчиненная.

Теодор снова посмотрел на ее нос и задумчиво повторил за ней:

– Да... подчиненная. – Встрепенувшись, он улыбнулся, как провинившийся мальчишка: – Пожалуйста, расскажите мне, что вам удалось выяснить. Я постараюсь понять, хоть у меня до сих пор голова кругом.

И она рассказала ему – впервые без раздражения, – но только потому, что чувствовала себя обязанной за урок музыки.

Глава 12

Переезды и соверены

С бала у Саттонов прошло чуть меньше недели. За всю свою жизнь Уинифред не дышала свободнее, чем в эти дни – будто разомкнулась клетка, стискивающая ее ребра. Она нырнула в рутинную работу, которая нравилась ей гораздо больше рискованных заданий и неустойчивых планов.

Решив, что нельзя и дальше собираться в доме Дарлинга, она приказала ему снять настоящий офис. Даже самые безразличные соседи обязательно обратят внимание, как она каждое утро поднимается по ступеням особняка и спускается ближе к полуночи. Сам Дарлинг, конечно, об этом не подумал, но ведь им следует проявлять скрытность, особенно в теперешнем положении Уинифред как двурушницы.

Она напомнила ему об обещании снять комнаты в субботу вечером, и уже к началу следующей недели Дарлинг, сияя, вручил ей ключик от офиса.

– Подойдет? – с улыбкой поинтересовался он, сложив руки на груди и опершись головой о дверной косяк. – Лучшее, что я смог найти за столь короткий срок. Конечно, если вам не нравится, я сниму другой...

Уинифред критически оглядела квартиру, снятую Дарлингом. Она занимала целый этаж в доме на Харли-стрит – несколько больших, скудно меблированных комнат с окнами, выходящими на запад, поэтому в них всегда темно. В их доме, судя по табличкам при входе, квартировались врачи. Офис был простым, но опрятным и тихим и располагался не очень далеко от «Рассвета» и от дома Дарлинга, да еще к тому же в весьма дорогом и красивом районе Мэрилебон.

Заметив, как внимательно Уинифред изучает комнаты, Дарлинг произнес шутливо, но с некоторой тревогой:

– Я вижу, вам не совсем нравится... Что ж, надеюсь, мне вернут хотя бы залог.

– О чем вы говорите? – воскликнула она. От обеспокоенного тона Дарлинга у нее подскочило сердце. – Мне нравится! Подходящее

место.

– Я тоже так подумал!

Юноша просиял и отлепился от косяка. Любая неловкость, которая могла возникнуть в их отношениях после бала, исчезла без следа – во многом из-за природной непосредственности Дарлинга. Уинифред с облегчением отметила, что его веселость окончательно вернулась. Без нее юноша ей совершенно не нравился.

Она дотронулась до деревянного письменного стола – пыльного, усеянного созвездиями чернильных пятен. Здесь, пожалуй, можно работать, а с другой стороны найдется место и для Лауры. В шкафах достаточно места, а вот кресел мало, нужно купить еще или спросить у хозяев, дорого ли обойдется дополнительная меблировка.

Пока Уинифред размышляла, вода пальцем по пыльной поверхности стола, Дарлинг с улыбкой присел на его край. Он выглядел воодушевленным. Судя по всему, его радовало, что новейшее приобретение пришлось Уинифред по душе.

– Вы будете ночевать здесь? – спросил он. – Всяко лучше, чем в «Рассвете», правда? Ума не приложу, чем людям так нравятся публичные дома!

Помедлив, она с сожалением покачала головой.

– Слишком подозрительно. Пускай мистер Уоррен пока и не замечает, что я частенько отлучаюсь, но только потому, что я исправно продолжаю выполнять все его поручения. Если я перестану возвращаться на ночь, кто-нибудь обязательно ему напоеет. Меня в «Рассвете» не слишком-то жалуют.

– Может, он подумает, что вы обзавелись любовником, – ухмыльнулся Дарлинг.

Уинифред поняла, что он шутит, но ей все равно стало не по себе.

– Вы не знаете Уоррена, – покачала она головой. – Я же для него вещь. Думаете, ему будет радостно узнать, что кто-то другой играет с его любимой куклой?

Насмешка ушла с лица Дарлинга, а узкое лицо вытянулось еще сильнее.

– Вы... – Он запнулся. – Он с вами... Он разве...

Видя, что у юноши сейчас случится нервный срыв, Уинифред оперлась спиной на стол и перебила его:

– Да нет же. Нет. Это... сложно объяснить. – Ей вспомнилось отвратительное теплое дыхание Уоррена, его прикосновения к ее талии, и по спине прошла дрожь отвращения. – Мне не понять его чувств ко мне. Иногда мне кажется, что мистер Уоррен относится ко мне почти с отеческим назиданием, ведь он растил меня с семи лет. Но при этом я не сомневаюсь, что он не испытывает ко мне ни малейшей любви.

Она мельком глянула на Дарлинга. Тот, побледнев, не отрывал от нее внимательного печального взгляда.

– Сейчас, когда я выросла, он больше не может запугать меня тем, что оставит без ужина или выпорот заслушание. – Она сглотнула и впиалась ногтями в ладони, чувствуя, что ей становится сложнее говорить. – Наверное, теперь его намеки и... прикосновения – это форма его контроля надо мной. Лишнее напоминание о власти, которой он обладает. Демонстративное запугивание.

Дарлинг молчал, и Уинифред побоялась, что напугала его излишней откровенностью. Раньше она никогда не рассказывала никому об этом своем потаенном страхе – о странной, извращенной природе собственных отношений с Уорреном. Не рассказывала, потому что не было нужды – и, кажется, сейчас сделала это зря.

– Скажите что-нибудь. – Уинифред попыталась улыбнуться, чтобы показать ему, что ее ничуть не задела эта тема.

В лице Дарлинга не было ни кровинки, когда он наконец заговорил сдавленным, хриплым голосом.

– Я... Ох, честно говоря, Уинифред, я не знаю, что сказать. – Он наконец посмотрел ей в лицо, его глаза увлажнились. – Мне так жаль, что он жестоко с вами обходится. Я прекрасно представляю себе, какой он отвратительный, низкий, гадкий человек. Я горько сожалею, что вы тоже об этом знаете.

На секунду у Уинифред промелькнула мысль, что сейчас Дарлинг возьмет ее за руку, но он, конечно же, этого не сделал.

Юноша впервые заговорил о своих личных счетах с Уорреном. Интересно, готов ли он ей раскрыться? Скажет ли, почему испытывает к ее бывшему хозяину такую жгучую ненависть, совсем не идущую его мягкой, всепрощающей добросердечности?

– Как же он смог перейти дорогу *вам*? – спросила Уинифред.

Она хотела назвать его по имени, чтобы Дарлинг проникся к ней доверием, но передумала – она не желала, чтобы юноша уловил неискренность в ее словах.

Помрачнев, Дарлинг опустил голову.

– Это долгая история, и к тому же пренеприятная. Я расскажу вам ее как-нибудь в другой раз. – Юноша соскочил со стола и подал ей руку, не меняя выражения лица. – Скажу только, что Уоррен искалечил не одну человеческую жизнь. И так вышло, что я не умею прощать нанесенные мне обиды.

В тот день он так и не рассказал ей, в чем же заключается та обида, но Уинифред пришла к выводу, что она смертельная, непримиримая, раз Дарлинг, обычно носящий сердце на рукаве, не захотел с ней поделиться. У нее никак не получалось связать его жажду мести с недавней смертью его родителей, но она была уверена, что связь эта существует.

Их офис, пустой и пыльный, преобразился за считанные дни. Дарлинг выпросил у хозяина квартиры дополнительные стулья и притащил свои книги, Лаура вымыла комнаты и наполнила их уютными мелочами – подсвечниками, собственноручно вышитыми салфетками, простыми хлопковыми шторками на окнах. Эвелин притащила огромный благоухающий букет бело-желтых цинний, а Дарлинг присовокупил к ним карликовые подсолнухи. И хотя с них вечно сыпалась пыльца, а ваза занимала слишком много места, Уинифред не могла не признать, что цветы подходят их новому рабочему месту и значительно его оживляют. Все так старательно пытались облагородить темные деревянные комнатки, что и она сама заразилась энтузиазмом. Как-то днем, когда никто не видел, Уинифред принесла несколько своих сокровищ: изящное тяжелое пресс-папье и пару красивых перьев. Она невольно улыбалась, видя, как Дарлинг черкает бумаги, окуная в чернильницу ее перо.

Никто не знал, как следует поступить с тайной, доверенной Уинифред Уоттсом. По существу, в ней нет ничего такого, что могло бы поставить положение Уоррена под угрозу – и все же было понятно, почему он предпочитает держать ее в секрете. Но если бы Уинифред знала, как именно воспользоваться этим знанием, она непременно бы это сделала.

Оставалось только погрузиться с головой в рутину, и, если бы не нависшее над ними чувство опасности, Уинифред наслаждалась бы этим несложным порядком жизни. Они разбирали украденные у Уоррена бумаги и прикидывали, какие из них могут пригодиться, а какие им ни к чему, собирали слухи от Лауры, Эвелин и из корреспонденции Уоррена, делали предположения, строили планы, отменяли их и тут же составляли новые.

Уинифред нравилось это спокойное тягучее течение жизни, а вот Дарлинг начинал откровенно скучать. Если он и раньше редко мог усидеть за одним делом (однажды Уинифред поручила ему разобрать список акций, которые планировал приобрести мистер Уоррен, и спустя полчаса обнаружила его с книгой в руках и с ногами, закинутыми на стол), то сейчас принялся докучать ей. Он заваливал ее тысячами вопросов – порой совершенно глупых и безобидных, а порой и более серьезных. На серьезные она предпочитала отмалчиваться.

– Уинифред, а у вас от природы такие светлые волосы? Неужели никогда не красились? – спросил как-то юноша с живейшим любопытством.

Вместо того чтобы отвечать вежливыми согласиями и отказами на письма с приглашениями, он почему-то решил изучить ее прическу. После их разговора у рояля Уинифред стала чаще распускать волосы, хотя ей все еще бывало не по себе, когда свободные пряди вдруг начинали щекотать ей лицо и шею.

– Да, – процедила она, с остервенением разглядывая кляксу на договоре о закупках, который должен был оставаться девственно чистым. Лауре придется снимать копию. – А у вас? Не закрашиваете ли седину?

Обрадованный тем, что Уинифред ему ответила, Дарлинг широко улыбнулся.

– Нет, они такие сами по себе, – защебетал он. – Замечательные, правда? Мне очень нравятся. У моей матушки были такие же, тоже черные. И сесть она начала очень поздно. Надеюсь, я тоже не рано поседею, мне кажется, серый мне совсем не идет.

Странно. Обычно к теме родителей Дарлинг очень чувствителен. Он никогда не заговаривал о них первым, а уж тем более без явного презрения в тоне. Он даже траур не носит, хотя, насколько она поняла, мистер и миссис Дарлинг умерли совсем недавно, незадолго до

возвращения Теодора в Лондон. Почему теперь он так ласково отзывается о покойной матери?

Уинифред подумала было заткнуть его каким-нибудь неудобным вопросом, на который он не захочет отвечать, но любопытство пересилило прагматичность. Она отложила перо.

– Вы похожи на нее?

– Да, некоторыми чертами. – Дарлинг улыбнулся и подпер лицо руками. Жест был почти детским. – Правда, она намного добрее меня – у меня нет и доли ее смирения. Зато внешне мы практически как две капли воды. Даже удивительно.

– А на отца вы похожи?

Дарлинг дернул губами, явно не ожидав вопроса. Его глаза остекленели, он откинулся в кресле и принялся с преувеличенным вниманием разглядывать кипу конвертов – письма, на которые ему предстояло ответить.

– Нет, – отрезал он, схватил нож для бумаги и надрезал верхний конверт. – Нисколько не похож и никогда не стану.

Теодор упрямо уставился в письмо, давая Уинифред понять, что разговор окончен, и она с неохотой снова взялась за перо. Похоже, она ошиблась, болезненная тема для Дарлинга – это не родители, а именно отец. Она невольно вспомнила суровое, даже жестокое выражение лица мужчины с портрета в Большом кабинете, его тяжелый темный взгляд из-под нависших бровей, презрительный изгиб губ. Дарлинг и правда мало походит на него. И судя по неприязни, которую он питает к покойному Генри Дарлингу, внутренних сходств у них еще меньше, чем внешних.

* * *

Все члены их маленькой команды открывались Уинифред с новой стороны, правда, никто, кроме Дарлинга, не спешил бросаться к ней в объятия. Обе девушки относились к Уинифред с ощутимой и разумной опаской, и странно было бы ожидать другого. Сама она тоже не спешила сокращать образовавшуюся между ними дистанцию.

Лаура оказалась даже смысленее, чем Уинифред показалось на первый взгляд. Ей было всего четырнадцать, но усталые тяжелые

глаза, скорбные складки в уголках маленького рта и худая костлявая спина выдавали в ней человека, столкнувшегося в жизни не с одной преградой. Она часто молчала и много слушала, а когда брала в руки кисть, та казалась продолжением ее руки – так искусно Лаура с ней обращалась. Она вечно писала и рисовала, когда не работала по дому, а потом могла вдруг исчезнуть на полдня и вернуться с ошеломляющими сплетнями, которыми с ней делились другие слуги.

Но во всем, даже в ее робости, обходительности и удивительной твердости характера, читалось беспрекословное, поразительное обожание ею Дарлинга. О нем Лаура говорила не иначе как с легкой смущенной улыбкой, касавшейся глаз и изящного высокого лба. Во всем она старалась угодить Дарлингу, всегда была готова явиться по первому зову и выполнить любое поручение. Теодор, в свою очередь, относился к Лауре с нежной, трепетной лаской. Если бы не ее белый чепец и раскосые глаза, можно было бы подумать, что Лаура – его сестра, а не прислуга. Незримая связь между Дарлингом и девочкой удивляла Уинифред, ей казалось, им не нужны слова, чтобы понимать друг друга.

К Уинифред Лаура относилась с отрешенным, но восхищенным почтением, как к снизошедшей с небес богине. Она никогда не пыталась преодолеть расстояние между ними, но, если бы Уинифред протянула ей руку, Лаура с готовностью бы за нее ухватилась. Маленькая экономка старалась услужить ей во всем, и мало-помалу сама Уинифред начала проникаться к ней если не нежностью, то симпатией. Лаура была умной девочкой и видела гораздо больше, чем показывала. Она никогда не говорила о своем прошлом и упрямо молчала, стоило Уинифред подвести ее к этой теме. Эта таинственность, которая окружала происхождение Лауры и ее выдающиеся таланты, лишь подогревала интерес к ней.

Но с Эвелин, несмотря на первичную теплоту, у Уинифред сложились весьма прохладные отношения. Перемена произошла после их разговора о Дарлинге перед балом. С мисс Саттон Уинифред пересекалась нечасто, только когда той удавалось вырваться из-под надзора родителей и гувернантки, следившей за ней с поистине ястребиной пристальностью. Эвелин завтракала у друзей в Пимлико, обедала у знакомых на Гровенор-стрит и ужинала на званых вечерах где придется. Она ответственно подошла к своему уговору с Теодором

и была полна воинственной решимости до конца сезона найти себе порядочного жениха. По ее словам, мистер Саттон пришел в восторг от того, что дочь наконец-то взялась за ум. После бала Уинифред видела ее всего два раза, и каждый раз Эвелин заговаривала с ней безукоризненно приветливым, но отстраненным тоном, будто не могла простить ей обиду, нанесенную Теодору. В их отношениях Уинифред чувствовала глубокую сердечную привязанность – не романтическую, но будто родственную. Эвелин без всякого умысла или смущения поправляла Теодору неумело завязанные галстуки, а тот позволял себе шутки насчет ее возраста, на которые она и не думала обижаться. Мисс Саттон ни словом, ни делом не давала понять Уинифред, что отношение к ней изменилось, и даже на балу вела себя весьма живо, но Уинифред видела отчетливую перемену. В ее глазах потухло теплое восхищение, а изящное фарфоровое личико больше не выражало симпатии, только подчеркнутую вежливость.

Уинифред следовало бы поучиться легкости, с которой у мисс Саттон получалось напускать на себя ауру доброжелательной неприступности. Ее собственный снобизм был другого толка – не такой ненавязчивый и искренний, как у Эвелин. Уинифред смутно ощущала свою принадлежность к людям высшего света, но она была такой же фальшивой, как ее собственное имя. Ей *хотелось* иметь этот легкий, неуловимый дух аристократизма, присущий Дарлингу и Эвелин, и имеющий значение каждый жест, каждое слово, каждый взмах ресниц. И в то же время она невыносимо презирала их ограниченный, тупой взгляд на мир, в котором все видится черно-белым, а этикет оказывается важнее морали. Уинифред завидовала белым красивым рукам Эвелин и ненавидела их за то, что они не поднимали ничего тяжелее чайной ложки; восхищалась способностью Дарлинга держать в памяти литературу целыми абзацами и презирала его за то, что у него напрочь отсутствует всякая логика. В глубине души Уинифред понимала, что, даже будь у нее такая возможность, она никогда не смогла бы до конца примкнуть к тому, что называют высшим светом, – кучке напыщенных, но в общем-то совершенно беспомощных и пустых снобов, отчего-то возомнивших себя лучше остальных.

Впрочем, если из этого правила и есть исключение, то это именно Дарлинг. Как-то раз Уинифред спросила его, любит ли он охоту – она

знала, что богачам отчего-то очень нравится развлекать себя стрельбой по мелким зверушкам. Юноша побледнел и дрожащим голосом ответил: «Н-нет, что вы... Как можно!» Стоило ей еще немного надавить, и он ударился бы в слезы. Дарлинг стал для нее самым ярким, хотя и наименее неожиданным открытием. Он действительно легкомыслен, наивен и глуповат, и показался бы пустым, если бы не его доброта и почти сверхъестественная пронизательность, не подчиняющаяся никакой известной ей логике. Глубина его чувств не могла не поразить Уинифред. Чем бы он ни был занят, о чем бы ни рассуждал – Дарлинг будто не мог мыслить полумерами и любому делу отдавался полностью и без остатка. Она не могла не признать, что при всей его недалекости искренне им восхищается. Эвелин ошибалась, когда говорила, что Уинифред недолюбливает его. Она не хотела ничего доказывать этой самодовольной, избалованной девчонке, ей было достаточно того, что сам Теодор об этом знает.

Всякий раз, когда она просила его передать через стол бумагу или печать для сургуча, Дарлинг торопливо вскакивал и спешил выполнить ее просьбу с таким рвением, будто от этого зависела вся его жизнь. Выражение упоения на его лице в такие моменты нравилось Уинифред – нравилось, что кто-то с таким энтузиазмом рвется ей услужить. Юноша постоянно отпускал глупые шутки, а когда она невольно смеялась, его лицо сияло.

За пару дней Уинифред и Теодор прекрасно сладились. Когда нужно было разобрать корреспонденцию или отчеты о сделках или изучить архивные документы, они обменивались репликами и предметами, перетягиваясь через стол. Он был большим, Дарлинг сидел с одного края, спиной к окну, Уинифред – напротив него, а Лаура обычно занимала место слева, когда заходила в офис.

Однажды Уинифред попросила юношу пересесть поближе, чтобы показать ему карту Чайна-тауна с отмеченными на ней опиумными курильнями, находящимися в собственности мистера Уоррена. Дарлинг (должно быть, от скуки) проявлял необычайную заинтересованность в канцелярских делах, и она старалась поддерживать его любопытство. Подтащив к месту Уинифред кресло Лауры, Дарлинг присел рядом с ней и внимательно стал следить за кончиком ее пальца, указывавшего на точки на карте. Сначала ей показалось, что Теодор пошевелился, но она не придала этому

значения. Но когда Уинифред наклонилась ближе к столу, чтобы подписать красными чернилами название притона, Дарлинг вдруг невозмутимо закинул руку на спинку ее кресла и затаил дыхание.

– Что, по-вашему, вы делаете, Теодор? – процедила Уинифред.

Дарлинг продолжал пристально изучать карту, но его щеки порозовели.

– Смотрю... на красную точку, – неуверенно ответил он, но руку не убрал. – Здесь написано «Бенгальский тигр».

Вспору было с возмущением подняться с кресла или скинуть его руку со спинки, но Уинифред овладело странное, щекочущее чувство в районе груди. Дарлинг сидел так близко, что она чувствовала тонкий аромат его духов. Ей захотелось откинуться на спинку, чтобы рука Дарлинга обняла ее плечи.

Какая идиотская мысль, в самом деле.

Уинифред застыла на месте, не решаясь двинуться ни вперед, ни назад. Дарлинг тоже замер и, кажется, все еще не дышал.

– И где же находится в это время ваша рука?

Юноша весьма неубедительно зевнул и развел руками, будто проделывая упражнения утренней гимнастики.

– Как же затекло плечо, просто смерть! – пожаловался он, отчаянно краснея, и чинно сложил ладони на коленях.

Уинифред доставляло удовольствие наблюдать за его стеснением и бездарным флиртом, пока она не почувствовала, что у нее самой теплеют щеки. Она что, *смущена*? Вот уж никогда в жизни. Только не из-за этого идиота.

– Я так и подумала, – колко подтвердила Уинифред и встряхнула в руках карту. – Теперь смотрите внимательно.

Так, в неустанной работе, копании в архивах и изучении писем, прошла почти неделя, и Уинифред с отчаянием начала осознавать, что дело не сдвигается с мертвой точки. Конечно, ее контракт с Дарлингом подписан на год, и до следующей весны она может просиживать в офисе хоть целыми днями и продолжать тянуть из своего нанимателя деньги. Но ей вовсе не хотелось обманывать Дарлинга – этого пустоголового наивного юнца с полными карманами денег и без единой души, на которую он может положиться. Уинифред не представляла, какие у мягкотелого, добросердечного Теодора Дарлинга могут быть мотивы поступать так, как он поступает. Но вскоре она

поняла, что ей и не обязательно это знать. Даже если он до самого конца будет молчать, она все равно сделает все, чтобы помочь ему одолеть Уоррена.

И это, конечно, не единственная причина – самой Уинифред рано или поздно аукнется ее двойная жизнь. Совмещать обе работы уже становилось нелегко. Она все чаще опаздывала на встречи с мистером Уорреном, который хмурился, но ничего не говорил, и все чаще засыпала над документами. Дарлингу приходилось будить ее посреди ночи, чтобы отвезти ее в «Рассвет». Уинифред изучила все письма, все отчеты, все договоры, все чеки и расписки Уоррена. Но они были связкой случайных фактов, каждый из которых мог оказаться как абсолютно бесполезным, так и наиважнейшим. Она наизусть выучила список бизнес-партнеров Уоррена, его самых крупных сделок, акций и недвижимости, которые он приобретал, но все это не дало ей ровным счетом ничего.

Уинифред была вынуждена признаться самой себе, что она не стратег. Да, она определенно умна, знает, как из любой ситуации извлечь выгоду, когда прикусить язык, а когда жеманно улыбнуться или пустить слезу. Но она не смыслит в политике и не умеет строить далеко идущие планы. Уинифред пешка. Может, мистер Уоррен специально никогда не учил ее игре в шахматы.

Иногда ей казалось, что было бы легче, если бы Дарлинг подначивал или торопил ее. Но он наблюдал за ее попытками наладить дела с таким спокойным оптимистичным терпением, что Уинифред просто не могла свалить на него вину за собственные неудачи. Юноша посылал за ней экипаж так часто, что она даже запомнила имя кучера (его звали Томас), осыпал ее комплиментами, сам приносил ей еду – словом, вел себя совершенно безукоризненно и обращался с ней так, будто это *она* наняла его. Уинифред было неясно, делает он это из желания понравиться ей или просто из бесконечного доверия ее способностям. Возможно, и то и другое. Так что вскоре, помимо собственной нервозности, ее сердце начал подтачивать еще один червячок – страх подвести Теодора Дарлинга, которому не на кого рассчитывать, кроме нее.

В конце концов усталость и тревога взяли над Уинифред верх. Придя в офис ранним утром, она принялась бродить по комнатам, слушая, как тихонько скрипят под ногами старые деревянные доски. На столе и шкафах со стеклянными дверцами начала собираться пыль – Лаура в последнее время была по уши в работе и не успевала заглядывать в офис. Мисс Саттон тоже давненько не навещалась. Ее отец последние несколько дней уговаривал лорда Кэтсби повнимательнее присмотреться к Эвелин, а ухаживать за ней в ее же отсутствие бедному старичку не представлялось возможным.

В гостиной было темно и холодно, как всегда по утрам. Топить перестали еще в апреле. Уинифред плотнее закуталась в накидку, перебирая озябшими пальцами бумаги. Каждая была похожа на другую, каждая была бесполезнее предыдущей. Строчки плыли, буквы путались и менялись местами, и вскоре она с раздражением накрыла кипу документов пером и поднялась.

Сегодня день ее расчета с мистером Уорреном.

Третье июня. Ее второй день рождения, самый волнительный день в году. Третьего июня мистер Уоррен звал Уинифред к себе и с самодовольной улыбкой вручал ей заработанные гроши. Она деревянно кланялась, а затем бежала в свою комнату, прятала монеты под половицей и плакала ночь напролет.

Уинифред не питала иллюзий по поводу собственных накоплений. Двенадцать фунтов в год – за пять лет всего скопилось шестьдесят. Этих денег хватило бы только на переезд из Лондона в какой-нибудь маленький городок на юге Англии и съем там приличной комнаты в течение пары-тройки лет. Но что же прикажете делать дальше?

У Дарлинга она заработает намного больше – достаточно, чтобы приобрести небольшой домик где-нибудь в глуши и всю жизнь выдавать себя за несчастную бездетную вдову на крошечной пенсии. Возможно, ей даже удастся выскочить замуж за какого-нибудь доктора или почтового клерка. Год работы у Дарлинга сулил ей спокойную тихую жизнь.

Именно поэтому сегодня перед расчетом она чувствовала не предвкушение, а почти отвращение. Как она могла целых пять лет довольствоваться таким жалким заработком? Как она могла смотреть в лицо человеку, сбрасывающему крохи с барского стола и ожидающего за это благодарность?

Мадам Бертран дошила второе платье, и теперь Уинифред щеголяла в роскошном светлом атласе, который подсвечивал ее кожу и глаза. Платье было просто замечательным – с высоким изящным вырезом, кружевной отделкой, складками-воланами на юбке и крошечными пуговицами на груди. Уинифред не могла на себя налюбоваться и с удовольствием выслушивала рассыпающегося в комплиментах Дарлинга.

Но сегодня ей пришлось надеть старое, синее. Уинифред понимала, что, возможно, излишне осторожничает, и мистер Уоррен даже не взглянул бы на ее новое платье, но все равно хотела подстраховаться. Глупо будет, если их раскроют из-за смены ее гардероба.

Заперев офис, Уинифред торопливо спустилась вниз. Кто-то этажом ниже разбил у самой двери пузырек с лекарством, и она, скривившись, пнула в сторону отбитое горлышко коричневого бутылочного стекла. В разлитом по коридору запахе она узнала лауданум^[11] и поморщилась: мисс Гэмпстон говорила, что эта дрянь свела с ума больше английских женщин, чем все мужчины, вместе взятые. Видимо, врачи прописывают эти чудодейственные капли против любого недуга.

Мистер Уоррен ждал ее к десяти, но Уинифред приехала гораздо раньше. В комнате было скучно – книг у нее не имелось, стиркой занималась прислуга, девочки работали, а если бы она принялась пялиться на улицу сквозь мутное окошко, то непременно бы свихнулась. Пожалев, что не дождалась Теодора в офисе, Уинифред решила проверить, свободна ли Роза, чтобы добыть у нее табак, но, выйдя на лестницу, вдруг увидела мисс Гэмпстон.

Внешне женщина не изменилась, но Уинифред увидела ее в совершенно другом свете. Неделю назад она не подвергла бы сомнению мысль, что мисс Гэмпстон – недалекая послушная шпионка, которая и в подметки не годится Уинифред. Сейчас же, помимо профессионализма мисс Гэмпстон, ей пришлось поставить под сомнение свой собственный. Как же она раньше не заметила очевидного? Мысли о странном поведении женщины в карете и на балу привели Уинифред в раздражение. Мисс Гэмпстон тоже ее увидела и улыбнулась, приподняв брови. Когда она разговаривала, виднелись только верхние зубы. Вкупе с волосами пресного оттенка и

вытянутым лицом эта черта делала женщину похожей на мышь. Уинифред вскинула подбородок, ожидая, что мисс Гэмпстон с ней поздоровается, но та только приложила палец к губам, давая знак молчать, огляделась и толкнула дверь в комнату, где раньше Рати принимала посетителей.

Две недели назад Рати неожиданно исчезла из «Рассвета», а спустя два дня ее труп выловили из реки. Достойной замены ей пока не нашли, и комната пустовала. У Уинифред были некоторые мысли о том, что именно случилось с девушкой, но высказать их было некому.

В комнате осталась только кровать, полог и простыни были сняты. На месте прикроватного столика на полу темнели четыре квадратных пятна с отверстиями от гвоздей. Мисс Гэмпстон задернула пыльные шторы на окне и дождалась, когда Уинифред закроет дверь.

– Ну, наконец-то! Где вы были всю неделю?

Уинифред прищурилась. Почему эта нахалка думает, что имеет право допрашивать ее?

– Вам-то какое дело? То, что мы работаем на одного человека, еще не значит, что нам непременно нужно дружить и ходить под ручку.

– Да какое дело мне до вашей дружбы, Уинифред! – Мисс Гэмпстон закатила глаза, и Уинифред вспыхнула от злости. – Скажите лучше, поступаете ли вы осмысленно?

– Я ухожу, *Эмили*, – отрезала она и взялась за эмалевую дверную ручку, но мисс Гэмпстон проворно ухватила Уинифред за плечо и развернула к себе лицом.

– Неужели вы наивно полагаете, что мистер Уоррен идиот?

Уинифред дернула плечом, стряхивая руку мисс Гэмпстон. В носу у нее засвербело от волны гнева.

– Бьюсь об заклад, он уже почувствовал, что что-то не так. В понедельник вы привезли ему письма и тут же уехали. Раньше вы вечно сидели, запершись в комнате, а теперь не жалеете денег на кеб. И когда я ни стучусь, вас вечно нет дома. Вы можете быть *хоть немного* осторожнее?

– Вам ли говорить об осторожности! – презрительно выплюнула Уинифред, чувствуя, как пульсирует шрам. – Вы дни напролет проводите здесь, и что с того? Сделали что-нибудь полезное?

– Глупая девчонка, речь не обо мне! Вы не понимаете, что закапываете саму себя? Раньше вы были гораздо благоразумнее –

неужели новый наниматель так вскружил вам голову? Сидите-ка в «Рассвете», вот вам мой совет. Не окажитесь одной из тех глупых женщин, которые теряют всяческую предосторожность из-за мужчины.

Мышиное лицо Эмили Гэмпстон показалось Унифред отвратительным. Что еще хуже – кажется, она снова покраснела. Зачем ей вздумалось приплетать сюда Дарлинга?

– Я лучше вас знаю мистера Уоррена. Не нужно раздавать мне советы на темы, в которых вы ничего не смыслите. – Унифред снова положила ладонь на ручку. – *Мой вам совет*: сидите в своей норке и держите ухо востро. Поверьте, большего от вас не ждут.

Не дожидаясь ответа мисс Гэмпстон, она вышла из комнаты и быстро прикинула, куда бы пойти. Женщина может пристать со своими нотациями и в комнате, поэтому туда она не вернется. Уезжать из «Рассвета» уже поздно, ведь к десяти вернется мистер Уоррен. Значит... сейчас в его кабинете пусто.

Нашарив в кармане нужный ключик, Унифред спустилась на первый этаж, отперла дверь кабинета мистера Уоррена и взглянула на часы. Половина десятого. Еще целых полчаса на то, чтобы еще раз обшарить его стол, не попадаясь на глаза мисс Гэмпстон.

Она неторопливо обошла стол и выдвинула ящик. Дешевый деревянный бювар пустовал, все печати как на подбор были заляпаны разноцветным сургучом. В лотке с корреспонденцией лежали только испорченные черновики. Все оставалось в привычном для кабинета мистера Уоррена состоянии порядочного беспорядка: все на своих местах, но грязное, испорченное. Пустая чернильница с засохшей на дне темной лужицей, смятые конверты, придавленные пресс-папье, незаряженный револьвер в правом ящике стола...

В правом ящике? Уоррен же хранил оружие в шкафу...

Унифред снова выдвинула ящик и, обернув ладонь носовым платком, выудила револьвер и прокрутила барабан. И правда, не заряжен. Только на рукояти какие-то пятна, похожие на засохшую кровь.

Содрогнувшись, она аккуратно положила пистолет на место, но вдруг заметила что-то еще. Тем же платком она вытащила на свет широкое серебряное кольцо, которое мистер Уоррен обыкновенно носил на указательном пальце. Металл почернел от времени. На

внутреннем ободке кольца были выгравированы какие-то слова. Подтянув к себе пустой лист бумаги, Уинифред скопировала надпись, хотя видно было хуже некуда. Иностранных языков она не знала, а слова были незнакомые. Может, Дарлинг сможет перевести? Уинифред спрятала бумажку, опустила кольцо обратно в ящик и задвинула его ногой, складывая платок. На нем остались красные пятна крови.

Разве кровь, сворачиваясь, не становится бурой?

Она похолодела и бросилась к двери, трясущимися руками отыскивая ключ. Мистер Уоррен уже приехал и просто разминул ее с ней. Если он обнаружит ее в своем кабинете, ей конец.

Признаться честно, сейчас ее несколько не занимал вопрос, чьей же кровью Уоррен окрасил револьвер. Если Уинифред не поторопится, к ней вполне может прибавиться ее собственная.

Она выскочила в коридор и заперла дверь, придерживая правую руку левой, чтобы она не тряслась так сильно. Едва успев спрятать ключ в рукаве и принять чинную позу, она услышала грузные шаги, и из мужской уборной вышел мистер Уоррен. Судя по рассеянной полуулыбке, настроение у него было весьма приподнятым. Увидев Уинифред, он остановился и удивленно улыбнулся ей.

– Винни, а ты что здесь делаешь? Почему не заходишь?

– Доброе утро, сэр, – с робкой улыбкой отозвалась она, стискивая зубы, чтобы не дрожала нижняя челюсть. – Я не захожу в кабинет без вашего позволения, сэр.

Уоррен хмыкнул, обтер влажные руки о сюртук и похлопал себя по карманам.

– Вижу-вижу, умница моя... Не могу найти ключ. Откроешь?

Уинифред смущенно покачала головой.

– Я не знала, что придется отпирать ваш кабинет, сэр. У меня нет с собой ключа.

– Ясно, – отозвался он и снова устроил спектакль с поиском ключа.

Уинифред подавила нервный смешок. Неужели он ожидал поймать ее на такой ерунде?

Отперев дверь, Уоррен пропустил Уинифред вперед, мимоходом прикоснувшись к ее талии, и она отвернулась, пряча отвращение.

Мужчина сел за стол, быстро заглянул в правый ящик и поднял глаза на Уинифред. Она, имитируя радостное предвкушение расчета,

задержала дыхание. На нужные ли места положила она оружие и кольцо?

Мистер Уоррен вынул из внутреннего кармана сюртука кошелек, высыпал на ладонь монеты и принялся их отсчитывать. Он всегда рассчитывался с ней только наличными.

– Винни, подойди поближе. Помнится, я обещал тебе прибавку?
«Бьюсь об заклад, он уже почувствовал, что что-то не так».

Не ошибалась ли мисс Гэмпстон? К чему он вдруг заговорил о прибавке?

Смущенно потупившись, Уинифред кивнула.

– Ты умная девочка, Винни. Хорошо знаешь свою работу. Верная. Послушная. Ты заслужила премию.

Мистер Уоррен внимательно следил за ее реакцией на каждое свое слово, но на лице Уинифред не дрогнула не единая мышца – оно застыло в маске скромной улыбки.

– Держи.

Он двинул по столу столбик соверенов и спрятал кошелек. Уинифред шагнула ближе, но не взяла монеты, а робко спросила:

– Я... хотела спросить у вас, сэр. Извините... Как вы считаете, пошел бы мне на пользу переезд?

Мистер Уоррен поднял голову, и Уинифред увидела в его глазах насмешливую снисходительность. Черт. Он все знает. Ей конец. *Ей конец.*

– Я удивлен, что ты спрашиваешь об этом только сейчас, – с ухмылкой отозвался он, и у нее сердце упало в пятки. Сейчас он ее убьет. – Я тоже подумал, что девушке твоих лет жить в публичном доме не совсем удобно.

От неожиданности она моргнула. Он и правда ничего не знает?

Пряча облегчение, Уинифред посмотрела ему в глаза – мистер Уоррен не любил, когда она бубнила себе под нос.

– Я и правда хотела бы попробовать пожить одна, если вы не против, сэр. Я скопила достаточно, чтобы снимать недорогую комнату.

Мистер Уоррен, все еще усмехаясь, откинулся в кресле.

– Где ты будешь жить?

– Еще не думала, сэр. Не хотела заниматься этим вопросом без вашего позволения, сэр.

– Что ж. – Он снова вынул кошелек и склонился над столом. Его голос звучал глухо, но довольно. – Моя Винни совсем выросла, да? – Вынув еще две монетки, он положил их поверх кучки и подмигнул. – На новоселье.

Делая вид, будто пытается подавить рвущуюся счастливую улыбку, Уинифред сгребла со стола деньги, не отрывая взгляд от Уоррена. Глаза лгунов бегают, потому что в них можно прочесть правду.

– О, спасибо, сэр! – Она подпустила в голос обожания. – Даю слово, переезд никак не скажется на моей работе!

– Я знаю, моя милая. – Уоррен купался в самодовольстве и ее рабском поклонении, это читалось и в его легкой улыбке, и в смешливом выражении глаз. – Сообщи мне, как перевезешь вещи, я займу чем-нибудь твою старую комнату. Ну, все, иди. Работай хорошо.

Уинифред сделала книксен, пролепетала очередную благодарность и вышла из кабинета, а закрыв дверь, чуть не сползла по стене от облегчения.

Она справилась. Он ничего не знает. Он все еще ни о чем не догадывается, а теперь дал ей разрешение вовсе не появляться в «Рассвете»! Еще и дал денег на новоселье – невиданная доселе щедрость.

Уинифред раскрыла ладонь и пересчитала монеты. Пятнадцать фунтов вместо обычных двенадцати и еще два на переезд. Верная, послушная – вот как она заслужила эти деньги. Ей просто не терпелось рассказать об этом Дарлингу – он будет смеяться так, что упадет со стула.

Ссыпав монеты в карман, Уинифред нащупала там бумажку. Кольцо Уоррена с выгравированными на внутренней стороне словами – что же они значат?

В комнате она собрала только самые нужные вещи – чтобы перевезти остальное, ей понадобится помощь Томаса. Приподняв половицу, Уинифред сгребла в маленький кожаный саквояж мешочек с монетами, белье и другие предметы первой необходимости. Комната все еще выглядела вполне обжитой, благодаря мелочам, разбросанным тут и там: ситцевые занавески на нитке, старая щетка для волос на столике, брошенные в изножье постели чулки.

Спускаясь, она думала о том, что дальнюю пустую комнату офиса приспособит под свою спальню, а сидя в омнибусе – что получать письма от мистера Уоррена нужно будет по другому адресу. Рассчитавшись с извозчиком, Уинифред подхватила увесистый саквояж и наперевес с ним поднялась на третий этаж дома на Харли-стрит.

Ключ упорно не хотел влезать в скважину, и, только начав раздражаться, Уинифред поняла, что, скорее всего, кто-то оставил свой в замке изнутри. Подобрав саквояж, она открыла дверь и увидела Дарлинга, сидящего за их письменным столом со старомодными пузатыми ножками. У нее было такое отличное настроение, что она почти улыбнулась ему.

– Теодор, у меня хорошие новости! – сказала она вместо приветствия и тут же полезла в карман, предвкушая его радость – она знала, что ему ужасно надоело сидеть без дела. – Мистер Уоррен...

– Мисс Бейл, вы, как всегда, прелестны, – промурлыкал знакомый мужской голос, и она застыла на месте, хотя уже нащупала пальцами бумажку.

Вот черт! И свалился же на голову этот... И Дарлинг молчит, будто онемел!

– Добрый день, мистер Акли, – сухо поздоровалась она и повернула голову.

Стеллан развалился на диване у стены. Его глаза лениво изучали Уинифред. Рядом сидела взбешенная Эвелин. Дарлинг кашлянул и зачем-то встал.

– Уинифред, у нас гости.

Глава 13

Фамилии и незваные гости

Стеллан с развязной ухмылкой закинул ногу на ногу. Уинифред прямо-таки закипала от злости, глядя на него. Его тягучий манерный голос, ленивая осанка и улыбка вызывали у нее глубочайшее отвращение. Как и любой другой человек, Уинифред питала влечение ко всему прекрасному, но красивое лицо Стеллана не вызывало в ее душе ни малейшего отклика.

– Полагаю, вы уже уходите? – осведомилась она.

Улыбка Стеллана едва заметно дрогнула, но не увяла. Было ясно как день, что он ожидал увидеть ее злость от своего неожиданного визита. Будь она проклята, если станет демонстрировать то, чего ему хочется.

– Еще нет, – протянул он, следя за тем, как Уинифред развязывает ленты накидки и подходит к столу.

Дарлинг, не глядя на нее, подвинулся, освобождая место. Вот ведь идиот! Даже не удосужился ее предупредить! А она влетела сюда, чуть не с порога горланя новости – до чего ее в последнее время доводит собственная неосмотрительность!

– Вот как? – бесцветно произнесла Уинифред и со слабой улыбкой взглянула на Теодора. – Мистер Дарлинг, у нас ведь масса дел. Как и у мистера Акли, полагаю. Было бы невежливо его задерживать.

Дарлинг поглядел на нее, широко раскрыв глаза, будто пытаясь что-то сказать. Она едва заметно качнула головой, давая понять, что не уловила его мысль.

– Вот те раз! – промурлыкал Стеллан и растекся по дивану, приминая юбки бедняжки Эвелин.

Вид у мисс Саттон был донельзя рассерженный. Не похоже, чтобы мистер Акли приводил в восторг хоть кого-нибудь, кроме Дарлинга.

– Тедди, неужто ты и правда так занят, что у тебя нет времени даже на чашечку чая? Твоя очаровательная помощница нам бы его приготовила, – добавил он, подмигнув Уинифред.

Она вежливо улыбнулась, с удовлетворением отметив, что остается спокойной. Колкости юноши не слишком ее задели.

– К-кажется, у тебя есть руки, Стеллан, – мрачно осадила его Эвелин.

Уинифред подозревала, что она встала на ее защиту из собственных мотивов, но все равно была приятно удивлена.

– Есть, и причем восхитительные, – подтвердил юноша.

– Т-тогда встань и налей чай себе сам.

– Но ведь это женская работа, Эви, – натянуто улыбнулся он. – Что сказал бы твой будущий муж на такие вольности?

Уинифред с удовлетворением отметила, что его пальцы забарабанили по спинке дивана.

Фарфоровое личико Эвелин покраснелось от гнева.

– По-моему, т-тебе лучше уйти, С-стеллан. Излагай свои в-варварские фантазии к-кому-нибудь другому.

Юноша добился своего и потерял к Эвелин интерес. Он отвернулся и спросил Уинифред:

– Может, вы все-таки предложите другу чай?

Уинифред предоставила право отвечать Дарлингу, сделав вид, что донельзя увлечена разложенными на столе бумагами. Она уже три раза переложила карты Лондона и решительно не знала, что же, черт возьми, еще сделать.

Если сейчас Дарлинг сдастся и оставит Стеллана Акли на чай, она спустит обоих вниз по лестнице с третьего этажа.

– Прости, но в другой раз, – улыбаясь, произнес Дарлинг. Несмотря на насмешливый тон, отказ прозвучал достаточно твердо для того, чтобы Стеллан сузил глаза. – Ты же знаешь, как это бывает: стоит очаровательной даме появиться на моем пороге – и вот она уже занимает все мои мысли!

Молодой человек не отводил взгляд от Стеллана и будто даже не обращал на Уинифред никакого внимания, но когда она подошла к столу, он машинально развернулся к ней всем телом. Она сделала вид, будто ищет в кипе бумаг нужную, и мельком взглянула на Стеллана. Он разглядывал Дарлинга с сардоническим, но хищным интересом. Прежде Теодор не был удостоен подобной пристальности. Похоже, Акли убедился, что Дарлинг не такой уж идиот.

– Вижу, уговоры бессмысленны, если речь идет о даме.

Юноша поднес руку ко лбу жестом, исполненным патетики, и встал с дивана. Он хотел поцеловать ручку Эвелин на прощание, но та,

поджав губы, отдернула ладонь и отвернулась.

– Но не оставляй меня совсем, Тедди, будь добр! Ты же знаешь, что без тебя мне совсем скучно в городе.

– Помилуй, я и так никуда без тебя не выбираюсь! – уклончиво ответил Теодор.

В их странных отношениях, балансировавших на грани дружбы и поклонения, ясно было одно: перемена, случившаяся в Дарлинге, откуда-то взявшиеся натянутость и неловкость задевают и интригуют Стеллана. Об этом Унифред подумала почти с мстительным удовольствием.

Они похлопали друг друга по плечам и одновременно обернулись к ней. Унифред в очередной раз поразила тому, насколько разнятся не только их характеры, но даже внешность: узкое, изящное, с удивленно приподнятыми бровями лицо Дарлинга и широкое, скуластое – его друга. Выражение лица Стеллана несло на себе отпечаток нахальства и почти свирепости.

– Мисс Бейл.

Стеллан издевательски низко поклонился и тряхнул головой, когда длинные каштановые волосы упали ему на лицо. Жест был исполнен напускной, почти шутовской галантности. Он знал, что Унифред ужасный сноб, и не стеснялся подсмеиваться над ней. Интересно, понял ли Дарлинг, что его друг с ней просто дурачится?

– Безмерно рад был вас видеть. – Напористая улыбка дрогнула, но в глазах мелькнуло что-то вроде... восхищения?

– До встречи, мистер Акли, – подчеркнуто вежливо ответила она. На его потуги вывести ее из себя она глядела сквозь пальцы.

Когда Стеллан вышел и все трое, затаив дыхание, слушали, как он спускается по скрипучей деревянной лестнице, Унифред вдруг вспомнила его слова на балу: *«Вы мне нравитесь. С ног до головы нравитесь»*. Такому, как Стеллан Акли, она не могла понравиться всерьез. Чего же он хотел от нее? Воспользоваться ею, чтобы поближе подобраться к Теодору?

Унифред обернулась к Дарлингу.

– Что он тут забыл? – сквозь зубы спросила она.

Ей не хотелось злиться на него, пока она не услышала всей истории, но гнев получалось сдерживать с трудом. Даже несмотря на то,

что он был направлен на человека с таким невинным выражением лица.

– Я не виноват, – быстро произнес Дарлинг и, сам того не заметив, сделал крохотный шаг назад. Не хватало только, чтобы он схватил со стола нож для писем и начал от нее обороняться. – Стеллан не знал об этом месте, клянусь, я ему не говорил. Что же до...

– Это я его п-привела, – вдруг сказала Эвелин и подняла на Уинифред широко распахнутые глаза. Выражение ее лица было мрачным. – Не нарочно. Д-должно быть, он заметил меня в Риджентс-парке – я сказала, что иду туда на прогулку, но, к-конечно же, пришла сюда. Мистер Акли увидел меня и п-проследовал за мной до самого офиса. Иного объяснения нет.

– Что ж, вашей вины в этом и правда нет, – после паузы признала Уинифред. Эвелин опустила плечи, явно испытывая облегчение. – Стеллан заинтересован нашими делами, но позволить ему вмешиваться мы не можем.

– Но он знает достаточно много, – посетовал Дарлинг и почесал тщательно причесанную голову. Уинифред захотелось пригладить пальцами его торчащие локоны. – Не опасно ли это?

– Но и д-доверия к нему нет, – возразила Эвелин, еще больше кутаясь в свою котиковую шубку.

– Нужно рассказать ему... Но не все, – наконец решила Уинифред. – Скормим ему какую-нибудь незначительную деталь, которая в нужном свете может показаться важной. Он должен думать, что мы ему доверяем, тогда не он нами воспользуется, а мы им.

– А если он что-нибудь з-заподозрит? – неуверенно возразила Эвелин. – Стеллан ужасно мнителен.

– Ничего он не заподозрит. Да это сейчас и неважно... Знаете что? – У нее в груди закололо от внезапно нахлынувшего восторга. – Уоррен позволил мне съехать из «Рассвета». Теперь я могу переехать сюда, поселиться в третьей комнате и заниматься работой хоть круглые сутки. Он ничего не заподозрит.

Теодор расплылся в улыбке, а Эвелин протянула:

– Не слишком ли вы б-беспечны? К-конечно, я не сомневаюсь в вашем т-таланте обводить людей вокруг п-пальца, но надо ли было п-привлекать к себе лишнее внимание?

Уинифред сузила глаза.

– Вы бы предпочли, чтобы я делила этаж с проститутками?

– Дамы!

Почему-то покраснела не Эвелин, а Теодор. Уязвленная тем, что Дарлинг никак не прокомментировал ее будущий переезд, Уинифред торопливо вывалила следующую новость:

– А еще я нашла у него кольцо. Оно широкое, но круглое, не как печатка, похоже на фамильное. – Вынув клочок бумаги, на который она выписала выгравированные буквы, Уинифред протянула его Теодору. – Внутри была вот эта надпись.

Юноша развернул листок и прищурился, пытаясь разглядеть корявые буквы. Уинифред пожалела, что у нее не было времени как следует скопировать надпись, но Теодору она в этом ни за что бы не призналась.

Эвелин выглянула из-за его спины, тоже пытаясь разглядеть написанное.

– Это латынь? – неуверенно спросил он у Уинифред, будто она могла знать, и зашевелил губами: – «*Nihil habeo*».

– «Н-ничего не имею»? – перевела Эвелин и нахмурилась, сдвинув светлые брови. – О чем это?

Дарлинг перевернул записку, словно ожидая увидеть на обратной стороне что-то еще.

– Это первая часть. «*Nihil habeo, nihil curo*» – «Ничего не имею, ни о чем не забочусь».

Уинифред едва не раскрыла рот от изумления. Если Теодор не придумал высказывание наобум, то он просто ходячий словарь!

– Что-то з-знакомое. – Эвелин задумалась и склонила голову набок, словно птичка.

– Конечно, знакомое, – весело подтвердил Дарлинг, и от романтического налета его учености не осталось и следа – на смену ему пришло бахвальство. – Это же известный латинский афоризм. Но довольно глупый. Если спросите меня, я бы такую ерунду на кольцах гравировать не стал!

Эвелин не смеялась. По остекленевшему выражению ее ореховых глаз Уинифред поняла, что девушке знакома эта фраза. Но не из латинских словарей, как книжному червю Дарлингу, а откуда-то еще.

Значит, она права – это все-таки фамильное кольцо. Какой идиот станет гравировать афоризмы на кольце, только если это не девиз

дома?

Схватив Эвелин за обе руки, она заставила ее посмотреть на себя.

– Мисс Саттон, вспомните. Этот девиз, случайно, не принадлежит какому-нибудь жутко старому английскому семейству?

Дарлинг, тихонько посмеивавшийся себе под нос и наверняка уже приготовивший очередную шутку, вдруг умолк и округлил глаза. Складка на лбу Эвелин разгладилась, и она просияла:

– Да, т-точно! Это же семейный девиз Клэртонов, т-так ведь?

Уинифред бросилась к шкафу. Где-то там стоял томик «Пэрства Берка»^[12], на прошлой неделе она его пролистала без особой надежды на успех. Если Эвелин права...

Тогда, возможно, она разыскала один из главных скелетов в шкафу Уоррена.

Уинифред раскрыла увесистую книжку в переплете из красной кожи и начала листать страницы так быстро, что пропустила «С» и попала на раздел с фамилиями на «D». Тихо выругавшись, она вернулась назад и раскрыла корешок на развороте, озаглавленном «Клэртон».

Дарлинг сунулся ей через плечо, чтобы взглянуть.

– А вот и их девиз. – Он ткнул пальцем в книгу, и у Уинифред от его близости на мгновение защекотало в груди. – Эви, ты умница!

Глаза Уинифред забегали по строчкам. Издание было старым, знакомого имени она не нашла.

– У них поместье неподалеку от Лондона. Из дурацкого справочника мы все равно ничего не узнаем, нужно нанести им визит.

Эвелин покачала головой.

– Клэртоны – з-затворники. Они не приняли ни единого п-приглашения в городе за последние д-десять лет. Последнее, что о них б-было слышно, – мистер Клэртон, младший сын, женился.

– И что же, неужели не получится заехать к ним на чай без предупреждения? – нетерпеливо воскликнула Уинифред, стараясь не показывать, что слова Эвелин приводят ее в отчаяние.

– Без приглашения? – Дарлинг округлил глаза. – Уинифред, да разве так можно!

– Скорее всего, вас даже не п-пустят на порог, – с сомнением высказалась Эвелин. Она присела на кресло и теперь глядела на Уинифред снизу вверх, словно херувим с классической фрески. – Вы

даже не представляете, сколько существует способов вежливо отклонить нежеланный визит – сказать больным, притвориться, что тебя нет дома...

– Сказать больным, говорите? – Уинифред задумчиво постучала пальцем по подбородку. Она может сыграть с этими дрянными аристократами в их же игру. Еще неизвестно, кто из них больший сноб. – Это и впрямь отличный предлог.

Теодор и Эвелин переглянулись.

* * *

Беспокойно выглянув в окно, Теодор задернул шторку.

– Кажется, будет буря, – с сомнением произнес он.

На небо, мутное и блеклое, сбегались синие до черноты тучи, а туман сменился мелко морозящим дождем.

– Нам это на руку, – с холодной улыбкой заметила Уинифред.

Они не стали долго ждать. Захлопнув книгу, Уинифред перелезла из старого синего платья в новое – бархатное, с кринолином. Дарлинг набил дорожный сундук всякой ерундой, они погрузили багаж в карету и помчали в пригород. Поместье Клэртон-мэнор находилось неподалеку от Чигуэлла. Если план Уинифред сработает, они получат приглашение остаться на ночь.

Где-то вдалеке гроыхнуло небо. Теодор потянулся, чтобы снова открыть шторку, но заметил направленный на него взгляд Уинифред и притворился, что стряхивает пыль с рукава.

– Долго еще нам ехать? – спросил он.

Она передернула плечами и вынула из ридикюля крохотное зеркало, которым обзавелась на днях. В круглом стекле отразился краешек ее плетеной прически и темно-синий глаз.

– Откуда мне знать. Вопреки вашим представлениям, у меня в голове не выгравирована карта Англии. Спросите у кучера, если вам так уж интересно.

Уинифред устроилась поудобнее и сдвинула зеркальце. Теперь в нем отражались ее острый подбородок и капризные губы – их она почитала самой замечательной чертой собственной внешности.

– Не так уж интересно. – Дарлинг оперся о сиденье обеими руками и вытянул ноги. – О чем вы думаете?

– О том, что следует осмотреть, когда мы приедем. – Она удовлетворилась собственным видом, спрятала зеркальце и щелкнула ридикюлем. Первые волнения и раздражение от неожиданной встречи со Стелланом улеглись, и она благосклонно восприняла попытку Теодора завести разговор. – А вы?

– Я тоже. Что вы рассчитываете там обнаружить?

– Причину, по которой Уоррен сбежал из дома. Или по которой его выгнали.

На лице у Дарлинга отразилось изумление.

– Выгнали? Почему вы так подумали?

– Ну как же. Вы не забыли, какой Уоррен скряга? За грош удавится. Даже я не люблю деньги так, как он. Знаете, сколько он заплатил мне в этом году? Пятнадцать фунтов! Держу пари, любая горничная получает больше. – Подумав о том, сколько может получать за свою работу Лаура, она замолчала, давая Теодору переварить сказанное. – Зачем человеку, обладающему огромным наследством и приличным именем, сбежать из дома и начинать жизнь с самых низов?

Дарлинг поежился, будто ему неуютно об этом думать.

– Возможно, он хотел самостоятельно всего добиться. Заработать деньги собственным трудом.

Уинифред с улыбкой покачала головой.

– Вы так говорите потому, что сами выросли в достатке. Теодор, знаете, что такое настоящая бедность? Мои родители работали денно и ночью, только чтобы наскрести денег на уплату нашей комнатухи – без мебели, зато полной щелей и грызунов. Старшие сестры и брат побирались на улице, чтобы прокормить нас и самих себя. До встречи с мистером Уорреном я ни разу в жизни не мылась и не ела мяса. Никто по собственной воле на такое не пойдет.

Она перевела дыхание, отгоняя неприятные воспоминания, настолько далекие, что уже почти забытые.

– У вас были братья и сестры?

– Были, – неохотно ответила Уинифред. – Шесть сестер и три брата.

Дарлинг живо выпрямился на сиденье.

– Ну и ну! Прошу, расскажите о них! Как их звали?

Члены ее семьи сами собой всплыли у нее в голове. Но она вспомнила не самих людей и не их лица, а строгую последовательность звуков, в которую складывались их имена. Она начала перечислять по старшинству.

– Элис, Роб, Эмма, Бетси... – Дальше по порядку шло имя «Мэри», его Уинифред пропустила. – Джейн, Хьюго... – Она запнулась. Кто же родился после Хьюго? – Джейн, Хьюго... Я... я не помню...

Она до боли прикусила язык. Как она могла забыть имена младших? Две сестры и брат, от которых не осталось и имени. Они умерли, не оставив следа даже в ее памяти. Кто будет помнить о них, если Уинифред забыла?

Дарлинг мягко похлопал ее по руке, и она встрепенулась.

– Не переживайте, Уинифред, – будто прочитал он ее мысли. – Вы не виноваты в том, что забыли. Чем больше вы помните, тем вам тяжелее.

– Я почти ничего не помню, – эхом откликнулась Уинифред. – Даже странно. Мне было уже семь, когда они умерли. Почему я ничего не помню?

– Иногда нам не хочется вспоминать плохое. – Дарлинг пожал плечами. – У меня тоже так. Хотя, конечно, в моей жизни было больше хороших моментов, чем плохих.

Он уныло почесал кончик носа, и Уинифред фыркнула.

– Кто-то о вас думает.

– С чего вы взяли? – с удивлением спросил он, опуская руку, и она ступсывалась.

– Так... моя мама говорила, – призналась Уинифред. – Если чешется нос, значит, кто-то о тебе думает.

Уинифред заметила, что она не могла вспомнить ни единой черты маминого лица, но чувствовала теплый свет глаз и шершавые добрые руки.

Юноша улыбнулся и снова рассеянно прикоснулся к кончику носа пальцами.

– Правда? Никогда о таком не слышал. Неудивительно, что у меня аж свербит в носу по весне. Поклонницы липнут, как мартовские кошки!

Уинифред рассмеялась, не прикрывая рот рукой – этот жест казался ей искусственным. Теодор мечтательно посмотрел на нее. Черные глаза будто подернулись дымкой.

– Я чуть не забыл вам сказать, что в этом платье вы выглядите просто очаровательно. Оно подчеркивает ваши глаза... И волосы. – Он порозовел и потупился.

– Благодарю, – ответила Уинифред, не пряча нотку самодовольства в голосе. Она была рада, что он наконец-то заметил, как она сегодня хороша.

Что за разговор у них такой? Она сама на себя не похожа. Воркует со своим нанимателем, будто глупая богатенькая девица.

Уинифред кашлянула и опустила взгляд, разглаживая розовый бархат платья. Жаль будет, если дождь испортит такую дорогую и красивую ткань.

– Расскажите еще что-нибудь о своей семье, – вдруг попросил Дарлинг.

– Не хочу. – Уинифред вскинула подбородок и посмотрела на него с вызовом. – У меня больше нет семьи. Можно сказать, я едва ли ее помню. Что толку о ней болтать?

– Жалее ли вы, что вас воспитал мистер Уоррен? – На лице Теодора мелькнула досада. – Жалее, что ваша жизнь сложилась именно так?

– Нет, – честно ответила она и сама поразилась, как легко у нее вырвалась правда. – Без него я была бы никем. Да, он омерзителен. Я не испытываю к нему ни любви, ни благодарности. Из-за него мне иногда кажется, что у меня камень в груди вместо сердца. Но кем бы я была без него? Прачкой в Ист-Энде, каждый день стирающей руки в кровь, чтобы заработать себе на пропитание? Уличной девкой, которая платит телом за ночлег? Отправилась бы в рабочий дом? Нет, пускай жизнь с мистером Уорреном не сахар; пускай, научив меня думать, он лишил меня способности чувствовать – теперь у меня есть будущее. Не благодаря ему, но благодаря мне самой.

Чувствуя, что у нее сдавливают переносицу, Уинифред вонзила ногти в ладони. Она сама не понимала, почему рассказывает это Дарлингу. Рассказывает то, в чем не признавалась даже самой себе. Уинифред выдохнула и часто заморгала, не глядя на Теодора. Она бы просто не выдержала, если бы вдруг увидела в его глазах жалость.

– Жизнь Уинифред ужасна, но жизнь Мэри была просто отвратительна. То была не жизнь.

Она замолчала. Когда слова, лившиеся из нее, точно из ведра, иссякли, она почувствовала себя обессиленной. Пальцы Теодора нашли ее сжатую в кулак руку и робко, но крепко обхватили ее. Уинифред не решилась поднять на него глаза. В груди затрепетало сердце – так сильно, что это ее испугало.

– Никто не в состоянии лишить вас чувств, Уинифред. У вас в груди не камень, а настоящее сердце, и не ваша вина, что оно загрубело, – произнес Дарлинг.

Он осторожно разжал ее пальцы. Она невольно развернула ладонь тыльной стороной вверх. Он не мог увидеть сквозь перчатку красные полумесяцы, оставшиеся от ее ногтей.

Впервые за долгое время Уинифред хотелось заплакать, но она не смогла. Слезы застряли где-то между головой и сердцем, скопились в висках, комом встали в горле.

Она подняла глаза на Дарлинга. Юноша стоял на коленях перед ней, несмело держа ее руку в своей. Уголки его рта опустились, но во взгляде она прочла не жалость, а сочувствие, и ее накрыло почти осязаемой волной облегчения. Инстинктивно Уинифред сжала его ладонь и тут же подумала, что Теодор смутится или покраснеет, но он продолжал с печальным спокойствием смотреть прямо на нее, не отводя взгляд. Немногие мужчины могли так долго смотреть ей в глаза – их всегда что-то отталкивало в ее лице, и они отворачивались, сконфуженные. Дарлинг же, напротив, всматривался в нее с таким упоением, точно старался изучить ее лицо до малейших деталей, запомнить каждую черточку, с достоинством встретить ее холодный взгляд. В ее глазах он читал то, чего она не могла сказать вслух, или даже то, о чем сама не знала. Способность Дарлинга видеть сердцем исходила от умения любить – навык, которым Уинифред не обладала.

– В такие моменты мне кажется, что вы гораздо мудрее меня, – сказала она. Голос был низким и грудным, будто она только что проснулась.

Дарлинг сжал ее ладонь, будто проверяя на мягкость, и по телу Уинифред прокатилась волна тепла. Она с удивлением осознала, что ее волнует его близость. Стоя перед ней на коленях, Дарлинг оказался так близко, что ей стоило всего лишь немного наклониться, чтобы

дотронуться до его лица. Ей вдруг захотелось прижаться к Теодору, прикоснуться к его губам, но, едва подумав об этом, Уинифред тут же устыдилась этой мысли. Плотские желания были ей доселе не знакомы, и они ее пугали.

Она отвела от Дарлинга взгляд, но не нашла сил отнять руку. В самом деле, ведь он первый ее схватил. Пускай первый и отпускает. Почему она должна? С этой мыслью Уинифред сосредоточенно пялилась в зашторенное окно, чувствуя, как в горле пойманной птицей бьется сердце. Прикосновение Теодора даже через перчатку обжигало ее странным щекочущим теплом.

Экипаж трянуло на кочке, и они оба будто очнулись ото сна, от которого не хочешь просыпаться, но после пробуждения забываешь о нем, потому что помнить о таком спокойном ясном счастье было бы слишком больно. Теодор отпустил ее и ожидаемо залился краской, а Уинифред почувствовала досаду. Почему, взяв ее за руку, он не имеет смелости ее не отпускать?

– Кажется, мы скоро приедем, – ровным глухим голосом произнесла она, не показывая, как ее задел поступок Дарлинга. – Помните, что я вам говорила? Наша цель – остаться у них на ночлег. Остальное предоставьте мне.

– Я все помню, – эхом отозвался Дарлинг и бухнулся обратно на сиденье.

На его брюках остались светло-серые грязные пятна. Уинифред отвернулась от юноши, пряча смущение от того, что он только что стоял перед ней на коленях.

– Будем разыгрывать молодоженов. Мы едем из Лондона в поместье моих родителей в Эссексе, но я ушибла ногу, когда вышла размяться, и мне срочно необходима помощь врача. Естественно, о продолжении поездки в моем состоянии не может быть и речи.

По крыше застучал дождь, сначала несмело, а потом, набирая силу, все громче и злее.

– Да помню я! – отмахнулся Теодор. К нему начала понемногу возвращаться его природная живость. – Помилуйте, Уинифред, вы пересказывали мне все это не далее, как мы сели в карету!

– У вас в одно ухо влетает, а в другое вылетает, – парировала она. – Можете представиться своим именем – раз они такие затворники, как говорит Эвелин, вряд ли станут распускать слухи. А

услышав знакомую фамилию, они охотнее проникнутся к нам доверием.

Теодор важно кивнул.

– Как скажете, миссис Дарлинг.

Уинифред вспыхнула и процедила:

– Уймись. Приберегите ваш артистизм до лучших времен.

– Слушаюсь. – Юноша отвесил ей поклон – не с целью уколоть, как это делал Стеллан, а просто из веселья. В глазах от смеха плясали золотые лучики. – Чем же мне заниматься до лучших времен?

Уинифред была уверена, что ее предложение не понравится Теодору. Более того, она почти предвкушала его ужас.

– Мне нужно, чтобы вы помогли кое с чем. С одной подготовительной мерой.

– И что же это? Переплести вам волосы потуже? Выучить брачные клятвы? Придумать имена будущим малюткам Дарлингам?

Ну и идиот же он...

– Ударьте меня по ноге. Так, чтобы остался синяк.

Расслабленная улыбка сползла с его лица.

– О чем это вы говорите?

Она уставилась на юношу с раздражением. Ей хотелось бы поскорее покончить с делом, но Дарлингу все приходилось объяснять по меньшей мере дважды.

– Ударьте меня по ноге. Как можно сильнее. Если Клэртоны пошлют за врачом до утра, трудно будет ему объяснить, почему на лодыжке нет и следа от ушиба. – Она закинула ногу на сиденье и приподняла подол платья, обнажая стопу в кожаной туфле. – Давайте скорее, Теодор, у нас нет времени на пустые споры.

Залившись краской, Дарлинг отвел взгляд, вскочил и уставился в потолок.

– Господи, Уинифред! Я не буду трогать вашу ногу! – почти в отчаянии выкрикнул он и заломил руки. Она наблюдала за ним с отстраненным интересом. – Как вы можете просить о таком – оставить на вас *синяк*? За кого вы меня вообще принимаете?!

Да он же сейчас просто расплчется! Уинифред подперла щеку кулаком и терпеливо повторила:

– У нас нет времени на метания вашей морали. Просто ударьте меня по кости, вот здесь, чтобы остался след. Можете отвернуться,

если вам так будет легче.

Теодор упрямо выдвинул вперед челюсть.

– Не стану, хоть убейте.

– Почему? Я же сама вас прошу.

– С чего вы вообще взяли, что я способен ударить женщину? Что я могу *кого-либо вообще* ударить? Вы глубоко заблуждаетесь, если считаете, что я бы стал...

Не слушая больше его речи, исполненные жалобного достоинства, Уинифред стянула с ноги туфлю, зажмурилась и изо всех сил врезала себе каблуком по лодыжке. Было не очень больно, но у нее все равно вырвался стон. Дарлинг осекся и обернулся. Увидев, как Уинифред преспокойно зашнуровывает туфлю на несчастной ноге, он вытаращил глаза.

– Ох, что вы наделали! – запричитал он, уже забыв о непотребстве в виде ноги Уинифред, выглядывающей из-под платья. – Как же вы теперь будете!..

– Вам придется понести меня от кареты до дома Клэртонов. Желательно, чтобы вы имели при этом страдальческое выражение лица, – невозмутимо пояснила она, опуская подол.

Лодыжка отзывалась слабым, глухим отголоском боли. Точно будет синяк.

Теодор с шумом опустился на сиденье. Вид у него и впрямь был донельзя несчастный.

– Неужели нельзя просто притвориться, что вам больно? – беспомощно спросил он. – Зачем нужно калечить бедную ногу?

– Можно, но естественная реакция гораздо лучше. Хороший врач сразу поймет, что я симулирую, – рассудительно ответила Уинифред.

Ее забавляла реакция Теодора, его искреннее беспокойство и резкий отказ причинить ей боль, пусть даже она и настаивала.

Дарлинг ошеломленно покачал головой. Из-за дождя совсем стемнело, и в полумраке кареты она едва различала лицо юноши.

– Вы идете на какие-то совсем уж отчаянные меры, Уинифред!

У нее кольнуло шрам, и она сглотнула.

– Это вовсе не отчаянные меры, – возразила Уинифред.

Карета начала замедлять ход, и она отодвинула шторку, давая Теодору понять, что разговор окончен.

– Кажется, мы приехали. Как думаете, вы сумеете дотащить меня? Или мне попросить кучера?

Дарлинг поспешно вскочил. Лошади остановились, и он чуть не упал на Уинифред, едва успев удержаться за полку для багажа.

– Не надо, я сам. – Юноша выпрямился и подал ей руку. – Кажется, вы что-то говорили про страдальческое выражение лица?

* * *

– Извините, сэра, но я не могу вас впустить.

Дворецкий смотрел на них тупым, как у осла, взглядом. Уинифред с раздражением подумала, что вряд ли он вообще в состоянии их разглядеть из-под стекол залитого дождевой водой пенсне. У далеко не тщедушного Дарлинга уже начинали дрожать руки. Она сама не пушинка, да и платье тяжелое. Бархат вобрал в себя воду, как тряпка, и был безнадежно испорчен.

– Вы, кажется, не понимаете. – В голосе Теодора прорезались истеричные нотки. – Моя жена ушибла ногу и мучается от страшной боли, а это ближайший дом на многие мили!

Он поудобнее перехватил талию Уинифред, и у нее по телу побежали мурашки. Она старалась не думать о том, как плотно сейчас прижимается к Дарлингу, как его руки обхватывают ее талию и ноги. Ей оставалось только неловко вцепиться в ворот его сюртука. Когда Теодор менял положение рук или ветер вдруг приносил ей в лицо его цветочный аромат, она ничего не могла поделать с бешено скачущим сердцем.

– Сожалею, сэра, но ничем не могу помочь, – тупо повторил дворецкий. – Господа сегодня никого не принимают.

– Но это дело жизни и смерти! – вырвалось у Дарлинга, и Уинифред, изображавшая полуобморочное состояние, покосилась на него с удивлением. – Вы хотите, чтобы на вашей совести была смерть моей жены?

Уинифред поморщилась. Драматические роли Теодору не даются, он бессовестно переигрывает.

Дворецкий пошамкал губами, готовясь в очередной раз выдать заготовленную фразу. Тогда Дарлинг торопливо выложил последний

kozyрь:

– Просто доложите своим господам. Скажите, что миссис Дарлинг повредила ногу, и ее муж смиренно просит у них ночлега. Такая буря, что не видно ни зги.

В подтверждение его слов шквал ветра едва не снес пенсне с носа дворецкого, и это оказалось более убедительным аргументом, чем все слова Дарлинга. Он снова пошамкал губами и наконец сказал:

– Обождите здесь, сэръ. Я доложу о вас.

Он ушел, оставив их мокнуть под дождем у кованых ворот Клэртон-мэнора. Высокие и неприступные, те окружали большой темный сад и двухэтажный дом в георгианском стиле. Уинифред и Теодор, стуча зубами от холода, переглянулись.

– Такого я не ожидал, – признался Дарлинг. Его мокрые волосы прилипли ко лбу. – Экое недружелюбие. Ума не приложу, что нам делать, если и хозяйева откажут.

– Не откажут, – возразила Уинифред, хотя ее уверенность начала давать трещины. – В такую погоду и собаку на улицу не выгонят.

Она наблюдала, как твердолобый дворецкий пересек сад и вошел в дом, где на первом этаже мутным желтым светом горели окна.

Теодор зажмурился, когда порыв влажного ветра в очередной раз отхлестал его по щекам. От натуги у него на виске забилась жилка.

– Уинифред, может, я... опущу вас ненадолго? – наконец выдавил он. – Всего на минутку, пока он не вернется. Ваша нога ведь... в порядке?

Ее тело выскользывало из его ослабевающих рук, и юноше приходилось заново его перехватывать. Но Уинифред вовсе не хотелось, чтобы Дарлинг ее отпускал. Даже продрогнув до костей, со слабо ноющей лодыжкой, ей было приятно находиться так близко к нему. Повинуясь эгоистичному глупому порыву, она резко возразила:

– Сейчас они наверняка выглянут в окно, чтобы хорошенько рассмотреть нас. Что же они подумают, если вы вдруг преспокойно опустите меня на землю?.. К тому же, похоже, я слишком сильно стукнула себя – нога и вправду болит, – соврала она.

Теодор замолчал и снова перехватил ее талию, заставив Уинифред вздрогнуть от волны мурашек, пробежавших по телу.

– Тогда... может, обхватите меня за шею? – несмело предложил он. – Так мне будет намного легче вас держать. И нас охотнее примут

за супругов.

– Хорошо, – сказала Уинифред и удивилась тому, как легко согласилась. Отпустив лацканы сюртука Дарлинга, она обвила руками его шею.

Оба затаили дыхание. Никогда еще они не были так близко друг к другу. Их лица разделяло не более дюйма.

Капли дождя повисли на ресницах Теодора, струились по его лицу, капали с темных прядей. Он чуть приоткрыл рот, не решаясь вдохнуть. Его взгляд замер где-то чуть ниже ее глаз, и Уинифред не могла понять: он снова рассматривает ее нос или на этот раз его внимание приковано к ее губам?

Она подалась вперед, и кончики их носов соприкоснулись. Уинифред не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть. Сердце колотилось о ребра с такой силой, что причиняло ей физическую боль. Дарлинг широко раскрыл глаза. Глубокие, густо-черные, они смотрели на нее с недоверчивым, робким благоговением. Не отдавая себе отчета, Уинифред притянула его за вихры на затылке и поцеловала.

Теодор не шевельнулся, и на мгновение ей показалось, что она совершила ужасную ошибку. Уинифред застыла. У него был гладкий подбородок и мягкие горячие губы. Чувствуя восторг пополам с ужасом, она уже хотела было отстраниться, но Дарлинг вдруг с силой стиснул ее и поцеловал в ответ.

Она задохнулась и обеими руками вцепилась в его мокрые кудри, пытаясь притянуть еще ближе к себе. Ливень напустился на них с новой силой. Ледяные потоки струились по спине, лицу, рукам, но кожа Дарлинга горела под ее прикосновениями. Вся страсть, которую они сдерживали и о силе которой даже не подозревали, обрушилась на них разом, и теперь Уинифред уже не представляла, что наступит момент, когда ей придется от него отстраниться.

Теодор приподнял ее и запрокинул голову. Она не чувствовала боли в ноге, не чувствовала самих ног. Весь ее мир сузился до грохота дождя, запаха гардений и мягких горьковатых губ Теодора.

– Прошу прощения, сэр...

Уинифред дернулась и отняла свое лицо от лица Дарлинга, тяжело дыша. Ей показалось, будто ее застали за каким-то преступлением – скорее всего, так оно и было. Но что бы ни произошло в ее жизни, она была уверена, что запомнит этот момент навсегда.

Она не смела взглянуть на Теодора, но шум его дыхания показался ей громче, чем раскаты молнии. Юноша продолжал прижимать ее к себе – так крепко, что сдавил ребра, – а она не убрала рук с его шеи.

Дворецкий, казалось, ничуть не смутился развернувшейся перед ним сценой.

– Господа примут вас, сэра. Прошу за мной. – Он с лязгом распахнул металлическую калитку и развернулся, сложив руки за спиной. – Я провожу вас в дом, а после позабочусь о лошадях.

– Благодарю, – хрипло ответил Дарлинг.

По его голосу Уинифред поняла, что он смотрит на нее, но не сумела поднять взгляд.

– Мистер Клэртон утром пошлет за врачом. К сожалению, разыгралась буря, и дорога небезопасна. Конечно, если врач не требуется миссис Дарлинг прямо сейчас...

– Что скажете, миссис Дарлинг? Продержитесь до утра? – негромко спросил Теодор.

Уинифред повернула голову, встречая его взгляд. Он смотрел на нее с невысказанной надеждой и с чувством, которому она не осмеливалась даже дать название.

– Продержусь, – так же тихо ответила она, сама не зная, что имеет в виду.

Глава 14

Камины и игры

Следуя за дворецким, Дарлинг внес Уинифред в холл. На мраморный узорчатый пол с их одежды капала вода, под ногами юноши начала образовываться грязная лужица.

– Подождите здесь, я позову господина Клэртона, – сказал дворецкий. Он даже не удосужился протереть от дождя стекла своего пенсне и, видимо, ориентировался в доме по памяти.

Он скрылся в гостиной. В холле было тихо, Уинифред слышала доносящиеся из комнаты голоса и звон посуды.

Теодор тихонько прочистил горло, явно намереваясь что-то сказать, но она не могла ему это позволить. Воспоминания об их поцелуе жгли ей щеки.

– Здесь два выхода, – прошептала она, чтобы отвлечь себя и заткнуть Теодора одновременно. – Главный и черный, под лестницей справа. Дом старый, комнаты на первом этаже, скорее всего, расположены анфиладой. Много прислуги. Самостоятельно ничего не предпринимайте.

Он не успел ответить. Из гостиной вышел мужчина, и Уинифред невольно вздрогнула. Мистер Уильям Клэртон как две капли воды походил на Уоррена – чуть моложе, но такого же массивного телосложения, с такой же рано седеющей головой и пронзительными глазами, выглядывающими из-под кустистых бровей. Не было никаких сомнений, что они братья, и этот факт придал Уинифред уверенности – по крайней мере, они на верном пути.

Мистер Клэртон не извинился за то, что заставил их ждать. Уинифред вообще сомневалась, что ему пришло в голову, что он проявил отсутствие такта. Он застыл, глядя на своих гостей с недоверием. Спohватившись, Дарлинг склонил голову:

– Добрый вечер, сэр. Нижайше прошу извинить за беспокойство, но мы с моей женой...

– Я все это уже слышал.

В его голосе, резком и грубом, тоже прослеживались интонации Уоррена. Уинифред похолодела.

– Уилсон, прикажите приготовить комнату для миссис...

– Дарлинг, сэр.

– Для миссис Дарлинг. – Клэртон презрительно скривился. – Прошу простить за неудобства, мы редко принимаем гостей. Мистер Дарлинг, позвольте пригласить вас отужинать со мной и моей супругой? Миссис Клэртон желает с вами познакомиться.

– Почту за честь, сэр. – Теодор прижал Уинифред к себе. – Где я могу...

Мистер Клэртон не дослушал. Он коротко поклонился Дарлингу, даже не взглянув на Уинифред, и вернулся в гостиную. Теодор беспомощно взглянул на дворецкого.

– Прошу за мной.

Уилсон провел их на второй этаж, немилосердно прибавив шаг на лестнице, и Дарлинг чуть не надорвался, отдуваясь за двоих. Наверное, уже жалеет, что не препоручил ее Томасу.

Хотя... вряд ли жалеет. Он сейчас на седьмом небе от счастья. Вопрос совсем в другом – что он предпримет? Уинифред понимала, что теперь он думает о ней как о доступной женщине – той, что не откажется от поцелуев и большего в свободное от работы время. Он не настолько умен, чтобы тотчас потерять к ней интерес, значит, захочет сделать ее своей любовницей. Ясно как день, что это изменит их рабочие отношения. Она станет вдвойне зависима от него.

Нет, становиться его любовницей Уинифред не собирается. Это тоже работа. Причем самая ненадежная работа на свете. За содержание и золотые брошки бедным девушкам перепадают крохи еще не растраченной привязанности и мнимая надежда на завтра. Положение Уинифред куда лучше: у нее будут деньги, а договор держит в узде не только ее, но и самого Дарлинга.

Она прикусила губу. После отказа он со временем забудет ее, так стоит ли отказывать? Он по уши в нее влюблен. Ей даже кажется, что она могла бы...

Нет. Уинифред могла заниматься чем угодно, но только не тешить себя пустыми надеждами. Пусть она и сумела вскружить ему голову, такой, как Теодор, – лощеный, благородный, вылизанный маменькой и папенькой с ног до головы – никогда и не подумает жениться на ней. Он идиот, но не настолько безмозглый, чтобы даже помыслить о таком чудовищном, нелепом мезальянсе.

Уинифред крепко зажмурилась. Нужно гнать мысли о Теодоре. Она совсем не готова к разговору. Вдобавок, они в доме семьи Уоррена! Нельзя терять ни минуты драгоценного времени.

Теодор внес ее в комнату. На втором этаже комнаты разделял коридор, что куда менее удобно, нежели анфилада, когда речь идет о незаметном передвижении. Эвелин оказалась совершенно права: гостевая комната редко использовалась по назначению. Везде ключьями лежала пыль, словно прислуга ленится как следует убирать вечно пустующее помещение.

Юноша уложил Уинифред на пыльную застеленную кровать, прямо на покрывало, и она едва подавила вздох отвращения. Ей не терпелось поскорее снять с себя липкое мокрое платье.

Вслед за ними в комнату впорхнули две горничные. У обеих каштановые волосы были заплетены в косы, уложенные набок, а вместо чепцов и фартуков они носили белые воротнички. Одна принесла таз с водой, настолько горячей, что клубился пар; другая держала в руках тряпки, полотенца и флакончик с нюхательной солью.

Неужели она выглядит настолько паршиво?

Тяжело дыша, Дарлинг присел на край кровати, явно испытывая облегчение. Бедный – сколько же он ее тащил!

– Господин Клэртон ждет вас к ужину, сэр, – напомнил дворецкий и, поклонившись, вышел.

Теодор смущенно улыбнулся горничным:

– Не оставьте нас с женой на минутку?

Девушки переглянулись и хихикнули. Видно, что они от него в восторге, но это почему-то не позабавило Уинифред, а взбесило.

Горничные вышли, оставив их вдвоем. Уинифред не спешила встречаться с Дарлингом взглядом. Она оглядела расписные обои в китайском стиле, узкие длинные окна, пыльный балдахин над кроватью. Осознав, что вновь осталась с Теодором наедине, она затрепетала, и от этого ей стало досадно.

– Уинифред, – нежно позвал юноша, и она нехотя посмотрела на него.

Теодор положил руку на покрывало, приглашающе раскрыв ладонь. Ей всегда нравились его изящные руки с длинными сильными пальцами, но сейчас почувствовала смущение, только взглянув на них.

Вздор. Полный вздор. Ей нужно немедленно взять себя в руки, иначе дело добром не кончится.

Было достаточно просто и в то же время невероятно сложно смотреть на Теодора с безразличием.

– Что? Вы не расслышали, что я сказала вам в холле?

– Расслышал. – Его вечно удивленно приподнятые брови сейчас выглядели почти жалобно. – Вы больше... ни о чем не хотели бы со мной поговорить?

– Неужели прямо сейчас?

– Так все-таки хотели?

Он просиял, и Уинифред выругалась про себя. Вот дурень! Да и она хороша...

– Можем и сейчас. В конце концов, ничего такого не произошло.

Она картинно передернула плечиками. С лица Дарлинга сползла улыбка, а у нее вдруг нестерпимо защипало в носу.

– Ничего... не произошло? – тупо повторил юноша.

Он перевернул руку на покрывале и стиснул пальцами ткань. Этот невинный жест выдал его с головой. Она снова разбивает ему сердце, но в этот раз Эвелин не на что досадовать – свое она тоже уничтожила в крошку. Разница в том, что живое, доброе, наивное, до краев полное любви сердце Дарлинга заживет и срастется, а вот ее собственное – вряд ли.

– Только не говорите, что это был ваш первый поцелуй. Мы просто поддались порыву. Давайте не будем смешивать личное с работой и просто... забудем об этом глупом инциденте?

Уинифред через силу усмехнулась. Вышло из рук вон плохо, и Дарлинг понял бы, что она лукавит, если бы не был так раздавлен. Она почему-то точно знала, что это его первый поцелуй.

Теодор, не отрываясь, смотрел на нее мутным взглядом, но вдруг моргнул и чуть нахмурился:

– Что это с вами?

Тон Дарлинга вызвал в ней искреннее недоумение: только что он был разбит, а сейчас просто озадачен? Не мог же он так быстро потерять к ней интерес?

– О чем вы?

Теодор подался вперед и коснулся ее лица. Пальцы были горячими.

– Если вам так уж все равно, почему вы плачете? – грустно спросил он.

Плачет? Что за вздор. Как она может...

Слезинка капнула с нижних ресниц, и Уинифред с удивлением осознала, что Дарлинг прав. Она действительно заплакала и даже не заметила этого – так отвыкла, что не смогла узнать подступившие слезы. Ей захотелось вдохнуть, но вместо этого из груди вышел рваный всхлип.

– Я... не плачу, – напустив в голос побольше яда, процедила Уинифред, хоть уже поняла, что отрицать бесполезно. Слезы заструились по щекам, закапали на и без того мокрое платье, и лицо Теодора вдруг расплылось и съехало куда-то влево. – Будьте добры, оставьте меня в покое и больше не...

Юноша обхватил ее за плечи и крепко прижал к себе. Его ладони несмело легли на ее лопатки, обжигая даже сквозь влажный бархат.

– Я думал, ты не умеешь плакать, – прошептал он, поглаживая ее по спине. Уинифред дернулась, но Теодор не отпускал ее. – Я счастлив, что ошибся. У тебя есть сердце, и это самое несчастное, израненное и живое сердце на свете.

Уинифред уткнулась носом в его плечо и зарыдала. Это было приятное, опустошающее чувство. Ей ничего не нужно было делать для того, чтобы слезы лились ручьем – возможно, впервые за последние десять лет. В руках Дарлинга она чувствовала себя отгороженной от всего мира щитом его доброты. Он гладил ее по рукам, по плечам, по голове, а она все плакала и не могла остановиться. Уинифред была почти уверена, что две назойливые горничные наверняка сейчас стоят под дверью и с интересом прислушиваются к ее сдавленным рыданиям, но ей было все равно. Ей не было дела до остального мира, пока Теодор держал ее в объятиях и позволял плакать в свое плечо.

Когда Уинифред наконец перестала всхлипывать, юноша бережно отодвинул ее от себя, держа за плечи. Он коснулся ее лица большим пальцем, чтобы вытереть слезы, но она упрямо отвернулась, и влага размазалась по щеке.

– Ну все, хватит, – хрипло пробормотала она. – Отпусти. Тебе пора.

На смену неожиданным слезам пришел стыд. Как она умудрилась потерять хваленое самообладание и поставить себя в такое неловкое положение? Как же, должно быть, комично это выглядело – каменное лицо, а глаза на мокром месте! Но больше, чем за сами слезы, Уинифред было стыдно за то, что они пролились без ее позволения. Но идиот Дарлинг, конечно же, этого не понял – ему просто радостно от того, что она чувствует столько же, сколько и любой другой человек. Будь обстоятельства иными, она бы оскорбилась от его плохо скрываемого торжества.

– Точно! Иду.

Теодор скинул на кровать сюртук, оставшись в желтом жилете с узором из райских птиц и слегка влажной рубашке, которая прилипла к его плечам, обрисовав контуры мышц. Пригладив пальцами волосы, он послал Уинифред очаровательную улыбку.

– Выясню, что смогу.

– Не сболтните лишнего. Молю, не задавайте наводящих вопросов и не пытайтесь намекать. Вы выдадите себя с головой, – угрюмо напомнила Уинифред, ковыряя пальцем покрывало. Если ей не удастся выбраться из поля зрения горничных и роль шпиона ляжет на Дарлинга – быть беде.

– Не буду, – пообещал он и ослабил узел галстука. – Как следует насладитесь вашими примочками и компрессами!

Она поджала губы, и Теодор со смехом вышел.

Из коридора донеслись женские голоса – как она и думала, горничные стояли под дверью. Даже не пытаясь этого скрывать, они тут же вошли, хихикая. Уинифред не стала вытирать следы от слез – пусть думают, что она тут корчилась от боли. Девушки, толкая друг друга локтями и улыбаясь, встали у кровати. Вид смятого сюртука Дарлинга в ногах у Уинифред вызвал у них новый взрыв беззвучного хохота. Что за дурочки! Неужели в доме Клэртонов так мало развлечений?

Молча переглядываясь, горничные переодели Уинифред в чистую ночную сорочку, расчесали ей волосы и растерли ногу. Это было даже приятно, но мучительное ожидание и собственная бесполезность ее изматывали. Уинифред волей-неволей поглядывала на дверь, гадая, как там держится Дарлинг.

– Мы можем что-нибудь еще для вас сделать, мэм? – тонким от смеха голосом поинтересовалась одна из девушек.

Уинифред раздражал их тон, но она прекрасно понимала, что чопорным высокомерием от смешливых горничных ничего не добьется. Приподнявшись, она распахнула глаза и доверительным тоном прошептала:

– Вы не могли бы налить мне немного бренди? Я после него отлично засыпаю!

Девушки переглянулись и снова глупо захихикали. Одна тайком толкнула другую плечом и ответила:

– Сожалею, мэм, но господа не держат в доме спиртного. – Она бросила взгляд на подругу, будто рассказывая шутку, понятную только им двоим. – Оно вредно для организма!

Вторая горничная прыснула, и Уинифред, состроив обиженную гримаску, откинулась на подушки.

– Какая жалость! Голова просто раскалывается! Неужели у вас не найдется ни капельки бренди?

Ничто так не могло расположить их к ней, как крошечная просьба и общая тайна. Припрятанное спиртное для этой цели весьма кстати.

Первая горничная сложила влажное полотенце и едва заметно кивнула второй.

– Мы попробуем что-нибудь отыскать для вас, мэм.

Какое облегчение! Уинифред просияла, и девушки снова прыснули.

– Правда? О, благодарю! Вы просто мои спасительницы!

Шепотом посоветовавшись, девушки ушли вниз, забрав все вещи, и вернулись с графином, до краев наполненным прозрачной жидкостью. Сердце Уинифред упало в пятки – ей не пришло в голову, что запертая в загородном доме прислуга станет баловаться самодельными настойками. Пить эту гадость она не собиралась. Горничные переглянулись, и та, у которой коса лежала на левом плече, вынула из кармана коньяк в небольшой бутылочке из коричневого стекла. Уинифред улыбнулась с совершенно искренним облегчением – по крайней мере, придется хлестать не домашнюю настойку, а разбавленный водой коньяк.

Подставив одной из девиц стакан, она обворожительно улыбнулась другой:

– Выпьете со мной за компанию?

Когда опьяневшие горничные захрапели – одна в кресле, другая в изножье кровати, – Уинифред осторожно выбралась из-под одеяла. Накинув на ночную сорочку пыльный бархатный халат, она вышла из комнаты.

От выпитого спиртного Уинифред слегка мутило. Пол охлаждал босые ноги – комнатных туфель ей не принесли, а собственные, на каблук, надевать точно не стоило. Закутавшись в теплый тяжелый халат, Уинифред юркнула на лестницу.

В холле первого этажа было темно, но слуги вряд ли спали – из дверного проема все еще лился теплый свет. Уинифред слышала голоса, но слов было не различить. Значит, они держат Дарлинг в гостиной – скорее всего, ужин плавно перетек в беседу за карточной игрой. Помещения для прислуги располагались на первом этаже, а обе горничные почивали в гостевой комнате. Пока Теодор развлекает хозяев, Уинифред сможет беспрепятственно осмотреть второй этаж.

Вернувшись в коридор, она попробовала двери. Все три, кроме гостевой, в которой расположилась она сама, были заперты на ключ. Уинифред вернулась в свою спальню за шпилькой, зубами выгнула крошечную отмычку и вскрыла замок в дальней комнате.

Пол в ней был холоднее, чем в коридоре. Она поежилась и поспешила ступить на пыльный персидский ковер. В стене располагался холодный камин, но кроме него и ковра, в большом помещении ничего не было. Уинифред повернулась, чтобы уйти из пустующей комнаты, но вдруг прямо у нее за спиной раздался приглушенный кашель.

Она замерла на месте, леденя от ужаса. Темно, хоть глаз выколи. Лондонские дома можно осмотреть благодаря уличному освещению, а здесь – темный парк и глушь на ближайшие мили. Конечно, она не заметила, что в углу...

– Роббер^[13], – произнес Дарлинг у нее за спиной, и Уинифред обернулась.

В углу никого не было, но взгляд ее упал на камин. Ну конечно! Должно быть, он соединен общей трубой с тем, который находился в гостиной. Звуки слышались так четко, будто Теодор стоял рядом с ней.

Сгорая от любопытства, Уинифред на цыпочках подобралась к камину и присела возле него. Внутри темнела маленькая

металлическая решетка, разделяющая трубу. Уинифред понимала, что разумнее было бы поскорее осмотреть остальные комнаты, но ничего не могла с собой поделать. Она пообещала себе, что задержится всего на минутку.

– Второй раз подряд! – пожаловался высокий женский голос. Несмотря на шутливость тона, в нем слышалась досада. – Мистер Дарлинг, вы просто прирожденный игрок!

– Пустяки. Мы с матерью частенько играли вдвоем в вист, – смущенно отозвался Теодор.

Уинифред едва подавила смешок. Он превосходно играет в карты, танцует, имеет образцовое воспитание и образование – и все равно не отличается умом, бедняжка.

– О конечно, Хелен! Мы читали о кончине ваших родителей в газетах. Примите наши соболезнования. Это все, конечно, просто ужасно. Должно быть, вы просто безутешны! Потерять обоих родителей, и в столь короткий срок!

Уинифред, поднявшаяся было, чтобы уйти, вновь присела. Пустой светский разговор приобретал интересный оборот – о семье Дарлинга она до сих пор знает неприлично мало. Конечно, лучше было бы узнать все от него самого, но если он не желает с ней делиться, почему не подслушать?

– Да... Это ужасно.

Теодор сделал паузу, и Уинифред почти увидела написанное на его лице беспомощное отчаяние.

– Прошу простить мою супругу, – сухо вмешался мистер Клэртон. – Судя по всему, она изголодалась по светским сплетням.

Его укол бы призван заткнуть миссис Клэртон – к разочарованию не только ее самой, но и Уинифред. Но Дарлинг поспешно возразил:

– Все в порядке, сэръ. Я с удовольствием удовлетворю любопытство вашей супруги... насколько смогу.

Кажется, миссис Клэртон осталась довольна таким исходом – на Теодора тут же посыпались вопросы:

– Но у вас же осталась сестра, так ведь? Кэтрин? Я была знакома с ней в свой первый сезон в Лондоне. Отчего вы не перевезете ее в столицу?

Уинифред зажала ладонью рот, чтобы не ахнуть. Значит, его сестра все еще жива? Но почему же тогда ее портрет оказался спрятан

в Большом кабинете?

– Кэтрин... не любит город, – неохотно ответил Дарлинг. – Переехав в Лондон после смерти родителей, я ожидал, что она захочет приехать ко мне, но... она ответила твердым отказом. По ее словам, там слишком много тяжелых воспоминаний.

– Ах да. – Голос миссис Клэртон смягчился. – Конечно, понимаю. Дело в Генри?

Генри? Из писем в комнате с роялем Уинифред поняла, что Генри Дарлингом звали отца Теодора. Но если речь и правда идет о нем, почему миссис Клэртон позволяет себе так фамильярничать?

Теодор замолчал и ответил почти удивленно:

– Да, в Генри.

Значит, речь не об отце.

– Вы удивлены? Весь город только о том и судачил, когда Кэтрин, не дождавшись конца сезона, вдруг уехала в семейное поместье. А чуть позже стало известно о смерти Генри, вашего брата, и все стало ясно. В тот год, кажется, всюду бушевала холера?

Значит, Генри Дарлинг – брат Теодора, погибший в то же время, когда из Лондона уехала Кэтрин. Выходит, когда родился Теодор, ни его брата, ни сестры не было в городе – один умер от болезни, другая спасалась от нее в хартфордширской глуши.

Уинифред вдруг вспомнила, как в карете Дарлинг расспрашивал ее о братьях и сестрах. Она так упивалась собственным горем, что и не подумала спросить о *его* родственниках! А ведь он, наверное, рассказал бы ей, это был такой простой, прямой вопрос! И когда же она успела так отупеть?

Сердясь на саму себя, она поднялась, чтобы поскорее осмотреть остальные комнаты. Уже столько раз она из-за собственных желаний мешала ходу работы! Пора положить этому конец.

Когда Уинифред уже схватилась за ручку, до нее донесся горький смешок Дарлинга:

– Вы правы, мэм. Кажется, от света ничего не утаишь.

Не желая больше слушать, она выскользнула в коридор и заперла дверь. Со шпильки по бокам соскоблилась позолота, и Уинифред от злости едва не швырнула искореженное украшение в окно.

Сколько информации она упустила из-за скрытности Дарлинга, а сколько – по собственной глупости! При одной мысли о том, что

вместо подслушивания она могла просто спросить его о братьях и сестрах, ее разбирала досада. Конечно, он мог и не сказать правды, но она бы, по крайней мере, *попыталась*.

Кажется, в чем-то Уоррен прав – чувства действительно мешают мыслить трезво. Больше она подобной ошибки не допустит.

Сосредоточившись, Уинифред вскрыла замок следующей комнаты, напротив той, в которой только что побывала. Она оказалась полной противоположностью предыдущей. Здесь было натоплено до духоты, хотя на дворе стоял июнь. В камине тлели головешки, окна занавешивали плотные тяжелые шторы. Она огляделась. В темном углу, за книжной полкой, располагалась кровать с балдахинном – совсем такая же, как в гостевой комнате, пыльная и старомодная. На чистом деревянном столе стоял огарок свечи. Уинифред зажгла его и обошла комнату. Само ее существование привело ее в тупик: почему в пустой, пыльной, запертой на ключ комнате прислуга следит за камином, а в других – нет?

Возможно, это комната горничных. Но почему тогда здесь только одна кровать? Впрочем, прислуга могла собираться здесь тайком от хозяев, чтобы обменяться сплетнями, выпить или сыграть в карты. Одинокий, полупустой, старомодный дом мистер Клэртон держит в железных тисках – что еще им остается делать?

Уинифред удовлетворилась таким объяснением и подошла к книжной полке. Названия были ей незнакомы, здесь хранилось много трудов на латыни и другом языке с непонятными символами. Уинифред невольно поискала глазами «Сон в летнюю ночь», но пьес тут, кажется, не было.

Потеряв интерес к книгам, Уинифред обошла стол и выглянула в окно, отодвинув штору. Парк при усадьбе покрывал густой туман, который появляется после дождя, но до плотного серого лондонского смога ему было далеко. Тучи рассеялись, и в лунном свете были различимы верхушки деревьев, белые гравийные дорожки, черные, напоенные водой лужайки и цветочные клумбы.

Позади Уинифред снова кашлянули. Похоже, камин с этой стороны соединялся с парным ему на первом этаже. Если мистер Клэртон оказался в другом конце комнаты, вероятно, их с Теодором беседа закончилась. Нужно поскорее возвращаться в спальню.

Уинифред опустила штору, но взгляд ее нечаянно зацепился за раму на стене. Она поднесла к ней догорающую свечу и чуть не выронила подсвечник. На портрете был изображен благородного вида молодой человек лет двадцати. Жесткие прямые волосы были по старой моде зачесаны назад, на манишке блестела сапфировая брошь. Не очень красивое лицо делало еще менее привлекательным надменное, недовольное выражение. На лбу наметились складки, которые через десять-пятнадцать лет станут морщинами. Это был молодой мистер Уоррен. Художник сделал его глаза больше, а губы и нос меньше. А может, он так и выглядел двадцать пять лет назад. Но сомнений не было – на картине изображен человек, воспитавший ее.

Других портретов на стене не было. Уинифред поднесла огонь к нижней раме, но не нашла подписи художника. Тогда она сняла картину со стены и положила на стол лицом вниз. На обратной стороне холста мелкими буквами значилось: «Уоррен Р. Клэртон, 1834».

Значит, из дома его вышвырнули после 1834 года. Но когда именно? Даже если портрет был сделан в тот же год, выходит, что Уоррену было по меньшей мере двадцать лет.

Уинифред знала его как мистера Роберта Уоррена. Он сделал фамильным свое собственное имя – жест настолько же глупый, насколько и претенциозный. Не исключено, что Дейли узнал его как раз по имени.

За спиной снова послышался кашель, и Уинифред решила, что теперь точно пора идти. Она повесила картину, пальцами затушила свечу и на цыпочках направилась к двери, но ее остановил тихий, скрипучий голос, слишком чистый, чтобы доноситься из дымохода:

– Какая ты интересная птичка. Совсем не прячешься и не таишься. Покашлял, чтобы тебя спугнуть, а тебе вроде все равно. Кто ты?

Уинифред затошнило от страха. Вот ведь идиотка! Она вдруг вспомнила, что не проверила кровать, прежде чем войти в комнату, и ей захотелось отхлестать себя по щекам. Но вместо этого она вонзила ногти в ладони, ощутила привычную ясную боль и спокойно поинтересовалась у кровати с задвинутым балдахином:

– С чего бы мне вас таиться? Вы же заперты в собственном доме, мистер Клэртон. Не думаю, что вам так уж здесь доверяют.

Имя она произнесла наугад – старик с такой же вероятностью мог оказаться не отцом семейства, а пьяным слугой. Но, к облегчению Уинифред, он рассмеялся, и она поняла, что угадала.

– Хитрая маленькая птичка! Умница. Кто ты?

– Не ваше дело, – уверенно отрезала Уинифред, хотя у самой поджилки тряслись. Если старик расскажет, что она была здесь, и ему поверят – им с Дарлингом конец. – Доброй ночи, сэр.

– Стой! – Отец Уоррена сорвался на визгливый шепот, и Уинифред застыла, слушая его частое взволнованное дыхание. – Хорошо, не говори. Только побудь здесь еще немного. Поговори со мной.

– Вижу, вы испытываете острый недостаток собеседников? – осведомилась Уинифред, нетерпеливо поглядывая на дверь. У нее нет ночи в запасе на разговоры со старым сумасшедшим.

– Думаешь, со мной кто-нибудь разговаривает? – Старик зашелся в смехе, превратившемся в надрывный грудной кашель. – С тех пор как болезнь приковала меня к кровати, я остался совсем один. Младший сын и невестка не заходят ко мне, даже чтобы поздравить с Рождеством, внук едва ли помнит о моем существовании, и даже прислуга...

Он снова закашлялся, и Уинифред охватило отвращение пополам с жалостью к этому одинокому, парализованному, немощному старику. Но вслух она сказала совсем другое:

– И что же, мне вас пожалеть? Увольте. Вы выгнали из дома собственного сына. Вам воздается Божья кара.

Это снова был удар вслепую, но времени у нее нет, а из мистера Клэртона нужно выудить все.

– Выгнал? Кто же вам такое сказал? Уильям?

– Нет, его жена, – без запинки соврала Уинифред. – Она все мне рассказала. Бедный Уоррен...

– Моя невестка – клуша, каких поискать. Бедный Уоррен сбежал из дома, прихватив все ценные бумаги, какие только плохо лежали, – спокойно возразил старик. – Я искал его по всему Лондону, пока болезнь не сковала меня окончательно. Думал, ему наскучила деревенская жизнь, он прокутит родительские деньги и вернется... Но он не вернулся. – Мистер Клэртон хмыкнул, будто удивляясь собственной наивности. – Я даже не знаю, жив он или мертв. Может,

укатил в Европу и живет себе припеваючи, а может, его в первый же день прирезали и бросили в переулке.

Ни то ни другое. Мистер Клэртон мог хоть десять лет проторчать в столице, но не нашел бы сына – просто потому, что искал бы совсем не там.

– Вот как. По-вашему, миссис Клэртон мне солгала? – холодно поинтересовалась Уинифред, уже сжимая дверную ручку. Может, старик и не совсем сумасшедший, но явно не в своем уме.

– Солгала... Ложь ли это, если человек полагает, что говорит чистую правду? Лжет он или же просто ошибается в силу ограниченности собственного ума?

– Она не говорила мне ни о каких бумагах.

– Она понятия ни о чем не имеет! – гаркнул мистер Клэртон и закашлялся от собственного вскрика. Уинифред в испуге нажала на ручку. – Стой! – Он понизил голос. – Не уходи. Уильям не сказал ей всего. Думаю, ему стыдно за брата. Глупая женщина додумала сама, просто потому, что боится меня из своей тупой, наивной ограниченности. Уоррен готовился к побегу. Бумаги как раз были в доме в месяц расчета. Не все, но их значительная часть. – Он замолчал и заговорил еще тише: – Знаешь, я его не виню. И Уильяма не виню. Я никудышный отец. Я... очень жестокий отец. Ты права, я заслужил все это. Я заслужил воздаяние за свои грехи.

Слушать его исповедь Уинифред не собиралась, поэтому попрощалась:

– Доброй ночи, сэр.

– Доброй ночи, птичка, – ответил ей старик. В этот раз он отреагировал спокойнее. Видимо, все, чего он хотел, – это чтобы его выслушали. – Дам тебе совет: не связывайся с людьми, которым нужны только деньги. Только их они и ценят.

«Тут ты неправ», – подумала Уинифред и содрогнулась, ступив из натопленной комнаты в холодный коридор. Деньги ценят только те, у кого больше ничего нет.

* * *

Уинифред проворочалась в кровати всю ночь, изнывая от беспокойства, и задремала только под утро. Ей не давали покоя мысли об отце Уоррена. Что, если он все-таки выдаст ее? Что, если Клэртоны поверят наполовину спятившему старику?

Вздвогнув, она проснулась и обнаружила, что во сне сбила ногами простыню. Смешливых горничных Бетси и Милли в комнате не было, кувшин с водой тоже пропал. Уинифред села в измятой постели и бросила взгляд на изножье, где вчера Дарлинг оставил свой сюртук. Там было пусто.

Он приходил ночью?

Щеки вспыхнули жаром. Нужно спросить об этом горничных. И где ночевал Теодор? Уж точно не здесь. Он на ее щиколотку в одном чулке не может взглянуть без содрогания, а уж провести ночь в одной комнате с ней, пусть даже и в кресле...

Уинифред откинула одеяло и села, свесив с кровати ноги. Высокие узкие окна запотели, сада не было видно, но небо из черного превратилось в светло-серое, точно кто-то стер тучи с небосвода мокрой тряпкой.

Старомодный узкий ворот ночной сорочки неприятно впился ей в горло. Уинифред поморщилась и сменила ее на платье. Горничные почистили его и высушили, но ткань потеряла дорогой вид. Рядом с платьем она нашла и сюртук Дарлинга.

Когда Уинифред заплетала волосы и размышляла, куда же пропал обладатель сюртука (у нее было предчувствие, что он занимается какой-нибудь глупостью вроде собирания улиток в саду), в дверь постучали. Уинифред небрежно бросила:

– Войдите.

– Доброе утро! Вы же... Вы же одеты? – робко послышалось из-за двери.

– Разумеется, я одета! Иначе зачем бы я разрешила вам войти? – сварливо ответила она Теодору, доплетая косу на затылке.

Ей не хотелось себе в этом признаваться, но при звуке его голоса она испытала ненужный и раздражающий ее прилив радости. Прошлой ночью она твердо решила, что никакие чувства не должны мешать работе.

– Да, верно... – Он ненадолго замолчал. – Так я все-таки войду?

– Я же сказала вам войти, черт побери!

Дарлинг быстро открыл дверь и шмыгнул внутрь. Он был все в тех же рубашке и жилете, но теперь изрядно измятых, и даже не расчесал спросонья волосы. Что ж, он хотя бы спал, а не собирал в саду жаб и не просидел ночь напролет на коврике под ее дверью.

Неловко улыбнувшись, он встал рядом с Уинифред, не решаясь присесть рядом с ней на кровать.

– Доброе утро, – повторил он.

– Да-да. Нам нужно поскорее убираться отсюда. Расскажем друг другу по дороге все, что узнали.

– Ах... Как скажете... Вообще-то, нас пригласили на завтрак. Миссис Клэртон весьма радушная хозяйка и, кажется, сильно истосковалась по обществу. Не могу того же сказать о ее супруге – мне кажется, он гостям вовсе не рад. – Лицо Теодора вдруг просветлело. – Я встретился с их сыном, он просто очаровательный малыш! Его зовут Бобби, и он...

– Это все просто замечательно, но мы правда не можем задерживаться, – настойчиво возразила Уинифред. – Я все расскажу вам по дороге, обещаю. Доверьтесь мне.

Она хотела упомянуть нависшую над ними опасность в виде мистера Клэртона-старшего, но их могли подслушивать назойливые горничные.

Нежная улыбка сползла с лица юноши, и оно стало серьезным. Должно быть, его убедил ее настойчивый, почти просительный тон.

– Конечно, если вы считаете, что так будет лучше, мы немедленно уедем.

Теодор огляделся в поисках своего сюртука, но Уинифред уже подавала его юноше, даже не опасаясь показаться чрезмерно услужливой – настолько сильно ей хотелось поскорее покинуть дом Клэртонов.

– О, благодарю вас... Уинифред?

– Да?

– Вы знаете, в саду после вчерашнего дождя удивительно много улиток!

Глава 15

Проценты и истории

Тем же утром они уехали, не оставшись на завтрак и отказавшись от врача – Уинифред заверила хозяев, что нога уже почти не болит, и рассыпалась перед ними в благодарностях за предоставленный ночлег. Дарлинг совершенно очаровал миссис Клэртон. Та упаковала им провизию в дорогу и наверняка пригласила бы юную чету погостить, если бы не суровое многозначительное молчание мужа. Маленький Бобби, такой же рыжий, как мать, молча жался к ее ноге и не спускал с Теодора по-детски внимательного взгляда. Дарлинг, обожающий детей ввиду собственной очевидной незрелости, глядел на мальчика с грустной нежностью.

Когда они садились в экипаж, Уинифред сделала вид, что на ногу все еще больно наступать – отчасти потому, что миссис Клэртон жадно следила за ними из окна гостиной, отчасти для того, чтобы Теодор помог ей забраться внутрь. Именно такое влияние пагубные привычки имеют на людей: раз почувствовав его робкие прикосновения, его сильные нежные руки на своей талии, ей хотелось *еще*. Уинифред чувствовала себя безмерно жалкой от того, что испытывала подобную нужду.

Как только экипаж, управляемый зевающим Томасом, тронулся, Дарлинг принялся болтать без умолку обо всем подряд: о вчерашнем ужине с Клэртонами, о малыше Бобби и пресловутых садовых улитках. Уинифред слушала его угрюмо, но внимательно, жуя булочку, добытую из корзины, подаренной миссис Клэртон. У нее не было маковой росинки во рту со вчерашнего завтрака, и хоть с чувством голода она привыкла справляться, наконец-то поесть было приятно.

– Мистер Клэртон – ужасный зануда, ей-богу! Поверьте, вы бы тоже так сказали, если бы перекинулись с ним хоть парой слов! От него я совсем ничего не услышал, кроме ворчания на плута-управляющего. Зато миссис Клэртон... Уинифред, вы слушаете?

Уинифред выдавила нечто нечленораздельное, но утвердительное.

– Миссис Клэртон замечательная женщина, очень приятная в общении. Правда, возможно, иногда чересчур назойливая, но, думаю,

этот недуг свойственен многим людям, изнывающим от тоски по обществу. Они с мистером Клэртоном никуда не выезжали с самого медового месяца, представляете?

Уинифред молча дала понять, что представить себе такой ужас не может.

– Их сыну четыре года, и он очень хрупкий мальчик. Мучается кашлем с самого детства... Так ужасно! Несчастный малыш!

Уинифред наконец доела булку и фыркнула:

– Надо же, вы такой чувствительный.

– Я? А не вы ли разрыдались у меня на плече прошлым вечером? – смеясь, возразил Дарлинг.

Уинифред сузила глаза.

– Никогда больше не вспоминайте об этом, ясно вам? Скажете хоть единой живой душе – я убью вас. Даю слово.

Дарлинг продолжал улыбаться, но теперь как-то испуганно.

– Разумеется, я нем как рыба... О, вот еще что: сегодня утром в саду...

Уинифред закатила глаза, готовясь в очередной раз выслушать об улитках.

– ...я набрел на семейное кладбище. У них трое деток отдали душу Богу в младенчестве, представляете? Какое это, должно быть, горе! Поэтому, наверное, мистер Клэртон так ценит деревенское уединение – страшно представить, какое пагубное влияние оказал бы на милого Бобби городской воздух! И могила матери мистера Клэртона там тоже есть. Если я правильно подсчитал, она умерла во вторых родах. Ужасно, правда, Уинифред? А вот могилы его отца я так и не нашел. Довольно странно. Может, он похоронен в другом месте, как вы считаете?

Уинифред сглотнула.

– Его не похоронили.

– Как? Неужто развеяли пепел?

– Он еще жив, Теодор. Я с ним говорила.

Дарлинг ошеломленно выпрямился, и Уинифред торопливо добавила:

– Он также является причиной, по которой нам так скоро пришлось покинуть Клэртонов. Дело в том...

– Почему же вы мне раньше не сказали? – с обреченностью (несколько излишней, по мнению Уинифред) произнес он. – Я... не знал, что он жив... Я бы с ним поговорил.

– Его разбил паралич. Он заперт в собственной комнате и, по моему, сошел с ума – непонятно, от старости или от одиночества. Из него я смогла вытянуть только то, что Уоррен сбежал по собственной воле, в этом вы были правы, а также прикарманил порядочную часть состояния.

Теодору, казалось, было все равно, что он оказался прав, хотя Уинифред поступилась немалой гордостью, признав это. Он смотрел куда-то в окно, озадаченно моргая, будто пытаюсь осознать смысл ее слов.

– Значит, вы беседовали с ним? – произнес он наконец. – И что же? Он говорил что-нибудь о сыне?

– Только то, что жалеет о том, как обращался с ним и с его братом... Послушайте, какая разница? Он всего лишь сумасшедший старик, получивший свое. Не расстраивайтесь, что вам не удалось с ним побеседовать – поверьте, жалеть не о чем. Расскажите лучше, что узнали *вы*.

– Да... да.

Теодор нацепил на себя жизнерадостную маску, которую ей теперь не составляло труда отличить от его настоящей улыбки. От мысли, что он считает необходимым притворяться, лишь бы не расстраивать ее, Уинифред стало дурно.

– Я почти ничего нового не узнал, если честно, вы уж простите меня, Уинифред. Оказалось, что миссис Клэртон знает немного о моей семье, с которой познакомилась во время своего первого сезона в Лондоне. Но, кажется, новости из столицы ей получать особо не от кого, а уж сообщать о них – тем более некому. О мистере Уоррене они не заговаривали, а я не подобрал момент, чтобы спросить о нем, не навлекая подозрения.

Уинифред с удивлением осознала, что рассуждает Дарлинг довольно трезво. Он не пытался прыгнуть выше головы и довольствовался теми крупицами знаний, которые Клэртоны оставили ему, сами того не ведая. Может, на нем сказывалось влияние Уинифред, а может, он и в самом деле не такой уж идиот.

Прежде она не решалась задать ему этот вопрос, но теперь ей показалось, что она имеет на это право. Понадеявшись на его новообетенную рассудительность, Уинифред небрежно поинтересовалась:

– А что именно миссис Клэртон знает о вашей семье?

Теодор, кажется, понял, что она пытается сказать. «*Теперь ведь ты мне доверяешь? Что ты готов рассказать мне сейчас?*» К разочарованию Уинифред, он смутился и отвернулся.

– Всякие светские сплетни. Ничего такого.

Значит, он все еще ей не доверяет. Несмотря на все, через что они прошли вместе, несмотря на их *близость*, он все еще не доверяет ей настолько, чтобы рассказать о том, что свободно обсуждает с чужими людьми. У нее пропал аппетит, и она бросила вторую булочку обратно в корзинку.

– Что ж... Ясно, – язвительно ответила она, невольно изливая на Дарлинга свой гнев. – Простите, что спросила. Больше этого не повторится.

Юноша хотел ответить что-то, но передумал и молча посмотрел на нее с непонятной просьбой в глазах – Уинифред не могла и не хотела расшифровать ее. Она надулась и уставилась в окно.

Мимо проплывали однообразные блеклые мутные пейзажи начала холодного английского лета, так непохожие на любимый ею Лондон – светло-зеленые равнины с фиолетовыми вкраплениями вереска, тяжелые мрачные облака, придавившие к земле деревушки и городки. Стая птиц изгибалась в небе, как подхваченная ветром вуаль.

Остаток пути они проделали в молчании.

* * *

По прибытии в город Уинифред сообщила Дарлингу, что направляется в «Рассвет». Гнев на него немного поутих, но ей нужно было показаться у Уоррена, поэтому из офиса она уехала без сожалений. Теодор выглядел удрученным, но она вежливо попрощалась с ним, давая понять, что не держит зла.

В своей старой комнате она собрала скудные остатки вещей, так или иначе попавших ей в руки за десять лет: порванные чулки,

которые она вечно собиралась починить; испачканные поношенные перчатки; старую шаль с бахромой; бесчисленные ключи и отмычки, которые она собрала в связки, но давно забыла, какой из них какую дверь отпирает. Это была комната без зеркал, почти без света, но полная воспоминаний. Мысль, что она наконец покидает ее, вызвала в Уинифред и страх перед неизвестным, и восторг перед предстоящим.

Скидывая в саквояж остатки прошлой жизни, она размышляла, что же ей делать дальше. Мистер Уоррен не ждет ее сегодня, а если бы она просто заявила к нему в кабинет, не было бы это чересчур? В конце концов, Уинифред решила через секретаря передать ему записку с новым адресом – мистер Уоррен одобрит, что она не отвлекает его по пустякам, но помнит данное обещание. Накорябав на клочке бумаги адрес по другую сторону Лестер-сквера (она заприметила старый кирпичный дом еще по дороге в «Рассвет»), Уинифред излила благодарности, свернула записку и вышла из комнаты.

Кабинет мистера Холбрука находился почти у самого входа: неприметная, скромная дверь посреди буйства красок и безвкусицы интерьерера. Такая же блеклая и простая, как и внешность ее обладателя – Уинифред нисколько не обманывалась насчет секретаря Уоррена. Она постучала и расслабила мышцы лица, чтобы чуть опустились веки – этот трюк прибавлял ей возраст, а лицу придавал высокомерное выражение. Перед Холбруком она привыкла играть благодетельную чопорную особу, которая сама не ведает, как ее занесло в это отринутое Богом место.

Дверь распахнулась, и секретарь молча встал на пороге, не приглашая войти. Бесцветные глаза за стеклами очков смерили Уинифред равнодушным, как у рыбы, взглядом.

– Добрый день, мистер Холбрук. Передайте это, пожалуйста, господину Уоррену.

Секретарь взял записку. Пальцы у него были как у мертвеца – кости, обтянутые сероватой кожей. Не ожидая ответа, она чуть склонила голову, прощаясь, но Холбрук вдруг спросил:

– Отчего вы сами не передадите?

Уинифред застыла. Он редко заговаривал с ней, но голос был ей знаком: мягкий приятный тембр, совсем не вяжущийся с его холодной рыбьей внешностью.

– Разве он сейчас не в Сити? – не поворачивая головы, едко поинтересовалась она, давая понять, что ее раздражают пустые расспросы. – Сегодня четверг. Он всегда в Сити по четвергам.

– Сегодня пятница, мисс Бейл.

Черт. Уинифред по лопаткам пробрал холод, но она обернулась, не давая дрогнуть ни единой мышце на лице.

– Вот как? В таком случае я сама к нему зайду. Верните мне записку, будьте добры.

Она протянула ладонь, но Холбрук сжал клочок бумаги в кулаке. В бесстрастности выражения он мог бы посоперничать с самой Уинифред.

– Не беспокойтесь, я передам. Мистер Уоррен и правда сейчас в Сити – уехал по неотложному делу.

Мерзкий червь! Неужто проверял ее? Гнусный противный таракан, отвратительный...

– Благодарю вас, до свидания, – сухо ответила она.

Холбрук, не прощаясь, закрыл дверь.

Чтобы выпустить пар, она свернула на лестничную площадку и несколько раз хорошенько пнула ногой деревянные балясины. Если бы она и дальше продолжала копить гнев, ее ладони превратились бы уже в кровавое месиво.

Уинифред решила выйти через черный ход – ей вовсе не хотелось примазываться к сомнительной известности «Рассвета». Спустившись, она обогнула дом... и тут же юркнула обратно за угол.

Перед главным входом стоял Стеллан Акли. Она затаила дыхание – похоже, юноша ждет именно ее. Он крутил на пальце часы на цепочке, насвистывал модную песенку и перекатывался с пятки на носок, карикатурно изнывая от нетерпения.

Черт бы его побрал! Уинифред развернулась, чтобы обойти дом по другой дороге, но хлопнула дверь, и она быстро присела, делая вид, что шнурует туфлю. Шаги прогрохотали по лестнице, и голос учтиво поздоровался:

– Добрый день, мисс Бейл.

Она узнала Боуди, их вышибалу, и не стала поднимать голову.

– Добрый день. Что вы здесь делаете?

Боуди в явном замешательстве переступил с ноги на ногу. Раньше Уинифред не удостаивала интересом его персону, но сейчас ей нужно

было отвлечь его от Стеллана – один черт знает, что тот ему наговорит.

– У входа какой-то фронт ошивается, – прогнусавил Боуди, и она выругалась про себя. Раз он уже в курсе, ничего не поделаешь. – Пойду спрошу, что ему нужно. Простите, мисс.

– Тогда иди, – бесцветно уронила она и вновь усердно занялась шнуровкой.

Что Стеллану нужно? Как он нашел «Рассвет»?

Уинифред снова встала за углом – отсюда была видна вся улица, но ее саму скрывала тень сливового дерева. Она наблюдала, как Боуди подходит к юноше и коротко кланяется ему.

– Добрый день, сэ. Вы, стало быть, в «Рассвет»?

– Нет! – жизнерадостно откликнулся Стеллан. – Я жду свою знакомую.

– Может быть, хотите подождать ее внутри? – учтиво поинтересовался он.

– Ну уж нет, меня потом оттуда клещами не вытащишь, – развязно отозвался юноша. Уинифред покраснела бы, если бы не испытывала к Стеллану глубочайшего презрения. – К тому же она должна скоро выйти.

Боуди замялся. Дома терпимости в городе не жаловали, и молодой человек приличного вида, слоняющийся без дела возле случайного дома в Сохо, мог вызвать немало вопросов.

– А кого именно вы ждете, сэ? – поинтересовался вышибала. – Возможно, я могу ее позвать?

Уинифред затаила дыхание и закусилась щеки, чтобы не выдать себя гневным вскриком. Стеллан криво ухмыльнулся. Она прекрасно знала, что за этой ухмылкой последует очередная гадость, и на этот раз она будет нацелена на нее. Ей было все равно на инсинуации этого мерзавца, но вот то, что он может ее выдать, причиняло ей настоящее беспокойство.

– О, с удовольствием! Правда, настоящего имени я не припомню...

Уинифред опустила голову от облегчения.

– ...но она *красавица*. Очень светлая блондинка, синеглазая, с таким, знаете, очень выразительным ротиком. Что еще?.. Ах да, *фигура!* У нее такие...

– Я, кажется, знаю вашу... подругу, – прервал его Боуди, когда Стеллан принялся жестикулировать, чтобы описать ее *фигуру*. – Вы же о Розе, верно? Мисс Роуз Спрингс?

Стеллан сделал вид, будто глубоко задумался.

– Розе? Не уверен. У нее такое имя... знаете, несуразное. Уинслет? Нет, погодите... Вильгельмина?

Другого выхода у нее не оставалось – придется с ним встретиться, иначе он попросту выдаст ее. Уинифред вышла из-за угла, сжимая в руках саквояж, и смерила Стеллана ледяным взглядом, у которого может быть только одно значение: *«Продолжишь в том же духе – я тебя прикончу»*.

Юноша сразу ее заметил и расплылся в улыбке. Он перевел взгляд на Боуди и сообщил ему, доверительно положив руки на плечи:

– Дружище, кажется, вспомнил – и правда Розе! Мне она назвалась Розамундой, вот откуда вся неразбериха! Ну, раз она не та, за кого себя выдает, то и встречаться с ней нет смысла. Загляну к вам другой раз! – Притворившись, что смахивает пыль с плеч вышибалы, он подмигнул Уинифред. – Передайте обманщице, чтобы впредь называлась собственным именем!

Насвистывая, он свернул в проулок, даже не обернувшись, чтобы убедиться, что Уинифред следует за ним. Разъяренная, она обогнула «Рассвет», чтобы не встречаться с ошеломленным Боуди, перебежала дорогу и нырнула следом.

Стеллан ждал ее, прислонившись к стене. Увидев Уинифред, он усмехнулся и склонил голову набок, волосы упали ему на лицо.

– Ого! Добрый день, мисс Бейл! А вы здесь какими судьбами?

Уинифред бросила саквояж на землю, подлетела к юноше и стиснула его воротник в кулаке. Край рубашки впился ему в шею.

– Что вы, черт возьми, творите? – прошипела она.

Стеллана, казалось, ничуть не обеспокоило его ставшее уязвимым положение.

– Я пришел к Розе... Розалинде? Розамунде? Вот черт, забыл. – Он покаянно свесил голову, но глаза его сверкали смехом. – А вы как тут очутились? Неужели Тедди отпускает вас в такие грязные места?

Она коротко, но сильно встряхнула его, и Стеллан перестал улыбаться. На его лице мелькнуло раздражение, но он по-прежнему не делал попыток высвободиться.

– Хватит нести чушь, – отрезала она. – Мистера Дарлинга здесь нет, и выделываться вам не перед кем. Зачем вы пришли ко мне? Хотели выдать?

– Помилуйте! Зачем мне это? Не я ли предлагал вам помощь? – возразил он. – Я хотел узнать, что вы надумали касательно моего предложения, раз вы теперь заправляете и делами Тедди, и им самим. А вы меня держите за горло! Или вас учили так обращаться с мужчинами?

Уинифред отдернула руку, сузив глаза и мысленно взвешивая, стоит ли отвесить ему пощечину. Стеллан растирал покрасневшее горло, глядя на нее с любопытством и странной жадностью.

– Я не «заправляю» мистером Дарлингом, как вам угодно было выразиться, – возразила она и шагнула назад. – Если у вас есть что обсудить, будьте добры, обращайтесь к моему нанимателю.

– Да бросьте. – Стеллан ступил вперед, вновь сокращая расстояние между ними. – И вам, и мне прекрасно известно, что сообразительность нашего общего знакомого уступает его злопамятности. Вы его мозг и обе руки. Давайте начистоту...

Так он, значит, воображает, что Уинифред пользуется Теодором и в случае чего легко переметнется на сторону победителя? Что ж, тем хуже для Стеллана.

– Значит, начистоту. Вы и правда представляетесь мне ценным союзником, мистер Акли. Что вы хотите взамен?

– Двадцать пять процентов.

– Прошу прощения?

– Прощение даровано. Я говорю, двадцать пять процентов.

– От чего? – ледяным тоном поинтересовалась она.

– От вашей выручки с этого мероприятия, естественно! Что вы как дитя малое, мисс Бейл? Мы вместе распилим бизнес мистера Уоррена, а от того, что окажется в наших руках, я прошу лишь четверть. Остальное достанется Тедди, Эви и вам.

– Так вам нужны деньги? – переспросила Уинифред и подпустила в голос смешок.

– Ну да. А вам требуется что-то другое? Ах вы плутовка!

Он снова потянулся к ней, ухмыляясь, и в тот же миг она снова сделала шаг назад.

– Десять процентов, – равнодушно обронила она.

Стеллан застыл.

– Десять? Это ничтожно мало!

– Вовсе нет. Большую часть дела мы сделали. Вы будете лишь нашим пособником, но не жизненно необходимым членом команды. Значит, равной доли вы уже не заслуживаете. Я бы оценила ваш вклад на... процентов на четырнадцать выручки, но вы, мне кажется, плохо представляете себе ее размер, так что отнимаю четыре процента. Ох, еще забыла отнять ущерб, который вы нанесли или можете нанести нам своими действиями, – то есть палки в колеса, выражаясь простым языком. Выходит, от одной десятой всей выручки отнимаем еще...

– Стойте! – выпалил он, выставив вперед ладони. – Может быть, сойдемся на двадцати?

– Десять.

– Пятнадцать?

– Восемь.

– Десять так десять. Приятно иметь с вами дело.

Стеллан торопливо схватил ее вялую руку, и она, подавляя отвращение, пожалала ее в ответ. Слишком уж легко он согласился, но ей это только на руку.

– Замечательно. Мне пора.

Она нагнулась, чтобы поднять с земли саквояж, но Стеллан опередил ее.

– Отдайте мои вещи.

– Позвольте сначала кое-что у вас спросить, – произнес юноша, и Уинифред опешила от его наглости. – Зачем вам это нужно? Я знаю мотивы Тедди, моя выгода вам понятна, но вы... Неужели вы так не ужились со старым нанимателем, чтобы переходить ему дорогу?

Стеллан знает, за что Теодор хочет отомстить Уоррену? Ее кольнуло разочарование. Почему же, черт возьми, Дарлинг готов все растрепать всем кому угодно, но только не ей?

Но как же выведать секрет, не давая Стеллану понять, что сама она ничего не знает?

– Мои мотивы совпадают с мотивами мистера Дарлинга, если вам угодно. Это все? Отдайте мне мои вещи, наконец, это просто нахальство!

– Совпадают? Если это действительно так, тогда такое совпадение просто удивительно! – оценивающе произнес он, игнорируя просьбу

Уинифред вернуть саквояж. Несмотря на все ее усилия, ее ледяное равнодушие начинало рушиться под атаками его бессовестной наглости. – Так вы были знакомы раньше?

– Заочно я знаю Дарлингов уже давно, – честно ответила она. От Стеллана ничего не добьешься: либо он сам ничего не знает и пытается выудить из нее подробности, либо ничего не скажет, пока она не докажет ему, что действительно в курсе. – А если вы сейчас же не отдадите мне мой саквояж, я вспорю вам горло так быстро, что на меня и капля крови не упадет, а потом выну сумку из ваших ослабевших пальцев и брошу вас подыхать в этом проулке!

На ее лице не было и тени улыбки, но Стеллан расхохотался и вручил ей саквояж со снисходительным видом. То ли правда он недооценивает ее, то ли делает хорошую мину при плохой игре.

– Будет вам, держите вашу сумочку. Встретимся завтра, чтобы обсудить, как я могу вам... ну, знаете, помочь? Прогулка в парке будет весьма кстати, не находите?

– Нет, – отрезала Уинифред. – Когда вы мне понадобится, я сама вам сообщу, мистер Акли. Позвольте себе еще хотя бы одну нахальную выходку – и писать мне будет уже некому.

Стеллан снова смерил ее покровительственным взглядом, в котором смешались хищный интерес и невольное уважение.

– Буду с нетерпением ожидать вашего письма, мисс Бейл.

Он хотел схватить ее за руку, но Уинифред сделала вид, что не заметила, и вышла из тупика. Стеллан за ее спиной что-то пробормотал себе под нос. Слов было не разобрать.

* * *

Дверь офиса открылась без ключа. Уинифред толкнула ее, удивляясь тому, что Теодор просидел внутри весь день, но за столом его не оказалось. Зато, сидя на диване, пили чай Эвелин и Лаура. Кажется, они о чем-то разговаривали, и появление Уинифред заглушил тонкий мелодичный смех Эвелин.

– О, Уинифред! Д-добрый день! Будете чай? – почти дружелюбно спросила она.

Лаура вскочила, краснея.

– Я налью, – вызвалась она и скрылась в кухне, не допив собственный.

Уинифред была не в духе после очередной встречи со Стелланом, но Эвелин, кажется, была настроена благодушно. Она вежливо поинтересовалась:

– Добрый день, Эвелин. А где мистер Дарлинг? Он не с вами?

– Нет, меня впустила Лаура. – Она указала фарфоровой чашкой на письменный стол. – Он оставил вам записку.

Уинифред развернула сложенный пополам лист бумаги. На нем было выведено несколько строк изящным почерком с завитушками:

«Дорогая Уинифред!

Прошу прощения, если чем-то расстроил Вас сегодня утром. Мне ненавистна мысль, что Вы держите на меня обиду, а потому уповаю на то, что вы найдете в себе великодушие не попенять на мои недостатки.

Лаура передаст Вам эту записку. Дело в том, что мне необходимо было вернуться домой. Если я понадобится Вам, Вы знаете, где меня найти. Надеюсь, что мое сегодняшнее отсутствие не доставит Вам беспокойство.

Всегда Ваш, Теодор Дарлинг»

Смутившись, Уинифред спрятала записку в надежде, что Эвелин ее не прочла. Послание Теодора было таким трогательным и внимательным, что на него просто невозможно было злиться. Вместо этого она рассердилась на себя за глупые обиды, заставившие его волноваться.

– Вот как... Он не говорил, почему уехал домой? – обратилась она к Эвелин.

Та пожала плечами. Ответила Лаура, вошедшая в комнату с подносом в руках:

– Он хочет выспаться, мисс Бейл. Кажется, у вас обеих выдалась бессонная ночь в доме Клэртонов, так ведь?

Вот черт! Она ведь так и не спросила у Теодора, где он спал! Неужели провел всю ночь, скрючившись в каком-нибудь крошечном кресле?

Эвелин приняла ее молчание за смущение и ухмыльнулась, поднося чашку ко рту.

– Ясно. Спасибо, Лаура.

Уинифред налила себе чай и примостилась слева от Эвелин. Справа робко присела экономка.

– Я видела мистера Акли сегодня.

– Ч-что? Где? – чуть не поперхнувшись, воскликнула Эвелин.

Лаура от неожиданности стукнула чашечкой о блюдце с золотистой каймой.

– Он за вами т-тоже следил?

– Не совсем. Он подкараулил меня у «Рассвета» и заставил заключить с ним сделку.

– Он угрожал вам? – испуганно спросила Лаура.

– Нет. Но то, что он появился около резиденции мистера Уоррена – достаточная демонстрация силы. Он как бы намекнул, что мог бы разоблачить меня, но пока этого не делает. – Уинифред глотнула чай – горячий, но недостаточно, чтобы серьезно ошпарить язык, – поморщилась и потянулась за сливками. – Он сказал, что хочет денег. Разве он не богат?

На ее лице Эвелин вновь появилось мрачное выражение, как и всякий раз, когда речь заходила о Стеллане.

– Его *родители* б-богаты. Он несколько лет п-подряд спускал свое состояние на выпивку или п-проигрывал в к-карты. Была еще какая-то непонятная история с управляющим их п-поместья. В конце концов мистер Акли п-просто отказался д-давать ему деньги.

– И поэтому он прицепился к Теодору? – с раздражением заключила Уинифред и заметила, что впервые назвала его по имени при ком-то постороннем.

Эвелин с сомнением покачала головой.

– Не д-думаю. У него достаточно приятелей, которые одалживают ему денег, не т-требуя их вернуть. Я сама до сих пор не совсем п-понимаю, зачем он завел д-дружбу с Теодором.

– Возможно, чтобы подобраться поближе к вам? – предположила Лаура.

– К мисс Саттон? – повторила Уинифред. – Вы близко знакомы с мистером Акли?

– К моему величайшему с-сожалению, – мрачно подтвердила Эвелин. Ее лицо враз осунулось, и она стала выглядеть старше. – Наши родители – давние д-друзья, и Стеллана п-прочили мне в женихи с рождения. Я бы вышла за него, будь я хоть немного п-покладистее характером. Прошу вас, не обманывайтесь на его счет – пусть он выглядит очаровательно, но д-душа у него гнилая. Он игрок, п-пьяница и повеса.

Предчувствие не обмануло Уинифред – Стеллан Акли и впрямь оказался отменным мерзавцем. Она была рада, что не доверилась суждениям Дарлинга о нем.

– Но вы ведь ему нравились, так, мисс Саттон? – полюбопытствовала Лаура.

– О, уверена, что его весьма п-прельщало мое приданое в пятнадцать тысяч фунтов, – едко согласилась Эвелин.

– Вы все это знали и поэтому не вышли за него?

– Конечно, п-поначалу я не знала. Я не склонна верить пустым сплетням, а Стеллан, п-приятель детства, никогда не д-давал в себе усомниться. Но п-потом он вдруг сделал мне предложение. Тогда мне было двадцать. Я п-подумывала было ответить согласием, ведь не испытывала к Стеллану отвращения, как к п-прочим моим ухажерам, но это б-было слишком уж внезапно. Я п-попросила время на раздумья, к т-тому же нужно было п-посоветоваться с родителями. Но п-потом... – Эвелин сглотнула и отставила чашку на стол. Подбираясь к волнующему моменту истории, она сильнее начала заикаться. – На следующий д-день п-по городу п-прошел слух, что Стеллан закрутил роман с з-замужней д-дамой. Я п-поняла, что он хотел п-поскорее обручиться, ч-чтобы с моей п-помощью откреститься от слухов.

Лаура ахнула и отставила блюдо на стол.

– И вы ему отказали?

– В т-тот же в-вечер. Мне не нужен с-супруг с такой дурной репутацией. К тому же я п-почти наверняка знаю, что все слухи – п-правда. Вскоре вскрылась его связь с одной девицей, п-потом еще с одной, затем он начал волочиться за д-дамами средних лет и высокого достатка... Словом, я ч-чудом спаслась. Вот уже три года п-прошло, а он все так же ненавидит меня за т-тот отказ, хоть и делает вид, что это п-пустяк. Думаю, он снова не делает мне п-предложение лишь из

гордости – он ведь п-по уши в долгах, а мое п-приданое могло бы его спасти. Но ни одна приличная леди не п-пойдет за Стеллана Акли.

– А почему вы не вышли замуж за кого-нибудь еще? – спросила Уинифред.

Неужели связь со Стелланом запятнала репутацию бедняжки Эвелин, всячески пытающейся от нее откреститься?

Мисс Саттон одарила ее взглядом с головы до ног и тяжело вздохнула.

– Сказать по правде, с годами я все б-больше начинаю сомневаться, что мне нужен муж, – призналась она. – Я богата и самодостаточна, я жажду н-независимости и глубоко сомневаюсь, что в-встречу кого-то равного мне. К тому же меня не слишком п-прельщает перспектива принадлежать кому-то. Если бы не мой батюшка, я бы, наверное, и в-вовсе не вышла бы з-замуж. Связывать себя узами брака с б-богатыми стариками, его друзьями, я точно не собираюсь, т-так что мне нужно как можно скорее найти кого-нибудь *comme il faut*^[14]. – Она покосилась на Уинифред и опустила взгляд в чашку. – Т-теодор стал бы отличной п-партией, но я знаю, что он – не для меня.

Уинифред моргнула. Она не понимала, что движет Эвелин. Теодор – идеальный кандидат на роль доброго покладистого мужа, который удовлетворит ее родителей и не будет стеснять ее саму. Он был почти у нее в кармане, стоило немного надавить – и она стала бы миссис Эвелин Дарлинг. Почему же она вдруг отказалась от своих планов? В ней говорит израненная отказом гордость? Но спрашивать об этом Уинифред не стала – это было бы верхом бестактности.

– Надеюсь, вам удастся найти супруга себе по душе, Эвелин, – искренне пожелала она ей и глотнула чаю, чтобы скрыть свое смущение. Оскорбления давались ей лучше комплиментов, а колкости – легче добрых слов.

Эвелин устало, по-доброму улыбнулась.

– Спасибо, Уинифред. Ну, б-будет обо мне! Какие планы на будущее у вас?

– У меня их нет. По крайней мере таких четких, как у вас. – Уинифред пожала плечами. – Заработаю денег и сниму небольшой домик где-нибудь в глуши Англии, поселюсь там под вымышленным именем и буду жить в свое удовольствие.

– Об этом вы мечтаете? – спросила Лаура.

Уинифред показалось, что девочка прячет в вопросе насмешку, мол, лучшая шпионка Лондона мечтает о тихой сельской глуши – вот так смех!

– Нет у меня никакой мечты, – излишне резко бросила она, и девочка съежилась. Уинифред тут же осознала, что издевка померещилась ей из-за собственной мнительности, и она продолжила уже намного мягче: – Мне некогда мечтать. Да я никогда и не умела этого делать. А о чем мечтаешь ты?

Эвелин посмотрела на Лауру с интересом. Та принялась водить пальцем по ободку фарфоровой чашки, покраснев от обрушившегося на нее внимания.

– Я бы хотела рисовать, – еле слышно произнесла она и подняла на Уинифред теплые глаза. – Быть художницей и зарабатывать этим на жизнь.

– Ты замечательно рисуешь! – воскликнула Уинифред, вспомнив портрет ее руки, который украл Теодор. – Неужели мистер Дарлинг не отпустит тебя, чтобы ты смогла исполнить свою мечту?

Лаура яростно помотала головой.

– Ни за что, – с совершенно недетской твердостью отрезала она. – Пока мистер Дарлинг нуждается во мне, ни о чем другом и речи быть не может. Вы и представить себе не можете, как я благодарна ему за...

Она осеклась, и Эвелин нетерпеливо подбодрила ее:

– За что? Б-благодарна за что?

Теодор не рассказывал Уинифред, как Лаура начала на него работать, и поразительная преданность девочки ее восхищала. Поэтому она тоже попросила:

– Да, расскажи, пожалуйста.

Замявшись, Лаура опустила голову. Длинные волосы скрыли ее лицо.

– Когда мне было восемь, умер мой отец. Он был кантонским моряком, а мать – портовой поломойкой. – Она вскинула глаза, следя за их реакцией. – Они поженились, но отец не увез ее в Китай, а остался в Англии. Когда он умер, нам с матерью стало совсем туго, и я пошла работать на текстильную фабрику.

Так вот чем объясняется болезненный вид Лауры. Фабрика – гиблое место для маленькой девочки. Да для любого она гиблое место.

Людидохнут на такой работе как мухи от непосильного труда и хлопковой пыли, оседающей в легких. Как же Лаура выжила?

– Я часто болела, а однажды начала кашлять кровью. Мама сказала, что больше так продолжаться не может, но ничего нельзя было поделать – денег нам взять было негде. – Вдруг смутившись, Лаура замолчала. – Тогда я подделала чек.

Эвелин закашлялась, а Унифред расхохоталась. Лаура сложила губы в подобии улыбки, приободренная ее реакцией. Но Унифред видела, что девочке не до смеха, поэтому заставила и себя спрятать улыбку.

Так вот где она так мастерски выучилась подделывать почерки и подписи – она сама себе рисовала расписки! Вот так умница!

– Как же ты это проворачивала? – не скрывая практического интереса, спросила она у Лауры. – Краля векселя и меняла суммы? Я бы так и делала.

– Нет, красть мне было не у кого, да я и не сумела бы, – призналась Лаура. – Мне просто повезло однажды найти разорванный чек, и я подумала, что не так уж сложно подделать его. Я немного потренировалась с красками и подходящей бумагой, и у меня получилось скопировать лист чековой книжки. А подпись – вообще проще простого. Мама пришла в банк с фальшивкой, чтобы... О боже! – Она покраснела до ушей и спрятала лицо в ладонях. – Как же стыдно! Никогда не прощу себе, что вот так обманывала честных людей!

Унифред снисходительно наблюдала за ее метаниями совести. У нее самой не было никаких предубеждений касемо надувательства богатеньких джентльменов, и ей и в голову поначалу не пришло, что у девочки могла быть на этот счет моральная дилемма.

Эвелин с сочувствием погладила Лауру по плечу.

– Пожалуйста, не п-переживай! Наверное, тебе пришлось совсем уж тяжело, раз ты п-пошла на такое! Никто т-тебя не винит, милая!

– К тому же крайне маловероятно, что они были честными людьми, – ехидно добавила Унифред. – Честные люди редко бывают богатыми.

– Честные или нет, моей вины это не умаляет, – печально возразила Лаура. – На полученные деньги мы жили около года. Во второй раз я сделала точно такую же копию, но оказалось, что на

каждом банковском билете номера должны быть разными. Никто не спешил обвинять маму в подделке, но чек отправили на проверку. Ей сказали прийти на следующий день... Конечно, она не пришла. Мы поклялись друг другу, что впредь будем зарабатывать только честным трудом, но Господь решил, что этого недостаточно, чтобы я расплатилась за свои грехи. Моя мама умерла, и я осталась совсем одна.

Лаура всхлипнула, и Эвелин сжала ее ладонь, чтобы подбодрить девочку. Та смутилась и отвела глаза, старательно делая вид, что рука ей не принадлежит, но ее костлявые пальчики обхватили мягкую руку Эвелин почти с жадностью. Уинифред некого было взять за руку, и она сжала ладони в кулаки.

– Я не хотела больше заниматься фальшивками и начала рисовать, – продолжила Лаура. Голос у нее был чуть хрипловатый, такой бывает у людей, пытающихся сдержать слезы. – Правда, никто не хотел покупать картины у уличной замарашки. Я хваталась за любую работу, даже хотела вернуться на фабрику, но мне повезло. – Уголки губ девочки дрогнули, и Уинифред поняла, что сейчас речь пойдет о Теодоре. – Мистер Дарлинг остановился передо мной на улице и купил у меня картинку. Ничего особенного, просто акварельный пейзаж, но он так восторгался ею, так хвалил меня, что у меня чуть сердце не разорвалось от счастья. А потом он сказал, что я выгляжу так, будто мне нужна помощь. И предложил работу.

Слезка сорвалась с ресниц на впалую щеку, и Лаура быстро вытерла ее тыльной стороной ладони, сделав вид, что ничего не произошло. Она выпрямила ссутуленную спину и бодрым голосом продолжила:

– Вот так. Я работаю у него экономкой уже два месяца. И буду работать столько, сколько ему потребуется. Моя мечта может подождать. Я пойму, что заслужила шанс на нее, когда сбудется мечта мистера Дарлинга.

Эвелин нежно похлопала девочку по руке.

– Обязательно сбудется, д-дорогая. Надо же, а я ведь д-думала, что ты работаешь у Дарлингов целую вечность – т-так хорошо ты знаешь дом и его обитателей! И ты т-талантлива, я в этом уверена!

Лаура смущенно потупилась. Уинифред без зависти подумала об удивительном качестве Эвелин расположить к себе любого и

приободрить парой-тройкой добрых слов. Как и у Теодора, эта способность у нее исходила из самого сердца.

– Спасибо вам, мисс Саттон. И вам, мисс Бейл. За то, что выслушали.

Девочка робко улыбнулась Уинифред, и ей стало бы просто стыдно, не улыбнись она в ответ.

– Зови меня просто Уинифред, – предложила она. Ей захотелось чем-нибудь отплатить Лауре за откровенность, раз уж на ласку она не способна.

– А меня – п-просто Эвелин! – подхватила мисс Саттон. – О, и могу ли я заказать у тебя картину? Мне бы очень хотелось иметь собственный п-портрет, написанный твоей рукой!

Лаура подняла на них обеих полные слез глаза и смешно сморщила нос, чтобы не расплакаться.

– Благодарю вас, – прошептала она.

Уинифред показалось, что она знает эту девочку уже очень давно. В каком-то смысле судьба Лауры схожа с ее собственной. Их выковали разные люди, но в конечном итоге они оказались в одном и том же месте, верные одному и тому же человеку.

Эвелин вдруг потянулась к Уинифред и сжала ее ладонь тоже. Она вздрогнула от неожиданного прикосновения и подняла на девушку взгляд. Лицо Эвелин было грустным и ласковым. Уинифред подумала, что такие лица бывают только у самых лучших людей в мире – у матерей и верных подруг. Подражая Лауре, она сжала руку девушки и отвернулась к окну, пряча улыбку.

Глава 16

Краски и звезды

Кровати в офисе не было. Когда Лаура и Эвелин ушли, Уинифред, не раздеваясь, прилегла на жесткий диван и подложила руку под голову.

Ей показалось, что она не спала вовсе, прикрыла глаза, а проснулась мгновением позже от звука закрывшейся двери. По робким низким лучам солнца, которые едва пробивались сквозь оплот туч над городом, Уинифред догадалась, что наступило утро. Было не позже восьми часов.

– Теодор, это вы? – пробормотала она, не раскрывая глаз.

Что-то упало на пол, и Дарлинг тихонько ойкнул.

– Вы что, спали *здесь*? – вслух удивился он.

Зашуршала бумага, и Уинифред недовольно приоткрыла один глаз. Теодор мялся на пороге, стискивая в руках коричневый пакет.

– Да. И что же? – сонно спросила она и вновь зажмурилась.

– Ох, ну зачем же, Уинифред! Чем же вам не угодила кровать?

Она услышала, как скрипнули половицы и пододвигаемое кресло. От такой вопиющей наглости Уинифред села, стараясь не думать о том, как выглядит спросонья.

– Ну, если бы она здесь была, Теодор, я бы на ней расположилась, вы так не думаете?

Он открыл рот, но она еще не закончила.

– Может быть, вы имеете в виду какую-то конкретную кровать?

К ее удовольствию, Дарлинг запунцовел и вскочил из-за стола.

– Нет, что вы... Разве здесь нет кровати? Я... В таком случае, выходит, это моя вина, что вам пришлось провести ночь на этом ужасном диване! – Явно пристыженный, он свесил голову. – Простите меня, Уинифред!

Смягчившись, она сменила гнев на милость.

– Ну, будет вам. Не ваша вина, что скупердяи-хозяева вывезли всю приличную мебель. – Уинифред потянулась и начала расплетать косу, с интересом поглядывая на бумажный сверток. – Покажите лучше, что вы там притащили.

Теодор, уже готовый было отправиться на поиски кровати, просиял и схватил со стола пакет.

– Ах да! Я так поразился, увидев вас здесь, что чуть не забыл. Это для вас!

Он положил сверток перед ней на чайный столик. Заинтригованная, она подобрала под себя ноги и похлопала по дивану рядом с собой. Он принес ей подарок?

– Садитесь. Что это?

– Откройте, – предложил Теодор, улыбаясь.

Он присел на подол ее платья, но Уинифред сделала вид, что не заметила. Размотав бечевку, она вытащила самое красивое платье, которое когда-либо видела.

Это был темно-синий бархат – под цвет ее глаз. На ткани золотой нитью был вышит узор из крошечных звезд. Длинные рукава доходили до запястий, как она любила, а вырез и воланы украшала оторочка из тяжелого желтоватого кружева.

Она молча держала в руках это прекрасное платье. Дарлинг сорвал с небосвода звездное покрывало и вручил его ей, а она не могла произнести ни слова – так глубоко ее тронул его жест.

Теодор смущенно кашлянул.

– Это взамен того, которое испортил дождь. У мадам Бертран было готовое платье вашего размера, так что ждать долго не пришлось. Она его только украсила кружевами из приданого моей матери. Они немного старомодны, да и цвет такой сейчас не в моде, но, надеюсь, вам...

Уинифред порывисто бросилась ему на шею.

– Спасибо! Оно прекрасно, Теодор! Идеально! Спасибо!

Она всхлипнула и скривила рот, чтобы не расплакаться окончательно. Глупый, милый юноша! Наврал Лауре и поехал за новым платьем для нее, вместо того чтобы выспаться!

Явно не ожидавший от нее такой бурной реакции Дарлинг робко обнял ее за плечи. Уинифред еще крепче сцепила руки и уткнулась носом в его шею.

– Не стоит, что вы, – неловко бормотал он, хотя сердце у него колотилось, словно набат. – В каком-то смысле я перед вами действительно виноват, так что...

Уинифред сморгнула выступившие слезы и посмотрела Теодору в лицо. В его черных как смоль глазах никогда нельзя отличить зрачок от радужки, но ей почему-то показалось, что сейчас его зрачки расширены до предела.

– Вы заслуживаете всех благодарностей, – заверила она и опустила глаза, едва справляясь с желанием поцеловать его. – Это лучший подарок из всех, что я получала. И получу. – Уинифред расцепила руки и лукаво улыбнулась ему. – Позвольте примерить?

– Да, разумеется!

Теодор мечтательно глядел ей в лицо, и Уинифред задумалась: хочет ли он сейчас поцеловать ее так же сильно, как она его?

– Теодор?

– Да?

– Так вы отпустите меня?

Спохватившись, он смущенно разжал руки, и Уинифред, улыбаясь, скрылась в спальне – так она мысленно называла эту комнату, хоть здесь не было кровати.

Золотые нити на бархате проявлялись на свету и исчезали в тени, словно крохотные лучики солнца. И – подумать только! – Дарлинг пожертвовал на отделку кружева из приданого матери! На секунду она засомневалась, может ли принять от него столь ценный подарок.

Но с сомнениями было покончено, как только она застегнула на груди последнюю пуговку. Платье сидело идеально, даже лучше двух предыдущих. Ее старый наряд тоже был синим, но выцветшим, со странным зеленоватым оттенком, какой бывает у выстиранной ткани – не сравнить с богатым глубоким цветом этого бархата. Уинифред подняла руку на свет и задержала дыхание – звезды на рукавах-пагодах мигали и исчезали, уступая место новым.

Мало что приносило ей такое удовольствие, как красивая одежда, и Дарлинг как-то угадал эту ее страсть. Уинифред хотелось, чтобы он восхитился ею. Чтобы подарок принес ему столько же радости, сколько и ей.

Когда она вошла в комнату, Теодор стоял к ней спиной – кажется, разбирал бумаги на столе. Уинифред хотела видеть его лицо, но в то же время ею овладела странная робость, почти смущение. Она кашлянула и опустила голову, притворившись, что одергивает платье.

– Ого! Вы... Вам очень идет! – выдавил Дарлинг, и она наконец осмелела настолько, что встретила его взгляд.

Юноша приоткрыл рот, будто забыв, как дышать. Уинифред медленно пошла к нему. Теодор теперь забыл про платье и не отрывал взгляд от ее лица.

– Вам нравится? – тихо спросила она.

Он тяжело сглотнул и кивнул.

– Очень, – тихо признался он. – Вам к лицу звезды.

Уинифред шагнула еще ближе, и теперь Дарлинг оказался зажат между ней и столом. Она вскинула подбородок и несколько мгновений молча смотрела ему в глаза.

Их поцелуй случился так же внезапно и вместе с тем ожидаемо, как шторм. На мгновение все вокруг стихло, а потом, повинувшись почти осязаемому притяжению, она потянулась вперед. В этот миг Теодор обхватил ее и поцеловал.

Он посадил ее на стол, смяв кольца кринолина, и Уинифред выдохнула ему в рот. Его пальцы нежно зарылись в ее распущенные волосы, словно боясь спутать их. Она одной рукой обвила его шею, а другой зашарила по столу, ища опору. Ладонь задела открытую чернильницу, та опрокинулась, и лужа растеклась по столу и руке. Уинифред ахнула и на секунду отодвинулась от Дарлинга. Краска капала с ее пальцев и черными овалами очертила ногти. Она перевела взгляд обратно на Теодора. Тот тяжело дышал, а его глаза, темнее всяких чернил, глядели на нее почти с мольбой.

– К черту! – выругалась Уинифред и притянула Дарлинга к себе, грязными пальцами пачкая его воротник и шею. Целуя его, она вымазала ему скулу, щеку, волосы – теперь весь он был ею помечен.

Теперь Уинифред уже не опиралась на стол. Теодор держал ее, а она вцепилась ему в волосы, жадно целуя губы, щеки, виски – все, до чего могла дотянуться. Дарлинг отвечал ей с не меньшей страстью, он так сильно стиснул ее талию, что она ощущала его пальцы даже через корсет. Ее желание было диким, свирепым; его – смелым и безотчетным.

Теодор проложил цепочку поцелуев от ее рта к уху. Уинифред, затаив дыхание, слушала собственное стремительное сердцебиение. Дарлинг коснулся губами ее виска и прошептал:

– «Краса, как пламень звезд, затмила небеса»^[15].

Уинифред фыркнула и запрокинула голову, подставляя ему шею.

– Даже сейчас ты умудришься цитировать свои книжки?

– Я никогда не сказал бы о красоте лучше, – пробормотал он, щекоча нежную кожу ее горла.

Уинифред затрепетала и непроизвольно сомкнула пальцы на ткани сюртука на его спине.

– Попытайся, – шепнула она.

Он на мгновение умолк, а потом заговорил, не поднимая головы:

– Ты прекрасна, как солнечный полдень. Как сверкающие ледяные капли. Ты так сияешь, что ослепляешь меня, и я забываю, зачем еще нужны глаза, кроме как для того, чтобы глядеть на тебя. И эта блестящая, совершенная, ослепительная красота – меньшее из твоих достоинств. И я знаю, что не сделал ничего, чтобы тебя заслужить.

– Меня не надо заслуживать, – возразила Уинифред, чувствуя, как горят щеки. – Я не награда. Я твоя, этого недостаточно?

Измазанное лицо Дарлинга порозовело. Уинифред почувствовала, как напряглись его пальцы на ее талии, и едва подавила дрожь от щекочущего чувства, прокатившегося по телу. Он наклонил голову, зарывшись пальцами в ее длинные светлые пряди, и снова поцеловал ее.

В этот момент Уинифред с оглушительной, пугающей ясностью осознала, что с ней что-то не так.

Она влюбилась в Теодора.

* * *

Этот тихий и уютный день они провели вдвоем. Уинифред заставила себя забыть о работе и о данных себе обещаниях и просто наслаждалась моментом совершенного, бездумного счастья. Они отмылись от чернил и потом пили чай, насмешливо глядя друг на друга поверх чашек и разговаривая о совершеннейшей ерунде, недостойной внимания. Затем они устроились на диване – сначала на внушительной дистанции друг от друга, но потом постепенно, будто невзначай, придвигаясь друг к другу. В итоге она положила голову Дарлингу на плечо, когда он обнимал ее и читал вслух свою любимую

глупую пьеску. Впрочем, Уинифред больше внимания уделяла модуляциям его красивого юного мягкого голоса, нежели истории.

– Чем она тебе так нравится? – спросила она, когда Теодор закончил читать и закрыл старую тонкую книжку в мягкой обложке.

– Не знаю. Это забавная сказка о превратностях судьбы. – Он пошевелился, и Уинифред почувствовала на себе его взгляд. – Раньше я никогда не понимал, как можно полюбить в мгновение ока. Чтобы такое случилось, понадобится чудо, не меньшее, чем сок волшебного цветка. – Теодор замолчал, и Уинифред потерлась о его плечо щекой, давая ему знак продолжать. – Но когда я впервые увидел тебя, должно быть, угодил под чары короля фей.

Уинифред фыркнула, но от его слов ей стало приятно. Теодор ни разу не говорил ей прямо о любви, но она знала о ней. Знала и то, что у нее самой появились к нему чувства. Но ему позволительна подобная глупость, а ей – нет.

Под боком у Дарлинга было тепло и удобно. Ее начало клонить в сон.

– Мне жаль Деметрия, – наконец сказала она. – Он ведь не влюблен в Елену по-настоящему. Это наваждение, морок. Из-за короля он вынужден всю жизнь быть очарованным ею, хотя любит другую.

– Но ведь он счастлив! – пылко возразил Дарлинг. – Кого волнует, чары это или нет – это ведь настоящая любовь.

– Он ослеплен этой любовью и не видит ее недостатков.

– Неправда. Я думаю, настоящая сила сока волшебного цветка – это прозрение. Он видит ее всю, с ее достоинствами, недостатками, и за них же ее любит.

К горлу Уинифред подступил комок. Она лишь надеялась когда-нибудь испытать то чувство, которое Теодор называет любовью, – слепое, преданное обожание.

– Я рада, что ты так думаешь, – еле слышно ответила она.

На улице смеркалось. Мерное, глубокое дыхание юноши ее успокаивало. Уинифред сосредоточилась на нем и сама не заметила, как провалилась в дрему. Но вскоре Теодор что-то произнес. Она все так же лежала у него на плече, но не разобрала слов.

– Что-что? – сонно переспросила она.

– Я сказал, что хочу поскорее покончить с этим.

На нее будто вылили ушат ледяной воды. Чувствуя подступающую к голове панику, Уинифред сразу проснулась и распахнула глаза, но не шевельнулась. Ей вдруг стало тесно в новом, идеально подогнутом по фигуре платье.

Он говорит о них?

– О чем ты? – спокойно спросила она, хотя это стоило ей остатков силы воли.

– Я о мистере Уоррене, разумеется. Все эти многомесячные стратегии – не по мне. Я хочу покончить с ним раз и навсегда.

Уинифред пробрала дрожь облегчения, такая сильная, что даже Теодор, должно быть, ее почувствовал. Он, наверное, спишет ее на нервозность.

Когда в голосе Дарлинга появлялись эти глухие металлические нотки, Уинифред переставала его узнавать. Она попыталась образумить юношу:

– Но мы ведь делаем это не от скуки, Теодор. Иначе нам с ним просто не справиться. Ведь кто на нашей стороне? Старая кошелка из числа его бывших шпионок, фальшивомонетчица, светская леди и полупьяница-полукартежник. Мистер Уоррен же повязан с *половиной города*.

– Но мы ведь можем обратиться в полицию, – возразил Дарлинг. – У нас на руках все его бумаги. Он владеет притонами, публичными домами – это ведь преступление.

Удивительно, как можно дожить до девятнадцати лет – и быть настолько наивным?

Уинифред села. У нее начался нервный тик, и она прижала к веку палец.

– Полиция у него в кармане. Думаешь, он настолько глуп, чтобы угодить за решетку? Они прекрасно знают, что Уоррен преуспел в половине списка незаконной деятельности и активно осваивает другую. По-другому не сделать столько денег, сколько имеет он. К тому же теперь он завязан с крупными акционерами, которые не дадут ему увязнуть. Единственный путь – медленно подтачивать его авторитет, подрывать компетентность. Сделать так, чтобы никто не захотел иметь с ним дел. Понимаешь?

Теодор заломил руки. Уинифред заметила, что чернильный отпечаток на его скуле не оттерся до конца и темнел, как синяк.

– Но как нам это сделать? – с тихим отчаянием пробормотал он, вцепившись себе в волосы и глядя куда-то в пол. – На это уйдут годы. У меня нет столько времени. Я должен...

Он загнулся, и Уинифред догадалась, что он думает о своей сестре Кэтрин. Она наспех начала сплетать волосы в косу, лихорадочно размышляя. Было ясно, что момент их спокойствия пришел к концу.

– Нужно действовать исходя из того, чем мы уже располагаем. Во-первых, его семья. Неясно как, но мы этим воспользуемся. Может, Дейли что-нибудь еще знает. Ох, не хотелось бы его снова впутывать. И то дрянное письмо...

Уинифред бросила взгляд на стол. Там, поверх кипы бесполезных бумаг, лежало злополучное письмо – то самое, с которого все началось. Бумага помялась, сгибы потемнели. Теперь оно было таким, каким ему и положено быть – грязным и бесполезным. Подумать только! А ведь Дарлинг заставил ее поверить, что письмо ему нужно; что он в самом деле знает, как его использовать. А в итоге единственным предназначением этого потертого клочка бумаги, ради которого Уинифред рисковала жизнью, оказалось то, что Уоррен не сумел им воспользоваться!

Чтобы выплеснуть раздражение, она сжала правый кулак. Рука отозвалась острой чистой болью. Теодор краем глаза заметил ее движение.

– Что ты делаешь? – нахмурившись, спросил он.

Уинифред смутилась и быстро разжала руку. Дарлинг успокаивал ее своим присутствием, но она почти забыла о нем, обратившись к привычкам, которые предпочитала никому не демонстрировать.

– Пустяки... Просто так. – Уинифред сбилась и отругала себя за паузу. – Помогает сосредоточиться.

Взгляд Теодора скользнул к ее руке, и она поспешила спрятать ее за спину. Но он наверняка успел заметить красные полумесяцы от ногтей на ее ладонях. Он не бросил шутливой фразочки и даже не улыбнулся, а просто молча, без всякого выражения продолжал смотреть на нее. Озадаченная, Уинифред вслух сказала:

– А что, если оно все-таки сослужит нам добрую службу?

– Что именно?

Уинифред не ответила, чтобы не сбиться с хода мысли, и его тон стал тревожнее и настойчивее:

– О чем ты думаешь? Что-то не так?

Она спрыгнула с дивана и без туфель, в одних чулках, бросилась к столу, схватила письмо и торопливо его перечитала. Компания рушится. Об этом говорили и на балу, и в послании, и сам Уоррен наверняка об этом догадывается. Но что, если из Индии придут совершенно другие вести? Не подтолкнет ли это его вложиться в цветущее предприятие?

Сердце Уинифред заколотилось. Распечатав письмо, она разглядела на столе лист. Здесь ей даже не понадобится помощь Лауры. Если Уоррен клюнет на фальшивку, его убытки будут грандиозными! Это ли не то, чего хочет Теодор?

Уинифред торопливо набросала текст нового письма, небрежно подделывая почерк капитана Томпсона – все равно Уоррену незнакома его рука. Вместо того, чтобы гневаться на Англию и ход компании, капитан ликовал и упрекал собеседника в недальновидности. Для красного словца Уинифред приукрасила Индию и нагруженные товаром корабли по своему вкусу.

Увлечшись сочинением, она не услышала, как сзади к ней подкрался Дарлинг, и ощутила его присутствие только благодаря теплу его тела.

– Ты копируешь его? – поразился он. – Зачем? Разве мистер Уоррен не думает, что письмо уничтожено?

Уинифред обернулась к нему с сияющей улыбкой. Собственная идея казалась ей элементарной и в то же время гениальной.

– Не копирую, а переписываю, – поправила она юношу. – Поверить не могу, что не додумалась до этого раньше! Ведь о содержании письма не знает никто, кроме нас с тобой, капитана Томпсона и виконта, так? В нем говорится, что Ост-Индская компания – гиблое дело. Понимаешь?

Дарлинг с несчастным видом покачал головой.

– Если честно, не очень, – признался он.

– Если бы Уоррен прочел письмо, он не стал бы вкладываться в умирающее предприятие, – терпеливо разъяснила она. – Но он не прочел и все равно не вложился, а значит, ничего не потеряет. Но если он узнает из письма, что компания процветает...

– Тогда он вложится! – закончил за нее Теодор и радостно улыбнулся. – И потеряет уйму денег, так?

– Именно. Более того: скорее всего, он уговорит вложиться своих партнеров. Когда их денежки сгорят, они ополчатся против Уоррена.

– Твой блестящий ум... – Дарлинг восхищенно взял ее руки в свои и с чувством сжал. – Ты гениальна, Уинифред! Только вот... Не разозлится ли он на тебя за то, что ты принесла ему ложные вести? Вдруг он навредит тебе?

– Скорее всего, так и будет. – Она равнодушно передернула плечами, втайне довольная восхищением Теодора. – Ну, это сперва. Но потом он ведь поймет, что я не виновата в том, что прогноз из Индии не оправдал себя. В конце концов, меня не в чем будет обвинить.

– Это слишком опасно, – посетовал Дарлинг. – Неужели ничего другого нельзя сделать?

Нежно улыбаясь, Уинифред покачала головой и обняла его лицо руками. От ее прикосновения на его скуле остался след.

– Ну же, это вовсе не опасно! Я единственная, кому он доверяет настолько, чтобы не подвергать происхождение письма сомнению. – Отвернувшись, она потрясла высохший лист и положила его в старый конверт. – Только нужно отправляться как можно скорее – письму и так уже больше двух недель. Наверняка из Индии скоро начнут прибывать другие, более свежие, а значит, более ценные.

Теодор наблюдал за ее торопливыми сборами с тревогой – на взгляд Уинифред, неоправданной.

– Ты будешь осторожна? – жалобно спросил он из-за двери, когда она скрылась в спальне, чтобы в очередной раз переодеться.

Аккуратно складывая звездное платье, Уинифред неодобрительно парировала:

– Когда это я была неосторожна? Я всегда держу себя в руках... Ох, только не смей упоминать *тот случай!*

За дверью послышался смех.

– Я поклялся никогда о нем не вспоминать, – ответил Дарлинг, и Уинифред с улыбкой открыла дверь.

Их разделял порог. Теодор пытался скрыть тревогу за улыбкой, но Уинифред видела, что юноша нервничает. Он беспокоится. За нее.

Поднявшись на цыпочки, Уинифред коротко поцеловала его в губы.

– Будь здесь, когда я вернусь, – попросила она.
Вместо ответа он обнял ее, уткнувшись подбородком в макушку.

* * *

– Мистер Уоррен! Это я, Уинифред! – Для верности она начала колотить в дверь. – Извините за беспокойство, но это срочно!

Неужели он все еще в Сити? Это было бы некстати. Ох как не хочется снова встречаться с этим самодовольным Холбруком! Но что еще поделать, если Уоррен и впрямь не в «Рассвете»?

Однако за дверью послышалась тяжелая поступь, и в замке повернулся ключ. Мистер Уоррен редко запирается в кабинете, чем же он так занят? Прижав письмо к груди, Уинифред приняла взволнованный вид. Хорошо, что так и не успела прилично заплести волосы – растрепанный вид сейчас как нельзя кстати.

Открыв дверь, мистер Уоррен встал в проеме. На лице была написана раздраженная усталость.

– Винни, что такое?

Уинифред сконфуженно опустила глаза. Раз он не в настроении, приветственные прелюдии можно опустить.

– Добрый вечер, сэръ. Я нашла письмо, которое вы искали. Оказалось, лорд Уилкис на балу сжег вовсе не его, а подделку.

Разыгрывая смущение пополам с восторгом от предстоящей похвалы, Уинифред протянула мистеру Уоррену письмо. Он принял его, но не сводил с нее выжидательного взгляда – ему нужны были объяснения.

– Сегодня я случайно подслушала разговор двух джентльменов, которых видела на балу, мистера Хоббса и мистера Гринтона.

– Где? – быстро спросил Уоррен, придирчиво изучая хлипкий конверт.

Она пожалела, что виконт расплавил печать с крестом Ост-Индской компании – она тогда точно придала бы конверту убедительности.

– На улице Парк-Лейн, – с готовностью отозвалась Уинифред. Хорошо хоть, он не заинтересовался джентльменами – их имена она выдумала только что. – Кажется, они покидали клуб. Мистер Хоббс

обмолвился, что лорд Уилкис пустил на балу слух, будто письмо уничтожено, а на самом деле оставил его где-то у себя. Я подождала, пока виконт, виконтесса и прислуга займутся ужином, пробралась в дом через черный ход и выкрала письмо. Никто меня не заметил.

Подобный ход событий казался ей мало правдоподобным, хотя Уинифред проворачивала и не такое. Главное, чтобы ее уверенный тон не заронил сомнений в бывшем хозяине.

Уоррен уже торопливо просматривал письмо, щурясь на строчки, освещенные неверными свечами. Сердце Уинифред радостно заколотилось – кажется, клюнул! Внешне же она оставалась такой же: угодливой, послушной и взволнованной.

– Зачем же ему это? – пробормотал он, хмурясь.

– Он противник рабства, сэр. Я слышала, как он говорил на балу, что меньше всего ему бы хотелось запятнать свою джентльменскую честь. Мне кажется, таким людям, как он, легче притвориться, что ничего не происходит, чем применять с пользой собственные ресурсы.

Тонкая, неочевидная лесть – то, что всегда пробирает Уоррена.

– Вот как... Очень, очень хорошо. – Он бросил быстрый, почти незаметный взгляд на Уинифред и снова всмотрелся в письмо. – Ты прочла его?

– Да, сэр, – призналась она твердым, но осторожным тоном. – Я должна была убедиться, что это именно оно.

– Умница.

Уоррен наклонился и коротко поцеловал ее в лоб. Уинифред окатило кислым запахом нечистого тела. Чтобы не съезжиться, она прикусила язык и растянула губы в довольной улыбке.

– Мне пора идти.

Он вошел в кабинет, оставив дверь открытой. Не решаясь войти, Уинифред заглянула внутрь. Уоррен надел висевший до этого на кресле сюртук, сунул письмо во внутренний карман и пригладил ежик коротких волос.

– Я могу идти, сэр? – спросила она.

Мужчина вскинул голову, будто забыв о том, что Уинифред маячит в коридоре, хотя она знала, что он специально оставил дверь открытой.

– Что? Да, сегодня ты достаточно потрудились, умница моя... А впрочем... Мистер Мэшвуд ведет себя как-то странно. Заломил

жуткую цену на товар, хотя его корабль еще даже не пришел. Последни за ним завтра, будь добра.

– Хорошо, сэр. Доброго вечера.

– Доброго вечера, Винни.

Она закрыла дверь и тихонько выругалась. На Мэшвуда уйдет целый день. Откуда ей знать, почему этот старый таракан упрямится? Он ведь той же породы, что и Уоррен – наверное, просто набивает цену своей белой дряни.

Хотя бы с письмом не вышло проблем. У Уоррена аж глаза загорелись, когда он представил себе золотые горы, которые нарисовал ему «капитан Томпсон». Как же вытянется его лицо, когда он поймет, что вложился в умирающую компанию!

В офис Уинифред направилась в прекрасном настроении. Вечер перетекал в ночь, и черные закопченные лондонские дома громадами нависли над улицами. В лужах отражались пронзительно-желтые огни газовых рожков, которые, несмотря на светлую ночь, зажгли в обычное время. Лондон сегодня такой, каким Уинифред его любила, – громкий, мокрый, грязный, некрасивый и прекрасный одновременно.

В их доме на Харли-стрит новомодного газового освещения не было, и Уинифред попросила внизу свечу. Ей дали крошечный огрызок, которого едва хватило, чтобы подняться на третий этаж. Повозившись с замком и порадовавшись, что Дарлингу хватило ума запереться, она вошла в комнату.

Фитиль свечи причудливо изогнулся, окунулся в воск и погас. Комната была пуста.

– Теодор! – позвала Уинифред.

Его не оказалось ни в спальне, ни на кухне. Он запер не себя – он запер пустую квартиру. Почему же он ее не дождался?

Настроение Уинифред, медленно, но верно улучшавшееся весь день, снова упало. Угрюмо выругавшись, она плюхнулась в кресло у стола и уставилась в пустой камин.

Это непохоже на Дарлинга – уйти, не предупредив.

Она бросила взгляд на стол. Было темно, но Уинифред различила лист бумаги. Она тут же схватила его, но прочитать не могла, сколько ни щурилась. Пришлось зажечь свечу.

«Дорогая Уинифред!

Меня поразило Ваше открытие с письмом. Именно оно помогло мне осознать, как мало на самом деле я сделал для достижения нашей цели и как много делаете Вы. Ожидая Вас, я размышлял над нашим разговором, и Ваши слова невольно натолкнули меня на удивительную мысль. Действительно, основательно подорвать репутацию человека, долго и упорно себе ее создававшего, – дело нелегкое. Гораздо легче действовать напрямую. Уверен, если рассказать человеку правду в лицо, он отвернется от мистера Уоррена.

Вот почему я решил наконец прервать собственное бездействие. В списке партнеров мистера Уоррена, который Вы составили, одним из самых крупных является мистер Мэшвуд. С ним я намерен побеседовать сегодня. Если Вы читаете это письмо, значит, справились со своим делом раньше меня.

Прошу Вас, дождитесь меня! Как только мои переговоры с мистером Мэшвудом будут окончены, я вернусь в офис. Надеюсь, Вы будете ждать меня.

Всегда Ваш, Теодор Дарлинг»

Уинифред похолодела и бросилась обратно на улицу, даже не заперев дверь. Сбегая вниз по ступенькам, она путалась в подоле, спотыкалась, а на последнем пролете упала, чуть не повредив себе ногу, но тут же поднялась и бросилась ловить кеб. Паника рвалась откуда-то из груди и застревала в горле.

Контора мистера Мэшвуда располагалась неподалеку от доков, где швартовался его корабль. Уинифред лишь надеялась, что Дарлинг не пришел к тому же выводу. Она прекрасно знала, чем закончатся их переговоры, если она не подоспеет вовремя.

Причал дока Святой Екатерины был пустым, тихим и холодным. Ветер с Темзы дул ледяной, и Уинифред вскоре пожалела, что не задержалась на минуту и не захватила накидку. Едва выскочив из экипажа, она сразу же продрогла до костей. Обняв себя руками, она в одном платье бежала к складским постройкам. В груди поселилась странная тяжелая тревога, будто кто-то придавил ей сердце большим булыжником, и сколько она ни делала глубоких вдохов, ей не удавалось его сбросить. В голове билась одна-единственная мысль: она опоздала. Тишина на причале пугала ее до смерти. Больше ее она боялась только услышать крик.

Док, один из самых маленьких в городе, сейчас пустовал – в июне корабли только уходили из портов. На месте мачтовых громад стояло несколько небольших суден, а вместо гомона, свиста моряков и грохота сгружаемого товара, Уинифред слышала плеск Темзы и звон в собственных ушах.

Пошел мелкий дождь, она промокла насквозь. Уинифред еще не приходилось бывать в порту ночью, и зрелище производило тягостное впечатление.

Она завернула за угол. Там, около зернохранилищ и двухэтажных складов, должен быть офис мистера Мэшвуда. Но ни в одном окне не горел свет – все здание было таким же темным и тихим, накрытым покровом ночи.

Ей захотелось разрыдаться от собственной беспомощности. Уинифред перешла на медленный шаг и впиалась ногтями в плечи, чтобы не потерять единственное, что у нее осталось, – самообладание. Куда еще можно пойти? В галантерейную лавку? Да нет, с чего ему там появляться. Может, он где-нибудь в Сити? Нет, мистер Мэшвуд дел с тамошними бизнесменами не ведет. Где же тогда...

– Вы... Он был...

Ветер донес до нее обрывок разговора, и Уинифред со смесью ужаса и облегчения узнала голос Дарлинга. Он все же здесь! Теперь остается лишь молиться, чтобы он разговаривал с кем-нибудь другим, не с мистером Мэшвудом.

Снова бросившись бежать, поскользываясь на мокром камне, Уинифред обогнула высокое кирпичное здание, следуя на звук голоса Теодора. Он становился все отчетливее и громче, если бы она не бежала, то наверняка смогла бы разобрать отдельные фразы. Собеседник Дарлинга молчал.

Врезавшись плечом в здание, Уинифред выглянула из-за угла. В каменной арке между складами стояли двое мужчин. В высокой стройной фигуре одного из них она сразу узнала Теодора, но его собеседник – полный, примерно ее роста – мог оказаться кем угодно. По крайней мере, так она думала, пока он не заговорил.

– Мальчик мой, какое мне до этого всего дело? – с добродушной насмешливостью спросил мистер Мэшвуд.

Теодор от неожиданности качнулся назад всем телом, и Уинифред прикусила язык. Ей хотелось броситься вперед и под любым

предлогом увести этого незадачливого шпиона с глаз мистера Мэшвуда... Но тогда пришлось бы его убить – он узнает слишком много. Уинифред не хотелось отнимать чью-то жизнь, даже жизнь этого мерзкого старика. Да она и не сумела бы.

– Вы что, правда не понимаете, сэр? – с искренним изумлением переспросил юноша. Наивный, *глупый* Дарлинг! – Он вас попросту *обманывает!* Мистер Уоррен на самом деле из богатой семьи, он просто притворяется одним из вас! Неужели вам не все равно?

Мэшвуд полез в карман. Уинифред похолодела и царапнула ногтями кирпичную кладку здания, за которым скрывалась. Тот вытащил всего лишь спички и трубку. Старик попробовал высечь искру, но ветер ее тут же потушил, и Мэшвуд с раздражением бросил затухшую спичку себе под ноги.

– Одним из нас? – вкрадчивым, теплым голосом переспросил он Теодора. Таким тоном дедушка спрашивает внука, не хочет ли он засахаренную сливу на десерт. – Он и есть один из нас. Какое мне дело, если он из семьи с достатком, мой дорогой? Он покупает мой товар, он сбывает мой товар – большего мне не нужно.

– Хотите, я буду покупать ваш... товар? – храбрясь, предложил Дарлинг.

Мэшвуд умиленно склонил голову набок.

– На двадцать процентов дороже. Идет?

Мистер Мэшвуд расхохотался, положив руки на живот – с чувством, искренне. Теодор – понурый, промокший, с опущенными плечами – молча наблюдал за этим всплеском веселья.

Уинифред размышляла, как бы его потихоньку увести, не привлекая внимания, пока он не успел наговорить черт знает чего. Ах да никак – Мэшвуд слишком хорошо знает ее в лицо! Он ни за что не поверит, что милая посыльная Нэнси оказалась в доках поздней ночью *случайно*. Оставалось надеяться, что Дарлинг сам осознает, что дело пустое, и поскорее уйдет. Вот только она знала его – пускай не слишком хорошо, но достаточно. Он ни за что не уйдет, пока не добьется своего – всего лишь чтобы быть ей полезным. От стыда и отчаяния Уинифред прокусила щеку до крови и ощутила во рту неприятный тошнотворный вкус соли.

Что же делать... что же делать?..

Отсмеявшись, Мэшвуд стыдливо прикрыл рот пухлой ладонью.

– Да ты что! Как интересно, мой милый! И где же ты будешь сбывать мой товар, м-м-м?

Дарлинг растерялся, и Уинифред отлично себе его представила: удивленно приподнятые брови, вытянутое лицо.

– Я... я не...

– Кто ты такой? – спросил его мистер Мэшвуд. Голос был твердым и спокойным, без обычного сюсюканья. – Кто тебя послал?

Теодор, уловивший перемену в старике, шагнул назад, и Мэшвуд поднес руку к карману. На этот раз он явно потянулся не за спичками.

– Мистер Мэшвуд, послушайте... – ломким от страха голосом пробормотал юноша, но не сделал ни шага назад.

Старик молниеносным движением, которое никак не вязалось с его добродушной приятной внешностью, щелкнул курком и наставил дуло револьвера в лицо Дарлингу. Из-за туч издевательски медленно выплыла луна, и в ее слабом свете Уинифред различила безразличное спокойное лицо Мэшвуда и испуганное – Теодора. От животного ужаса в груди у нее будто все перевернулось. Неожиданно для себя она почувствовала еще кое-что – острый, обжигающий гнев: как смеет этот мерзкий недостойный старик наставлять оружие на ее возлюбленного?!

Это очень хорошо знакомое ей чувство – ярость – расчистило мысли даже лучше привычной боли. Жалости к Мэшвуду в ней не осталось. Уинифред нацепила на лицо робкое испуганное выражение и, шлепая ногами по лужам, вышла из-за угла. Мужчины услышали ее. Мэшвуд, прищурившись, машинально прицелился в нее.

Теодор тотчас узнал Уинифред, и его испуганное лицо превратилось в маску ужаса. Он широко раскрыл глаза, которые на белом как полотно лице напоминали две дыры. Кажется, только с ее появлением он по-настоящему осознал, что оказался в нешуточной опасности. Дарлинг не произнес ни слова. Больше всего Уинифред боялась, что этот идиот назовет ее по имени.

Уинифред старалась не смотреть на него, отчасти потому, что ей было больно видеть ужас на его лице. Она не сводила жалобного взгляда с мистера Мэшвуда, который тоже узнал ее и опустил револьвер, заведя руку себе за спину.

– Нэнси? – удивленно спросил он.

Уинифред, ежась, шмыгнула носом.

– М-мистер Мэшвуд, я... – Она чихнула и утерла кулаком нос. – Как хорошо, что я вас встретила! Я, кажется, заблудилась. Возница сказал, что... Это ведь Лондонские доки^[16], верно?

– Нет, милочка. Это доки Святой Екатерины. Ты немного промахнулась. Неужели мистер Уоррен отправил тебя доставить послание в такую погоду?

Мэшвуд с приторно-сладкой улыбкой покачал головой. Уинифред заметила, как он заткнул револьвер за пояс брюк. Менее опытного лгуна рассеянное выражение лица старика обмануло бы, но только не ее.

Уинифред кивнула, обхватив себя руками и делая несмелые шаги по направлению к мужчинам. Ей и впрямь было невыносимо холодно, но сейчас это мало ее заботило. Гораздо больше ее беспокоило притворное беспокойство Мэшвуда и то, как он подчеркнуто игнорировал ошеломленного Дарлинга. Она сделала вид, что испуганно косится на юношу – так, чтобы это наверняка заметил мистер Мэшвуд.

– Нэнси, ты знаешь этого человека? – обеспокоенным тоном спросил Мэшвуд. В складках его рта притаилось раздражение, но голос был мягок и чист.

Уинифред отчаянно помотала головой.

– Нет, сэр... Скажите, а не могли бы вы помочь мне поймать кеб? Я очень боюсь идти одна.

Словно ища заступничества, она шагнула к старику еще ближе. Тот бросил на Дарлинга озабоченный взгляд.

Черт, если Теодор сейчас сбежит, Мэшвуд не станет стрелять ему вслед – судя по всему, ему ни к чему убивать при свидетелях, даже перед глупой малышкой Нэнси, которая полагает, что до Индии можно добраться вплавь. Но Уинифред знала, что Дарлинг не сбежит, как бы ни толкал его в спину страх, – видела это по его лицу. Он не оставит ее здесь, а она не оставит его. Чудо, если хоть кто-то из них выберется из этой переделки живым.

– Да, конечно, моя дорогая.

Крякнув, он полез во внутренний карман сюртука, и Уинифред, совсем осмелев, прижалась его к руке. Краем глаза она заметила, как дернулся молча стоящий Дарлинг.

– Может, подождешь меня в офисе минутку, а? Я лишь решу одно маленькое дело с этим джентльменом, и мы...

– Мне страшно, мистер Мэшвуд! Пожалуйста, не оставляйте меня одну! – капризно воскликнула она и вцепилась в его плечо.

Старик оторопел и застыл. Связка ключей на его пальце качнулась.

Что же делать? Если у нее получится увести Мэшвуда, Дарлингу, пожалуй, хватит ума не последовать за ними и уйти домой – по крайней мере, она на это надеялась. А если нет? Что, если Мэшвуд заподозрит, что она не просто так появилась в доках посреди ночи, и расскажет о ней и о подозрительном юноше Уоррену? Одно она знала точно – оставить его наедине с Теодором она не может.

– Нэнси, милая, в самом деле, перестань... – пробормотал Мэшвуд, мягко пытаясь отцепить ее пальцы от своего сюртука. – Будь хорошей девочкой. Подожди меня... А ты стой где стоишь, или я пуцую тебе пулю в лоб! – рявкнул он на Дарлинга, когда тот сделал шаг в сторону.

Нет, он его не отпустит – Теодор явно упомянул что-то интересное для него. Из уважения к старому партнеру он постарается уберечь его милую посыльную от такого ужасного зрелища, но, если та будет настаивать, пристрелит и ее. Этот человек не знает ни жалости, ни чести, и если Уинифред не пойдет на решительные меры, Дарлинг и правда останется до самого рассвета лежать в сырых доках с пулей во лбу.

Уинифред дернулась, прижавшись к старику всем телом, незаметно скользнула рукой ему за спину и нащупала под тканью сюртука заткнутый за пояс брюк револьвер. Важно не только незаметно выудить оружие, но и найти грань между жалостью и откровенным раздражением. *И не переступить ее.*

– Я боюсь! Прошу, пойдите со мной, мистер Мэшвуд! – прохныкала Уинифред.

Мэшвуд с приклеенной к лицу улыбкой пытался отодрать ее пальцы от своей руки, терпя поражение и от этого злясь лишь сильнее.

Когда старик дернулся от нее, она сжала пальцы на рукояти под тканью, но та почему-то хрустнула, как картонная обертка. В то же мгновение холодное дуло револьвера уперлось ей в корсет чуть ниже груди. Уинифред затаила дыхание.

Черт. Как всегда, она больше следила за выражением его лица, нежели за движениями рук, вот ей и аукнулась старая привычка физиономистки.

– Нэнси, – ласково позвал ее Мэшвуд, и Уинифред вдруг обнаружила, что это не она его держит, а он ее. – Что ты такое делаешь?

Глава 17

Лезвия и вдохи

Споткнувшись, Дарлинг шагнул вперед, выставив перед собой руки, но Мэшвуд не обратил на юношу никакого внимания. Он с отцовской нежностью разглядывал лицо Уинифред.

– Стойте! – высоким от страха голосом вскрикнул Теодор, и по плечам Уинифред прошла дрожь. – Отпустите ее, прошу!

Мэшвуд с радостной улыбкой ткнул Уинифред дулом в ребро, и она прикусила язык, чтобы не доставить старику удовольствие стоном боли. Теперь, когда скрываться было ни к чему, она смотрела на Мэшвуда с ненавистью, но продолжала держать его за рукав. Ей казалось, что старик выстрелит, сделай она хоть одно неверное движение. Ею владел не страх, но расчетливое чувство осторожности.

– Так вы, оказывается, все-таки знакомы? – ласково осведомился Мэшвуд.

Уинифред боялась даже мельком взглянуть на Дарлинга и не сводила глаз с одутловатого красного лица мужчины. Удивительно, но гораздо больший страх сейчас она испытывала за жизнь Дарлинга, а не за собственную. Идиотка.

– Проваливай отсюда, – сквозь зубы бросила она Теодору. – Уходи!

Надежд на благоразумие Дарлинга было мало, но он сумел бы сбежать. *Сумел бы*, будь у него хоть капля рассудка. Даже если старик выстрелит в нее, Уинифред успеет повалить его на землю, и Теодора он уже не достанет. Но юноша не сдвинулся с места.

– О нет, – возразил Мэшвуд. – Дернется – пристрелю сначала тебя, а следом – его.

– Отпустите ее! – крикнул Теодор. На этот раз в его голосе прорезалась злость.

Боковым зрением Уинифред различила, что он снова шагнул вперед, и сглотнула. Гнев не подходил юноше, не сочетался с его характером. Как кольцо, болтающееся на слишком тонком пальце.

– Надо же. – Она холодно улыбнулась Мэшвуду, надеясь привести его в замешательство. – Право, я не рассчитывала, что разум еще

теплится в вашей старой голове. Разве вы не проверяете свой товар лично, мистер Мэшвуд?

Лицо старика сморщилось от гнева, как испорченный фрукт.

– Заткнись, девчонка!

Дарлинг стоял в паре шагов от нее, стиснув кулаки, готовый в любую секунду броситься на Мэшвуда, но не рискующий, пока старик держит Уинифред на мушке. Раз Теодор замолчал, значит, он думает, что у нее есть план.

– А разве это не так? – переспросила она, с язвительной усмешкой обращаясь к Мэшвуду. – Ни для кого не секрет, что вы подсаживаете на свою дрянь всех, кого только можете, даже женщин, которые носят под сердцем детей. А когда младенцы появляются на свет, матери кладут им в рот отравленные тряпочки – только так они засыпают по ночам. Правда, живут они недолго. А ваши дети, мистер Мэшвуд? Ваша жена не...

Старик поднял револьвер и наотмашь ударил ее рукоятью по лицу. Уинифред ожидала удара и успела увернуться, так что рукоять лишь мазнула ее по скуле и зацепила ухо. Воспользовавшись положением, она будто нечаянно выпустила руку старика и вынула из рукава большую металлическую булавку с эмалевой головкой. Такими крепят шляпки к прическе, а Уинифред использовала ее немного иначе.

Осел. Повелся на такую простую издевку. Что ж, ценой ссадины на ухе она узнала, что Мэшвуд не станет стрелять, пока есть хоть малейшая вероятность, что он не справится с обоими зараз.

– Как вы посмели! – яростно выкрикнул Теодор.

Мэшвуд приблизил револьвер к ее голове.

– Ни шагу вперед, не то снесу ей голову, – торопливо проговорил старик.

Дарлинг застыл на месте, мучительно искажив рот. Его побледневшее лицо выражало целый спектр эмоций от отчаяния до черного гнева.

Мэшвуд ткнул ей дулом в лоб, и Уинифред невольно качнула головой назад.

– Дрянь! – выругался он. – Я должен был раньше догадаться. Слишком уж чисто ты болтаешь для посыльной.

– И о чем же вы догадались? – безмятежно спросила она, играя пальцами булавкой.

Сердце такой, конечно, не пробьешь, но вот вспороть горло – еще как.

– Ты ведь его шпионка. Та самая. Уинифред Бейл. Думал, ты старше, а ты девчонка. Сколько тебе, лет шестнадцать? – Мэшвуд искривил влажные губы в улыбке. – Ловко придумано – у всех на виду, а никто не замечает. Ну и душка! А твой дружок? – Тяжело дыша, он обернулся к Теодору, с улыбкой указывая на Уинифред револьвером. – Ты с ней заодно, да? Тоже из людей мистера Уоррена? Это какая-то проверка?

Уинифред обожала врать умным людям. Обычно они придумывают ложь за нее и гладят себя по голове, когда она с удовольствием подтверждает их слова.

– Ну, наконец-то! – Она расслабилась в руках старика и послала ослепительную улыбку Дарлингу. – Мистер Уоррен будет рад узнать, что его давний друг не предаст его ни за какие деньги.

К ее удивлению, Теодор сложил руки на груди, и его лицо расслабилось. Впрочем, она все еще видела отчетливые следы страха в его позе и в растерянном изгибе его бровей.

– Разумеется, мисс Бейл. Я ничуть в нем не сомневался. Он готов был пристрелить меня, стоило мне только заикнуться о господине Уоррене.

Слова звучали складно, но не привыкший лгать Дарлинг говорил с излишней самоуверенностью, граничащей с откровенной издевкой – Уинифред лишь надеялась, что это заметила только она.

Она перевела взгляд на остолбеневшего старика.

– Может быть, вы уже опустите ваш револьвер? Мне холодно.

Пряча меж пальцев булавку, Уинифред поежилась и обхватила себя руками. Неужели не купился? Стоит прибавить лести?

– Признаюсь, сэр, вы оказались храбрее, чем я ожидала. И сразу догадались, что это проверка. А ведь другим партнерам господина Уоррена мозгов не хватило!

Мэшвуд с недоверием петлял взглядом по ее лицу, ища хотя бы каплю страха.

– Другим? Вы кому-то еще предлагали такое?

– Ну, конечно. Ведь мистер Уоррен подозревает, что среди его приближенных завелась крыса. Нам с Джоном было поручено проверить.

Посыльная Нэнси добавила бы, что рада, что мистер Мэшвуд не предатель, но Уинифред Бейл лишь утомленно прикрыла глаза и чуть улыбнулась.

Старик не спешил отпускать ее. Он не вздрогнул, даже не шевельнулся. Обычному человеку его лицо показалось бы каменным, но Уинифред заметила, как расширились его зрачки и участилось дыхание. Мэшвуд размышляет, и размышляет всерьез. Он либо отпустит ее, либо пристрелит – зависит от того, перегнет ли она палку и будет ли Дарлинг достаточно убедителен.

– Ну так что? – спросила Уинифред, изображая кокетливое нетерпение. – Мне правда холодно. Может, одолжите мне свой сюртук?

Мэшвуд с видимым усилием сражался с какой-то мыслью – на лбу пролегли морщины.

– Почему... Тогда зачем... тебе понадобилось мое оружие?

Уинифред улыбнулась, холодея внутри.

– Чтобы вы не выстрелили в Джона взаправду, разумеется, – соврала она. – Я же не могла предугадать вашу реакцию. И уж тем более не знала, что вы нас раскусите!

Мэшвуд наконец отпустил ее, но не револьвер. Уинифред, качнувшись из-за потери равновесия, шагнула назад. Ей хотелось попятиться и ощутить руки Теодора у себя на плечах, но нельзя было делать дистанцию между ней и стариком слишком очевидной.

– Боже мой, ну и холод! – Уинифред поежилась и, пользуясь моментом, поудобнее ухватила булавку за головку. – Джон, может, подвезем господина Мэшвуда? Осталось ли место в экипаже?

Она едва заметно качнула головой, и Дарлинг сглотнул.

– Нет, мисс Бейл.

Юноша двинулся ближе, явно намереваясь встать между ней и Мэшвудом. Самонадеянный дурак!

Улыбнувшись старику, Уинифред повернулась к нему, тесня Теодора назад.

– Как же жаль, – прощепетала она, с тревогой отмечая, что Мэшвуд все еще смотрит на нее с недоверием.

Слишком хлипка их ложь, даже себя самого он убеждает с трудом. Нельзя давать ему думать – может, он и опустил оружие, но оно все

еще заряжено. Даже если она набросится на него прямо сейчас, Мэшвуд все равно успеет выстрелить.

Старик нахмурился, крепче стиснув рукоять. Его взгляд метался по вымощенной брусчаткой земле, словно в поисках ответа. Уинифред бросила умоляющий взгляд на Дарлинга: «*Уходи!*»

– Что-то... Нет. Я не...

– Ох, ну что не так? – капризно протянула она, медленно подбираясь к нему слева. – Бога ради, не расстраивайтесь! Мы придем за вами экипаж, сэр, не...

– Ты лжешь, – прорычал Мэшвуд и снова прицелился в нее.

Она застыла на месте.

– Но... мы правда придем экипаж, сэр. До дока Святой Екатерины извозчики берут...

– Нет! – Он нетерпеливо качнул головой. – Ты предала его! Ты солгала, что это проверка, дрянь!

Сам придумал эту дурацкую ложь, а теперь еще и приписал ей. С ума сойти! Уинифред в притворном изумлении округлила глаза.

– Зачем же нам врать?

– Если это проверка, то она слишком затянулась. Если ты не хотела, чтобы я его пристрелил, почему призналась, только стоило мне вытащить револьвер? Зачем тянуть и прогонять его? – Старик показал подбородком на юношу. – Ты лжешь!

Уинифред невольно взглянула на Дарлинга. Сейчас, с испачканным воротником и темным пятном на скуле, он выглядел беззащитно, даже несмотря на решительное и немного жестокое выражение лица. Она стиснула булавку.

Мэшвуд перехватил ее взгляд, и в его маленьких, вечно улыбающихся глазах будто что-то зажглось. Уинифред поняла, что старик собирается выстрелить в Дарлинга, за мгновение до того, как он перевел на юношу дуло револьвера.

Она вскинула руку и полоснула его острием булавки по шее. Игла вспорола Мэшвуду кожу, но не достала до темнеющей под ней жилы. Старик взревел и поднял левую руку, прикрывая узкую длинную рану, из которой ему на воротник хлынула кровь. Другая его рука непроизвольно опустилась вниз, но стоило Уинифред приблизиться, как Мэшвуд вскинул свое оружие и нетвердо, но уверенно наставил его на Дарлинга. Она зажмурилась и бросилась на Мэшвуда, чтобы

направить выстрел себе под ноги. Старик нажал на спусковой крючок. Под веками мелькнула вспышка, потянуло запахом пороха. Уинифред дернула его ослабевшую руку вниз и врезала старику промеж ног. Тот от неожиданности разжал пальцы. Она выхватила револьвер, крутанула барабан и направила дуло старику в лоб.

– Теодор, ты в порядке? – задыхаясь, выдавила Уинифред.

Ей было страшно обернуться и увидеть обезображенное выстрелом тело юноши на земле. Она обеими руками стиснула оружие, продолжая глядеть на Мэшвуда, который корчился от боли у стены склада.

– Теодор?

Его рука опустилась ей на плечо, и Уинифред всхлипнула от облегчения.

– Со мной все отлично, – пробормотал Дарлинг, вставая рядом. – А ты? В тебя он не попал?

Не в силах вымолвить больше ни слова, она помотала головой. Револьвер в ее руках прыгал, сколько Уинифред ни стискивала ладони. Она в мясо искоусала себе щеки, но боль не помогала.

Что же ей теперь делать? Оставлять его здесь нельзя. Убить? Да, пожалуй, надо убить. Но как она может...

Мэшвуд со стоном привалился к стене, не в силах подняться, и, видимо, осознал свое положение. Порез оказался глубже, чем она думала – кровь продолжала капать сквозь его пухлые красные пальцы.

– Ты... ты... – прохрипел он. – Предательница. Крыса.

Напрягшись, Дарлинг тем временем шагнул к старику.

– Пусть так, – с достоинством ответила она. – Но я не предавала никого, кто этого не заслуживал.

– Пусть так, – повторил за ней Теодор. В его голосе дрожали яростные металлические нотки. – Но она в сотни... нет, в тысячи раз лучше вас! Не вам судить ее!

Мэшвуд закашлялся и крепко обхватил себя руками – видимо, любое движение причиняло ему мучительную боль.

– Все равно, – возразил он, пропустив слова Теодора мимо ушей. – Предатели хуже убийц, Уинифред Бейл. Убийцы честны в своем намерении, у них всегда есть цель. Убийцы вершат суд не только за себя, но и за своих любимых, за свою честь. Предатели же всегда спасают только свою шкуру. – Мэшвуд перевел взгляд на Дарлинга и

добродушно ему улыбнулся. Grimаса вышла жуткой, потому что старик едва мог поднять веки. – Я оказываю тебе услугу, мальчик. Лучше быть убитым, чем преданным.

Под рукой Мэшвуда сверкнуло лезвие. Старик прытко вскочил, бросился на Теодора, и Уинифред – прежде, чем подумать о чем-то, прежде, чем успеть хоть что-то почувствовать, – нажала на спусковой крючок.

Старик рухнул ей под ноги, стиснув в кулаке маленький нож с дорогой, инкрустированной сапфирами рукоятью. Уинифред отстраненно подумала о том, что за такой ножик можно получить немалые деньги, если знать, где его продать.

Дарлинг охнул и отшатнулся, оставив ее молча стоять над телом Мэшвуда. Выстрел пришелся в грудь, чуть выше того места, в которое она метила. Старик еще дышал, но сил держать руку на шее у него не осталось. Теперь под ним расплывались две лужицы крови: одна под туловищем, другая, поменьше, под головой. Интересно, она все-таки задела вену? Крови много.

– Уинифред, – жалобно позвал ее Теодор, но голос, хоть и различимый, доходил до нее приглушенно, как будто он говорил из соседней комнаты.

Она почувствовала, как юноша вынимает из ее окаменевших пальцев револьвер. Зачем он ему?

Мэшвуд почувствовал приближение смерти. Это было явственно написано в выражении его лица, подавленном и озадаченном. Жизнь уходила из тела старика с каждым выдохом, с каждой каплей крови – стремительно и вместе с тем мучительно медленно. Мэшвуд, не отрываясь, смотрел на луну, которая стала их молчаливым свидетелем, а потом перевел взгляд на свою убийцу и нежно ей улыбнулся. Зубы покраснели, как будто он набрал полный рот красных чернил. Он, видимо, что-то хотел сказать ей, но тут сильная судорога толкнула его тело изнутри. Мэшвуд дернулся и запрокинул голову. Полная луна отражалась в его остекленевших глазах.

В это мгновение Уинифред Бейл узнала, что все-таки способна на убийство. Она упала на колени, неотрывно глядя в лицо мертвецу. Странно, но боли от удара о брусчатку она не ощутила. Все ее тело будто онемело, превратилось в камень. Лужица крови коснулась кромки ее платья, и на промокнувшей ткани расцвели алые узоры.

Убийца.

Уинифред опустила голову на колени и крепко обхватила себя руками, не давая выбраться на волю рыданиям, которые заставляли трястись все ее тело. Слезы душили ее, застревали комком в горле, щекотали щеки, и она никак не могла успокоиться и сделать глубокий вдох. Каждый выдох казался ей последним. Каждый спазм, стискивающий грудь, должен был переломать ей ребра.

Когда кто-то коснулся плеча Уинифред, ее тело среагировало само собой. Она дернулась вбок и обхватила голову руками, чтобы защитить ее от ударов. С ее губ сорвался жалобный тонкий всхлип, а потом она подавилась собственными рыданиями и закашлялась. Уинифред было все равно, кто это и с какой целью он пришел. Она не могла дышать. Легкие словно уменьшились до размеров спичечного коробка. Она делала судорожные торопливые вдохи, не приносящие облегчения. Ей хотелось раскрыть рот, но стиснутые челюсти свело, Уинифред не могла пошевелить ни единой мышцей.

Чья-то рука снова тронула ее плечо – робко, колеблясь. Второе прикосновение не было для нее неожиданным, и в этот раз она не дернулась. Рваные короткие вдохи не давали ей глотнуть воздуха. Она задыхалась. Задыхалась. *Задыхалась.*

Рука мягко погладила ее плечо и снова скользнула вверх. Потом еще раз. Тихий голос Теодора произнес:

– Винни. Вдохни.

Уинифред захотелось рассмеяться – будто это так легко! Будто он понимает, как тяжело ей сейчас бороться с собственным телом не то что за вздох – за жалкий его клочок!

Дарлинг мягко отвел ладонь Уинифред от головы и переплел с ней пальцы. Легкое, но надежное пожатие его руки немного успокоило ее.

– Медленно. Со мной.

Теодор сделал громкий вдох, задержал дыхание и со свистом выпустил воздух через зубы. Уинифред не видела его, но отчетливо слышала дыхание. От неожиданности она растерялась и даже не попыталась сделать, как он говорит, продолжая крупно трястись и стискивать изо всех сил его ладонь. Но Теодор продолжал делать длинные, медленные, несколько театральные вдохи и выдохи, и мало-помалу она начала подстраиваться под темп его дыхания.

Вдох. Задержка. Выдох.

Вдох...

Спичечный коробок в ее груди рос с каждой попыткой. Чтобы не думать только о дыхании, Унифред попробовала сосредоточить внимание на чем-то другом и обнаружила, что Теодор большим пальцем вырисовывает круги на ее кисти. Потом вдруг поняла, что во рту солоно из-за ее дурной привычки кусать щеки. Затем в ее мир начали возвращаться другие детали: шум в ушах, холодный камень, онемевшие ноги, мокрый ветер и, наконец, сладкие цветочные духи. Унифред и сама не заметила, как вдруг вдохнула полной грудью. Просто в какой-то момент все перестало быть совсем уж невыносимым, а точного мгновения ей было уже не припомнить.

Дыхание Теодора стихло, но он продолжал выводить маленькие кружки на ее коже. Она не спешила убирать руку.

– Тебе лучше? – наконец тихо спросил юноша.

Унифред хотела поднять голову, но знала, что лунный свет ее ослепит.

– Да, – прохрипела она. В горле поселилось болезненное ощущение. – Мне лучше.

* * *

Унифред смогла бы идти, если бы захотела, но Теодор без рассуждений подхватил ее на руки. Вжавшись щекой в мокрую ткань его сюртука, она слушала его сбивчивое сердцебиение, пока не уснула от изнеможения.

Она проснулась ночью, измотанная и нисколько не отдохнувшая. Сквозь просветы между портьерами в комнату пробивался ядовитый желтый свет фонарей. Прищурившись, она села в постели, слишком мягкой и поэтому незнакомой и неудобной.

Теодор лежал рядом, держа Унифред за руку. Когда она шевельнулась, юноша проснулся.

– Унифред?

– Извини, что разбудила, – шепотом ответила она, с любопытством оглядываясь.

Воспоминания о том, что происходило несколькими часами ранее, маячили где-то неподалеку, готовые заполнить ее мысли. Унифред

отгоняла их, смутно догадываясь, что они принесут лишь боль.

– Нет, что ты... Я зажгу свечи.

Пошарив по прикроватному столику, Дарлинг зажег три свечи в тяжелом бронзовом подсвечнике, и Унифред зажмурилась, прикрывая глаза ладонью. Руки до самых запястий скрывала ночная сорочка. Теодор заметил ее взгляд и торопливо пояснил, краснея:

– Лаура тебя передела. Твое платье... после ночных событий...

Унифред все вспомнила. Воспоминания о мистере Мэшвуде, револьвере и совершенном ею убийстве вернулись в одно мгновение. Тяжело сглотнув, она опустила голову.

– Куда ты дел оружие? – бесстрастно спросила она, касаясь собственной щеки. Боль от удара рукоятью револьвера давно прошла.

– Выбросил в реку. И нож, и булавку тоже. Они ведь не всплывут?

Теодор замолчал, и Унифред услышала, как он аккуратно кладет коробок спичек на столик. Искренняя тревога в его словах рассмешила ее. Если она, конечно, все еще способна на веселье.

– Разумеется, нет. Скорее всего, их никогда не найдут. – У нее в горле пересохло, но она не решалась попросить воды. – А что с... с мистером...

– Оставил там. – Голос Дарлинга был не громче шепота. – Надеюсь, ты не сочтешь за дерзость, что я привез тебя к себе домой.

– Ты...

– Идиот, знаю. – Дарлинг пристыженно повесил голову. – Извини. Клянусь, я не...

– Ты в порядке?

– О, Винни! – Он стиснул ее ладонь обеими руками. – Только лишь благодаря тебе! Я должен тебя об этом спрашивать!

Унифред отвернулась к стене. Когда Уоррен называл ее Винни, ей всегда было противно, даже в детстве. Будто он не принимает имя, которое она выбрала для себя сама, а вместо него подсунул ей кличку, как собаке. Но Теодор произнес его иначе – с такой безоговорочной, безграничной нежностью, что не было ни малейших сомнений в его искренности. Для него это совершенно другое имя.

– Я убийца, – прошептала она и высвободила свою руку из ладоней юноши. – Я убила его, даже не задумавшись. Конечно, ты мог подумать, что человеку вроде меня совесть чужда, но... – Унифред горько рассмеялась. – Выходит, что нет.

– Ты должна была! – горячо возразил Теодор. – Если бы ты не взялась за оружие, он прикончил бы нас обоих. К тому же подумай о всех тех людях, которых Мэшвуд погубил своей отравой! Ты спасла больше жизней, чем отняла!

Дарлинг говорил нежно, но слова были жесткими, безапелляционными. Он ничуть в них не сомневался. Уинифред подняла на него взгляд. Как может этот робкий, ласковый, сердечный юноша так цинично рассуждать об убийстве?

– Ты не можешь действительно так думать, – недоверчиво произнесла она. – Теодор, я *убила человека!* Это непростительно, это не... – Она сбилась. Ненависть к самой себе жгла ее изнутри. Она вжала ногти в ладони с единственной целью – причинить себе боль. – Этому нет оправданий.

Дарлинг нахмурился.

– Прекрати. Я знаю, зачем ты это делаешь.

– Нет, не знаешь, – огрызнулась Уинифред, но на всякий случай разжала пальцы. Пора бы уже запомнить, что Теодор внимательнее, чем показывает.

– Уинифред, тебе не нужно причинять себе боль, чтобы очищать мысли и прятать чувства, прятать гнев.

– Нет, нужно, – упрямо возразила она. – По-другому я не могу.

Ей захотелось назло Дарлингу с его грустными щенячьими глазами снова вонзить ногти в ладони. Юноша потянулся и удивительно нежно развел ее ладони в стороны. У него были длинные сильные пальцы, как у музыканта.

– Ты можешь, – терпеливо отозвался Теодор. – Ты самая умная, смелая, удивительная девушка, которую я когда-либо встречал. Чувства не делают тебя глупее, трусливее или хуже. Они делают тебя собой. И когда ты поймешь, что их не нужно прятать – нельзя прятать! – тогда ты обрешь второе дыхание.

Он говорил тихо, очень мягко, но Уинифред различала каждое слово.

– Я не могу чувствовать, – выдохнула она. – Все, что я чувствую, – это злость. Иногда дикую, первобытную ярость. – Ее пальцы инстинктивно сжали ладони Дарлинга. – Я не могу показывать это лицо – лицо гнева. Тем более тебе.

– О, Винни... Ты гораздо больше, чем твой гнев.

Ей показалось, что в его голосе зазвучала грусть – тонкая и музыкальная, как звон стекла.

– Я не могу его показывать, – еле слышно повторила она.

– Ты не можешь его копить, но можешь превратить в нечто прекрасное.

Уинифред подняла глаза. Его лицо, обычно мальчишеское и растерянное, сейчас казалось ей лицом взрослого мудрого мужчины. Ее снова охватила ярость. Это было самое глупое, что она когда-либо слышала. Она вырвала ладони из рук Теодора, подняла лицо выше и прошипела:

– Как может быть прекрасной *злость*?

Дарлинг уронил руки. В его глазах Уинифред видела твердую решимость и очень, очень много доброты. У нее защемило в горле, и она пожалела, что вырвала руки.

– Ты можешь сделать гнев своим оружием. Мечом, которым будешь сражать врагов. Щитом, которым оградишь своих любимых.

Уинифред хотела выплюнуть, что у нее нет любимых, но слова застряли на языке. Она понимала, что выглядит глупо со своими широко распахнутыми глазами и плотно сжатыми губами, но не смогла заставить себя произнести ни слова.

Она обхватила себя руками и отвернулась. В груди расплзлось странное щекочущее тепло. Она никак не могла стряхнуть с себя это чувство.

Так вот чем Дарлинг может оправдать убийство? Любовью? Ради любимых он, этот хрупкий юноша, собирающий в саду улиток, может взять в руки оружие? Что ж, наверное, он по-своему прав. Если и стоит убивать, то только ради любви.

– Я хочу сказать... – Теодор замялся. – Я понимаю, почему ты это сделала. На твоём месте я поступил бы так же. Я пошел бы *на все*.

Смысл его слов доходил до нее долго – гораздо дольше обычного. С ее губ сорвался смешок. Прежде чем Уинифред успела понять, что происходит, она уже смеялась во весь голос, запрокинув голову. Она готова держать пари: слова Дарлинга – самое странное признание в любви на свете.

– Винни? – испуганно спросил Теодор. – Винни, что с тобой?

Уинифред задыхалась от хохота, руками прикрывая рот. Юноша привлек ее к себе и сжал в объятиях. Она смеялась у него на плече,

пока истерические смешки не превратились в длинные всхлипы.

Он как-то раньше ее понял, что смех ее исходил не от веселья, а от скорби. Скорби за ту часть души, которую она убила в себе ради спасения жизни того, кого любит.

* * *

Уинифред не заметила, как заснула, убаюканная собственным плачем и объятиями Теодора. Проснувшись, она не обнаружила его в комнате и, как была, в ночной сорочке и босая, прошлепала в коридор. Комнаты наверху пустовали. На лестнице Уинифред миновала испуганную горничную с тазом белья, спустилась на первый этаж и толкнула дверь в кухню.

Кухарка дремала на стуле, раскинув руки в стороны и раскрыв рот. Чтобы разбудить ее, Уинифред схватила со стола половник и с силой зарядила им по кастрюле. Подпрыгнув, женщина раскрыла осоловевшие от сна глаза.

– Мисс? Что вы тута, стало быть, делаете, а?

– Где Лаура? – коротко спросила она.

Рассерженная кухарка уперла руки в бока.

– Ишь чего! Приперлась на кухню, да еще и вздумала тута мною командовать! Прежде поздоровайся, как надобно, негодница ты эдакая!

– Мне нужна Лаура, – с нажимом повторила Уинифред, сложив руки на груди. – Где она?

Женщина, неодобрительно косясь на нее, встала со стула и пошаркала к плите.

– В Малом кабинете небось, – с неохотой ответила она. – Завтрак убирает. Мистер Дарлинг уже уехал ведь, знамо.

– Уехал? Куда?

– На воскресную службу... И почем это мне тебе докладываться? Проваливай-ка отсюда, дорогуша!

Кухарка загремела посудой, и Уинифред с достоинством поблагодарила наглуую прислугу, изумляясь собственной благосклонности:

– Спасибо.

Кухарка с удивлением поглядела ей вслед.

Лаура нашлась в Малом кабинете – девочка действительно собирала со стола чашки и тарелки. Увидев Уинифред, она приподняла брови и медленно выпрямилась, держа в руках чашку.

– Мисс Уинифред? Я думала, вы проспите до обеда. Ох, неужто я слишком шумела?

– Вздор. – Уинифред плюхнулась в кресло и схватила со стола недоеденный тост с маслом. – Почему Теодор уехал? Что еще за воскресная служба?

– Мистер Дарлинг всегда посещает воскресную службу. Он полагал, что успеет вернуться до вашего пробуждения, ведь вы так крепко спали... – Лаура смутилась и отвернулась, старательно собирая со стола крошки. – Как вы себя чувствуете?

– Отлично, – с раздражением отмахнулась она от надоевшего вопроса. – Вот досада! Я думала, он сходит со мной за револьвером.

Лаура посмотрела на Уинифред, словно на умалишенную. Это ее позабавило.

– Он же в реке... в доках... Негоже вам туда возвращаться... Да и зачем? Скорее всего, уже нашли тело. Скоро новость разлетится по газетам...

– Да не тот! Мне нужно оружие, чтобы в случае чего я могла защитить себя. И... других. – Уинифред принялась изучать свои ногти, заметив, что чернила до сих пор не вымылись. – В оружейную лавку мне необходимо сопровождение мужчины.

Она представила, как скривилась бы от этих слов Эвелин, и улыбнулась себе под нос.

– Тогда возьмите с собой мистера Акли, – предложила Лаура. – Он наверняка свободен. И покупка оружия может стать тем самым делом, которое нас свяжет, но не даст ему знать слишком много.

– Отличная идея! Только сначала надо будет заскочить к мистеру Уоррену и обрадовать его свежей вестью. Пошлешь записку мистеру Акли? Ах, ладно, я сама – у тебя и так дел полно. Прогуляемся с ним до оружейной лавки. Погода, похоже, будет чудесная!

Уинифред улыбнулась девочке, удивляясь собственному приподнятому настроению. Похоже, убийство и впрямь не стоит тех волнений, которые она на него потратила – оправилась она довольно быстро.

Однако Лаура смотрела на нее с тревогой.

– Мисс Уинифред, мне что-то это не нравится. Может, лучше останетесь дома? – Девочка вытерла руки о передник. – У вас же даже платья нет. Давайтеждемся возвращения мистера Дарлинга, а потом...

– Глупости. Найду какое-нибудь платье, а потом переоденусь в офисе. И к чему мне ждать Теодора? Я сама справлюсь.

При мысли о нем у Уинифред что-то дрогнуло внутри, но она быстро стряхнула неприятное ощущение.

С помощью Лауры Уинифред влезла в самое простое платье, какое нашлось в доме – из гардероба миссис Дарлинг, так и не разобранный после ее смерти. Все ее туалеты безнадежно вышли из моды, зато были ей впору. Уинифред хотела попросить Лауру проверить еще гардероб Кэтрин Дарлинг, но вовремя спохватилась и прикусила язык.

Она выбрала темно-зеленое платье без отделки, чем-то похожее на то, которое она испортила накануне. В одежде покойницы Уинифред почувствовала себя неуютно.

Лаура вышла проводить ее. Меж бровей девочки пролегла озабоченная складка. В порыве чувств она схватила Уинифред за руку.

– Оставайтесь лучше дома, мисс Уинифред! Вам незачем ехать прямо сейчас! Прошу вас, оставайтесь! К тому же мистер Дарлинг забрал экипаж!

Тронутая ее заботой, Уинифред погладила девочку по плечу и вытянула руку из ее пальцев.

– Нет, я пойду. Прогуляюсь. Не беспокойся так, милая! Со мной все будет в порядке, правда!

Лаура с сомнением покачала головой.

До «Рассвета» было всего ничего, поэтому Уинифред решила пройтись пешком. После полуночи в городе прошел ливень, но уже к утру он закончился, оставив после себя мокрые, еще не оплеванные дороги и белый туман над шпилями.

За две недели она немного отвыкла от пеших прогулок, и ноги начали ныть. Уинифред нравилась эта боль. Ночной разговор с Теодором натолкнул ее на кое-какие мысли, но размышления испортили бы ей день. Поэтому Уинифред просто неторопливо прогуливалась, подслушивая разговоры незнакомцев из распахнутых

окон, вдыхая посвежевший после дождя воздух и просто позволяя себе ни о чем не думать.

И все-таки ей было тревожно, что она упустит какую-нибудь маленькую, но важную мысль. Становилось еще хуже, когда ей казалось, что она эту мысль поймает.

Мистера Уоррена в «Рассвете» не оказалось. Уинифред поколотила в дверь, немного постояла, пялясь в знакомые до смерти узоры на дереве, а потом поплелась к секретарю.

Мистер Холбрук открыл после первого же стука, будто поджидал ее. Как всегда, молча, не здороваясь, он распахнул дверь ровно настолько, чтобы показать в проеме свое лицо.

– Где господин Уоррен? – прямо спросила она, не утруждая себя приветствием.

Секретарь скривил губы.

– Уехал, – коротко ответил он.

Голос Холбрука, как обычно, показался ей до странного отталкивающим и вместе с тем интригующим.

– Велел вам передать.

Он вынул лист бумаги, сложенный втрое и не скрепленный печатью. Уинифред уронила скупое «спасибо», и Холбрук, не прощаясь, захлопнул дверь. Ну и пускай. Ей все равно никогда не нравился этот напыщенный, похожий на крысу идиот.

Она развернула письмо. На листе было накорябано всего несколько строк:

«Винни,

Если ты вернулась в «Рассвет», то уже, наверное, знаешь, что мистера Мэшвуда нет в живых. Я навел справки – его «Флорентина» так и не пришла. Не думаю, что это совпадение.

Разумеется, сегодня ты свободна.

Уоррен».

Уинифред поглядела на дверь мистера Холбрука, чтобы убедиться, что она заперта. Впрочем, он наверняка прочел послание.

Значит, Мэшвуда нашли. Как верно заметила Лаура, скоро новость разлетится по всем газетам. Констебли обставят дело как ночное ограбление, даже если найдут у убитого бумажник – им ни к чему

поднимать шум. До тех же, кто близко знаком с деятельностью Мэшвуда, дойдет другая версия: его доверху нагруженный корабль не пришел в срок, и кто-то из недовольных застрелил несчастного старика его же оружием. Правду знают лишь трое: его убила семнадцатилетняя шпионка, чтобы защитить любимого человека. Благородное, доблестное убийство.

Она обнаружила, что ее прошиб холодный пот. Сосущая дыра в груди вновь раскрыла свою жадную пасть, и Уинифред, чтобы обмануть ее, улыбнулась самой себе.

Она справилась. Она в порядке.

Спрятав записку, Уинифред медленно зашагала к выходу.

Глава 18

Револьверы и чужие вкусы

Стеллан уже ожидал ее на условленном месте. Увидев ее издалека, он заулыбался во все зубы и замахал ей рукой. Уинифред почти смущалась, видя, как на нее неодобрительно оглядываются идущие по улице люди. Почему в том, что мужчина ведет себя в высшей степени нахально, обвиняют женщину? Уму непостижимо.

Скрипя зубами, она подошла к Стеллану. Тот опирался на новенькую, без единой царапинки трость, хотя не надел перчаток. К современной моде он вообще подходил с придирчивой избирательностью: не носил бакенбарды и не укладывал волосы, игнорировал существование головных уборов, перчаток и накладных воротничков, зато с удовольствием постукивал тростью, небрежно повязывал шелковые галстуки, а его жилеты и фраки были пошиты по новейшим французским выкройкам.

– Добрый день, мисс Бейл, – нарочито учтиво поздоровался он и одарил ее насмешливо-восхищенным взглядом с ног до головы.

Она вдруг вспомнила, что на ней все еще надето платье миссис Дарлинг.

– Оригинальный выбор! Но вот оттенок совсем не для такой юной леди, как вы. Нынче в моде пурпурный, вы разве не знаете? Да и фасон какой-то... излишне скромный.

Уинифред вздернула подбородок.

– Я не собираюсь обсуждать с вами собственные вкусы. Следите лучше за собой. У вас воротник помялся.

– Как вы внимательны ко мне. – Юноша с ухмылкой сунулся к ней. – Не поможете мне его поправить?

Выражение лица у него было донельзя самодовольное – Стеллан не сомневался, что она не откажет. Однако Уинифред окатила его полным отвращения взглядом и процедила:

– Увольте.

Разочарованный, он выпрямился и стукнул тростью.

– Вы жесткая, жестокая девушка. Выбираете себе любимчиков, и это ранит мои чувства. Не могли бы вы быть со мной хоть немного

поласковее?

Стеллан говорил с явной насмешкой, но все-таки в его словах сквозила неподдельная, плохо скрываемая ревность. Он говорит о Дарлинге?

Позабавленная, Уинифред поджала губы.

– Разве вам недостаточно одного моего общества?

Она пошла вниз по улице, не оборачиваясь, чтобы убедиться, что юноша шагает за ней, – ей достаточно было стука трости. Нагнав ее, Стеллан поинтересовался:

– Куда мы направляемся? Вы так ничего толком и не объяснили в вашей записке. Мы идем в театр? Никогда не был в театре в Сохо. Может, в «Рассвет»? Там я тоже не был, но, уверен...

– Умерьте ваш пыл, – осадила его Уинифред. – Мы идем в оружейную лавку. Вы должны купить мне револьвер.

– Да что вы? – Стеллан криво ухмыльнулся. Его клыки оказались чуть длиннее остальных зубов – наверное, именно они и делали его улыбку такой неуютной и хищной. – Кто же в городе посмеет не продать оружие самой Уинифред Бейл?

– Не будьте дураком. Много ли людей знает, как я выгляжу на самом деле? – парировала она. – Если я притащусь в лавку и заявлю, что я Уинифред Бейл, не захотят ли доблестные оружейники доложить моему хозяину, что какая-то девица назвалась его шпионкой и приобрела револьвер?

– Что ж, в этом вы, пожалуй, правы, – со вздохом признал Стеллан. – А если не называть имени? Просто прийти в лавку и купить оружие?

Уинифред оглядела юношу с недоверием.

– Мне его попросту не продадут. Вы правда настолько тупы или просто прикидываетесь?

Стеллан оскалился.

– Я думал, тупость в вашем вкусе.

– А я думала, мы с вами условились не обсуждать мои вкусы.

Уязвленная намеком, Уинифред отвернулась.

До лавки оставалось всего ничего. Некоторое время они шли молча, но потом Стеллан спросил с несвойственной ему серьезностью:

– Выходит, он и правда вам нравится?

– Не понимаю, о чем вы.

– Все вы понимаете! – В голосе юноши прорезалось раздражение. – Не оправдывайтесь, я знаю, что вы ему нравитесь, и думаю, что он нравится вам. Но вы ведь не рассчитываете, что это надолго?

По сердцу Уинифред будто прошлись ножом, неглубоко, но противно. Не чтобы ранить, а чтобы просто причинить боль.

– С чего вы взяли, что я стану обсуждать с вами подобное? – холодно спросила она. – Ваше дело – купить мне револьвер.

– Тедди падок на красавиц, – продолжал Стеллан, будто ее не слыша. – Вы всерьез полагаете, что вы первая, кем он заинтересовался с момента своего приезда в Лондон? Бросьте.

– Вы забываетесь, мистер Акли, – как ни в чем не бывало пробормотала Уинифред, делая вид, что поправляет пуговицы на перчатке. Она уже давно поняла: единственное, что нужно от нее Стеллану, – ее эмоции. – Мне нет дела ни до ваших чувств, ни до чьих-либо еще.

Однако Стеллан, кажется, не на шутку распалился. Они зашли в очень узкий грязный проулок, но юноша, тесня ее к стене, продолжал идти рядом, пытаясь заглянуть ей в лицо.

– Вы не подходите друг другу, мисс Бейл. Я прекрасно понимаю, почему вы нравитесь мне, но чем вы зацепили Тедди – ума не приложу. Впрочем, уверяю вас, это явление временное при любом развитии событий.

Уинифред не должна была подпитывать его излишняя никакой реакцией, но сейчас ей хотелось расхохотаться. Неужели он считает, что она настолько глупа, что клюнет на его очевидную ложь?

– Что вы этим хотите сказать? – без тени улыбки спросила она.

– Вам нужен тот, кто сможет в полной мере оценить ваши достоинства, – без обиняков выдал Стеллан.

– И вы, конечно же, имеете в виду себя.

Нисколько не смущаясь, он кивнул.

– Именно так.

Они остановились у маленького домика в тупике, такого грязного, что некогда белоснежные занавески на окне превратились в темно-серые тряпки, которые туда-сюда с хлопками тянул ветер. У входа лежала тощая собака с проплешинами на ребрах, лениво покусывая облепленную муравьями кость какого-то животного. Отвратительное

место. Зато здесь без лишних вопросов продают добротное, сбытое контрабандой оружие любому, у кого есть деньги. Но, разумеется, не милловидным юным девушкам – до такой прогрессивности не шагнула даже подпольная оружейная сеть.

– Купите мне самый маленький револьвер, – приказала Уинифред, сложив руки на груди. – Я подожду вас здесь.

– Хорошо, мисс Бейл. Маленький хорошенький револьверчик. Давайте деньги.

– Дать вам деньги? С какой стати я должна давать вам деньги, если вы покупаете мне револьвер?

На секунду потеряв дар речи, Стеллан ошеломленно распахнул глаза.

– С какой стати я... Это же *вы* просите!

– Вот и сделайте мне подарок. Считайте это первой инвестицией в наше общее дело.

Бессовестно ругаясь себе под нос, юноша стал пересчитывать монеты. Ладонью он прятал их от Уинифред, но она смогла разглядеть по меньшей мере два новеньких блестящих соверена.

– Обычно это для меня раскошеливаются, а не наоборот, – с явным неудовольствием буркнул он, пересчитав монеты и со звоном ссыпав их обратно в карман. – Но для вас, пожалуй, я готов сделать исключение. Обещайте только подумать над моим предложением.

Ничуть не тронутая его щедростью, Уинифред выгнула бровь.

– Над каким это? Вы мне ничего не предлагали.

В ответ на это Стеллан лишь подмигнул ей, ловко перехватил трость и толкнул дверь в лавку.

Он вернулся спустя десять минут, неся что-то маленькое, завернутое в платок. Уинифред потянулась, чтобы принять из его рук револьвер, но юноша ловко спрятал сверток себе за спину.

– Не так быстро, – лукаво произнес он. – Поначалу поклянитесь, что исполните мою просьбу.

– Так озвучьте ее наконец, – скептически предложила она. Игры Стеллана ей уже порядком надоели.

– Поцелуйте меня, – вдруг с неожиданной серьезностью попросил он, но не наклонился и вообще не сделал никаких попыток приблизиться к ней.

Уинифред охватила растерянность, но она быстро взяла себя в руки и немного насмешливо воскликнула:

– Вот оно что! Может быть, предложите мне еще стать вашей любовницей?

– Поцелуй – это не так уж много, если вы не законченная ханжа, – с прежней самоуверенной ухмылкой возразил Стеллан. Уинифред поняла, что его задел ее шуточный тон. – К счастью, вы далеки от тех узких взглядов, которыми так кичится высший свет. Я не прав?

Разумеется, он был прав. Подарив свой первый и последовавшие за ним поцелуи мужчине, она не считала себя опороченной только лишь потому, что не состояла с ним в браке. Плотские утехи представлялись ей меньшим из возможных грехов, а до порядочности ей дела не было. Но признаваться в этом Стеллану – и, чего хуже, *целовать его* – Уинифред не собиралась.

– Ну уж нет, – отрезала она. – Может, добродетель и переоценивают, но терять ее я вовсе не собираюсь.

Юноша сверкнул глазами – как показалось Уинифред, с некоторой злобой.

– Вот как? – переспросил он смеющимся голосом. – Переоценивают?

Она беззаботно пожала плечами.

– Именно так. Мягкое сердце, скромность, невинность и смирение ничего не стоят, когда ты некрасива и не умеешь лгать.

– Что ж, ни то ни другое не про вас. Тогда позвольте мне другую просьбу. – Стеллан слегка повернул голову вправо, не отрывая от нее взгляд. – Если вам когда-нибудь станет одиноко, вспомните обо мне. Вспомните, что я остаюсь вашим верным другом.

– Хорошо, – спокойно солгала она. – Если мне станет одиноко, я вспомню.

Юноша немного повеселел, но в выражении его лица застыло что-то неприятное.

– Премного вам благодарен. Можно задать еще один вопрос?

– Пожалуй, – с неохотой согласилась она.

– Зачем вам револьвер? Ничего такого не подумайте – справляюсь из профессионального любопытства.

– Увольте. У вас нет ничего профессионального.

Стеллан усмехнулся, почему-то польщенный такой характеристикой.

– И все же. В наше время опасно ходить с оружием – любой может обернуть его против тебя самого. Слышал, сегодня утром в порту нашли застреленного старика, крупную шишку.

Он замолчал. По его лицу пробежала едва заметная тень, и Уинифред похолодела. Неужели догадался? Нет, не может быть.

– В городе беспокойно, – возразила она, скрывая волнение. – Физически я не сильна. Мне нужна хоть какая-то защита.

Стеллан пожал плечами и протянул ей завернутый в носовой платок револьвер – кажется, такое объяснение его вполне удовлетворило. У Уинифред отлегло от сердца. Постаравшись не коснуться обнаженной кожи юноши, она взяла сверток и развернула.

Револьвер был крошечным, не больше ее ладони – новенький, покрытый блестящей черной краской. Уинифред коснулась большим пальцем курка, и по спине побежали мурашки.

В своей руке она вдруг увидела совсем другой револьвер – побольше и потяжелее, с лакированной деревянной рукоятью, покрытой сотней маленьких царапин. Как во сне, Уинифред почувствовала, как ободок оружия нагревается, раскаляется, а в воздухе тянет отвратительной смесью пороха и крови.

Ее накрыла паника. Она пошатнулась и выронила бы револьвер, если бы Стеллан не подхватил ее за локоть.

– Мисс Бейл? – произнес он с насмешливым беспокойством. – Что с вами?

Зажмурившись, она крепко стиснула губы, пытаясь вернуть себе власть над собственным телом. Стеллан сунул трость под мышку и обхватил ее плечи – она едва держалась на ногах.

Что за чушь? Она испугалась револьвера?

– Пустяки, – выдавила Уинифред, убедившись, что мгновение слабости понемногу отступает. В груди снова открылась холодная мерзкая дыра. – Я просто... не люблю оружие.

Рука юноша на ее плече слегка сжалась, а затем он сердито произнес:

– Так зачем же вы заставили меня его купить, черт вас дери? Какой в нем толк, если вы даже в руки его взять боитесь?

Уинифред охватило раздражение. Меньше всего ей нравилось лгать, умаляя собственное достоинство.

– Я не боюсь, – резко возразила она. – Просто минутное помешательство. Отпустите меня.

Она попыталась вырваться из рук Стеллана, поддерживавшего ее за плечи, но юноша не дал ей освободиться, а повел прочь из закоулка.

– Глупости, – отрезал он. – Я отведу вас в вашу квартиру. Не хватало еще, чтобы вы упали в обморок, стоит мне скрыться за углом!

Стеллан еще раз несильно стиснул ее плечи, и Уинифред, обмякнув, позволила ему повести себя. Она так крепко сжала в руке оружие, что даже через ткань платка чувствовала выдавленные на барабанах борозды.

Уинифред была почти благодарна Стеллану – будь она одна, то непременно притиснулась бы к грязной вонючей стене тупика, задыхаясь и рассыпаясь на куски. Но прикосновение его рук – не слишком приятное, но отвлекающее – приводило ее в чувство каждый раз, стоило мыслям вернуться к револьверу.

Юноша в молчании (казалось, он сам растерян) довел Уинифред до кеба и посадил ее. Забравшись внутрь, она, будто очнувшись, оттолкнула его.

– У вас разве нет собственного экипажа? – капризно спросила она, обмахиваясь перчатками. Было ужасно душно, и голова шла кругом.

Стеллан, усевшийся напротив нее, легкомысленно пожал плечами.

– Был. Я его продал, – без тени смущения сказал он.

– Карточные долги?

Юноша молча улыбнулся и негромко спросил:

– Эви вам рассказала? – Слегка раздосадованный, но широко улыбающийся, Стеллан закинул обе руки на спинку сиденья. – Не стоит верить всем ее рассказам, мисс Бейл. Она мнит себя эдакой *femme incomprise*^[17], а на самом деле она просто синий чулок, озлобленный на весь мир за то, что никто не хочет брать ее замуж.

– Не нужно иметь много ума, чтобы понять, что вы азартны, мистер Акли, – уклонилась она, притворившись, что поняла брошенную им по-французски фразу.

Слова юноши об Эвелин ей не понравились. Хотя их отношения сложно было назвать дружескими, впечатление о мисс Саттон у Уинифред сложилось совершенно иное.

– Вот как? В ваших глазах я всего лишь жалкий картежник?

– Нет, что вы, не всего лишь, – поправила она его, припоминая, как называла его мисс Саттон. – В моих глазах вы еще пьяница и повеса.

– Как мило вы меня отрекомендовали! – беззаботно заметил Стеллан. – Если верить вам, я само средоточие человеческих пороков. Неужели вы полагаете, что заработанные деньги я планирую спустить на развлечения?

– А разве нет?

– Ну, не все, – сдался он, и Уинифред хмыкнула. – А что вы сами собираетесь делать с деньгами?

Она подумала о Теодоре, но вслух сказала:

– Уехать из Лондона.

– Всего-то? – Стеллан разочарованно вскинул брови. – Я-то думал, вы вовсю разрабатываете планы по порабощению Англии. Пленить королеву и принца-консорта, примерить корону на собственную милую головку, ну и все в таком духе.

Уинифред снова охватило раздражение. Почему никто на белом свете не может поверить, что все, чего она хочет, – это безопасность и покой?

– Это тоже, разумеется. Планирую перенести столицу в Бристоль, – съязвила она и посмотрела в окно. За стеклом мелькали знакомые высокие каменные дома Мэрилебон. – Куда мы едем?

– На вашу квартиру. А что, что-то не так?

– Мне нужно на... – Уинифред хотела назвать адрес Дарлинга, но прикусила язык. – В другую сторону. Давайте подъедем с другой стороны улицы, просто на всякий случай. Не возражаете?

Стеллан все понял и ухмыльнулся, не делая, однако, попыток исполнить ее просьбу.

– Вот уж насчет чего волноваться точно не стоит. В самом деле, не следят же за вами день-деньской.

Уинифред не стала настаивать и молча отвернулась.

Как только кеб остановился, юноша выбрался и подал ей руку.

– Не беспокойтесь, мисс Бейл. Тедди наверняка уже здесь. Чего ему просиживать в одиночестве дома, когда рядом есть такая замечательная квартирка, да еще и с такой прекрасной обитательницей.

Он не удовлетворился ее скупой реакцией и, словно ребенок, желал продемонстрировать, что заметил ее промах.

– Меня это не волнует, – огрызнулась Уинифред, но руку юноши приняла – ей все еще было нехорошо после странного приступа в тупике.

Легонько придерживая за локоток, Стеллан повел ее по лестнице на третий этаж. Сунув трость в корзину для зонтов, стоящую возле входа, он толкнул дверь и ввел Уинифред в комнату.

Дарлинг, чинно сидевший на низком диванчике, с улыбкой вскочил. На его лице отразился испуг, стоило ему увидеть Уинифред. Казалось, он даже не обратил внимания на приход друга.

– Уинифред? Что с тобой?

Смутившись, она отняла руку от юноши.

– Ничего такого. Легкое недомогание. – Она обернулась к Стеллану. – Спасибо за вашу помощь, мистер Акли. Я удивлена, но вы действительно оказались полезны.

Юноша не принял ее укол близко к сердцу. Он хотел было поцеловать ладонь Уинифред на прощанье, но взглянул ей за спину и опустил уголки рта.

– Я безмерно рад. До свидания, мисс Бейл. Помните о своем обещании, хорошо? – Стеллан подмигнул ей, будто намекая на что-то непристойное – наверняка сделал это нарочно, чтобы подразнить друга. – До встречи, Тедди! Поболтаем как-нибудь в другой раз.

– До встречи, – растерянно ответил юноша, не отрывая взгляд от руки Уинифред, в которой она держала револьвер.

Когда шаги Стеллана стихли, Теодор сел обратно на диван. Его костюм, который, как предполагала Уинифред, предназначался для воскресной службы, был невероятно унылым. Вместо нелепого разноцветного жилета – однотонный серый; черный, строгого кроя фрак и аккуратно зализанные волосы. В таком виде Теодор ничем не отличался от остальной благочестивой англиканской паствы.

Неторопливо пройдясь по комнате, Уинифред остановилась у кресла, пробежавшись пальцами по его спинке.

– Я купила револьвер, – невпопад сказала она, чтобы заполнить тревожную тишину.

– Что случилось? – настойчиво спросил Дарлинг. В его убогом костюме вид у него был несчастный. – Почему ты не дождалась меня?

Ты даже не представляешь, как я испугался, когда Лаура сказала, что ты отправилась в какую-то лавку за револьвером вместе со Стелланом!.. И о каком... обещании он говорил? – Последние слова дались юноше с трудом, он сглотнул.

– Не знаю, о чем я думала, – честно призналась Уинифред, опускаясь на диван подле Теодора. Отчего-то она чувствовала себя виноватой. – Я даже не понимаю, зачем мне оружие. Не уверена, что убийство ожесточило мою душу настолько, чтобы я смогла стрелять налево и направо. Сегодня не успела я взять револьвер в руку, как чуть не потеряла сознание. Не может же быть, что это... *событие* настолько меня задело? Не могу же я теперь думать об этом остаток своей жизни?

От того, что она облекла мысль в слова, она стала еще гаже и уродливее. Заметно смягчившись, Дарлинг взял ее за руку.

– Ты недооцениваешь глубину собственных чувств, – кротко заметил он. – Признаться, я был бы разочарован, если бы тебя это ни капли не задело. Убийство есть убийство, независимо от причин, по которым ты на него идешь.

– Но ты же говорил...

– Я говорил о другом. Отнять чью-то жизнь – это ужасный грех. Просто иногда это стоит даже вечных мук.

Уинифред замолчала. Когда Теодор начинал рассуждать на темы добра и зла, любви и ненависти, жизни и смерти, она чувствовала, что ей нечего добавить. Он умеет облекать в слова абстрактные понятия, а ей подобное не под силу.

– Извини, что оставил тебя сегодня утром, – добавил он.

– Пустяки. Ты всегда посещаешь воскресные службы?

– Да. Я однажды... дал такое обещание. А ты?

Уинифред покачала головой и сжала в кулаках ткань платья из шелковой тафты. После вчерашней ночи она пыталась отучиться причинять себе физическую боль, когда думать становилось невыносимо. Интересно, теперь ей в церковь путь заказан?

– Только в детстве. За последние десять лет я не была в церкви ни разу.

Дарлинг робко накрыл ладонью ее руку – должно быть, снова угадал ее мысли.

– Я вижу, ты не носишь платье, которое я тебе подарил...

Держи Уинифред себя в руках хоть чуточку лучше, она рассмеялась бы над его нелепой попыткой перевести тему.

– Оно же выходное, – возразила она, мельком оглядывая себя. – Пока что я позаимствовала наряд из гардероба твоей матери. Надеюсь, ты не возражаешь? – торопливо прибавила она.

– Разумеется, нет, – рассеянно ответил он, с новым интересом разглядывая ее. – Прости, что твое снова оказалось испорчено. Но кто придумал, что выходное платье нельзя надевать просто так?

– Тогда оно потеряет свою ценность. Разве можно каждый день вставать после полудня и завтракать тортами?

– Ты что, не завтракаешь тортами?

Уинифред рассмеялась, и на лице Теодора тоже появилась нежная улыбка.

– Хорошо, – сдалась она и поднялась. – Пожалуй, сегодня можно надеть его. Но только если ты снимешь свой невыносимый жилет! Он действует мне на нервы!

– Что не так с моим жилетом? – недоуменно пробормотал он, оглядывая себя.

Переодевшись, Уинифред вернулась в комнату и обнаружила, что Дарлинг действительно снял жилет вместе с фраком и остался в одной рубашке с накладным стоячим воротником. У нее почему-то перехватило дыхание, она схватилась за дверной косяк и застыла.

Теодор обернулся, увидел ее, разомкнул губы и тоже замер, разглядывая ее с выражением, близким к раболепию. Раньше такой взгляд тешил Уинифред самолюбие, а теперь заставлял ноги подкашиваться.

– Раз уж ты разоделась в пух и прах, может, потанцуешь со мной?

– Здесь же нет музыки, – возразила она, но вложила руку в его ладонь с поспешностью, которая не обманула бы никого, кроме, пожалуй, самого Теодора.

– Я потанцую с тобой так.

Дарлинг обнял ее за талию, и Уинифред затрепетала. Они начали двигаться в танце, интуитивно угадывая шаги и движения друг друга. Оба были превосходными танцорами: Уинифред – благодаря отточенности движений, доведенной до идеала, Теодор – благодаря природному изяществу. Если бы кто-то наблюдал за ними со стороны, танец наверняка показался бы ему странным, но Уинифред не могла

заставить себя об этом задуматься. В это мгновение она вдруг осознала, что абсолютно, *невероятно* счастлива. Положив голову Теодору на плечо, она закрыла глаза и позволила юноше укачивать ее в танце.

Он что-то сказал, но она не разобрала слов. Впрочем, судя по тону, это было что-то невероятно нежное.

– Что? – сонно переспросила она.

Уинифред услышала, как у Теодора громко заколотилось сердце. Он смущенно повторил:

– Могу я пригласить тебя на обед? Мне ведь до сих пор не удалось поухаживать за тобой как следует...

Она уткнулась носом в его рубашку, едва не задохнувшись от восторга. Это было похоже на чудесный сон, на сказку – сам Теодор, его нежные слова, его чуткость и любовь. Неужели судьба милостиво соизволила дать ей жизнь принцессы, в честь которой она себя назвала?

– Разумеется, можешь. Я надену свое лучшее платье.

– Раз уж мы с тобой перешли границы простого знакомства, не возражаешь, если мы встретимся до полудня? – рассмеялся Дарлинг. И смущенно добавил: – Не уверен, что вытерплю дольше.

Сердце застряло у Уинифред в горле, и она стиснула пальцами рубашку на плече Теодора. Ей хотелось выкрикнуть: «Хватит! Перестань быть таким смешным, понимающим и заботливым! И добрым, и наивным, и внимательным – *идеальным!* Перестань заставлять меня влюбляться в тебя!»

– Тогда я ожидаю отобедать тортами, – прошептала она.

Глава 19

Тайны и сожаления

К обеду в доме Дарлинга стало пусто и тихо – юноша отослал слуг, чтобы те не мешали. Входя, Уинифред отчетливо слышала собственные шаги, звук которых усиливало эхо. Она не отказала себе в удовольствии покрутиться в холле в звездном платье (она надела его, как и обещала). Уинифред раскинула руки в стороны и запрокинула голову, разглядывая высокий светлый потолок.

Они обязательно потанцуют здесь – в светлом, богато отделанном мрамором холле. Пускай, конечно, это не сравнится с танцем в их квартирке на Харли-стрит. Новому воспоминанию не обязательно быть лучше старого, чтобы запомниться навсегда.

Интересно, Лауры тоже нет дома? Уинифред с удовольствием повидала бы девочку. Ее искреннее беспокойство тронуло Уинифред до глубины души, и теперь она еще больше захотела сблизиться с гениальной маленькой экономкой.

Уинифред сунула голову в столовую. Было похоже на то, что комнату не использовали по назначению уже давно, а теперь враз попытались скрыть все признаки запустения. К спинкам кресел были приколоты чистенькие кружевные салфетки, портьеры распахнуты, пыль стерта, а на стол постелена свежая скатерть. Несмотря на исполинские размеры, стол был накрыт на двоих: золоченый изысканный сервиз, накрытые серебряными колпаками блюда и огромный, украшенный белоснежными сливками торт.

Улыбаясь, Уинифред вышла из столовой и бросила взгляд на Малый кабинет, располагавшийся в том же крыле. Дверь была приоткрыта, и она решила, что Теодор, должно быть, ожидает ее там.

Но в кабинете тоже оказалось пусто. Уинифред прошлась по комнате – здесь было уютно и тепло. В горшках на каминной полке, соседствующих с фарфоровыми фигурками, цвела герань. В вазу на столике Лаура поставила белые хризантемы и красные тюльпаны. У одного из цветков надломился стебель, и Уинифред потрогала его пальцем.

На столике стояла нетронутая и уже остывшая чашка чая. Неужели Теодор куда-то ушел? Забыл, что пригласил ее отобедать? Нет, быть этого не может! *Он* бы не забыл! Пошел за цветами для нее? Или наводит приготовления на кухне? Может, он сам что-нибудь для нее готовит?

Уинифред улыбнулась собственным мыслям и выпрямилась, невольно бросая взгляд на дверь кабинета. Должно быть, занимательно жить такой жизнью – принимать ухаживания, наносить визиты, когда только вздумается, танцевать на балах, отвергать все предложения руки и сердца, чтобы принять одно, то самое... Эвелин жила такой жизнью, но ей она, похоже, вовсе не нравилась. Что бы Уинифред ни отдала, чтобы оказаться на ее месте!

В ожидании Дарлинга она заскучала и проголодалась. Уинифред в три глотка опустошила чашку холодного чая и неспешно прошла к письменному столу. В последнее время в нем явно не было нужды – чернильница и бухгалтерские книги покрылись слоем невесомой пыли.

На месте, на котором обычно сидел Теодор, лежало какое-то письмо, явно брошенное в спешке. Неужели это предусмотрительно оставленная им записка?

Улыбаясь, Уинифред потянулась через стол и схватила лист. Перо, лежавшее поверх него, скатилось со стола и упало на пол. Она решила, что поднимет его позже.

Она принялась было за чтение, но остановилась, едва увидев, кому письмо было адресовано.

«Дражайшая матушка!»

Вздрыгнув, Уинифред опустила руки и ошеломленно уставилась в стену перед собой, заставляя себя удержаться от дальнейшего чтения. *Матушка?!* Что это значит? Письмо руки Дарлинга, без сомнений; но почему он датировал сегодняшним днем письмо своей матери, которая вот уже три месяца как мирно покоится на Хайгейтском кладбище? Возможно, сентиментальный Теодор пишет ей письма посмертно, но зачем? Раскаивается в том, что не смог защитить ее от Уоррена?

Нет, она не будет читать. Письмо личное и явно не предназначено для ее глаз. Уинифред следует положить его на место, поднять с пола перо и сделать вид, что она никогда не знала о существовании этого глупого послания...

Но что, если его содержание хоть сколько-нибудь раскроет ей тайну прошлого Теодора, его семьи, мотива? Возможно, в этом письме есть что-то, о чем сам Дарлинг никогда бы ей не рассказал. Следует ли ей это читать? Или довольно с нее подслушивания в доме Клэртонов?

Уинифред ведь случайно увидела это письмо. Да, оно адресовано не ей, а матери Дарлинга, но это ли не подозрительно? Ведь должна же она знать, какие цели преследует Теодор на самом деле.

Любопытство в считанные мгновения одолело совесть. Уинифред присела в кресло и опустила взгляд на чужое незаконченное письмо.

«7 июня 1857, Лондон

Дражайшая матушка!

Первое, в чем я хочу тебя заверить: твой Тедди совершенно здоров. Надеюсь, это письмо застанет в добром здравии и тебя, и бабулю Мисси. Ее ночные приступы кашля, о которых ты писала, беспокоят меня. Я все жду, когда же удастся улучшить неделю-другую, чтобы приехать к вам в Хэзервуд-хаус – надеюсь, все еще домой, а не в гости. Но пока что это не совсем возможно: из-за череды событий, о которых я предпочту умолчать, мое положение стало непрочным. Повода волноваться нет; мисс Бейл все уладила, хотя меня гложет совесть за то, что я предоставляю ей отважно расправляться с моими неудачами. Попытка взять дела на себя потерпела крах, и я не уверен, стоит ли пытаться еще – не усугублю ли я положение? В любом случае пока что я не могу покинуть Лондон.

Матушка, ты будешь удивлена, но я совершенно переменялся со своего последнего письма – а ведь когда я писал тебе в прошлый раз, пару дней назад? Что ж, готов признаться и тебе, и самому себе: меня больше не гложут сомнения. Я бесповоротно, отчаянно влюблен. Думаю, ты догадываешься, кому адресованы мои симпатии, как и я догадываюсь из твоих ответных писем, что ты не слишком их одобряешь. Я соглашусь с тобой в том, что наше с ней знакомство длится не слишком долго, но глубина и сердечность моих чувств не дают мне в них сомневаться. И я счастлив, зная, что мои чувства взаимны. Ты не представляешь, какой радостью меня наполняет мысль, что этот ослепительный, прелестный ангел, чьи достоинства в разы больше моих собственных, позволяет своему сердцу открыться ради такого, как я. Чем больше я узнаю ее, тем сильнее и трепетнее

люблю. Она человек непростой судьбы и непростого характера, но это ни в коей мере не умаляет ее достоинств и моих чувств, а, напротив, приумножает их стократ. Признаться, я и не чаял... впрочем, о доверии говорить все равно рано.

Знаю, ты бы позволила раскрыть ей все подробности нашего с тобой положения. Нет человека, который больше бы заслуживал доверия, чем Унифред. Я знаю, что она не обмолвилась бы никому и словом. Но все же не могу заставить себя открыть ей правду о собственном происхождении, ведь это поставит под удар и тебя. Лгать ей невыносимо, а потому я увливаю, всячески избегаю разговоров о семье и опускаю клочки полуправды. Это ранит ее сильнее, чем я мог подумать. Унифред умна и проницательна, а потому точно знает, когда ей не говорят всего. Конечно, она полагает, что я не раскрываю ей правду потому, что не доверяю ей, но это совершенно не так. Больше всего я хочу разделить с ней нашу тайну, поэтому прошу у тебя на это позволения. Если ты ответишь отказом, я приму его, ведь этот секрет в той же степени твой, сколько и мой. Но молчание убивает меня, и я надеюсь, что ты доверишься моему суждению».

На этом послание обрывалось. Унифред сглотнула, с какой-то странной отрешенностью осознавая, что совершенно ничего не понимает.

Мать Теодора жива? Но как? Весь город гудел, когда чета Дарлингов посреди сезона скоропостижно скончалась от холеры. Подделать смерть миссис Дарлинг и тайно увезти ее в Хартфордшир сложно, если не невозможно. И если мать Теодора действительно жива-здорова и находится в Хэзервуд-хаусе, почему Дарлинг в письме упомянул даже свою бабуку, но не Кэтрин?

Если только Кэтрин не его мать.

Унифред вдруг вспомнила, что миссис Дарлинг на портрете совсем не походит на Теодора: сероглазая, уставшая женщина с пеной каштановых кудрей. Зато юная черноглазая Кэтрин – его точная копия.

Так вот, какую тайну юноша все не решается открыть ей. Он вовсе не брат Кэтрин Дарлинг, а ее незаконнорожденный сын. Теперь все сходится: отвращение Теодора к собственным родителям и в то же время горячая любовь к матери, до странности очевидное сходство с

девушкой на портрете, нежелание выдавать даже крохотные крупички истории собственной семьи.

Уинифред обнаружила, что по привычке закусил щеки, и быстро разжала челюсти. Будь она хоть чуточку сильнее духом, то положила бы письмо на место и притворилась бы, что ничего не видела, но в этот раз ей изменили и собственное благоразумие, и твердость. Почему Теодор не признался ей? Какое ей дело, сын он Дарлинггов или внук? Что с того, что он незаконнорожденный?

За дверью послышались торопливые шаги Теодора, и юноша вошел в Малый кабинет – наверняка с улыбкой до ушей, она не видела, потому что не подняла головы.

– Винни? – весело позвал он. – Что ты тут...

Дарлинг умолк, и она с усилием взглянула на него. Юноша застыл на месте, не отрывая взгляд от письма в ее руках.

– Ты... – Он сбился, стремительно побледнел и поднял затравленные глаза на Уинифред. – Ты прочла?

– Да, – бесцветно ответила она и аккуратно положила лист на стол.

Ею овладело тупое онемение. Какая-то мысль, догадка крутилась у нее в голове, но присутствие Дарлинга мешало Уинифред развить ее до конца.

– Я все объясню. Пожалуйста, выслушай меня.

– Я не имею обыкновения делать скоропалительные выводы.

Дарлинг бросился к ней и упал в кресло напротив. Уинифред взглянула на него из-под полуопущенных ресниц. Выражение лица юноши было умоляющим.

– Пожалуйста, прости меня! – выпалил он. – Клянусь, я не хотел тебе лгать! Но обстоятельства сложились так, что...

– Уверена, что есть причина, по которой ты держал это в тайне, так ведь? – спокойно спросила Уинифред, хотя горло будто стиснула железная рука. – Есть причина, по которой ты молчишь о своих мотивах, скрываешь от меня такую мелочь, как собственное происхождение.

– Есть, – выдавил Дарлинг и снова замолчал.

Уинифред наконец все поняла. Ей оставалось лишь благодарить себя за хваленую выдержку, которая сейчас позволяла ей держаться подобно холодной мраморной статуе. Она отрешенно наблюдала, как

юноша судорожно сжимает руки на коленях в кулаки, набираясь смелости, чтобы признаться.

– Причина есть, но я...

– Твой отец – мистер Уоррен?

Теодор судорожно вздохнул, и Уинифред лишь поразились тому, как легко теперь все встало на свои места.

– Прошу, дай мне все объяснить, – убито повторил он.

Дарлинг не делал попыток прикоснуться к ней, и она была этому рада. Ей было невдомек, как теперь реагировать на его прикосновения.

– Объясняй, – бесстрастно согласилась она.

Теодор хотел подняться, но передумал и остался сидеть напротив, в паре футах от нее.

– Моя мать жива, – прямо начал он. – Ее зовут Кэтрин Дарлинг. Мои покойные бабка и дед – Хелен и Генри Дарлинг-старший.

Уинифред хотела съязвить насчет очевидности его слов, но даже желание уколоть собеседника ее подвело. Она слушала молча.

– Мало такого, чего я не знаю о своей матери. Мы всегда делили наши жизни пополам. У меня есть только она, а у нее – только я. Она рассказала мне о том, что произошло... в общих чертах. Родители вышвырнули ее на улицу не моргнув и глазом, когда узнали, что ее обесчестили. Моя матушка ничего не понимала. Ей было всего шестнадцать, и она до смерти была в него влюблена.

Юным незамужним леди не полагалось знать, откуда берутся дети – мысли о подобном считались возмутительными и вульгарными. Даже у Уинифред познания об этом были весьма поверхностны, а ведь она росла в публичном доме. Неудивительно, что Кэтрин понятия не имела, что с ней происходило.

– Когда матушка осознала, что случилось, она пришла к мистеру Уоррену, – продолжал Дарлинг. – В ту пору он был уже небеден, но и не так богат, как сейчас, – кажется, держал какую-то лавку. Она ведь думала, что он женится на ней. Но он... – Юноша сглотнул. – Он лишь рассмеялся и сказал, что ей следовало думать, прежде чем... терять честь с первым встречным.

Уинифред невольно затаила дыхание – не потому, что не верила, что Уоррен способен на такую подлость. Нет, ровно наоборот: она была уверена, что Теодор не лжет.

– Для мистера и миссис Дарлинг моя матушка стала позором семьи. Они не желали, чтобы по городу поползли слухи, что их незамужняя дочь принесла в подоле. К тому же у них был еще один ребенок, Генри. Поэтому они просто тайком отослали ее в деревню, где я и родился. Потом, спустя пару лет, Генри умер, и мои дед с бабкой остались без наследников. Они умоляли мать отдать им меня, чтобы объявить, что у Хелен родился второй сын, но она наотрез отказалась. Матушка поклялась, что я никогда им не достанусь. – Дарлинг так сцепил пальцы, что костяшки побелели. – Я тоже дал самому себе обещание: отомстить ее обидчикам за искалеченную жизнь. Мои дед и бабка отдали души Господу три месяца назад. Надеюсь, им понравится вечность в преисподней! – выпалил он с совсем не христианской мстительностью. – А он... Он до сих пор живет как ни в чем не бывало и с легкостью ломает человеческие жизни. – Дарлинг поднял на Уинифред покрасневшие от слез глаза. – Я должен сломать его жизнь в ответ. Разумеется, матушка не одобряет моей затеи, хочет оставить все как есть. Добрая, чистая душа... Свою злопамятность я взял точно не от нее. – Он невесело усмехнулся. – Я решил, что не буду ее в это впутывать. Я не умен, но составил какой-никакой план... А потом я встретил тебя. И все пошло наперекосяк.

Странно, Уинифред совсем ничего не почувствовала. словно сердце, медленно, но верно оттаивавшее, снова вмиг заледенело от очередного предательства.

– И что же, я все испортила? – холодно спросила она, склонив голову к плечу – жест, полный безразличия.

Дарлинг побледнел еще больше.

– Ты... нет, ты ничего не испортила. Я неправильно выразился. – Юноша часто-часто заморгал, пытаясь сдержать слезы, уголки его губ жалобно опустились. – Ты сбила меня с толку. Я не ожидал, что ты станешь для меня кем-то большим, нежели просто помощницей.

– Дай мне перефразировать: ты не ожидал, что влюбишься в меня.

Дарлинг тихонько всхлипнул и беспомощно развел руками. Лицо его было полно удивления, будто он не понимал, как до нее до сих пор не дошло.

– Ты – все, что я искал и не находил ни в ком другом. Что я мог еще сделать, кроме как влюбиться в тебя?

Вот так вот. Дарлинг наконец-то произнес те самые слова, которые она мечтала от него услышать – искреннее, чистосердечное признание в любви. А ей было все равно.

– Понятно, – ответила она и встала. – Что ж, мне пора идти.

– Куда? – тупо спросил юноша.

Уинифред задумалась: и правда, куда ей теперь идти?

– Неважно. Куда-нибудь подальше. Я разрываю нашу сделку.

Дарлинг вскочил с кресла.

– Нет, – отчаянно пробормотал он. – Нет, прошу! Не уходи! Уинифред, я...

Юноша невольно потянулся к карману, из которого выпирало что-то квадратное. Уинифред с уколом неожиданной боли подумала, что это, возможно, коробочка с обручальным кольцом.

– Ты его сын, – безжалостно изрекла она, и Дарлинг сжался. – У меня нет никаких причин тебе доверять. Как знать, может, это все лишь слова? Может, стоит ему позвать тебя, и ты уже будешь прыгать перед ним на задних лапках?

– Нет! – Юноша схватил ее за руки, но Уинифред вырвалась. – Я ненавижу его! Ненавижу так же, как ты!

– Никто не ненавидит его так же, как я! – яростно прошипела она.

Она направилась к выходу, но Дарлинг бросился вперед, преграждая ей путь.

– Винни, пожалуйста! – взмолился он.

Что-то дрогнуло в ней, когда он назвал ее по имени. Она вскинула на юношу глаза и вдруг подумала, что в гневе у Теодора и мистера Уоррена, должно быть, совершенно одинаковое выражение глаз.

– Я сделаю все, что ты захочешь! Что угодно! Контракт? Считаю, его уже нет! Я его разрываю, и неустойка на мне! Деньги? Сколько захочешь! Правда! Только не покидай меня, прошу!

Дарлинг вновь протянул к ней руки, но Уинифред с презрением отпрянула. Она даже не могла думать о выгоде. Она вообще не могла думать ни о чем другом, кроме того, что Теодор – сын самого жестокого человека, с которым ей приходилось сталкиваться.

Уинифред заставила себя сосредоточиться на жалобном, жалком лице Дарлинга.

– Ты дал мне то, чего я не просила, но в чем нуждалась. Ты дал мне надежду на то, что я исправима, что мне позволено чувствовать, –

только затем, чтобы так жестоко ее отнять.

Юноша яростно замотал головой, но она продолжила:

– Ты заставил меня почувствовать себя живой. Любимой. – Уинифред попыталась глотнуть воздуха, но горло как будто сжалось до размеров соломинки. – Я доверилась тебе. *Я убила ради тебя.* Но ты меня предал. Я не настолько глупа, чтобы снова вручить тебе свою жизнь.

Юноша разрыдался, на щеках проступил красный лихорадочный румянец.

– Винни, нет! Я никогда бы не предал тебя! О, я так раскаиваюсь, что умолчал о своем отце! Если бы я знал, что ты так отреагируешь, то рассказал бы тебе сразу же!

Уинифред снова двинулась к выходу, и тогда Дарлинг бухнулся перед ней на колени.

– Прошу тебя, не уходи! Умоляю!

Каждое его слово становилось все тише и тише. Уинифред подумала сперва, что голос Дарлинга слабеет, но на самом деле у нее заложило уши.

Может, она сдалась бы на его мольбы, кричи он чуть громче?

Вместо острой боли от разбитого сердца Уинифред чувствовала лишь знакомую тяжесть в груди. Она была благодарна ей – так намного проще уходить.

Уинифред обогнула юношу, скорчившегося перед ней на коленях. Открыв дверь, она вышла в коридор, осторожно прикрыла ее за собой и бессильно опустила руку.

В какой-то момент ее слух словно щелкнул, возвращаясь на место. Теперь она не слышала ничего, кроме сдавленных рыданий Теодора Дарлинга за закрытой дверью Малого кабинета.

* * *

Снова зарядил дождь. Уинифред вышла на крыльцо и подставила лицо острым колючим потокам воды. Ко лбу прилипли маленькие прядки. Не оглядываясь на дом, она подобрала подол платья и неторопливо спустилась по ступенькам.

Куда ей идти? В квартирку на Харли-стрит? Нет, стоит Дарлингу хоть немного унять свою истерику, как он непременно туда наведается. В «Рассвет», в собственную маленькую грязную комнату? Уинифред содрогнулась при одной мысли. Нет, в нее она ни за что не вернется. К тому же этому идиоту хватит ума сунуться и туда. Ну и поделом – пускай хоть познакомится наконец с собственным папашей.

Уинифред зашагала куда глаза глядят – тех денег, что у нее были с собой, не хватило бы даже на омнибус. Без шляпки ее волосы быстро намокли. Скрученные в пучок косы потяжелели от воды, струйки заливали глаза, и Уинифред брела по тротуарам почти вслепую, чувствуя себя совершенно беспомощной.

Возможно, она вернется в офис, заберет свои сбережения и взаправду снимет убогую комнатку где-нибудь в Сохо. Возможно, она сбежит, хоть ей и не удалось ничего толком заработать. Возможно, ей станет плевать на собственную гордость, и она вернется жить в «Рассвет». Но только не сейчас.

Уинифред и сама не заметила, как вышла к Темзе. Дождь рисовал на поверхности реки маленькие круги. Она несколько минут отрешенно наблюдала за ними, а потом обессиленно облокотилась на холодный камень перил и застыла.

Онемение в груди сменилось тупой сосущей болью. Снова заныл шрам на руке. Уинифред не знала, от чего ей хуже – от того, что Дарлинг ее обманул, или же от того, что он оказался сыном человека, которого она ненавидит и боится больше всего на свете.

Конечно, они совсем не похожи. Даже зная теперь об их родстве, Уинифред не могла представить, что могло бы сблизить их между собой. Теодор вырос в любви и ласке, в свободе от влияния своего отца, добрым, щедрым, доверчивым и наивным до глупости. Уоррен был его прямой противоположностью: испорченный до мозга костей, безжалостный человек, который жизни людей почитает за игрушки. Однако ни тот, ни другой не спешили открываться ей до конца, даже когда она поверяла им собственные тайны.

Уинифред впервые сумела отдать кому-то свое сердце и жестоко за это поплатилась. Она с озлобленной тоской подумала о Дарлинге – юноша стоял перед ней на коленях, умоляя поверить ему. Будь его тайна любой другой, окажись он сыном хоть королевы, хоть собственной кухарки – Уинифред не было бы до этого дела. Но

Уоррен? Как она могла *полюбить* сына того, кого ненавидела всей душой? Как она могла поверить, что Дарлинг не променяет ее, в сущности почти незнакомку, на родного отца?

Она простояла на берегу зловонной реки несколько часов, промокнув насквозь. Пару раз ее окликали, а когда она отвечала молчанием, трогали за плечо: что прилично одетая девушка забыла во время ливневого дождя на грязной каменной набережной? Но она одаривала незнакомцев яростными взглядами и шипела проклятия, словно уличная торговка. Леди и джентльмены в испуге отшатывались и шли своей дорогой, а Уинифред оставалась на месте – мокрая, злая и испуганная, как бродячая кошка.

Ей некуда идти. Опять.

К вечеру дождь закончился. Уинифред не чувствовала холода – ее, словно печку, согревали собственные беспомощность и боль. Вконец онемели руки и ноги, и теперь она потеряла способность чувствовать еще и свое тело. Оторвав руки от парашюта, она попыталась шагнуть, но колени подкосились, и Уинифред упала.

Неподалеку от нее, футах в двадцати, на каменную набережную так же шлепнулся грязный мальчуган лет восьми. Он был босиком, поэтому и поскользнулся на мокром от дождя камне. Кепочка на голове не скрывала грязные, невымытые вихры. Лицо мальчика было испачкано сажей, а за спиной висел черный мешок, и Уинифред подумала, что он, похоже, трубочист. Он нахмурился, сел на мокрой набережной и принялся отряхивать друг о друга грязные ладони.

Насупившись и тихо ругаясь себе под нос, мальчуган не заметил, как к нему робко, бочком, подошла маленькая девочка лет семи. Золотистые кудряшки были туго завиты по обеим сторонам ее лица и украшены крошечными незабудками, а пышное розовое платье с оборками напоминало огромное пирожное. Уинифред поискала глазами ее мать или няньку. Та сидела с книгой на скамейке и не обращала ни малейшего внимания на ребенка.

– Ты ушибся? – участливо спросила девочка и протянула ему платок. – Вот, держи.

Он фыркнул и отвернулся. На его лице явственно читалось презрение.

– Пойди прочь, пока не наподдал тебе.

На лице девочки промелькнула тень обиды, но она не убрала руку.

– Давай я помогу тебе подняться?

– Отстань! – Щеки маленького трубочиста покраснели под слоем сажи. Он вскочил на ноги и одарил ее гневным взглядом. – Чего тебе надо?

Девочка тоже порозовела. Поймав его грязную руку, она вложила в нее чистенький платок. Мальчуган недоверчиво смотрел то на платок, то на девочку, будто не совсем доверял собственному зрению.

Уинифред дрожащей рукой убрала мокрые спутанные пряди с лица, с изумлением наблюдая за разворачивающейся картиной. Леди на скамейке наконец вспомнила про собственную дочь и, захлопнув книгу, встревоженно позвала:

– Marie, viens là!^[18]

Девочка улыбнулась мальчугану и, нисколько не смущаясь, вытерла испачканные сажой руки о свое розовое платье.

– Не простудись, – серьезно посоветовала она и вприпрыжку побежала к матери. Та схватила ее за руку и, одернув, увела с набережной, с раздражением оглядываясь на трубочиста.

Мальчик несколько мгновений недоуменно глядел им вслед, а затем аккуратно, стараясь лишней раз не запачкать, вчетверо сложил белоснежный платочек и спрятал его к себе в карман.

Потом он тоже побрел прочь. Там, где мальчуган упал, на влажном камне остались отпечатки двух грязных детских ладошек, контуры которых поплыли и смазались, но были еще различимы.

Уинифред вспомнила, как в их первую встречу Теодор вытер пальцы о сюртук, просто потому, что ему вздумалось поковыряться в бумажном пепле. Ну и болван! Она фыркнула и тут же устыдилась собственного веселья.

Он всегда обращался с ней с участием и неподдельной добротой, какими бы оскорблениями и проклятиями она ни осыпала его, как ни отвергала его помощь... и чувства. Он плевал на то, кто она, кем работает. Ему одному, пожалуй, на всем свете была важна только она сама. А Уинифред швырнула грязный платок ему в лицо.

Она с удивлением осознала, что солгала самой себе, что было глупостью, а ведь раньше она считала, что не способна на глупости. Уинифред согласилась бы на все, на любую роль, только бы оставаться подле Теодора. Но и это, впрочем, тоже глупость. Пожалуй, даже худшая из всех.

Теодору не в чем перед ней раскаиваться – никогда, ни словом, ни делом, он не предавал ее. Даже в своем письме юноша спрашивал у матери разрешения поделиться с ней тайной – последней преградой, которая оставалась между ними. Но Уинифред была так ослеплена страхом, яростью и обидой, что предпочла не думать об этом вовсе. Она оскорбила его, унизила, поставила ему в вину и его происхождение, и совершенное ею самой преступление. И вот к чему это привело – по собственной же глупости она снова оказалась одна. Если уж на то пошло, в ней самой гораздо больше черт мистера Уоррена, чем в его родном сыне.

Пошатываясь, Уинифред поднялась, ощущая, как морозные иголки покалывают все ее тело с ног до головы. Она все-таки продрогла. Теперь, когда возвращались ее чувства, она снова могла ощущать свое тело. Но на этот раз боль не принесла ей желанного облегчения и стройности мыслей. Нет. Уинифред только явственнее ощутила собственную тревогу и стыд.

Она попросит у него прощения. Он обязательно простит ее. Великодушный, кроткий, терпеливый Теодор – он ведь не может ее не простить?

О, как же она ошибалась на его счет! Уинифред не было дела до того, что отец Теодора – Уоррен. Полагать иначе означало тешить себя самообманом. В действительности ей всего лишь хотелось найти оправдание. Любое оправдание, лишь бы оградить себя от будущей боли предательства и страха открыться.

Что ж, в этот раз у нее хотя бы есть смелость признать собственную неправоту. Уинифред лишь надеялась, что еще не слишком поздно.

* * *

Обратный путь до дома Дарлингов занял целую вечность. Уинифред ужасно вымоталась – давало о себе знать ее многочасовое стояние истуканом на набережной. Она начала заболеть, и заболеть не на шутку: ее бил озноб, горели щеки, голова казалась отлитой из чугуна. Но Уинифред нужно было найти Теодора и

попросить у него прощения, а потом уже заниматься собственным здоровьем.

С трудом поднявшись по лестнице, она с силой ударила по ней металлическим молотком, а когда никто не ответил, заколотила еще и еще. Когда она уже потеряла счет ударам, Миллард открыл дверь. Уинифред, от неожиданности потеряв равновесие, чуть не упала на него.

– Мисс Бейл? – с удивлением произнес дворецкий. – Как я могу вам...

– Теодор, – прохрипела она, высматривая юношу за спиной у дворецкого. – Он здесь?

Но вместо Дарлинга вдруг выпорхнула Лаура. Увидев Уинифред, она испуганно охнула.

– Мисс Уинифред! Что с вами? – С неожиданной дерзостью потеснив Милларда, девочка обхватила ее за плечи и ввела в дом. – Мистер Дарлинг знает, что вы здесь?

Уинифред повело. Чтобы не упасть, она оперлась на Лауру, и экономка чуть не согнулась под ее тяжестью.

– Он... не здесь? – спросила она заплетающимся языком.

Уинифред практически безупречно владела своим голосом, но в возбуждении, как сейчас, могла забыть и начать глотать окончания слов, как истинная кокни.

Она почувствовала у себя на плечах что-то теплое – Миллард накинул на нее собственный фрак.

– Нет, он уехал еще днем. – Лаура взяла руки Уинифред в свои и принялась их растирать. – Оставил записку, что ему нужно уладить дело с вами, да так и не вернулся. Вы поссорились? Неужели разминулись?

Сердце Уинифред упало. Как она и думала, он поехал в офис, а не найдя ее там... Ох, только бы он снова не натворил глупостей!

– Мне нужно идти. – Она высвободилась из рук девочки и взглянула на Милларда. – Ваш фрак...

– Оставьте себе, мисс Бейл. – Старик озабоченно нахмурился. – Вам нужна помощь? Мистер Дарлинг в опасности?

– Нет, нет. Я пойду одна. Спасибо.

Уинифред просунула руки в рукава фрака с тяжелыми лакейскими пуговицами и вышла за порог. Чувствуя, как плывет вокруг нее мир,

она схватилась за косяк.

– А можно... одолжить ваш экипаж?

Пять минут спустя она катила во весь опор. Томас, подтягивая сбрую Геллы и Фрикса, сообщил ей, что мистер Дарлинг отослал его назад. Уинифред немного успокоилась – скорее всего, Теодор дожидается ее в офисе. Разумно, учитывая то, что больше ей некуда идти.

На Харли-стрит, помогая ей спуститься, Томас добродушно предложил:

– Мне подождать вас и мистера Дарлинга?

Если бы Уинифред была уверена в исходе их с Теодором разговора, то, наверное, сказала бы «да». Но ей стало вдруг до того страшно, что она торопливо отказалась:

– Нет, спасибо, Томас. Не беспокойтесь.

Восхождение по лестнице показалось Уинифред настоящей пыткой. Деревянные ступени ускользали из-под ее ног, кренились иплыли. Она вцепилась в перила, таща себя наверх. Наверное, со стороны она казалась пьяной вдрызг, а в действительности она едва не теряла сознание от разыгравшейся лихорадки. Поднявшись на третий этаж, она мельком взглянула на забытую Стелланом трость в корзине для зонтов и толкнула дверь. Та поддалась без ключа.

Квартира была разгромлена. Немногочисленная мебель была разломана и разбита в щепки: кресла и стулья, столик, хлипкий низенький диван, шкаф. Занавески сорвали с окон и затоптали. Тяжелую дубовую дверь, ведущую в спальню, явно пытались снять с петель, но она выдержала натиск. Ваза с цветами перевернулась, и застоявшаяся вода разливалась по комнате затхлый запах. Уцелел только большой крепкий стол, приспособленный под письменный. Все бумаги и книги были разорваны или сожжены в камине. Пятно разлитых на столе чернил темнело все так же отчетливо, как и раньше – ни вода, ни тряпки его не взяли. Уинифред почувствовала, как у нее что-то ухнуло в груди, и поскорее отвела от кляксы взгляд.

Дарлинга нигде не было.

– Теодор? – позвала она, чуть не плача.

Она осмотрела остальные комнаты. Везде царил такой же разгром, как и в гостиной. Были ли это следы борьбы?

– Теодор, ты где?

Кричать было бесполезно – юноши здесь не было. У Уинифред от ужаса и слабости подкосились ноги, и она упала посреди комнаты на грязный, испачканный отпечатками множества мужских ног пол.

Уоррен нашел его. Каким-то образом он отыскал Теодора и забрал его. Жив ли он? Уоррен не щадит тех, кто чинит ему неприятности. Пожалел бы он собственного сына?

Уинифред снова вспомнила слова мисс Гэмпстон: *«Бьюсь об заклад, он уже почувствовал, что что-то не так»*. Неужели она была права?

На лестнице послышались торопливые шаги. Вынув из влажных волос шпильку, Уинифред с трудом встала на ноги и притаилась у входа. Голова (в особенности затылок) нестерпимо ныла, но шпильку она держала крепко, жалея, что револьвер спрятан. Вошедший быстро и легко поднялся, но в коридоре помедлил. Шаги его стали осторожными и нарочито тяжелыми, будто он хотел спугнуть мышь. Этот человек явно пытался заявить о своем присутствии любому, кто был в квартире.

Уинифред сунула шпильку обратно в прическу и выглянула из-за дверного косяка, встречаясь взглядом с крадущимся Стелланом Акли. Увидев Уинифред, он с неподдельным изумлением округлил глаза.

– Мисс Бейл! Что это с вами? – Он оглядел разгромленный офис. – Что произошло?

– Мистера Дарлинга забрали.

Она измученно опустила голову, пытаясь прийти в себя. Чертова лихорадка, как некстати!

– Забрали? Тедди?! Кто?

– Уоррен, кто же еще, – с раздражением отозвалась Уинифред. – Он как-то узнал об этом месте и забрал его.

Присутствие Стеллана принесло ей облегчение – теперь можно заставить себя задвинуть страх на второй план. Он уступил место привычной озлобленности на весь мир и холодному расчету.

– Я помогу вам найти его, – тут же вызвался Стеллан.

Уинифред подняла на него глаза. Рот юноши сжался в тонкую линию.

– Мы вместе его вытащим.

Что ж, его помощь была бы как нельзя кстати. Все равно Уинифред больше не на кого положиться. Сделав над собой

колоссальное усилие, она приняла бесстрастный вид.

– Хорошо. Куда его могли забрать?

– Понятия не имею. Вряд ли в «Рассвет» – туда бы сразу отправились вы. Значит, это должно быть какое-то тихое незаметное место. Знаете такое?

Уинифред судорожно размышляла. Стеллан прав: «Рассвет» – это слишком очевидно. Но место, которое он описывает, может быть совершенно любим.

– Он купил недвижимость в Сохо, – наконец сказала она. – Для нового публичного дома. Сделка прошла совсем недавно, и там сейчас пусто. Возможно, туда?

Юноша призадумался.

– А там тихо?

– Очень. Рядом только жилые дома.

– В таком случае, вероятно, он там. Едем?

– Да. – Уинифред с показным недовольством оглядела себя. – Позвольте мне только надеть плащ. Подождите меня внизу и поймите экипаж. Я сейчас спущусь.

Коротко кивнув, Стеллан вышел.

Уинифред метнулась в комнату и торопливо, ломая ногти, вытащила из-под половой доски спрятанный револьвер. Убедившись, что он заряжен, она сунула оружие под корсаж.

Глава 20

Узы и долги

Купленное Уорреном здание было в ужасном состоянии.

В этой части района улицы сужались настолько, что на дороге с трудом могли разъехаться два экипажа. Дома, хоть и выложенные из кирпича, отчаянно нуждались в ремонте, кладка потускнела до серости и крошилась. Сквозь щели полусгнивших деревянных ступеней пробивалась поросль трилистника.

У Уинифред кружилась голова. Она оперлась о деревянные перила и тут же отдернула руку. Отслаивающаяся дешевая краска осталась у нее на коже. Из-за собственной скупости старый баран потратит целое состояние на восстановление этой развалины.

Уинифред сморщилась и на носочках поднялась к двери, давая Стеллану знак не шуметь. Тот коротко кивнул, и она отвернулась.

Позади нее раздался оглушительный треск. Стеллан выломал из перил балясину и сейчас преспокойно отряхивал ее от трухи и прогнивших щепок.

– Что вы делаете, черт вас подери? – взвилась Уинифред.

– Не беспокойтесь вы так. Наверняка нас никто не услышит.

– Зачем вам эта дрянная палка? – прошипела она.

Юноша взвесил деревянную стойку в руке.

– Если Тедди и правда там, наверняка его не оставили одного. Надо же хоть чем-то вооружиться, верно? У вас вот есть ваш револьвер, а я абсолютно беззащитен. Мне даже жаль себя.

– У меня тоже нет оружия, – соврала Уинифред и снова повернулась к двери.

Стеллан прав, нужно хоть чем-то обороняться, и тяжелая деревянная балясина для этого как нельзя кстати. Почему-то ей не хотелось говорить юноше, что она вооружена.

– У вас есть трость. Отдайте-ка лучше эту стойку мне.

Ухмыльнувшись, юноша подбросил и перехватил свою трость за лакированное основание.

– Я тоже сначала так подумал. Но посмотрите сюда. Видите? – Он сунул балясину под мышку и постучал ногтем по изогнутой рукояти,

увитой тоненькими металлическими пластинами. – Тяжелая до ужаса. Ею и убить кого-нибудь можно. А я, знаете ли, добрый христианин.

– Тогда бейте другой стороной, – огрызнулась Уинифред. – Уверена, в Судный день это станет решающим аргументом в вашу пользу.

– Абсолютно с вами согласен, – без тени улыбки подтвердил Стеллан.

Он протянул ей балясину и снова перехватил свою трость так, что рукоять оказалась внизу. Теперь вид у него был скорее комичный, нежели устрашающий, но ей было не до смеха.

С оружием наперевес они подкрались к двери. Уинифред знобило, руки тряслись. Она не хотела, чтобы Стеллан увидел ее слабость, поэтому попросила:

– Откройте дверь. Я войду первая, а вы за мной. Ради бога, только не шумите! Я понятия не имею, что Уоррен может с ним сделать!

Это была чистая правда. Она *лишь надеялась* увидеть Теодора живым.

– Конечно, ваше величество, – пробормотал Стеллан.

Он медленно повернул ручку и не встретил сопротивления – дверь была не заперта. Вдавливая ее в петли, чтобы она не сильно скрипела, юноша открыл ее, и Уинифред скользнула в дом.

Из темноты на нее тотчас дохнуло затхлостью – так пахнет сточенная насекомыми древесина, непросохшие тряпки и мокрая штукатурка. Уинифред стало дурно, и она едва подавила желание закрыть глаза.

Сначала нужно найти Теодора.

Крепче сжимая балясину, которую она тащила, упиравшись локтями себе в живот и таз, Уинифред шагнула вперед. У нее давно вошло в привычку переносить вес на самые твердые участки пола, поэтому двигалась она почти бесшумно, но прерывистое неглубокое дыхание начинало ее подводить. Господи, вот бы ослабить шнуровку корсета, хоть немного!

Она пожалела, что не пропустила Стеллана вперед. Как юноша и обещал, он последовал прямо за ней. Он ступал немногим громче ее, даже несмотря на скрипучие доски. Это немного насторожило Уинифред. Она аккуратно опустила балясину, пытаясь сосредоточиться.

В доме слишком тихо, раз она слышит шаги Стеллана. Это означает лишь одно: Дарлинга здесь нет.

Сердце Уинифред болезненно екнуло, и она обессиленно уронила деревянную стойку на пол.

– Его здесь нет, – вслух повторила она, и шаги Стеллана замерли. – Мы...

Трость с силой ударила ее по затылку. Не успев больше ни о чем подумать, Уинифред потеряла сознание.

* * *

Еще не очнувшись, она почувствовала боль. Не такую, будто кто-то надел ей на голову чугунный котелок и как следует по нему ударил. Нет, конечно. Голова невыносимо ныла, но было и что-то еще, острое и знакомое.

Жесткие веревки на запястьях.

Не отдавая себе отчета, она машинально раздвинула кисти, не напрягая рук. Движение было отработанным, въелось ей в подкорку настолько, что она совершила его, даже не приходя в сознание. Запястья сдавило, и она провалилась в забытие.

* * *

По-настоящему Уинифред пришла в себя от довольно приятного ощущения – кто-то прикладывал компресс к ее разгоряченному лбу. Она отстраненно подумала, что Стеллан, должно быть, сошел с ума – сначала огрел ее по затылку, а теперь лечит от лихорадки.

Удивительно, но мысли обрели странную стройность, будто болезнь решила завладеть ее телом, забыв про разум. Уинифред вспомнила, как они вошли в дом, как Стеллан ударил ее со спины и как она разводила бабочкой кисти, чтобы веревка не прилегала так крепко.

Она обнаружила, что юноша усадил ее на стул с низкой спинкой. Руки были связаны, ноги свободны, а голова запрокинута назад. Без опоры шея начала затекать.

Хотя Уинифред не открывала глаз, видимо, в момент пробуждения ее веки непроизвольно затрепетали, потому что Стеллан громко сказал:

– Проснулась? Слава богу! Я уж подумал, что убил тебя. Зря ты выбрала трость.

Уинифред преувеличенно громко хмыкнула и открыла глаза, заставляя себя не моргать и не щуриться на свет.

Из холла юноша притащил ее в большую комнату. Здесь было грязно и пусто. Дощатый пол, старые некрашенные стены, окна заколочены досками, а в оранжевом ореоле света от свечей плотным облаком висит пыль. Из мебели только два стула: к одному была привязана Уинифред, другой стоял напротив нее. Рядом валялись трость Стеллана и деревянная балясина.

Стеллан до упора прижал тряпку, холодная вонючая вода заструилась по лицу Уинифред. Она зажмурилась и сжала губы.

– Не ожидала? – негромко спросил юноша.

Уинифред раскрыла глаза и сморгнула с ресниц влагу. Она подождала, пока Стеллан отойдет и сядет на свой стул, и начала медленно проворачивать запястья под веревкой. Идиот. Такие узлы она научилась развязывать в двенадцать лет.

– Не ожидала, – честно призналась она и села прямо. Влажный компресс шлепнулся ей на колени. – Ты казался мне умнее.

– Тебе ли говорить об уме? Да я обвел тебя вокруг пальца! Мистер Уоррен предупреждал меня, что ты восхитительно читаешь человеческие лица. К счастью, мне на руку сыграло то, что ты была вне себя от волнения, да еще и сгорала от лихорадки. – Он ослабился. – Может, ты и думала, что отлично держишься, но на тебе лица не было. Обмануть тебя оказалось проще простого.

Уинифред изобразила легкое удивление, тем временем нащупывая руками кончик веревки. Жесткая, узлы будут крепкими, но не пластичными.

– Значит, мистер Уоррен? Этого следовало ожидать. И как давно?

– Со вчерашнего дня. – Стеллан встал, и она напряглась. – Это ведь ты убила старика в доках?

– Я. Ты рассказал ему?

– Конечно. И о вашем райском гнездышке тоже я сболтнул. Ты, наверное, уже и сама догадалась. Может, ты заметила – я специально

оставил трость в корзине для зонтов. Так они его и нашли. Повезло, что он примчался так скоро, да еще и один.

Уинифред стиснула зубы, чтобы не ляпнуть чего-нибудь опрометчивого. Стеллан хотел, чтобы она спросила его о Теодоре. Она видела это в его хищном нетерпеливом выражении, в нарочито небрежной позе.

Он был прав в одном – паника и лихорадка затуманили ее рассудок настолько, что Уинифред не придавала значения очевидному. Его нарочито громкие шаги в прихожей, поспешно отнесенная версия с «Рассветом», откровенная небрежность – все указывало на одно. Но, к счастью, ее напасть уже отступила. Теперь пришла пора выбираться из ловушки, в которую она сама себя загнала. Уинифред нащупала свободное место в узле и принялась методично его расшатывать.

– И зачем тебе Уоррен? – спокойно поинтересовалась она, хотя втайне хотела потворствовать желанию Стеллана и задать совсем другой вопрос. – Я же предложила тебе отличную сделку.

– Уволь. Десять процентов? – Юноша со злобой пнул стул, и тот с грохотом опрокинулся на спинку. – Впрочем, я согласился бы и на это. Ничтожно мало, но меня убедили твои доводы, нежное личико и то, что Тедди все-таки мой друг. Но когда вы начали скрываться, недоговаривать? Когда ты умолчала об убийстве старика? Черт возьми, да ни за что на свете! – Он вдруг обернулся через плечо, и его глаза металлически сверкнули. – Я, кажется, говорил тебе, что приятнее иметь меня в союзниках, нежели во врагах?

– Но зачем тебе Дарлинг? – Уинифред надменно вскинула голову. – Чтобы тянуть из него деньги?

Стеллан ответил не сразу. Он рассматривал пол, размышляя над ответом, и наконец нахмурился и заговорил:

– Да нет же. Он понравился мне, этот дурачок. Признаться, поначалу я заприметил Тедди как богатого наследника – без семьи, но с огромным потенциалом. Но он быстро пришелся мне по душе, знаешь? – Он остановился, поднял опрокинутый стул и оперся руками о спинку, рассматривая Уинифред. – Конечно, знаешь. Уверен, ты тоже его не за красивые глаза оценила. Разумеется, в клубе с ним не посидишь – на деньги не играет, толком не пьет, а чуть что – бросается строчить письма сестрице. Но, знаешь, он добрый малый. Рядом с ним

начинаешь чувствовать, будто для тебя не все потеряно. Будто сам чего-то стоишь. Глупое чувство, но меня оно успокаивает.

У Уинифред сдавило горло. Хуже всего было то, что она действительно понимала, о чем говорит Стеллан.

– Так зачем же ты предал его? – сухо спросила она.

Молодой человек презрительно прищурился.

– Он предал меня первым. Он предал меня еще в тот момент, когда предпочел мне тебя. Наивный дурак! А ты? – Стеллан пренебрежительно фыркнул. – Отполированная до неузнаваемости – тебя и за живого человека-то считать сложно! Ты так отчаянно пытаешься стать настоящей леди, что чем дальше, тем смешнее за тобой наблюдать. Думаю, с твоими мозгами давно пора было понять, что выглядишь ты просто нелепо. Да, ты великолепная актриса, признаться, иногда я даже забываю, что ты выползла из самых низов. Но не нужно воображать, будто ты в состоянии вытравить приставшую к тебе грязь. Тебя не спасут ни показной лоск тех тряпок и висюлек, которыми обвешивает тебя Тедди, ни твои манерные интонации. К твоему милому голоску навсегда пристал трущобный говор.

Так вот оно что! Дело в задетой гордости!

– Бьюсь об заклад, тебя это бесит, потому что я и тебе нравлюсь. – Уинифред склонила голову набок и жеманно улыбнулась. – Тебя бесит, что тебе нравится девушка из низов. Дешевая актриса, обвешанная бриллиантами. Так ведь?

Стеллан натянуто улыбнулся, но она видела, как у него играют желваки.

– Вздор, – со смешком бросил он. – Ты сама осознаешь, что говоришь? Как *ты* могла понравиться *мне*?

Уинифред ослабила узел настолько, что при усилии смогла бы высвободить кисть. Пожав плечами, она откинулась назад.

– Это ты мне скажи. Не ты ли умолял поцеловать тебя вчера? Дать обещание... как там? «Вспомнить о друге»?

У юноши заалели кончики ушей, а лицо приобрело очень опасное выражение. Оно напомнило Уинифред загнанного зверя.

– Я не умолял, – резко возразил он и вдруг, будто о чем-то вспомнив, ухмыльнулся. – И потом, зачем мне какая-то бедняжка из трущоб, когда я и так уже счастливо помолвлен?

От неожиданности Уинифред на мгновение замерла. Стеллан, внимательно следивший за ней, заметил ее удивление и рассмеялся с изрядной долей самодовольства и дерзкого цинизма.

– Принимаю поздравления! Извини, что не позвал на торжественную церемонию, но обязательно жди приглашения на свадьбу!

– Ты помолвлен? И давно ли? – скептически поинтересовалась Уинифред.

Веселье Стеллана дало ей возможность протиснуть через петлю узла самое широкое место кисти.

– С сегодняшнего вечера, – промурлыкал юноша, явно наслаждаясь тем, что ему удалось сбить с нее спесь. – Оказывается, помолвка – это так увлекательно! Я всегда знал, что стану семейным человеком!

– И кто же счастливица?

– О, ты ее знаешь! Красавица, умница, отъявленная гордячка и, не побоюсь этого слова, истинная эмансипантка! Увы, даже ей суждено было пасть жертвой моих чар!

Этого не может быть...

Игнорируя боль, Уинифред одним движением высвободила руку и едва не застонала – жесткая веревка содрала ей кожу.

– Ни за что не поверю, что мисс Саттон добровольно приняла твое предложение. Как ты ее принудил?

Улыбка Стеллана чуть увяла.

– У меня были весьма веские доводы. Мистер Уоррен – не единственный старик, которого я вчера навестил.

– Ты пошел к ее отцу? – с отвращением уточнила она.

– О, не нужно брать этот осуждающий тон – ты сама проворачивала вещи похуже этой! Я пришел к мистеру Саттону и слегка... ну, приукрасил действительность. Узнав, что Эви позволила себе возмутительную распущенность, старик чуть душу Господу не отдал!

Стеллан с нескрываемым весельем рассмеялся, и Уинифред поморщилась.

– Ручаюсь, он готов был отписать мне половину своего дохода, только бы я взял в жены его непутевую дочурку!

Главное, что она усвоила в общении со Стелланом, – ничто его так не забавляет, как реакция людей на собственные выходки. Как же он наслаждался ее гневом на балу – тогда, когда напоил Дарлингга! Зато холодная логика просто выводит его из себя.

– Умно. А что Эвелин?

– А что с ней?

Уинифред сделала вид, что пожимает плечами, а сама за спиной сняла петлю со второго запястья и подоткнула пустой узел под себя, чтобы он не свалился на пол. Теперь ее руки были свободны.

– Согласие отца еще не означает согласие невесты. Как ты заставил Эвелин согласиться выйти за тебя?

Стеллан сморщил нос – ей показалось, что он немного смущен.

– Я... признаться, не слишком этим горжусь. Я сказал, что убью Тедди, если она не даст согласие. Но, клянусь, у меня такого и в мыслях не было! Я просто хотел ее припугнуть.

– И с чего бы ей пускать насмарку собственную жизнь ради Дарлингга?

– Ты недооцениваешь силу их взаимной привязанности. – На лице у юноши появилось отстраненное выражение. – И, думаю, есть в Тедди что-то такое, отчего мы все готовы положить жизнь за него, правда?

– Но ты отдал его Уоррену. Ты хоть представляешь, что он с ним сделает?

Стеллан махнул рукой и невольно бросил взгляд на дверь. Уинифред догадалась, что он ожидает прибытия людей Уоррена. Может, и его самого. Как мило, что он развлекает ее беседой.

– Ничего он не сделает. Просто вытряхнет родительские деньжата. В крайнем случае украсит парой ссадин.

– И это ты называешь «положить за него жизнь»? – с отвращением спросила Уинифред.

Теперь она просто теряет время. Она придумала, как справиться с физически более сильным Стелланом, и приготовилась было уже привести свой план в исполнение, как юноша вдруг сказал:

– Я эгоист. Пока его жизни нет прямой угрозы, мне, в общем-то, все равно. Сегодня все наконец-то закончится, я получу свои денежки, и мы с моей милой невестой уберемся восвояси. Ты знаешь, что у Саттонов есть просто отменное имение в Гэмпшире?

Уинифред замерла. *Сегодня наконец-то все закончится.* Может, Стеллан и не верит в это, но Уоррен убьет Дарлинга.

– Разумеется, на твой счет я беспокоюсь гораздо больше, – протянул он и с преувеличенным интересом принялся изучать собственные ногти. – Теперь, когда мистер Уоррен знает о Тедди, письме и убийстве того старика, вряд ли ты отделаешься легким выговором. Впрочем, я мог бы помочь тебе сбежать, если бы ты...

– О письме? – резко спросила Уинифред, невольно подаваясь вперед. – Что ты имеешь в виду?

Юноша осекся и в замешательстве поглядел на нее.

– Письмо о компании, которое ты подделала.

– Откуда ты о нем знаешь?

– Откуда... Ах да!

Сделав вид, будто он только этого и ждал, Стеллан с ленивой грацией запустил руку в карман и вынул... ее веер. С резной костяной ручкой, украшенный мелким кружевом ручной работы. Тот самый, который она оставила на кресле в кабинете лорда Уилкиса в свою первую встречу с Теодором. Вот только голос собеседника виконта принадлежал не Стеллану.

– Откуда он у тебя?

– Мне передали его пару недель назад. – Юноша со щелчком раскрыл веер и принялся манерно им обмахиваться. – Слыхал, что Уинифред Бейл проявила возмутительную неосторожность.

Стеллан не может быть знаком с гостем лорда. Выходит, веер ему отдал сам лорд Уилкис. Но зачем? И как юноша провел связь между ее веером и поддельным письмом? Лорд Уилкис не может знать о подделке. Стеллана что-то связывает с собеседником виконта. А тот откуда-то узнал о письме и о том, что Уинифред принесла фальшивку. Выходит, это либо кто-то из партнеров Уоррена, знающий правду, либо кто-то из его людей.

Ей вспомнилось одно бесцветное лицо. Один тихий, незапоминающийся голос. Так вот почему она не узнала голос собеседника лорда Уилкиса – им был молчаливый секретарь мистера Уоррена!

– Так ты работаешь на Холбрука? – быстро спросила она.

Стеллан казался искренне удивленным. Уинифред поняла, что он уязвлен ее предположением, а не восхищен верной догадкой.

– Какой вздор! Это Джеймс Холбрук работает на меня! Он старый управляющий моих родителей. Пару лет назад мы с ним вступили в кое-какой сговор и порядочно сгрести денег, но потом папочка нас раскрыл, и Холбрука погнали взащей. Впрочем, я не потерял с ним связь – он умный малый. – Стеллан закрыл веер и, держа его на пальце за кольцо, полез в нагрудный карман за часами. – Холбрук прибил к мистеру Уоррену, но очень скоро захотел уйти – платят сущие гроши, а работы по горло. Но уходить от него страшнее, чем оставаться, ты и сама это знаешь. Я в ту пору уже познакомился с Тедди, узнал о его планах касаясь тебя и твоего работодателя и предложил Холбруку начать работать вместе с мистером Уорреном, а не на него. Мы кое-что знали о письме, разумеется. Я раздобыл ему приглашение на тот бал, он должен был опередить тебя и первым выманить у лорда Уилкиса письмо. Его мы планировали выменять у мистера Уоррена на долю в деле. Но это было сложно – у Джейми совсем нет тех способностей, какими располагаешь ты. К тому же виконт сжег послание, и бедняжка Холбрук совсем уже отчаялся, когда вдруг заприметил твой веер на кресле и догадался, что ты его обошла. – Юноша положил веер на свой стул и начал его разглядывать, будто мысленно воссоздавая события двухнедельной давности. – Мы подозревали, что настоящее письмо у тебя, но Холбрук за пару лет достаточно изучил и тебя, и мистера Уоррена, чтобы утверждать: ты не станешь ему лгать. По глупости я упустил из расчета Тедди – а зря. Нам оставалось только ждать. Когда позавчера ты принесла письмо, Холбрук понял, что это фальшивка, а я – что поразительно долго остаюсь в роли проигравшего. Я решил дать тебе еще один шанс, но было слишком очевидно, что ты меня просто использовала. – Стеллан наконец взглянул на нее и весело улыбнулся. – Ты знаешь, что нет никого, кого история любит больше, чем победителя?

Юноша слишком много о себе мнит. Она и воспользоваться-то им толком не смогла.

– Но почему тогда Холбрук не рассказал Уоррену о подделке? – слабым голосом на грани кашля спросила Уинифред. – Если он все слышал, то мог рассказать в тот же вечер.

В голове билась мысль о том, что ее могли раскрыть еще раньше. Но она уже выяснила все, что хотела. К тому же Стеллан то и дело

поглядывал на свои часы, а значит гости могли прибыть в любую минуту.

– Он не решился раскрыть себя. Как бы мистеру Уоррену понравилось узнать, что его секретарь мешает карты его лучшей шпионке? Нет, предпринимать что-то насчет письма было слишком поздно, да и я не спешил тебя компрометировать. Но после нашей последней встречи я изменил свое мнение и все выложил твоему хозяину. Сказал, что тот слух на балу пустил я и с виконтом беседовал тоже я, так что Холбрук остался в тени. А я заручился хорошей сделкой.

Уинифред притворилась, будто закашлялась. В действительности в горло будто насыпали песка, и деланный кашель не принес ей ни малейшего облегчения.

– Зачем... ты мне это... рассказываешь? – выдавила она между приступами.

– А что ты теперь сделаешь? Холбрук бесполезен, и даже если ты сдашь его, я ничего не потеряю. А если надумаешь-таки воспользоваться моим предложением и сбежать, зачем тебе...

Его слова заглушил громкий кашель Уинифред.

– Господи помилуй! – насмешливо протянул Стеллан. – Со мной этот трюк не пройдет, хватит надрываться.

Не обращая внимания на его слова, Уинифред закашлялась еще усерднее, делая судорожные вдохи между приступами. В «Рассвете» одна из девочек однажды заболела чахоткой, и ее надрывной сухой кашель не прекращался день и ночь. Уинифред так его возненавидела, что запомнила на всю жизнь.

– Хватит. – В голосе юноши появились нотки беспокойства. – Я знаю, что ты притворяешься.

Горло ужасно саднило. Уинифред откинула голову, вздымая грудь и тяжело хрипя. Ох, сколько еще времени понадобится этому болвану, чтобы поверить, что она не притворяется? Неужели она настолько неубедительна?

– Уинифред? Тебе правда плохо? – уже без насмешки спросил Стеллан.

Его голос становился то тише, то громче, будто он вертел головой, ища стакан воды. Так ничего и не отыскав, Стеллан метнулся к ней и положил руки ей на плечи. Как, черт возьми, это должно ей помочь?

– Уинифред...

Освобожденными от веревки руками она схватила юношу за длинные волосы и с силой вмазала ему коленом по лицу. Оглушительно хрустнул нос. Не выпуская его головы, она вскочила на ноги и ударила снова, теперь другим коленом. Стеллан протяжно замычал и машинально отпустил Уинифред, потянувшись руками к своему разбитому лицу. Третьим ударом врезав юноше промеж ног, она заставила его рухнуть на пол и села сверху. Вынув из выреза револьвер, она прицелилась Стеллану прямо в лицо. Он глядел на нее с ненавистью и почти с восторгом, но без страха – этого Уинифред не понимала. Пожалуй, никто так не ценит собственную жизнь, как Стеллан. Почему же он ее не боится? Из его сломанного носа кровь шла так обильно, что Уинифред подумала, что он умрет если не от ее пули, то от кровопотери. Тело, жесткое и поджарое, было напряжено от боли.

– Вот уж не ожидал, – задыхаясь, но не убирая рук от носа, гнусаво признался Стеллан. – Кажется, я раззадорил тебя своими разговорами о Тедди.

– Замолчи, – процедила Уинифред. Болезнь и накатывающие на ее тело волны жара не мешали ей крепко держать в руках оружие. – Где они его держат?

– Не знаю, – моргнув, соврал он.

Уинифред сжала губы и вдавила дуло револьвера юноше в левый глаз. Он завопил от боли.

– Он в «Рассвете»! Хватит!

Так она и думала – слишком уж безапелляционно он отвалил ее в самом начале. Уинифред немного ослабила давление.

– Сколько человек придет сюда?

– Не знаю... трое или четверо. Отпусти меня, и я никому ничего не скажу. Пожалуйста, Уинифред.

Самым замечательным было то, что она ни капельки ему не верила.

Раз здесь скоро будет четыре человека Уоррена, значит, в «Рассвете» осталось примерно столько же. Как их обойти – другой вопрос. Сейчас нужно обезвредить Стеллана и поскорее убраться.

Но что значит «обезвредить»? Снова убить? Уинифред ненавидела Стеллана, ненавидела всей душой – за подлость, за жестокость, за

предательство, за Теодора, за Эвелин. Но настолько ли, чтобы убить его? Стоит ли юноша того, чтобы брать на свою душу очередной грех? Ответ пришел сразу: нет. Ей очень хотелось отомстить мерзавцу за все, что он сделал, но он не стоил ее пули. Он вообще ничего не стоил.

Уинифред медленно подняла револьвер, и Стеллан, затаивший дыхание, шумно выдохнул. Его шея расслабилась, и юноша обессиленно опустил голову на пол.

– Слава богу. Послушай, я не...

Понятнее перехватив револьвер, Уинифред наотмашь врезала ему по лицу рукоятью. Чтобы человек потерял сознание, удар по голове должен быть большой силы. Ей физической мощи не доставало, поэтому она била его, била и била, пока твердое тело под ней не обмякло, а красивое лицо не превратилось в кровавое месиво.

Сейчас она как никогда понимала слова Дарлинга о целительной силе мести – пусть она его не убьет, но причинит боль. Все равно эта боль несравнима с ее собственной. Конечно, люди верующие считают, что месть ничего не дает, ну а ей месть принесла облегчение.

Убедившись, что Стеллан без сознания, Уинифред обтерла рукоять о его белоснежную сорочку и, пошатываясь, поднялась. Распластанное на полу окровавленное тело напомнило ей Мэшвуда, но в этот раз она с легкостью отмела сравнение. Она не совершила убийства, следовательно, стыдиться ей нечего.

Уинифред сунула револьвер обратно под корсаж и, решив не связывать Стеллана, переступила через него и вышла на улицу. Холодный ночной воздух обдул ее разгоряченное лицо. Она спустилась на дорогу и в полном одиночестве зашагала к «Рассвету».

«Нет никого, кого история любит больше, чем победителя».

Остался ли у нее еще шанс победить?

Глава 21

Союзницы и орудия убийства

- Еще не вернулись?
- Рано, только ушли.
- А девочки спят? Этот не сильно орет?
- Нет, молчит, даже диву даюсь.

Прячась в проулке дома напротив и задыхаясь от волнения, Уинифред слушала разговор Боуди с человеком, смутно ей знакомым, – кажется, она видела его пару раз в Чайна-тауне. Такого же крепкого сложения, как и их вышибала, так же вооружен тяжелой тростью.

Она недооценила Уоррена – сегодня он согнал в «Рассвет» по меньшей мере с десятков своих людей. Дом кишмя кишел народом, и это обстоятельство было явно не в пользу Уинифред.

Она не решалась подойти ближе – пока что ее надежно скрывала темнота проулка, но она же делала ее бессильной. Что бы она о себе ни мнила, с десятком вооруженных мужчин ей в одиночку не справиться. А ведь отсюда до дома, где она оставила Стеллана, рукой подать – что она будет делать, когда их станет больше?

Что ж, Уинифред хотя бы знает, что Дарлинг жив.

Она снова прислушалась к разговору Боуди и вышибалы из притона на крыльце «Рассвета».

- Констебль уже ушел?
- Давно уж. – Собеседник Боуди рассмеялся. – Приняли его честь по чести. Интересно, чья наводка была?
- Наверняка друзей этого юнца. Мисс Бейл-то знает, что с господином Уорреном такие глупости бесполезны.

Наводка? Неужели Лаура заподозрила неладное и обратилась в полицию?

– «Мисс Бейл»! – с противным смехом передразнил Боуди громила. – Твоя мисс Бейл – идиотка, каких поискать! Личиком ангел, а характером – суцкая дьяволица. От всех нас нос воротит, эдакая леди, а сама чем лучше нас? Грязная шпионка, да и только. Кем нужно быть, чтобы проворачивать такое дело за спиной у хозяина?

Уинифред сжала губы. Ради всего их многолетнего знакомства, лучше бы Боуди сейчас за нее вступиться! Но он только невнятно что-то промычал и отвернулся. Она вспыхнула. Чтоб ему пусто было, мерзкому слизню!

Отмолчавшийся Боуди напомнил ей о том, что в «Рассвете» у нее нет друзей. Все люди Уоррена прекрасно понимают, что Уинифред занимает положение несравнимо более высокое, нежели они сами, и она ведет себя соответственно. Уинифред не водит ни с кем дружбу, вечно воротит от всех нос и с достоинством игнорирует презрительные шепотки в коридорах. С Холбруком она практически не заговаривает, девочки ее откровенно, до зависти недолюбливают. А Боуди побаивается, хотя точно уж не настолько, чтобы пойти против Уоррена.

Но ведь есть еще мисс Гэмпстон. Она ей не подруга, но ведь она работает на Дарлинга. Она должна ей помочь. Уинифред зажмурилась и, остужая лоб, прислонилась головой к холодной кирпичной кладке. Мисс Гэмпстон живет в «Рассвете» и сейчас, скорее всего, все еще там. Знает ли она, что ее хозяина схватили? Где его держат? Что с ним сделали? Придет ли она ему на выручку? Скорее всего, придет, решила Уинифред. Ее пробрала дрожь, и она отняла лоб от стены. Мисс Гэмпстон легко предположит, что Теодор сдаст ее Уоррену, если она не поможет.

Итак, союзник в «Рассвете» у нее есть. Но как проникнуть туда незамеченной? У главного и черного ходов полно людей, все они знают ее в лицо. Как же быть?

Уинифред выглянула из-за угла – как раз вовремя, чтобы заметить, как Эмили Гэмпстон торопливо семенит вниз по ступенькам. Вещей у нее при себе не было, но Уинифред узнала ее зеленое дорожное платье. Мисс Гэмпстон сбегала.

Уинифред захотелось затопать ногами от гнева: эта трусливая стерва сбегает! Она оставляет Теодора абсолютно одного, абсолютно беззащитного!

Пылая от злости, она пронаблюдала, как вышибала, беседовавший с Боуди, остановил мисс Гэмпстон повелительным жестом руки. Сам Боуди жался рядом, поглядывая то на него, то на женщину – он явно не понимал, кому должен отдать предпочтение в стычке.

– Стой. Велено никого не впускать и не выпускать.

Мисс Гэмпстон с презрением шлепнула великана по руке, и Боуди отвернулся, делая вид, будто ничего не видит. Уинифред показалось, что он охотно провалился бы сейчас сквозь землю.

– У меня приказание лично от мистера Уоррена. Знаешь, кто я? Его личная помощница. А ну, пошел вон с дороги!

– Видали мы вас. Крысы вы, да и только.

Он расхохотался, поглядывая на Боуди в поисках поддержки, но тот лишь сильнее сморщился, стараясь не глядеть ни на него, ни на мисс Гэмпстон.

– Хочешь проблем с господином Уорреном? – зловеще поинтересовалась женщина, сложив руки на груди. – Учти, мне есть кого обвинить в проваленном задании.

Вышибала заметно стушевался и глянул на Боуди. Тот коротко кивнул. Мужчина шагнул в сторону.

– Так и быть, иди, – смилостивился он, играя тростью почти на угрожающий манер, хотя на лице была написана тревога. – Если что, я не при делах. Так и скажешь господину Уоррену, поняла?

Мисс Гэмпстон лишь фыркнула в ответ и, растолкав обоих мужчин, спустилась и свернула направо. Уинифред ринулась через проулок, чтобы обогнать ее – эти улочки она знала как свои пять пальцев. Нырнув на параллельную улицу, она бегом добралась до следующего проулка, перемахнула через низенькую чугунную ограду, игнорируя лому в костях, и бросилась наперерез ошеломленной мисс Гэмпстон. Не давая женщине сказать и слово, она схватила ее за рукав и поволокла в тупик в самом конце улицы. Отсюда «Рассвет» не был виден – он остался за поворотом.

Мисс Гэмпстон была ошеломлена.

– Уинифред? Как вы...

Уинифред отвесила женщине пощечину и твердо стиснула локоть, не давая двинуться.

– Почему вы его там оставили? – прошипела она. – Вы потеряли рассудок?

Мисс Гэмпстон не делала попыток вырваться. Избегая смотреть ей в глаза, она рассеянно погладила место на щеке, куда пришелся удар Уинифред.

– Я не хотела, правда, – с досадой проговорила она. – Но вам и самой отлично известно, что я бессильна против них всех. К тому же,

если мистер Дарлинг признается, что я работаю на него, мне уже не будет спасения. Я всего лишь дала себе фору. И я думала, вас схватили, и совсем... – Она осеклась, но не решилась задавать вопросы. Вместо этого она сказала: – Но раз вы в порядке, значит, не все потеряно. Я пресытилась этой опасной игрой на два фронта. Если у вас есть план, я помогу вам, только нужно действовать быстро: если они обнаружили, что вас нет в «Закате», времени у нас осталось с полчаса.

Уинифред на секунду зажмурилась. Абсурд. *Он действительно назвал тот публичный дом «Закатом»?!*

– Конечно же, у меня есть план, – солгала она.

Однако в ту же секунду ей и вправду пришла в голову дельная идея. С мстительной радостью она поняла, что у нее наконец-то появился шанс раз и навсегда освободиться, причем только потому, что Уоррен сам настроил против себя добрую половину своих людей.

– Где мистер Дарлинг?

– В подвале. Насколько я знаю, его не калечили – по крайней мере, он не кричал. Но он точно жив, я слышала, как мистер Уоррен говорил, что по возвращении им предстоит важный разговор.

– Они еще не встречались? – недоверчиво уточнила Уинифред.

Почему Уоррен тянет? Не потому ли, что Теодор его сын?

– Насколько я знаю, нет, – покачала головой мисс Гэмпстон и вслух повторила мысль Уинифред: – Не пойму, чего он ждет. Прежде мистер Уоррен сразу расправлялся с такими, как мистер Дарлинг, без всяких прелюдий.

Уинифред представила, как Теодор – избитый, испуганный, растерянный, привязанный к стулу – сидит в крошечной темноте подвала в полном одиночестве, и ее сердце ухнуло куда-то вниз. Он ведь даже не знает, что с ней все в порядке!

– В сущности, это неважно. Сейчас мне нужна Роза. Приведите ее сюда.

– Роза? – На лице женщины отразилось изумление. – Бог ты мой, зачем?

Уинифред поджала губы. Ох уж эта ее несносная привычка вмешиваться не в свои дела!

– Приведите ее как можно скорее, – процедила она. – У нас нет времени.

– Но что... – Мисс Гэмпстон осеклась, и ее лоб вдруг разгладился. – *О нет...*

– У нас нет другого выбора, – нетерпеливо возразила она.

Лицо мисс Гэмпстон приняло странное выражение. В нем ожесточение, адресованное Уинифред, смешалось с жалостью к Розе.

– Вы правы, но... – Женщина покачала головой. – Добром это не кончится.

– Сколько вы еще намерены здесь задерживаться?

Мисс Гэмпстон тяжело вздохнула – будто идея нравилась Уинифред хоть сколько-нибудь больше, чем ей самой! – и зашагала обратно в «Рассвет». Уинифред осталась ждать ее в тупике, сложив руки на груди и мысленно отсчитывая время. Она была уверена, что мисс Гэмпстон не станет глупить и вернется. Но когда? И с Розе ли?

Спустя девять бесконечных минут мисс Гэмпстон шагнула в переулок, таща за собой испуганную и растерянную работницу публичного дома. Розе была одета в свое обычное нелепое ярко-красное платье, расшитое розовыми бантами и рюшами. Мисс Гэмпстон вытащила ее из постели и заставила быстро одеться, но светлые волосы висели нечесаными длинными прядями.

Уинифред тоже начала расплетать свои намокшие косы.

– Снимай платье, – приказала она Розе, нетерпеливо дергая слипшиеся локоны.

Девушка вытаращилась на нее, как на полоумную.

– Мисс Уинифред, вас там все ищут, – пролепетала она, пальцами вцепившись в вырез платья.

У Уинифред от жалости закололо сердце, и она поспешно отвернулась.

– Бога ради, Розе, не болтай попусту! – нетерпеливо ответила она и принялась торопливо расстегивать собственную одежду.

Прекрасное, бесценное платье из ткани, сорванной с небосвода, – ей придется принести его в жертву. Чтобы не думать об этом, она с остервенением занялась пуговицами, чуть не вырывая их с мясом.

– Вы... хотите переодеться в меня? – пробормотала Розе. – Чтобы проникнуть в «Рассвет»?

Ей было около двадцати лет, голос был хрипловатым и низким, но умом она оставалась сущим ребенком.

– Да. Мисс Гэмпстон, помогите ей.

Уинифред расправилась с пуговицами и выскользнула из платья. Оно мокрым мешком свалилось вниз, оставив ее в нижних юбках. В складках ткани что-то блеснуло, и, пока мисс Гэмпстон не видела, Уинифред наклонилась и одной рукой подняла платье, другой пряча за спину револьвер.

Женщина отняла руки Розы от груди и начала торопливо развязывать тесемки. Девушка быстро сдалась; она стояла, уронив голову, неподвижная и взволнованная. Ее грудь вздымалась от тяжелого дыхания.

– Мисс Уинифред, вы поможете мне потом? – прошептала она, не поднимая глаз. – Поможете тоже спастись? Прошу вас...

Мисс Гэмпстон сдернула с Розы платье, но та осталась к этому безразлична. Лишь подняла руки и зажмурилась, пока женщина тянула ткань вверх, через ее голову.

Уинифред сглотнула ком в горле и обменялась с мисс Гэмпстон платьями: женщине в руки переключивал синий звездный бархат, а ей самой достался кичливый красно-розовый наряд из дешевой материи. Не меняя выражения лица, она пообещала:

– Помогу. Конечно, помогу, Розы. Просто посиди здесь пока тихонько, и я все улажу.

Розы робко улыбнулась, просовывая руки в рукава платья Уинифред. У нее была красивая, но неестественная улыбка. Она сама себя к ней приучила, чтобы не выставлять напоказ зубы – опущенные уголки рта и поджатые губы.

– Спасибо, – поблагодарила она.

Уинифред, чтобы не пугать ее, коротко улыбнулась в ответ. Она подвергает Розы смертельной опасности, а та ее еще и благодарит!

Мисс Гэмпстон переключилась на Уинифред и в считанные секунды затянула ей платье. Она распустила по плечам влажные белокурые волосы. Теперь, если не будет поднимать головы, она легко сойдет за Розы.

Когда женщина отвернулась, Уинифред сунула оружие под корсаж.

– Оставайся здесь и ни в коем случае не возвращайся в «Рассвет», – предупредила она девушку. – Лучше всего будет, если ты найдешь где-нибудь место, чтобы переночевать. Я вернусь за тобой.

Рози покачала головой и присела у стены, обняв колени. Элегантное платье сделало ее похожей на обычную девушку – красивую, но грязную и несчастную.

– Нет, я буду здесь. Только не забудьте про меня, пожалуйста.

– Не забуду, – пообещала Уинифред.

Они с мисс Гэмпстон коротко переглянулись. Женщина нежно погладила Рози по щеке, и вдвоем они вышли из проулка.

До угла они молча шли быстрым шагом, но когда показался «Рассвет», мисс Гэмпстон повернулась к Уинифред и растрепала ей волосы – так, чтобы пряди падали на лицо.

– Может, притворитесь пьяной? – предложила она.

Уинифред покачала головой.

– Рози не успела бы так быстро надраться. Лучше просто быстро проскочим.

Ей вспомнилось, как Дарлинг захмелел с сущей мелочи. Два бокала шампанского? Три? Впрочем, он сделан совсем из другого теста.

– Тогда поменяемся местами.

Они вышли из-за угла. Уинифред низко склонила голову, и волосы закрыли ей лицо. Сердце торопливо бухало в груди, разгоняя лихорадку по всему телу, от жара грудь покрылась красными пятнами. Впрочем, болезнь она стерпит, главное, чтобы ум оставался ясным. Он – ее главное оружие.

Имитируя неловкую походку Рози, она ссутулила спину и уронила вперед обычно горделиво расправленные плечи. Шаг стал длиннее, шире, тяжелее. Обе были блондинками, но если волосы Уинифред по цвету напоминали бледное золото, то локоны Рози были скорее соломенно-желтого оттенка. Впрочем, с расстояния в десять футов, да еще и ночью, спутать их ничего не стоило. Хотя Боуди с другом стояли ведь у самого входа!

Волочась за мисс Гэмпстон, которая поминутно вытирала влажные ладони о плотную ткань дорожной юбки, Уинифред вслушивалась в разговор мужчин. Оба понизили голоса почти до шепота, и до нее долетали только отдельные слова:

– Господин Уоррен... дом...

– Не стоит... юнец...

Боуди и его приятель стояли на ступенях крыльца, немного левее двери, и мисс Гэмпстон повела ее справа. Уинифред держалась немного позади, так, чтобы женщина ее закрывала. Когда они начали торопливо подниматься – семь ступеней, которые предстояло преодолеть, казались ей бесконечными, – мужчины замолчали. Уинифред почувствовала на себе их взгляды и опустила голову ниже.

– Ну что? – небрежно спросил вышибала. Уинифред затаила дыхание. – Так уж нужна была тебе эта малютка на встрече? Что это вообще за встреча такая, на которую таскают проституток?

– Оставь ее, это их дела, – вяло воспротивился Боуди, который знал Уоррена лучше и давно отучился задавать вопросы.

Мисс Гэмпстон схватилась за ручку двери и потянула ее на себя, шагнув назад. Уинифред едва успела скопировать ее движение – проход был слишком узок для двоих. Женщина вошла первой, поэтому ей пришлось на мгновение задержаться у входа. Мужская рука шлепнула ее ниже спины. Уинифред от неожиданности дернулась вперед, как жеребенок, едва не вскинув голову.

Этот мужлан посмел шлепнуть ее?

Вышибала захохотал, а Уинифред от унижения густо залилась краской и почти перескочила порог. Даже когда мисс Гэмпстон закрыла за ними дверь, Уинифред все еще слышала его раскатистый, самодовольный, *отвратительный* смех. Сейчас она с удовольствием вытащила бы свой револьвер и застрелила бы его. Вжала бы дуло в лоб так сильно, чтобы покраснела кожа, а потом пустила бы пулю. Она наслаждалась бы его тупым, непонимающим выражением лица, брызгами горячей крови и причитаниями Боуди. Но она не могла сделать этого. Убить человека, так оскорбившего ее, – значит понапрасну пожертвовать собственной жизнью, жизнью Теодора, а также жизнями мисс Гэмпстон и Розы.

Нет, сегодня ей придется снести это унижение. Девушки в «Рассвете» наверняка терпят гораздо худшее – значит, и она вытерпит. Но только сегодня.

Уинифред сжала губы и опустила взгляд на руку мисс Гэмпстон – та показывала ей два пальца. Два человека в холле. Голову поднимать нельзя.

– Розы, пошевеливайся, – громко произнесла она и уверенно зашагала вперед. – Возвращайся скорее в свою комнату, девочка.

Ничего не видя перед собой, Уинифред поплелась следом за мисс Гэмпстон.

В коридоре та схватила ее за руку и втокнула в женскую уборную. Единственным источником света здесь было высокое квадратное окошко, но ночью и от него не было толку. Откинув с лица волосы, до ужаса ей надоевшие, Уинифред схватила с подставки у входа маленькую керосиновую лампу, мутную от старости и грязи. Она зажглась и осветила ровные ряды серой плитки, две большие раковины, треснувшее с краю напольное зеркало и лицо мисс Гэмпстон.

– Их меньше, чем я думала, но у входа в подвал еще один, – мрачно подытожила она. – Как будете пробираться?

– А вы не сможете их как-нибудь отвлечь? – спросила Уинифред, торопливо заплетая косу – ей все еще становилось не по себе, когда она ходила с распущенными волосами.

Помедлив, мисс Гэмпстон покачала головой.

– Если мистер Уоррен наказал им не двигаться с места, они никуда не уйдут, а я только привлеку к себе лишнее внимание.

– Значит, ничего не остается, кроме как убить их? – бесстрастно поинтересовалась Уинифред.

От удивления женщина едва не закашлялась и стиснула собственное горло, чтобы не шуметь.

– Бог ты мой, дорогая, вы спятили? Откуда вы этого набрались?

В ее словах угадывалась едва заметная насмешка, и Уинифред сжала губы.

– Можно ведь просто их оглушить.

Кажется, убить было бы надежнее, но и глубокий обморок тоже сойдет.

Уинифред поправила тесемку на груди, ненароком убедившись, что оружие на месте. Револьвер был ее подстраховкой, тайной опорой, и использовать она его собиралась только в крайнем случае.

– Но как? Нас всего двое, а они вооружены.

Тонкие губы женщины тронула улыбка.

– Кто сказал, что нас двое?

От ее намека Уинифред чуть не застонала. Она *ненавидит* посвящать в свои планы третьи лица – как показывает практика, обычно в таких случаях все идет наперекосяк.

– Но вы же сами не хотели привлекать к этому девочек!

– А у нас есть выбор? – возразила мисс Гэмпстон.

– Они не согласятся.

– Не согласятся, если *вы* попросите, – подчеркнула женщина, и Уинифред надулась. – Не забывайте, что это *вас* они недолюбливают. А вот я была одной из них. К тому же... – мисс Гэмпстон подхватила зажженную лампу и мрачно улыбнулась, – вы не представляете себе, на что бы они пошли, лишь бы увидеть господина Уоррена в гробу.

– И все-таки, практичнее было бы их убить, – недовольно пробормотала Уинифред, когда мисс Гэмпстон покинула уборную.

Она принялась мерить комнатку шагами, считая минуты и холодея по прошествии каждой из них, – они говорили о том, что Уоррен приближается к «Рассвету». Когда мисс Гэмпстон заглянула к ней, Уинифред уже была готова лезть на стену от беспокойства.

– Все готово.

Мисс Гэмпстон поманила Уинифред и вручила ей лампу.

Она вышла как раз вовремя, чтобы заметить, как две проститутки – маленькая веснушчатая Мейми и смуглая черноволосая Тилли – затаскивают наверх вышибалу. Тилли держала мужчину за плечи, а Мейми, хихикая, за ноги. Первая шикнула на подругу и сердито сверкнула карими глазами на Уинифред. Та попыталась улыбнуться.

Не сказав ни слова, девушки скрылись на лестнице, и мисс Гэмпстон, сияя, повернулась к ней. Уинифред нетерпеливо оглянулась на дверь, ведущую в подвал.

– Мы привяжем их к кроватям и заткнем чем-нибудь рот, – сообщила ей женщина, играя откуда-то взявшейся тяжелой тростью. – Может, у девочек найдется что-нибудь, чтобы одурманить их. Только... – Она посуровела, и рот превратился в строгую складку. – Учтите, что нам всем не сносить головы, если вы не справитесь.

Уинифред поняла, на что намекает женщина: та ожидает, что она убьет Уоррена. Но у нее самой этого в планах нет. Она всего лишь хочет спасти Теодора и сбежать. И плевать, какой ценой. Это жестокая, но правда.

– Я знаю, – твердо ответила она и посмотрела мисс Гэмпстон прямо в глаза, следуя своему старому правилу.

Помедлив, женщина кивнула ей и ушла наверх. Что ж, Уинифред хотя бы не солгала ей.

Вход в подвал теперь был свободен. Тихонько открыв дверь, она торопливо спустилась, держа перед собой заплыванную керосиновую лампу.

Маленький подвал был полон барахла. Помимо чулана для угля и тазов для стирки, здесь вот уже пятнадцать лет копились вещи: стулья без сидений и сломанные кроватные стойки, черные от копоти каминные решетки, столик без одной ножки, в крошку разбитое зеркало; в углу были грудой свалены старое белье и занавески. В одну из стен был ввинчен металлический крюк, используемый явно не по назначению.

Она пригляделась, заметив у стены неясную тень. Дарлинг приподнял голову. Поначалу Уинифред приняла его позу за расслабленную – он вытянулся, как потягивающийся на солнце кот. Но, присмотревшись, она увидела, что руки у него над головой скованы металлическими оковами. Не достающий тазом до земли Теодор был подвешен на них, неловко и неестественно выгнув тело.

Бросившись к юноше, Уинифред упала рядом с ним на колени на ледяной каменный пол. Лампу она поставила рядом. Затрепетав ресницами, Дарлинг раскрыл глаза – сначала едва-едва, а затем широко. Они казались двумя дырами на его бледном, без единой кровинки лице.

– Винни... – прошептал он и с усилием сглотнул. – Винни?

Задранные над головой запястья «украшали» тонкие ручейки запекшейся крови – под весом тела металл ссадил кожу.

– Ты пришла, – едва слышно пробормотал Теодор. – Я не думал, что ты придешь. Они не говорили, что с тобой. Я думал...

– Прости меня! – выпалила Уинифред, обхватив ладонями его лицо и заглядывая в полные боли и страха глаза.

Больше всего на свете Уинифред ненавидела просить прощения, а уж сколько раз она делала это искренне, можно сосчитать на пальцах одной руки. Но сейчас она должна, обязана была перебороть собственную глупую гордость и признать неправоту.

– Прости меня, я не должна была...

Теодор шевельнулся, словно пытаясь потянуться к ней, забыв про оковы на руках, и зашипел от боли.

– Нет, Винни...

– Черт! Замок... сейчас. – Уинифред потянулась к прическе, но рука не нашла привычных кос, и во рту пересохло. – Моих шпилек нет. Что делать? Чертовых шпилек нет!

Она принялась озираться, будто ожидая увидеть приготовленную специально для нее отмычку. Паника захлестывала ее, мешала дышать и думать. Уинифред постаралась глубоко вдохнуть, но грудь сомкнулась, и она почувствовала, что снова начинает задыхаться.

Теодор подал голос:

– У меня в жилете есть. На подкладке.

Уинифред торопливо распахнула жилет, раздрав серебряные пуговицы. С внутренней стороны к шелковой подкладке большой булавкой-«стрекозой» был пришпилен крохотный лоскут белой ткани. Дрожащими от волнения руками Уинифред отцепила ее. Слабым голосом Теодор попросил:

– Только оставь ткань, пожалуйста.

– Да, сейчас... Сейчас. Потерпи чуть-чуть.

Положив лоскут (кажется, это был кусочек носового платка с монограммой) Дарлингу в карман жилета, Уинифред выгнула булавку и потянулась к замку. Она почти легла на Теодора и опомнилась только тогда, когда он протяжно застонал от боли.

– Черт возьми! Прости! Прости!

Уинифред вскочила на ноги, и замок оказался на уровне ее груди. Игла была слишком тонкой, но она все равно заворочала ею в замке, пытаясь поддеть язычок.

– Сейчас я открою. Сейчас...

Тоненькая игла хрустнула и сломалась. Уинифред, боясь поверить своим глазам, поднесла к лицу сломанную булавку. Теперь ею можно было разве что вспороть кому-нибудь горло – и то пришлось бы повозиться.

Она со злостью отшвырнула бесполезный, искореженный кусок металла в сторону и судорожно всхлипнула. Глаза заволокло, и на этот раз Уинифред узнала подобрравшиеся слезы. Силуэт Дарлинга, и до этого бывший нечетким, превратился в огромное черное пятно.

– Винни, уходи, – вдруг произнес Дарлинг. – Уходи, пока еще не поздно, хорошо?

У него был успокаивающий вкрадчивый голос, каким разговаривают с маленькими детьми, и у Уинифред на секунду даже

дыхание перехватило от гнева.

– Ты спятил? – Она сердито вытерла предательские слезы и опустила на корточки, чтобы взглянуть ему в лицо. – Я уйду только с тобой!

– Как видишь, мне отсюда не сдвинуться. – Теодор виновато улыбнулся ей и пошевелил руками, так что звякнули кандалы. – Ты и сама все прекрасно понимаешь. Если хочешь, чтобы хоть кто-нибудь из нас выжил, ты должна уйти. Прошу тебя.

От его слов на нее снова накатила паника. И ярость. Конечно, она и без слов Теодора понимала, что поступает неразумно. Прежняя Уинифред и шагу бы не ступила в «Рассвет». Та девушка прихватила бы из дома Дарлинга все самое ценное и бежала бы из Лондона без оглядки, не испытывая ни угрызений совести, ни страха. Прежняя Уинифред наверняка презирала бы себя нынешнюю до глубины души – так же, как она сама теперь ненавидела ту, кем была раньше. Она совершила мало поступков, которыми могла по-настоящему гордиться, и сейчас собиралась прибавить к этому весьма скудному списку спасение любимого человека.

– Ух, ты просто не представляешь, как мне сейчас хочется отвесить тебе пощечину! – с яростью заявила она, и Дарлинг округлил глаза. – Заткнись, если собираешься и дальше молоть подобную чепуху! Идиот несчастный!

– По договору ты обязана... мне подчиняться, – неуверенно попробовал возразить юноша. – Я приказываю тебе...

– Засунь-ка свой договор туда, где солнце не светит, – парировала Уинифред и встала, держа лампу.

Может, попробовать сбить замок чем-нибудь тяжелым? Нет, слишком много шума. Вывихнуть ему суставы? Ни за что – он не выдержит такой боли. Она шагнула в угол и поворошила вонючую кучу белья – хорошо, если там затерялась какая-нибудь шпилька.

Теодор наблюдал за ней с бессильной тревогой.

– Послушай, Винни...

– Если ты опять собираешься нести бред, то лучше заранее заткнись, – посоветовала она, заглядывая в ящички туалетного столика.

– Да нет же... То есть... Я не хотел тебе говорить...

Уинифред выпрямилась и обернулась к юноше, вскинув брови. Явно чувствуя себя неуютно под ее взглядом, Дарлинг с упоением принялся рассматривать пол.

– Да, я знаю, что ты украл мой портрет, Теодор.

– Нет! Ох, стыд-то какой. Да, но я имел в виду...

– Что?

– Помнишь ту ночь, когда... Ах, нет, лучше по-другому. Ты, наверное, помнишь, я тебе сказал, что... В общем, это было не совсем так, я не слишком точно выразился. Тогда я...

– Бога ради, Теодор, хватит лепетать! – припечатала она. – Говори как есть!

– У меня твоя булавка! – выпалил он и виновато замолчал. – В кармане сюртука. Может, попробуешь ею?

– И ты молчал? Идиот.

Снова опустившись рядом, Уинифред нащупала булавку в кармане и вынула на свет. Это была та самая булавка для шляп, которой она вспорола шею мистеру Мэшвуду. Ее явно пытались отмыть, но кровь запеклась под эмалевым ободком, обводя вырезанные на головке цветы бурым контуром.

– Ты сказал, что выбросил ее, – машинально подметила Уинифред, не отрывая взгляд от украшения.

Ей пришла в голову странная мысль: станет ли это последней каплей, после которой в ней уже не останется сил для борьбы? Что еще должно испытать ее, прежде чем она сломается? Достаточно ли этой булавки, или ей предстоит что-то еще?

К собственному удивлению, она почувствовала себя гораздо спокойнее. Такой булавкой, не в пример тоненькой «стрекозе» Теодора, замки она вскрывала в два счета. Уинифред поднялась и заворочала ею в скважине.

– Я знаю, прости. Мне захотелось ее оставить, не знаю почему. Я не говорил тебе, потому что знал, что тебе будет... горько об этом вспоминать.

Прокрутив металлическое острие, Уинифред щелкнула замком. Оковы раскрылись, и обессиленный Дарлинг мешком упал на пол – она едва успела подхватить его голову.

– Будем считать, что ты сохранил ее единственно для этого случая. – Поколебавшись, Уинифред сунула маленькое орудие обратно

юноше в карман и помогла ему подняться. – А теперь уберемся-ка отсюда.

Теодор еле перебирал занемевшими ногами; затаскивать его на лестницу оказалось занятием не из легких. Прикоснувшись ледяными пальцами к ее щеке, юноша удивленно прошептал:

– Винни, да ты просто горишь!

Она промолчала и лишь стиснула зубы. Лихорадка была меньшей из проблем Уинифред. Пока ее не бьет озноб и она в состоянии соображать, ей плевать, инфлюэнца это, скарлатина или предвестник смертной агонии.

Вместе они выбрались из подвала, даже ни разу не оступившись на ступеньках. Теодор к концу подъема окреп настолько, что смог идти самостоятельно. Он закрыл дверь в подвал (пальцы его покраснели от прилива крови), а потом вдруг привлек Уинифред к себе и поцеловал. Она позволила себе на секунду растаять в его руках, но тут же отстранилась, и юноша грустно ей улыбнулся.

– Теодор...

Он оставил ее у двери и пошел вглубь коридора. Там располагались уборные и кабинет мистера Уоррена. Ничего не понимая, Уинифред пошла за ним.

– Нет, выход не там, – заметила она.

– Я знаю. Иди наверх и спрячься, пока все не закончится.

Теодор повернулся к ней и, пожав ее плечо, легонько подтолкнул к лестнице. Уинифред вдруг узнала это странное извращенное выражение лица. Юноша улыбнулся, на мгновение смазав ту маску, которую на себя нацепил, и ее поразила догадка – настолько неожиданная, что земля ушла из-под ног. Уинифред покачнулась и схватилась за руку Дарлинга, которую он только что бережно отнял от нее.

Теодор собирался убить Уоррена.

Это привело ее в неопиcуемый ужас. Сама мысль, что Теодор может желать смерти своего отца, желать собственноручно вырвать у него его жалкую жизнь, показалась ей противоестественной. Не меньше ужасала мысль, что Уоррен может быть мертв – он, подобно мифическому чудовищу, казался Уинифред бессмертным властелином. На месте каждой его отрубленной головы выростали три новые, а герой, сразивший было змея, всегда оказывался растерзан в клочья.

– Нет! – возразила она надтреснутым голосом и потянула Теодора к черному ходу, но тот не сдвинулся с места. Решимость заострила и ожесточила его нежные черты лица.

– Зачем я вытаскивала тебя из подвала? Чтобы ты убил себя в нелепой попытке отомстить? Нет, Теодор! Ты не можешь!

Юноша мягко отцепил ее руку от плеча и сжал в своей.

– Могу и сделаю. Прошу, не пытайся помешать мне, Винни. Умоляю.

Он отпустил ее и снова подтолкнул к лестнице, на этот раз сильнее.

– Это грех! – отчаянно воскликнула она. – Подумай, какие мучения ждут тебя после смерти! Подумай... – Ей пришло в голову смиренное женское лицо с портрета. – Подумай, что скажет твоя мать! Каково ей будет жить, зная, что ее сын – отцеубийца?

Лицо Дарлинга исказилось, и Уинифред поняла, что задела его за живое.

– Нет, она не должна... не должна узнать. – Юноша опустил голову, но она успела заметить блеснувшие в его глазах слезы. – Я делаю это ради нее, но она *не должна* об этом узнать. Прошу тебя.

– Я ей скажу, – окрепшим голосом возразила Уинифред и снова потянула его к выходу. – Если ты убьешь его, я все расскажу мисс Дарлинг.

Нащупав болевую точку, она собиралась давить на нее до тех пор, пока Дарлинг не откажется от своих глупых мыслей. Пусть Теодор ее возненавидит, зато она уберет его от непоправимой ошибки.

Теодор крепко стиснул губы, пытаясь сдержать слезы, но они все равно копились в его глазах, черные, как смола. Юноша поднял на нее взгляд, и сердце Уинифред упало – он выглядел глубоко несчастным.

– Пусть так. Я не смог бы винить тебя за это. Но я не откажусь от своей цели. Если я не сделаю этого, пострадает еще много невинных людей. Не станет ли в таком случае для меня бездействие еще большим грехом, чем убийство? Как я могу спокойно жить, зная, что он искалечил твою жизнь, мою, жизнь моей матери и сотни других? Этих... – он махнул рукой в сторону лестницы, ведущей на второй этаж, где располагались комнаты проституток, – по сути, невинных девушек? Нет, что бы ни говорила мне моя матушка, простить я его не смогу никогда. И не будет мне покоя, пока он жив.

У Дарлинга задрожал подбородок, и Уинифред обреченно осознала: она не сможет рассказать о таком Кэтрин. Если Теодор убьет Уоррена, они вдвоем унесут этот секрет в могилу.

Дарлинг выдохнул, будто слова, вырвавшиеся на волю, принесли ему облегчение. Уинифред стало ясно: она не сможет поколебать его намерений. Ни мать, ни Страшный суд не смогли бы заставить Теодора оставить свои мысли о мести – значит, ей и подавно это не под силу.

Найдя его ладонь, Уинифред переплела их пальцы, и юноша печально взглянул на нее. Несмотря на ужасные слова, которые Теодор произносил, он был похож на ангела с церковных фресок.

– Хорошо, – согласилась она, упрямо выдвинув вперед подбородок. – Пойдем.

На лице Дарлинга появился ясно читаемый страх.

– Нет. Нет. – Он попытался отнять руку, но у него ничего не вышло. – Тебе вовсе незачем... Прошу, уходи! Винни, пожалуйста, уходи!

– У меня ровно столько же причин отомстить, сколько и у тебя, – напомнила Уинифред. – Выбирай: либо мы идем вместе, либо не идем вовсе.

С одинаково обреченными лицами они глядели друг на друга, ожидая, пока один не сдастся, но в поединке силы воли у Дарлинга никогда не было ни малейшего шанса.

– Что я буду делать, если с тобой что-нибудь случится? – еле слышно, жалобно пробормотал он, легко отводя со лба Уинифред выбившуюся прядь.

– А что *мне* делать, если с тобой что-нибудь произойдет? – с вызовом парировала она. – Не уверена, что смогу вытащить тебя во второй раз. А без тебя я никуда не уйду, – добавила она, заметив, что юноша раскрыл рот. – Или вместе, или никак.

В его глазах зажглась нежность.

– Тогда вместе.

– Хорошо.

Держась за руки, они прошли к кабинету Уоррена. При одном только взгляде на дверь Уинифред почувствовала дергающую боль в шраме. Ей захотелось уйти, изменить своей решимости следовать за Теодором до конца, но его рука крепко держала ее, не позволяя соскользнуть в грозящую ей пучину отчаяния и страха.

Дверь оказалась не заперта – Дарлинг лишь толкнул ее, и она отворилась с пронзительным всхлипом петель. Переглянувшись, Уинифред и Теодор вошли в кабинет.

Ее не удивило то, что дверь открыта – ни у кого, кроме Уинифред, не хватило бы смелости заглянуть в кабинет. Откуда же Уоррену было знать, что даже куча вооруженных до зубов людей не в силах ее остановить?

В глубине холла послышалось движение, отворилась черная дверь, и Уинифред узнала несколько мужских голосов. Один особенно выделялся – низкий и раскатистый. Похолодев, Уинифред поскорее потянула на себя дверь. Комната погрузилась в темноту, которую из-за зашторенных окон не рассеивали даже уличные фонари. Она не видела Дарлинга, но юноша нашел ее ладонь и увлек за собой.

– Что мы будем делать, если он войдет не один? – тихо спросил Теодор.

Что-то звякнуло, и она догадалась, что юноша снял кочергу с каминной решетки. Уинифред постаралась не думать о его оружии, но ее все равно пробрала дрожь.

– Поздно ты спохватился, – едко заметила она, но добавила: – Он не впускает в кабинет никого, кроме меня, мисс Гэмпстон и Холбрука.

– А если войдет Холбрук? – прошептал юноша, и Уинифред вспомнила, что он еще не знает о предательстве своего друга.

– Не войдет, – с горечью отрезала она и уловила за дверью звук шагов. – Молчи, Теодор, заклинаю!

Уоррен вошел в кабинет, прикрыл за собой дверь и оставил остальных в коридоре. Мужчина не сразу их заметил – Дарлинг и Уинифред, не дыша, стояли у камина. Несмотря на их решимость, оба пришли в трепетный, абсурдный ужас при одном виде этого человека. На секунду Уоррен замер у входа, зажмурившись, потом повернулся, чтобы зажечь лампу. Устало обведя взглядом кабинет, он задержался взглядом на двух фигурах у камина. Но даже рука не дрогнула, только на краткий миг в глазах промелькнуло удивление.

– Винни, – насмешливо поздоровался он и перевел взгляд на Дарлинга; Уинифред почувствовала, как взмокла рука юноши. – Смекалистая моя девочка. Правда, отчего-то не хватило тебе ума убраться подобру-поздорову пару дней назад. – Закончив

снисходительно изучать бледное лицо сына, он вернул взгляд на нее, и Теодор выдохнул. – Не замечал в тебе страсти к самопожертвованию.

– Давно вы знаете? – ровным голосом спросила Уинифред.

Мужчина неторопливо прошелся по комнате и встал у стола. Поставив на него лампу, он принялся зажигать длинные талловые свечи.

– Ты же не думала, что я совсем идиот? – с презрением поинтересовался он, отложив спички и пробежавшись пальцами по деревянному бювару. – Мальчишка Акли всего лишь подтвердил мои догадки, милая. Я подозревал, что с тобой что-то неладно, но полагал, что ты просто хочешь сбежать. Я бы это, пожалуй, даже позволил. Но спеться за моей спиной с моим же сыном?..

Уоррен посмотрел на Теодора. Уинифред крепко вцепилась в его руку – отчасти для собственного успокоения, отчасти для того, чтобы не дать ему броситься на него.

– Теодор, это же я, – неожиданно ласково произнес Уоррен, – твой отец. Ты не рад мне?

По телу юноши пробежала крупная дрожь, губы прыгали. Он до боли стиснул пальцы Уинифред.

– У меня нет отца, – со злостью выдавил он, хотя по лицу катились слезы. – Никакой вы мне не отец.

Уоррен вскинул брови. В его расслабленной позе не было и намека на беспокойство.

– Неужто так? Скажи, как поживает Кэти?

Лицо Дарлинга исказилось мучительной гримасой.

– Закрой рот! – прошипел он и рванулся вперед, но Уинифред с силой потянула его за рукав. – Не смей упоминать мою мать! Никогда!

– Бог ты мой... А ты, оказывается, злопамятен. – Явно наслаждаясь собственным положением, Уоррен усмехнулся. – Этим ты пошел в меня, а?

Теодор снова дернулся, но Уинифред навалилась на него всем весом, не давая сдвинуться с места.

– Он ничем не походит на вас, – отрезала она, хотя от страха у нее тоже прыгала нижняя челюсть. – В нем нет ни единой вашей черты, мистер Уоррен. И это повод для гордости.

Уоррен перевел взгляд на нее, и из нежного он превратился в холодный.

– Не раскрывай свой хорошенький ротик, пока тебя об этом не попросят, Винни. Я говорю с сыном, а не с тобой.

– Не смейте так с ней разговаривать! – взорвался Дарлинг и высвободил руку из хватки Уинифред.

Он уронил на пол кочергу и бросился на Уоррена с голыми руками. Дрожа от ярости, он схватил отца за лацканы сюртука. Уинифред ринулась к нему, опасаясь, что мужчина ударит Теодора, но тот даже не шелохнулся.

– Спешешь встать на защиту моей Винни? Как трогательно. – Уоррен откинул голову назад – ростом Теодор был почти с него самого. – Держу пари, она поклялась тебе в какой-нибудь вечной любви, а ты, дурачок, поверил ей. Она самая искусная лгунья в целом королевстве. Помяни мое слово, Теодор.

Юноша сжал губы и поднял руку для удара, но так его и не нанес. Отец смотрел на него с восторженным интересом, как на невиданную зверушку, чудом попавшую ему в руки.

– Заткнись, – дрожащим от ярости голосом процедил Дарлинг. – Даже имя ее не смей произносить, грязный мерзавец. Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

– Так я прав? – с наигранным удивлением воскликнул Уоррен. – Видишь ли, Винни неспособна любить. Я отучил ее. Если ты хоть на секунду поверил, что небезразличен ей, ты ошибся. А вот я бы никогда тебя не предал.

– Вы понятия не имеете, о чем говорите! – повторила Уинифред за Дарлингом. – Теодор, пойдем отсюда! Умоляю, пойдем!

Ей было страшно вмешиваться, но еще страшнее было от мысли, что Дарлинг поверит его гнусной лжи, настолько наглой, что даже не было смысла ее оспаривать.

– Видишь? Она не в восторге от того, что я говорю тебе правду, – глумливо заметил Уоррен, и Уинифред пришла в ужас от того, что юноша промолчал. – Винни понимает, что в глубине души ты всегда знал это. Знал, что ей на тебя плевать.

Теодор молчал, только вздымалась спина от тяжелого дыхания. Уинифред совсем потеряла голову. Она почувствовала, как по лицу покатались слезы, и в отчаянии воскликнула:

– Нет! Он лжет! Теодор, прошу!

Она шагнула к Дарлингу и протянула руку, чтобы сжать его плечо, но Уоррен с силой пнул ее в живот. От удара у нее из груди выбило воздух. Уинифред отлетела назад, ударилась затылком о стену и упала на спину.

– Нет! – вскрикнул Дарлинг.

Он обернулся, и она увидела его лицо – белое от ужаса и ярости. Юноша выпустил Уоррена и бросился к ней, падая на колени. Он бережно обхватил ее голову, пальцами касаясь пульсирующего от боли затылка. Уинифред широко распахнула глаза, игнорируя желтые пятна, пляшущие перед глазами, и попыталась заглянуть в лицо Теодору.

– Я люблю тебя, – прошептала она, и его лихорадочно мечущийся по лицу взгляд остановился на ее глазах. – Люблю тебя.

Его лицо на мгновение смягчилось, став прежним – юным, полным жизни и любви.

– Я... – начал он, но Уинифред уловила за его спиной движение.

– Теодор!

Уоррен обрушил ему на затылок деревянный бювар. Дарлинг закатил глаза и ничком повалился на нее, прижав к полу своим весом. Забыв про Уоррена, Уинифред села и едва шевелящимися пальцами дотронулась до его волос. На них осталась кровь, и она задохнулась от ужаса.

– Такой же идиот, как и его мамаша, – устало заключил Уоррен, опуская бювар.

Кровь пропитала волосы Теодора и тоненьким ручейком заструилась по шее. От собственной бесполезности Уинифред хотелось визжать. Она обеими руками обхватила голову юноши, безжизненно повисшую на шее, с ненавистью глядя на Уоррена. Она была готова защищать его даже ценой собственной жизни.

– Не трясись ты так, Винни, я не стану его пока убивать. Он мне нужен.

Горячими пальцами она нащупала на шее у Дарлинга слабый пульс и чуть не разрыдалась от облегчения.

– Я не дам вам и пальцем к нему прикоснуться! – прорычала Уинифред. – Пока я жива, вы его не тронете!

– Это легко исправить, – заверил ее Уоррен и замахнулся на нее окровавленным бюваром.

Уинифред инстинктивно вскинула одну руку вверх, другой продолжая защищать голову Теодора, и бювар с силой обрушился на ее кисть. Она вскрикнула от боли. Ей показалось, что дерево в крошку раздробило кости. Уоррен снова занес свое оружие, но Уинифред успела увернуться, и второй удар пришелся на плечо. Он пожалела, что не подставила вместо него голову – тело прошила волна такой ослепительной боли, что она не сумела сдержать крик. Рука безвольной плетью повисла вдоль тела.

– Глупышка, я ведь убью тебя, – ласково пожурил ее Уоррен.

Уинифред всхлипнула, осознав, что любое движение кистью или плечом причиняет ей невыносимую боль. Но Теодор... Что будет с ним, если она сдастся? Нет, она просто не может допустить, чтобы он попал в руки Уоррена.

Уинифред хотела встать. Сражайся она стоя, шансов выжить было бы куда больше. Но ноги свело, а подвинуть голову Теодора она боялась.

Опустив руку с бюваром, Уоррен пристально посмотрел на нее, и его губы растянулись в улыбке.

– Знаешь, в чем твоя ошибка, Винни?

– Не называйте меня так.

– Ты не гонишься за властью. Я вложил в тебя разум, обучил тебя всему, что знаю. А теперь, благодаря моему сыну, у тебя есть и деньги. Ты могла бы делать что угодно – пойти на что угодно, – но ты предпочитаешь забиться в безопасную норку и натянуть на голову мешок. Ты думаешь, деньги обеспечат тебе свободу? Тебе не нужна свобода. Тебе нужен *кну́т*. Тебе нужен кто-то, кто будет тобой управлять, кто будет говорить тебе, что делать. Ты можешь не признавать этого, но сама понимаешь, что тебе нужен *хозяин*. – Уоррен усмехнулся и покачал головой. – Я всегда гордился тем, какой умницей ты выросла. Пораскинь и теперь мозгами в своей хорошенькой головке. Докажи мне, что я не ошибаюсь на твой счет. Ты прекрасно знаешь, чем все закончится, просто боишься себе в этом признаться, как всегда. Я раздавлю твоего дружка и тебя заодно с ним. Только если... – он шагнул к ней, и Уинифред отшатнулась, съезжившись, – ты снова не примешь мою сторону, милая.

Уоррен протянул ей ладонь, почти рассеянно улыбаясь. На указательном пальце тускло блестело серебряное кольцо, и Уинифред

вздрагнула, представив, как эта рука наотмашь ударяет по ее лицу, а ободок фамильного украшения врезается в нежную кожу.

«Ничего не имею, ни о чем не забочусь».

Ей нравилось обманывать себя мыслью, что ей неведом страх. Но самообман – глупость, а она не способна на глупости. Больше всего на свете она боялась этого человека. Боялась настолько, что десять лет у нее не хватало духу бросить все и сбежать. Боялась послушаться, ошибиться, возразить, недостаточно угодить.

Но все изменилось в тот момент, когда появился человек, за жизнь которого она боялась больше, чем за свою собственную.

– И не подумаю, – храбрясь, отрезала Уинифред. В рот хлынула кровь – она снова прокусила щеку. – Если вы полагаете, что способны склонить меня к предательству, то глубоко ошибаетесь.

Уоррен вздохнул и опустил руку, но лицо выражало насмешливое презрение, и от этого ей стало не по себе.

– Сколько раз я тебе говорил, что ты отупеешь, стоит тебе поддаться эмоциям? – устало, будто втолковывая ребенку простейшую из истин, спросил он. – И вот результат. Нашла себе прихлебателя, который целует землю, по которой ты ступаешь. – Он покачал головой. – Его раболепное поклонение испортит тебя окончательно. Что дальше? Неужели ты полагаешь, что мой сын на тебе женится, а?

– Разумеется, нет, – с достоинством ответила Уинифред. Он не мог уколоть ее тем, за что она бранила сама себя. – Я не строю подобных иллюзий, мистер Уоррен. Мне это и не нужно – достаточно того, что мистер Дарлинг знает, что я никогда не предаю его доверие.

– Значит, ты такая же идиотка, как и он! – рявкнул Уоррен, и она невольно вздрогнула. – Слепая верность никогда не приводит ни к чему хорошему. Она делает честь доброте, но не уму. Главное – иметь цель, средства для ее достижения и уметь вовремя выбирать сторону победителя, Винни. У тебя же нет *ничего*.

Уоррен медленно начал поднимать бювар. И в тот самый момент, когда Уинифред почти уверилась в собственной смерти, она кое о чем вспомнила. Выпустив голову Дарлинга, она выхватила заткнутый за корсаж револьвер и взвела курок. Уоррен искривил губы, но в глазах мелькнул страх. Уинифред успела его заметить.

– И что же, ты выстрелишь в меня? – насмешливо спросил он. – Ты, Винни? Хвалиться и разбрасываться угрозами ты горазда, но вот

пустить их в ход никогда не была в состоянии.

Покалеченная рука Уинифред, стискивавшая револьвер, так прыгала, что она наверняка промазала бы, даже если бы и правда решилась в него выстрелить.

– С чего вы взяли, что я вас не убью? – поинтересовалась она, вложив в голос побольше ярости. – Я уже убивала. Я убила мистера Мэшвуда.

На этот раз к страху в его глазах прибавилось удивление, и оно придало Уинифред сил. Уоррен понял, что она больше не та девочка, которая послушно терпела прикосновение раскаленной кочерги, захлебываясь собственной желчью. Ей хотелось, чтобы он тоже ее боялся, пусть и не так сильно, как она его.

– Вот как? Интересно. С чего же ты взяла, что, убив чужого тебе старика, ты наберешься воли пристрелить и меня?

– Я вас ненавижу.

– Разве этого достаточно? – со смешком возразил он и бросил взгляд на распластанного у нее на коленях Теодора. – Даже он, мой маленький мститель, знает, что одной ненависти для убийства мало. Нужна смелость. А у тебя ее нет.

«Ты можешь сделать гнев своим оружием. Мечом, которым будешь сражать врагов».

Сердце комком застряло в горле. Уинифред зажмурилась и, не дав себе времени на раздумья, нажала на спусковой крючок. Револьвер звонко щелкнул... и не выстрелил. Она открыла глаза и снова вдавила крючок. Уоррен, отшатнувшийся было, теперь глядел в направленное на него дуло со злобной радостью.

Но почему?.. Уинифред самолично вычистила, смазала промасленной тряпкой и зарядила оружие. Оно не могло дать осечку. Как же...

Стеллан.

Пока она была без сознания, он наверняка обыскал ее. Сунул свои грязные руки ей под корсаж, разрядил револьвер и сунул его обратно. Столь жестокая шутка вполне в его стиле. Уинифред почувствовала, как по ее лицу катятся злые слезы, но у нее не было сил их вытереть.

– Надо же. Ты, должно быть, и правда по уши влюбилась, – удивленно произнес Уоррен и покачал головой. – Глупышка Винни. Ты мое самое большое разочарование.

Он снова замахнулся и опустил бьювар ей на голову. Удар пришелся точно углом.

Глава 22

Пощечины и храбрецы

Ощувив тупую боль в черепе, Уинифред отстраненно подумала: странно, что она все-таки не умерла. Лихорадка, три удара по голове, раздробленная кисть – а ее юному телу все нипочем. Неужели только пуля в сердце сможет усыпить ее окончательно?

Сначала она чувствовала только боль. Потом до ее сознания донеслись звуки и запахи. Тяжелые горьковатые запахи ладана, табака и пота. Мужские голоса. Один из них взволнованный, испуганный. *И он принадлежал Теодору.* Уинифред окончательно пришла в сознание. Не повторяя своей прошлой ошибки, она расслабила мышцы лица и замерла, затаив дыхание.

Она снова сидела на стуле, снова со связанными руками. Была какая-то горькая ирония в том, что она слишком медленно училась на своих ошибках, и они успевали ее настигать. Из-за высокой спинки голова склонилась вперед, а не назад, как прежде, и подбородок уперся в ключицы. Удерживали ее только веревки, крепко стянувшие руки за спинкой стула. Собственный вес тянул Уинифред вниз, и грубое волокно впилось в кожу, и без того уже содранную. Левая кисть была сломана, это точно – пальцы распухли и глухо ныли. К тому же руки ей в этот раз стянули крепко, не в пример неумелым узлам Стеллана. Выпутаться она точно не сможет. Разве что ей на помощь придут мыши и перегрызут веревки, как в сказке, которую ей рассказывала в детстве мать.

Мыши? Уинифред чуть не застонала от злости на себя. Похоже, мистер Уоррен хорошенько ее приложил, если она начала бредить.

Ее ужасно тошнило. Запекшаяся под носом струйка крови неприятно стянула кожу. Уинифред захотелось слизнуть ее, но она не рискнула.

– Сначала отпустите Уинифред, – дрожащим голосом произнес Теодор, и ее сердце заколотилось так сильно, что она испугалась, как бы кровь не прилила к лицу.

Послышался вздох, а сразу за ним – глухой удар, будто кто-то стукнул ладонью по столу. Уинифред стоило огромного усилия не

вздрыгнуть. Мужской голос у нее за спиной тихо выругался.

– Мальчик мой, повторяю, – процедил Уоррен, – ты не в том положении, чтобы ставить мне условия.

– А я говорю вам, чтобы вы отпустили ее, прежде чем я стану что-либо подписывать.

– Бога ради! – взвыл мужчина.

Судя по всему, этими репликами они обменялись уже не единожды. Дарлинг – из глупости или упрямства – гнул свою линию, но долго так продолжаться не могло. Пока что Уоррен просто в недоумении, но совсем скоро его терпение лопнет. А вымещать злость он станет вовсе не на глупом сыне.

Руки Уинифред до локтей покрылись мурашками. Выше все болело так, что она просто ничего не чувствовала.

Уоррен перевел дух и поднялся. Тяжело скрипнуло кресло, освободившееся от его массивного тела. Выдохнувшая было Уинифред вновь затаила дыхание, чтобы не пропустить ни звука.

– Теодор, ты мой сын, – мягко заметил он и, прежде чем юноша успел возразить, добавил: – Моя плоть и кровь. Но не думай, что я столь же сентиментален, как твоя мать. Если потребуется, я лично тебя пристрелю.

– Так пристрелите.

– Как тебе угодно. Только прежде распишись вот здесь.

– Сначала отпустите Уинифред.

Отец Дарлинга промолчал, и ей стало страшно. Юноша тоже наверняка заметил, что ходит по краю, потому что тут же торопливо добавил, будто оправдываясь:

– Зачем вам вообще нужна моя подпись? Ее легко можно подделать. Это ведь просто закорючка на бумаге.

– В нашем мире договор – это все, – вкрадчиво пояснил Уоррен. – Мне не нужна твоя подпись. Ты прав, я наверняка с легкостью смог бы ее скопировать. Но будет ли она иметь вес? Нет, мне нужно твое согласие. – Мужчина понизил голос, и Уинифред сумела разобрать слова только потому, что сидела достаточно близко. – Вот как вершат сделки в моем мире – простым «да». Любой договор можно скрепить росчерком на бумаге, но что от него толку, если человек не в твоей власти?

– Но я могу его нарушить, – растерянно сказал Теодор. – Я могу подписать что угодно, а потом притвориться, что ничего не было. Вы ничего не сможете доказать.

– Можешь, – согласился он, – но так не сделаешь. Тебя будет держать страх, а вовсе не твои глупые каракули, разве ты этого не понимаешь? Но даже если тебе достанет смелости, у меня и для этой проблемы есть решение.

Уинифред услышала, как Дарлинг сглотнул.

– Какое решение?

– Смерть, – заключил Уоррен и обогнул стол.

Уинифред крепче сомкнула веки, чтобы те ненароком не затрепетали.

– В таком случае я тебя убью. Имей в виду, это одна из причин, по которой люди не осмеливаются разрывать сделки – гора тел, на которой они стоят, в любой момент может покачнуться и поглотить их самих. Гора растет, а храбрецов, которые осмеливаются вскарабкаться на ее вершину, становится все меньше и меньше. Про них забывают. При должном раскладе тебе и в голову не придет, что договорная бумажка имеет не больше силы, чем надпись на стене в подворотне.

Теодор замолчал, и Уинифред догадалась, о чем он подумал – о шкафе Уоррена, доверху набитом подделками. Какими же глупостями они, в сущности, занимались! Какой самоуверенной идиоткой она была! Как она смогла позволить Дарлингу втянуть ее в подобную затею? Как он сумел убедить ее закрыть глаза на абсурдность собственных идей и слепо довериться ему?

Может, Уоррен в самом деле прав – ей всего лишь нужен хозяин?

Уинифред потребовалось оказаться на грани жизни и смерти, чтобы осознать: в узде ее держит не какая-то бумажка, а самый обычный страх. Он связывает людей крепче любых чернил. Она считала себя умнее Теодора, но к этой истине они пришли одинаково поздно.

– Что ж... Полагаю, вы в любом случае меня убьете, – произнес Дарлинг так обреченно, что у нее чуть не разорвалось сердце.

– Ты всегда можешь присоединиться ко мне, – возразил его отец. – Признаться, у меня нет никакого желания убивать собственного сына. Не лучше ли работать со мной сообща, нежели посвящать жизнь бессмысленной и глупой борьбе?

Речь Теодора, хоть и взволнованная, была такой внятной и взвешенной, что у Уинифред на секунду затеплилась надежда, что он начнет блефовать.

– Нет. Я ни за что на свете не стану вашим сыном, мистер Уоррен. Только... Чтобы и вам, и мне было легче, не могли бы мы прийти к компромиссу?

– У тебя деловая хватка, – снисходительно заметил Уоррен, ничуть не раздосадованный его отказом. – Чего ты хочешь?

– Я все подпишу, только прежде, умоляю, помогите ей, – задыхаясь, проговорил Теодор. – У нее рана на голове. Она не приходит в сознание. Ей нужен врач. Прошу вас. Тогда я на все соглашусь.

– Да нет, ей ничего не будет, – насмешливо протянул его отец. – Правда же, Винни?

Черт возьми! Мистер Уоррен – не Стеллан Акли. Его дурить не получится.

Она медленно подняла голову, не встречаясь с ним взглядом. Дарлинг был ошеломлен, но явно испытал облегчение от того, что она хотя бы очнулась.

– Винни! – выдохнул он и заворочался, но веревки держали юношу так же крепко, как и ее. – Винни, ты в порядке? Ты... твоя голова...

– Теодор, не смей ничего подписывать, – процедила она и посмотрела на Уоррена. – Чем дольше мы протянем, тем дольше проживем. Ведь надо же провести побольше времени с сыном, сэр?

Уоррена позабавило оживление Дарлинга, и в груди у Уинифред заворочалось неприятное предчувствие. Привязанность Теодора к ней очевидна, скрывать ее бессмысленно, да и слишком поздно. Уоррен всего лишь в очередной раз убедился, что пока Уинифред в его руках, он может вертеть сыном, как ему угодно.

– Следите за ее руками, – велел он людям, молча стоявшим у Уинифред за спиной. – Она даже со сломанной кистью может выпутаться.

Несмотря на безвыходность своего положения, она ощутила некоторую гордость от того, что он открыто отдает ей должное. Превозмогая боль, Уинифред с чувством глубокого удовлетворения сложила пальцы у себя за спиной в неприличный жест.

Уоррен присел напротив нее. Из-за своего внушительного роста он, даже сидя на корточках, смотрел ей прямо в глаза. Развернув белый носовой платок, он смочил его слюной и поднес к лицу Уинифред. Она с отвращением дернулась, но мужчина крепко схватил ее за подбородок двумя пальцами, развернул лицом к себе и, не обращая никакого внимания на полный ненависти взгляд, аккуратно принялся вытирать кровь у нее под носом. Выглядел он при этом почти безмятежно, точно заботливый отец. Непонятно, был этот спектакль устроен для Теодора или для нее самой – Уоррену было не впервой с нежностью заботиться о ее ранах, которые он сам же нанес. Вот только теперь нет никакой нужды поддерживать иллюзию привязанности.

– Винни, – тихо пробормотал он, с усердием размазывая по ее губам запекшуюся кровь. – Вели ему подписать бумаги, иначе я проломлю его тупую башку.

Уинифред невольно перевела взгляд на Теодора. Юноша наблюдал за ними со смесью страха и гнева. Похожие чувства испытывала сейчас она сама.

Когда Дарлинг подпишет подсунутые ему бумажки, чем бы они ни были, Уоррену он станет не нужен. Ее саму он держит в живых только для того, чтобы воздействовать на Теодора. Словом, им обоим грозит смерть. Может, им повезет, и в своем обычном припадке гнева Уоррен пристрелит их обоих. Так что, какая разница, умрут они сейчас или позже?

Храбрясь, Уинифред вернула взгляд на своего бывшего хозяина.

– Подотритесь своими бумагами, сэр.

Мужчина не изменился в лице. С усилием поднявшись, он сложил измазанный буро-красным платок вчетверо, а потом отвесил ей пощечину – достаточно сильную, чтобы клацнули зубы и голова пошла кругом.

– Эй! Не трогай ее! – заорал Дарлинг и снова задергался.

Уинифред попыталась сфокусировать на нем взгляд, но не смогла. Ее снова затошнило. Вытерев платком руку, словно на ней могло что-то остаться, Уоррен насмешливо заметил:

– Симпатичное платьице. Тебе к лицу.

Уинифред похолодела, но ничем не выказала своего удивления. Пошевелив челюстью, она запрокинула голову, чтобы взглянуть на мужчину. Точнее, на мутные очертания его фигуры.

– Что вы с ней сделали?

– Я? Ничего. – Уоррен швырнул платок в пустой камин. – Бедняжка поскользнулась и ударилась головой о кованые перила. Говорят, от таких ран мучаешься сильнее всего.

Уинифред опустила голову и часто-часто заморгала, чтобы с глаз ушла пресловутая пленка. Но стало только хуже – на щеку капнула слеза.

Значит, они все-таки нашли Розу. Нашли и убили. Так наверняка поступят и с остальными девушками, стоит только Уоррену задаться вопросом, куда подевались его люди, охранявшие «Рассвет». Марта, Мейми, Тилли, Эмили Гэмпстон – им всем перережут глотки и оставят умирать в каком-нибудь глухом закоулке наподобие того, где она пристрелила Мэшвуда. Она погубила Розу и всех остальных. И Теодор тоже умрет из-за нее. Она словно собственноручно вонзила нож в их спины.

– Винни, у тебя нет выхода, – пробормотал Уоррен. – Ты путаешь упорство с упрямством. Прими наконец поражение.

Уинифред снова с остервенением заморгала, силясь вернуть себе зрение. В висках оглушительно стучала кровь.

Конечно, ему хочется побыстрее завернуть дело, но она не станет доставлять ему такое удовольствие. Боль давно уже не пугала Уинифред, а если Уоррен прикончит ее раньше времени, может, Дарлингу удастся заключить с ним какую-нибудь сделку чуть выгоднее смерти.

– Идите к черту, – спокойно ответила она, устремляя взгляд в пол, на узорчатый ковер – так она не посмотрит случайно на Теодора или на кочергу, брошенную у камина.

Голова так раскалывалась, что ей хотелось захныкать, но она не позволяла себе этого просто из гордости и духа противоречия.

Ко второму удару Уинифред приготовилась – задержала дыхание, чтобы не было так больно. Кольцо на его руке рассекло ей кожу на скуле.

Мгновение Уинифред колебалась на грани потери сознания, почти не чувствуя боли, а потом все ее чувства обрели такую оглушительную ясность, что она чуть не ослепла от тусклого света свечей и не оглохла от дыхания людей у себя за спиной. Как это забавно – Уоррен своей милостивой оплеухой вернул ей зрение!

– Стойте! – снова выкрикнул Дарлинг. – Я подпишу, хватит!

В его голосе слышались слезы, как у ребенка, обмирающего от ужаса.

– Так подписывай, – сквозь зубы бросил Уоррен.

Разъяренный, он наворачивал вокруг Уинифред круги, как волк.

– У меня руки связаны, – растерянно отозвался юноша.

Уоррен замер. Уинифред показалось, что он сейчас наострит уши и принюхается, вскидывая голову, но вместо этого он рассмеялся и повернулся к сыну.

– Ну и ну! – Все еще посмеиваясь, он встал у Теодора за спиной и принялся развязывать узел. – Право, я совсем забыл! Старый дурак, скажи?

– Все верно, – хрипло подтвердила Уинифред. – Старый дурак.

Мужчина ничего не ответил, только язвительная улыбка, блуждавшая на его губах, куда-то исчезла. Дарлинг умоляюще распахнул глаза, словно пытаясь сказать ей: «*Молчи!*» Знал бы он, как у нее сейчас трясутся колени.

Развязав веревки, которые тяжелой связкой упали на пол, Уоррен обошел юношу, обмакнул перо в чернила и вручил ему. С недоверием и опаской глядя на отца, Теодор принял его.

– Подписывай, – бросил ему Уоррен через плечо.

Дарлинг в нерешительности перехватывал перо пальцами, наблюдая за отцом. Мужчина вернулся к Уинифред и сжал ее лицо одной рукой, заставляя взглянуть на себя.

– Не вынуждай меня жалеть, что ты все еще жива, – ласково посоветовал он, и Уинифред задрожала. – Я не потерплю дерзости.

– Я... не вижу, где нужно подписать, – вдруг громко перебил его Теодор. – Покажите, где я должен... где я должен поставить подпись...

Уоррен не клюнул на его неумелую ложь, но ее очевидность его развеселила – он тоже угадал в ней попытку отвлечь его от Уинифред. Усмехнувшись, он выпрямился, и она украдкой сплюнула кровь себе на колени.

– Вот как? Значит, придется показать. – Принимая его игру, Уоррен вернулся к столу и ткнул пальцем на край листа. – В этом месте, на этом листе и на следующем. Запомнил, мой мальчик?

Несмотря на издевку, в его голосе мелькнуло ликование – он уже смаковал победу. Уинифред замерла. Подпись Дарлинга –

единственное, что отделяет того от смерти, как он этого не понимает?

– Теодор, нет! Не надо!

– Я должен защитить тебя, – прошептал он и крепко стиснул перо.

Он умрет. Теодор умрет.

Забыв обо всем на свете, Уоррен с упоением наблюдал за сыном. Что бы он ни дал Теодору на подпись, это явно имеет огромную для него ценность. Иначе Уинифред не могла объяснить золотой блеск в его глазах, будто он наяву грезит сокровищами.

Вот так, разом, человека может ослепить только одно: жадность.

В следующее мгновение Теодор вскинул голову и вонзил металлическое острие пера в шею своего отца.

Уинифред задохнулась. словно не до конца осознавая, что натворил, Дарлинг отпустил перо, вскочил и попятился. Маленькое золотое острие застряло у Уоррена глубоко в крепкой мясистой шее, пустив по коже струйку чернил. Побагровев и выпучив глаза, мужчина выдернул его и прижал к шее ладонь. Меж пальцев брызнула алая кровь. Вместо страха на Уинифред вдруг накатила волна тошнотворной слабости. Она безучастно наблюдала, как на губах Уоррена вздуваются кровавые пузыри, как Теодор в ужасе мотает головой из стороны в сторону. Острое окровавленное перо неподвижно, словно пытаясь затаиться, лежало на ковре. Кто-то у нее за спиной с удивлением выругался, опершись руками на спинку ее стула, и она узнала голос приятеля Боуди.

Словно потеряв вдруг опору, Уоррен, задыхаясь и надрывно кашляя, бухнулся животом на стол. Глаза с бешено расширившимися зрачками остановились на Уинифред, и она похолодела.

– Я любил тебя, – со свистом выдавил он. – Как дочь.

Уоррен отнял от раны руку, словно держать ее стало слишком тяжело. Кровь хлынула фонтаном, заливая его кожу и воротник. Он хотел встать, но сумел только немного приподнять голову и посмотреть на Теодора. Юноша посерел от ужаса, на его щеках блестели ручейки слез.

Мужчина раскрыл рот, но вместо слов с его губ сорвался еще один кровавый пузырь. Он уронил голову и больше уже не двигался. Лужа крови не удержалась на краю столешницы и тоненькой струйкой полилась на ковер.

Наверное, Уинифред должна была почувствовать себя освобожденной. Ее хозяин наконец-то мертв. Она желала ему смерти – и вот он мертв. Но вместо этого она ощутила тяжелую, ошеломительную усталость.

О, Уоррен был умен. Он полагал, что одолеет ее даже после смерти. Если бы Уинифред поверила его прощальным словам, чувство вины наверняка преследовало бы ее всю оставшуюся жизнь. Но она знала, на что он рассчитывал. И она знала, что вместо любви получила от него кое-что получше – холодный рассудок. Она знала, что он любил ее не больше, чем письменный стол, фамильный перстень или хороший табак. Не больше, чем вещь. Выходит, свои последние слова он потратил совершенно впустую. Уинифред почувствовала, как ее охватывает злорадное торжество, однако оно схлынуло так же быстро, как и пришло.

Уоррен неподвижной тушей лежал на столе, раскинув руки так, словно пытался удержаться за его деревянную поверхность. В смерти он уже не казался Уинифред крепким или внушительным, теперь он был просто огромным.

Теодор отвел взгляд от тела отца. Его блестящие глаза забегали по комнате, не в силах остановиться на чем-то хотя бы на мгновение. Обескровленные губы дрожали. Казалось, им завладело одно-единственное чувство – мука.

Наконец он выхватил взглядом лицо Уинифред, а потом – людей за ее спиной.

– Развяжите ее, – нетвердым голосом приказал Дарлинг.

Видимо, они замялись, потому что юноша схватил со стола револьвер Уинифред и, не мешкая, наставил оружие на них.

– Быстро!

Мужчины послушались, чьи-то заскоруждые пальцы принялись распутывать узел. Скорее всего, подручные Уоррена не знали, что оружие разряжено. А может, убийство их вожака придало словам Теодора некий вес.

От чужих прикосновений ее бросило в дрожь отвращения. Потом пальцы, вынимая руку из узла, стиснули ее сломанное запястье, и на секунду все вокруг полыхнуло белым. Уинифред задохнулась и выгнула спину от волны оглушительной боли.

– Аккуратнее! – рявкнул Теодор.

До этого он не решался к ней приблизиться, а теперь встал рядом, не спуская с мушки людей за ее спиной. Уинифред отметила, что у него чистые, без капельки крови манжеты.

Наконец она почувствовала, что ее руки освободились, и с облегчением подтянула холодные негнущиеся пальцы к груди, не решаясь растереть запястья. Дарлинг бросил на нее вопросительный взгляд, и Уинифред, не оборачиваясь, вполголоса обратилась к подручным своего мертвого хозяина:

– Убирайтесь из города. Я даю вам время до утра. Если посмеете ослушаться, я выслежу вас и убью. То же самое передайте остальным.

У нее не было ни малейшего желания исполнять свою угрозу, но она надеялась, что ее репутация сыграет ей на руку. За то, что они сделали с Розы, их следовало бы прикончить. Но на сегодня убийств достаточно.

К ее удивлению, незнакомый голос с облегчением произнес:

– Благодарю вас, мисс Бейл! Мы сейчас же...

– Да-да, разумеется, – одновременно с ним забормотал дружок Боуди.

Оба торопливо зашаркали к выходу, и Уинифред пришло в голову, что они растеряны не меньше ее самой, поэтому и следуют приказам столь безропотно. Они тоже свободны, но что им с этой свободой прикажете делать?

Дверь захлопнулась, и они остались одни. Теодор опустил голову и руки, не глядя на Уинифред. Она медленно, с усилием поднялась со стула и приглашающим жестом распахнула объятия. Дарлинг только этого и ждал. Он обхватил ее обеими руками и, склонившись к ее плечу, разрыдался. Все его тело сотрясалось от отчаянного, разрывающего душу плача. У нее кружилась голова. Уинифред поглаживала его здоровой рукой по волосам, осторожно распутывая слипшиеся от крови пряди на затылке. Юноша согнулся в три погибели, и теперь их головы были на одном уровне, а его сдавленные рыдания раздавались у нее под самым ухом. Ничего не говоря, она ждала, пока Теодор успокоится. Ее поразила собственная отстраненность. Вместо тоски, паники или ненависти Уинифред ощущала только жалость к его горю. В конце концов, он – нежный чуткий юноша, собиравший в саду улиток и в жизни не причинивший никому зла, – только что прикончил собственного отца.

Когда его всхлипы начали стихать, Дарлинг выпустил ее и отвернулся, отирая глаза рукавом. Его нос и губы раскраснелись от слез.

– Идем, – ласково позвала его Уинифред. – Я отправлю тебя домой. Лаура сумеет позаботиться о тебе лучше меня.

– А как же ты?

У нее сдавило горло. Втайне она боялась, что он согласится и уедет, оставит ее здесь, но Теодор не отказался от своих слов.

– Я должна остаться, – прошептала Уинифред. – Я должна...

– Ничего ты не должна, – настойчиво оборвал ее Дарлинг. – Ты ничего больше не должна. «Рассвета» больше нет, Винни.

– «Рассвета» больше нет, – едва шевеля губами, повторила она, а потом сфокусировала отсутствующий взгляд на лице юноши. – Но как быть с девочками? И... с телами?

– Мы разберемся вместе. Оставим девочек мисс Гэмпстон, а тела... О, Винни, уедем отсюда, заклинаю! – В отчаянии он поймал ее за обе руки, нежно подхватывая сломанную. – Как ты и хотела! Уедем навсегда! Ты свободна! Мы свободны!

Уинифред закивала, крепко стиснув губы, – ей казалось, она тоже разрыдается, если произнесет еще хоть слово. Теодор повлек ее за собой к выходу из кабинета. Они так вцепились друг в друга, что было неясно, кто кому служит опорой.

Когда юноша взялся за ручку, Уинифред кое о чем вспомнила.

– погоди. – Выдернув свою руку из его, она окинула взглядом темный кабинет. – Разожги огонь.

– Что ты...

– Я освобожу их всех.

Уинифред, обойдя распластанный на столе труп, вынула из ящика перочинный нож и направилась к шкафу. Поддев замок лезвием, она с треском выломала его из дверцы.

– Он был прав – это всего лишь бумажки. Ну, так я спалю их.

Дарлинг послушно чиркнул спичкой и склонился над камином. Уинифред подошла к столу, чтобы вытащить залитые кровью договоры из-под головы мистера Уоррена. Юноша побледнел и устался в камин.

Когда она присела рядом и бросила пачку подделок в занимающийся огонь, его пальцы мелко задрожали. Правой рукой

Уинифред схватила его ладонь и прижала к своей разгоряченной щеке.

– Все кончено, – твердо произнесла она, глядя, как в огне исчезают слова и росчерки, как трещит, сворачиваясь, горящая бумага и плавится сургуч. От мистера Уоррена в этом мире не осталось ничего, кроме его сына.

Теодор взглянул на нее, жалобно скривив рот. Его глаза были подернуты горем.

– Я совсем не уверен, стоило ли оно того, – прошептал он.

Уинифред не стала ему отвечать. Она и сама не знала.

Схватив с пола кочергу, она помешала серую истлевшую бумагу. Впервые за долгое время это обыкновенное действие не вызвало в ней никаких чувств. Все вокруг вернулось на свои места, но стало чуточку другим. А может, перемена произошла в самой Уинифред.

Заслонка оказалась закрыта, и дым повалил в комнату. Вынув из вазы завядшие стебли болиголовов, Теодор плеснул мутную воду в камин, и они поспешили прочь из кабинета.

В коридоре было по-ночному свежо – кто-то, уходя, оставил распахнутой дверь черного хода. После спертого вонючего воздуха комнаты у Уинифред закружилась голова. Вдохнув полной грудью, она запрокинула подбородок и встретила с испуганным взглядом мисс Гэмпстон, выглядывающей с пролета лестницы.

– Мисс Бейл? Мистер Дарлинг? – Она стремительно поднялась на ноги и поспешила вниз по ступенькам. – С вами все в порядке? Вы... справились?

Оказавшись рядом с ними, мисс Гэмпстон бросила взгляд на закрытую дверь кабинета. Уинифред ощутила, как поник Теодор, и коротко ответила:

– Да. Нам больше ничто не угрожает.

Лицо женщины просияло и показалось Уинифред почти приятным.

– О, слава богу! – Она порывисто прижала руки к лицу. – Он мертв? Вы убили мистера Уоррена?

Дарлинг вымученно улыбнулся:

– Да, мисс Гэмпстон. Я... Прошу меня извинить. Я на минутку.

Он мягко высвободил руку Уинифред из своей и зашагал к выходу. Она с тревогой наблюдала, как юноша распахивает двери и прислоняется к косяку. Обхватив себя руками, она опустила глаза.

– Надо найти Розы и сказать ей, что все кончено, – произнесла вдруг мисс Гэмпстон, и по ее голосу Уинифред поняла, что женщина улыбается. – Ах, она будет так счастлива! У нее на юге живет маленькая дочка, Энн. Розы так давно мечтает ее повидать!

Уинифред ощутила, как у нее крутит внутренности. Не в силах возразить, она молча подняла взгляд. Улыбка схлынула с лица женщины.

– Что с ней? – изменившимся голосом спросила мисс Гэмпстон.

Но Уинифред по глазам видела, что она и сама все поняла.

– Мне очень жаль, – прошептала она и отвернулась, сделав вид, что не заметила, как женщина беззвучно заплакала, зажав рукой рот.

Они обе знали, что смерть Розы была не напрасной, но от того не менее бессмысленной.

Когда мисс Гэмпстон, тихо выругавшись, полезла за платком, Уинифред спросила:

– А Холбрук, должно быть...

– Сбежал. – Женщина высморкалась. – Еще до возвращения мистера Уоррена. И мистер Акли, насколько я знаю, тоже.

Уинифред посмотрела на Дарлинга, чтобы убедиться, что он не услышал слов мисс Гэмпстон. Ей не хотелось, чтобы он узнал о предательстве друга от чужого человека.

Стеллан Акли вышел сухим из воды, но брать ответственность за его судьбу, а тем более позволять делать это Теодору, Уинифред не собиралась. Как ни жаль ей было Эвелин, расхлебывать дела жениха предстояло ей.

И все же надлежало раздать долги перед отъездом.

– Извините... – Уинифред проглотила остатки своей гордости, – ну, за ту пощечину. Я поступила дурно.

Мисс Гэмпстон взглянула ей за спину, туда, где стоял Теодор.

– Это такие пустяки, – прошептала она. – Все забыто, дитя.

– Девочки...

– Я позабочусь о них. И о Розы.

Смягчившись, женщина погладила Уинифред по щеке, и от этой неожиданной ласки она чуть не расплакалась.

– Не беспокойся. Иди. Ты сделала достаточно для всех нас.

Конечно, ей больше не требовалось ничье позволение, но, получив его, она почувствовала облегчение. К тому же было приятно

хоть раз для разнообразия передать кому-то груз ответственности.

– Хорошо. Спасибо, Эмили.

– Спасибо, Уинифред.

Женщина устало ей улыбнулась, и она заметила в уголках ее глаз новые морщинки. Мисс Гэмпстон была не такой уж гадкой, какой показалась ей вначале.

– Винни! – позвал ее Теодор.

Уинифред обернулась. Юноша стоял на пороге. Он махнул ей, и ветер тут же растрепал ему волосы. Сжав на прощание ладонь мисс Гэмпстон, Уинифред подошла к Дарлингу и изможденно склонила голову ему на плечо. Он привлек ее к себе, пальцем указывая на горизонт.

– Смотри!

На востоке занималось зарево, предзнаменующее необыкновенно жаркий день. Раннее солнце, цепляясь за крыши и шпили, лезло вверх, и его всполохи играли в окнах верхних этажей, зажигали редкие облака, подсвечивали невидимые пылинки в воздухе.

«Рассвета» больше не существовало.

Эпилог

В вагоне поезда первого класса, следующего до Брайтона, было душно, и Уинифред пожалела, что в спешке не захватила веер. Лето в городе начало вступать в свои законные права. Солнце впервые за несколько дней позолотило верхушки домов и церквей, залило ослепительной белизной вокзал Лондонского моста. Если сейчас в поезде просто душно, то когда он тронется, станет нестерпимо жарко.

Она прошла в купе и села у окна, разложив на синем плюшевом сиденье кринолиновую юбку. Цвет обивки напомнил ей о наряде, который она отдала Розе, и сердце больно сдавило. Уинифред опустила ниже рукав дневного бежевого платья – единственного оставшегося из подарков Дарлинга, – пряча перебинтованную кисть. Вуалетка на шляпке скрывала порез на щеке и ссадину на ухе.

Теодор с Лаурой протиснулись следом. Девочка вздрогнула от звука паровозного гудка, словно дикий сурок, и вжалась в сиденье напротив Уинифред. Юноша сунул газету под мышку и закрыл за ними дверь.

Когда он опустился подле нее, Уинифред спросила:

– Читал?

Дарлинг покачал головой и протянул ей свернутую в трубку газету. Край его сорочки пополз вверх, обнажая черный синяк, окольцовывавший запястье, и он тоже поспешно поправил рукав, отворачиваясь. Под глазами юноши пролегли тени, скрыть которые не сумели ни два часа беспокойного сна перед отправлением, ни слой пудры, наложенный умелыми руками Лауры.

– Нет, я тебе ее взял. – Теодор вытянул ноги в проход и надвинул цилиндр на лоб. – Я немного вздремну, если вы не возражаете.

Сняв лайковые перчатки, Уинифред обменялась с Лаурой обеспокоенными взглядами и развернула «Морнинг пост». Она искала колонку об убийствах, но ее взгляд сам собой упал на маленькую, выделенную жирным заметку в углу листа:

«Саттон-Акли

Мистер и миссис Фредерик Дж. Саттон из Бизгейт-холла объявляют о помолвке своей дочери Эвелин с мистером Стелланом Акли. Свадьба состоится в августе сего года.

8 июня 1857 года».

Уинифред бросила взгляд на Теодора, который притворялся, будто его клонит в сон. Во рту появился горький привкус. Ей представилось, как Эвелин в сливочно-белых кружевах и тюле, оттеняющих ее огненную гриву, идет к алтарю под руку с отцом. В этом видении лицо девушки осунулось и побледнело, словно из нее выжали все краски. Стеллан, лоснящийся от самодовольства, протягивает руку своей невесте, и та, не скрывая презрения, принимает ее.

Сама мысль, что Эвелин выйдет замуж, казалась абсурдной. Уинифред нечем было помочь ей. Она лишь надеялась, что девушке хватит смелости пойти против семьи, наплевать на пересуды и расторгнуть помолвку.

Она зажмурилась, и видение исчезло. Пачкая кончики пальцев газетной краской, Уинифред перевернула лист, ища продолжение колонки.

Доктор Джордж Вистон мирно скончался во сне в возрасте шестидесяти восьми лет. Молодая вдова миссис Моуборо разрешилась мальчиком, но не перенесла родильной горячки; несчастный маленький Артур будет окрещен в честь покойного отца. Снова разгорающаяся в городе эпидемия холеры унесла за ночь жизни несколько сотен человек, в том числе десятилетней Луизы, дочери сэра Томаса Кларка. О мистере Роберте Уоррене не было ни слова. О мистере Уоррене Клэртоне никто и подавно не слышал.

Уинифред молча свернула газету и протянула ее Лауре, встревоженной мрачным выражением ее лица. Девочка нетерпеливо развернула листы, ища те же строчки, что и Уинифред.

Идея отвезти тело Уоррена в госпиталь принадлежала ей. Скончавшихся от холеры стало гораздо больше с началом лета — нагрелась вода в Темзе, и смрад и миазмы, застывшие было под холодными дождями и северным ветром, снова начали проникать в Лондон. Умиравших было так много, что тела вывозили из госпиталей не по одному, а целыми кучами, и никто не заметил, что прибавилось

еще одно. И никому не было дела до того, что у одного из безымянных трупов неровно вспорота шея.

Уинифред посмотрела в окно. Вокзал был полон белого дыма. С последним гудком их поезд с ярко-красными ливреями и подножками задрожал и мягко качнулся, отправляясь. Тонущая в солнце платформа показалась ей нереальной, несуществующей – она не могла находиться в столь светлом, спокойном, умиротворяющем месте.

Что-то коснулось ее руки, и она удивленно повернулась к Теодору. Едва касаясь кончиками пальцев ее обнаженной кисти, юноша с печальной нежностью разглядывал ее лицо. Уинифред догадалась: Дарлинг так же, как и она, не верит, что все закончилось.

Они успели полюбить друг друга, но теперь им предстояло кое-что посложнее – простить самих себя.

Уинифред и Теодор крепко сцепили руки.

Из книги «Язык цветов: алфавит цветочных символов» (1857)

Амариллис – Гордость
Астра китайская, одна – Я поразмыслю над этим
Болиголов – Смерть
Гвоздика – Очарование
Герань – Обманутые ожидания
Герань алая – Глупость
Гибискус белый – Женские амбиции
Гортензия – Ты холодна/ен
Кореопсис красильный – Любовь с первого взгляда
Лаванда – Недоверие
Нарцисс – Я жажду ответной привязанности
Незабудка – Искренняя любовь
Роза без шипов – Ранняя привязанность
Роза белая – Я тебя достоин
Роза белая, бутон – Сердце, не знающее любви
Роза желтая – Ревность
Пион – Стыд
Подсолнух карликовый – Обожание
Сливовое дерево – Исполни свое обещание
Сломанный стебель – Разрыв контракта
Трилистник – Мечь
Тубероза – Гордость богача
Тюльпан красный – Признание в любви
Фиалка – Ты занимаешь мои мысли
Фиалка белая – Невинность
Хризантема белая – Правда
Цинния – Друзья

*Безумная, мрачная шпионская история.
История о ненависти, любви
и справедливости.
История, где есть место надежде
и сбывающимся мечтам.*

*Екатерина
(@ekaterinaskvortsova_)*

*Роман заберет все ваше внимание
и окунет в загадочную атмосферу
Лондона XIX века! Знатные балы
аристократов столкнутся с миром
бедности, а связующим звеном станет
отважная юная шпионка, которая
пойдет на все ради мести! Захватывает
и не отпускает до самой последней
страницы!*

Екатерина (@ktrn.books)

Авантюрный роман, полный загадок и семейных тайн, или остросюжетный триллер в декорациях викторианской Англии? Динамичный и захватывающий симбиоз жанров с неожиданной развязкой, от которой захватывает дух.

Ирина (@irinalitvin)

Легкий захватывающий детектив про Лондон XIX века, который погрузит вас в будни выдающейся шпионки Уинифред. Вместе с ней вы пройдёте путь от жизни в притоне до балов в богатых районах города. Прочувствуете вкус любви и предательства и встанете перед самым сложным выбором в жизни: семья или любовь?

Марина (@from_neverwhere)

---

notes

Примечания

1

Маменька (*фр.*) – здесь и далее прим. авт.

Уильям Шекспир. «Сон в летнюю ночь» (*пер. Н. Сатина*).

3

Heather (*англ.*) – вереск.

4

Darling [Дарлинг] (*англ.*) – дорогая.

5

Да, с удовольствием (*фр.*).

6

Рада знакомству, мадам (*фр.*).

Уильям Шекспир. «Сон в летнюю ночь» (*пер. М. Лозинского*).

Уильям Шекспир. «Сон в летнюю ночь» (*пер. М. Лозинского*).

Прости, дружище (*фр.*).

Врач, практикующий френологию – псевдонауку, исследующую связь между психикой человека и строением его черепа.

Успокоительная опиумная настойка, популярная среди английских женщин Викторианской эпохи.

Геральдический словарь, список титулованной аристократии
Великобритании и Ирландии.

В висте – круг игры, когда одна из играющих сторон выигрывает две партии. Также robber (*англ.*) – грабитель.

Приличный, достойный (*фр.*).

Уильям Шекспир. «Сон в летнюю ночь» (*пер. М. Лозинского*).

Комплекс доков в порту Лондона, соседствующий с доком Святой Екатерины.

Женщина, которую не поняли или не оценили по достоинству
(фр.).

Мари, иди сюда! (*фр.*)